

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Тульский государственный университет»

ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 2

Тула
Издательство ТулГУ
2014

УДК 1/3+8/9

Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014.
317 с.

В данном выпуске представлены результаты исследований, в которых рассматриваются актуальные проблемы процесса преобразования общественной жизни современной России с точки зрения различных социально-гуманитарных наук: философии, психологии, социологии, политологии, филологии.

Сборник может быть полезен студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся данными проблемами.

Редакционный совет

М.В.ГРЯЗЕВ - председатель, **В.Д. КУХАРЬ** - зам. председателя, **А.А. МАЛИКОВ, В.В. ПРЕЙС** - главный редактор, **И.А. БАТАНИНА, О.И. БОРИСКИН, В.И. ИВАНОВ, Н.М. КАЧУРИН, Е.А. ФЕДОРОВА, А.К. ТАЛАЛАЕВ, В.А. АЛФЕРОВ, Р.А. КОВАЛЁВ, А.Н. ЧУКОВ.**

Редакционная коллегия

И.А. Батанина (отв. редактор), В.И. Иванова (зам. отв. редактора), С.А. Васин, З.И. Коннова, Л.А. Константинова, Л.П. Махно, А.Г. Троегубов, Е.Е Сапогова, Е.В. Скворцова, Ю.А. Твирова (отв. секретарь)

***Подписной индекс 27844
по Объединенному каталогу "Пресса России"***

«Известия ТулГУ» входят в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук

© Авторы научных статей, 2014
© Издательство ТулГУ, 2014

ФИЛОСОФИЯ

УДК 17.03

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА МОРАЛИ В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ ОБ ЭМОЦИЯХ

А.В. Абрамова

Раскрываются языковые особенности выражения «этического», а также анализируются те трудности, с которыми сталкиваются философы морали в рамках теоретизации учения об эмоциональной составляющей нравственного опыта.

Ключевые слова: мораль, язык морали, психология морали, «этическое молчание», эмоции, аналитическая философия.

Времена рационалистического оптимизма уходят в прошлое, уступая место взвешенному метафизическому скепсису относительно феноменов, по поводу которых в неопозитивистской парадигме культуры существовал как будто бы неоправданный энтузиазм. Среди феноменов, особенно вызывавших бурный подъем, выделяется человеческое сознание. Не рассматривая специально *дискурс сознания*, можно привести такое мнение, точно выражающее существо сложившейся ситуации: «...сознание является таким объектом, который принципиально сопротивляется любым попыткам его объяснить и понять» [9, с. 96]. Нравственное сознание, естественно, является объектом, подпадающим под метафизическое сомнение относительно возможностей его понимания. Более того, именно нравственность как таковая и есть одно из наиболее загадочных проявлений человеческого духа. Это не говорит о том, что мы должны лишь восхищаться и поражаться этим феноменом, но трезво понимать границы возможных исследований, если таковые возможно установить. Об этом указывал в своих работах профессор С.Е. Юрков [12, 16]. Подобное положение вещей вызывает к вопросу об адекватной методологии исследования нравственного сознания и соответственно языка, с помощью которого можно его описать.

Интерес к проблеме языка морали возник в контексте лингвистического поворота в философии, который создал специфическую ситуацию интереса именно к языку. Б.В. Марков пишет: «Весь XX век проходил под знаком очень внимательного отношения к языку и осторожного его ис-

пользования». Язык раскрывается в качестве невероятного, почти что неизвестного объекта для мысли: «Язык имеет самый широкий спектр значений и оценок. В нем видят божественное начало и тайну. Язык как символическая система таит в себе загадку человеческого сознания и культуры. Сегодня популярен тезис: все есть язык [11; 7, с. 9]. Немецкий философ К.О. Апель говорит: «Никогда, пожалуй, яснее, чем в 20-м веке, не осознавали, что слово «язык» указывает на основную проблему науки и философии ... язык стал общей проблемой почти всех школ и дисциплин (возможно, единственной общей проблемой)» [1, с. 237]. А. Матар показывает, что в конце XIX века традиционная модель языка была вытеснена другой, «модернистской моделью», которая была создана преимущественно писателями, художниками и поэтами. Модернистская модель языка стала привлекательной и широко обсуждаемой в первую очередь из-за того, что анти-догматизм (anti-dogmatism) стал первым принципом, положенным в новую концепцию языка [17, с. 166]. Это открыло неведомые ранее перспективы для исследования.

Тем самым, мы видим единодушие в понимании вопроса у современных отечественных и западных философов относительно того внимания к языку, которое ему было уделено философией. Однако такой пристальный интерес к языку, как ни странно, не совсем обычная ситуация для философии, поскольку, как говорит В. В. Бибахин: «... философы, благодаря которым мы знаем, что такое философия, никогда не ставили отдельно вопрос о языке» [3, с. 9]. Мысль и язык представляли собой единую стихию, которая была направлена на бытие. И если в этой сфере можно было о чем-то говорить, то лишь о противопоставлении мышления и бытия (или об их единстве), но не о противопоставлении языка чему бы то ни было.

Аналитика философского дискурса, произведенного М. Хайдеггером, заставляет смотреть на философию как на нечто принципиально отличное от других форм культуры, прежде всего от науки и религии [15, с. 329, 341]. Это способствовало обращению к языку не только как к лингвистическому объекту, интересному для языкознания, но и как к феномену бытия. Не только язык как таковой, но и *язык философии* становится предметом пристального анализа со стороны различных философских направлений.

Поскольку язык выделился в качестве отдельного предмета для анализа, то *язык морали* стал одним из наиболее притягательных и волнующих тем для философии. Специфика морали создает и задает значительные трудности для ее выражения и осмысления в категориях языка. Проблема не только в том, чтобы найти адекватную языковую форму для выражения морального суждения, но и в том, чтобы понять, какой из языков описания (метаязык) является наиболее приемлемым для толкования моральных суждений. Эта проблема возникла в связи с тем, что у человека возникают не только рациональные суждения относительно оценки поведения других

людей и собственного в том числе, но и эмоциональные реакции на происходящие события. Рационалистские теории не придают должного значения эмоциям, считая их иррациональным проявлением человеческой природы. Однако это противоречит психологической реальности – мы никогда не сможем избавиться от эмоций. Кроме того, многие поступки совершаются под их воздействием и не являются при этом аморальными (например, эмоционально альтруистические); вот почему нельзя игнорировать значение эмоций в нравственной жизни – необходимо всестороннее исследование их природы. При этом возникает вопрос: возможна ли спецификация языка морали с учетом той аксиомы, что он является обязательно эмоционально нагруженным языком?

Итак, эмоции в языке морали имеют семантическую функцию: они передают состояния (страх, радость, жалость и др.), трактуемые психологически, но являющиеся моральными состояниями, так как эмоции – суть реакции на существующие обстоятельства. Трудность в том, что эти состояния могут или вовсе не иметь вербальной формы или обладают такой формой, которая вступает в противоречие с нормативным строем языка. Парадокс здесь в том, что мораль как *нормативная* система не может обойтись без *анормативного* выражения. Правильное употребление языка не гарантирует правильности морального действия; более того, моральная норма не несет в себе такого призыва к действию, как эмоциональный порыв. В этом смысле дидактика как наиболее распространенная форма выражения моральной императивности оказывается малоэффективной в силу того, что правильно сформулированное моральное требование не может обеспечить осуществление нравственного поступка. Наиболее ярко эту проблему выразил Р.Г. Апресян: «А ведь в наших головах нет даже какой-то определенности об источнике моральной императивности... Моральная императивность не всегда проявляется и действует в нормативной форме, т.е. будучи оформленной в виде объективных или надперсональных, универсальных или адресованных ко всем норм. Она проявляется в виде самой по себе реакции на другого человека... Эта реакция и определяет содержание морального действия» [2, с. 1,2]. Это проблематизирует вопрос об истинности морального суждения и адекватности его вербальной (невербальной) выраженности.

Одна из специфических особенностей языка морали заключается в его особой *сослагательной* модальности. А. А. Гусейнов пишет об этом следующее: «Этики видят в моральном языке главным образом высказывания со связками «есть» и «должно», которые роднят мораль в одном случае с наукой, в другом случае с правом, а не уделяют достаточного внимания на связку «бы» («как если бы»), которая задает модальность сослагательного наклонения и является для понимания специфики морали более важной, чем две другие» [8, с. 22].

Язык морали как специфический язык, реализующийся и на уровне профессиональных текстов, и на уровне художественной литературы, и – практики повседневной речи, естественно стал предметом логического анализа языка. Этим занимается *деонтическая логика*, которая, по словам И. А. Герасимовой, есть «область неклассической логики, в которой изучаются нормативные высказывания и связанные с ними понятия – *обязательно, запрещено, решено и безразлично*» [7, с. 7]. Как показывает исследователь, проблемы нормативного рассуждения изучались многими философами, начиная с Аристотеля. В качестве проблем, вызывающих наибольшее затруднение, указывается на несоответствие истинности или ложности норм как описаний повелений. Также отмечается проблемность вопроса о связи деонтических (аксиологических) и асерторических высказываний («должен – есть»).

Действительно, ориентация морали на *должное*, на некую абстрактную нормативность, создает дискурс, оказывающийся в оппозиции существу. *Язык морали* как язык, *апеллирующий к должному*, в определенной мере является деструктивным для тех сфер жизни, которые всецело ориентированы на существо. Наиболее очевидно это проявляется в такой практической сфере как бизнес. Этический дискурс несет с собой проблематизацию там, где на первое место выходят прибыль и успех. О деструктивном языке этики говорят американские исследователи: «...менеджеры предпочитают воздерживаться от разговоров о нравственности, поскольку эти разговоры бесполезны, ибо не способствуют достижению того, чего добиваются менеджеры. А в некоторых случаях подобные разговоры оказываются просто враждебными деловому прагматизму» [14, с. 74].

Интенция должного, являющаяся сущностью морали, выражается в специфических языковых конструкциях – моральных максимах. Моральная максима как оценочное суждение и как форма знания рассмотрена в специальном исследовании В. Ю. Васечко. Автор делает такое интересное наблюдение о сущности моральной максимы, раскрывающее особенности языка морали: «Моральные максимы растворены в человеческой деятельности, пронизывают ее насквозь, не являясь, однако, предметно-чувственно локализованными» [4, с. 56].

Императивно-оценочная функция моральной максимы, не будучи строго фиксированной наподобие права («кодифицированного закона»), говорит о вездесущности морали, чей принудительный характер формируется посредством особой деонтической логики, которая вступает в противоречие с классической формальной логикой. Есть основание полагать, что эмоциональный компонент в структуре моральной максимы имеет гораздо большее значение, нежели рациональный. Поэтому моральные максимы чаще представлены в контексте художественной литературы, в которой стилистическая экспрессивность служит семантическим средством.

Специфика языка морали исследуется с позиций *логического анализа языка*, который производится в очень близком контакте с лингвистикой. Этимологический анализ понятий «должное», «сущее» и «истинное» показывает, что в древних культурных традициях (в том числе и в греческой) отмечается *единство моральных и онтологических понятий* [7, с. 9]. Этот синкретизм указывает на то, что моральное понятие, и соответственно моральное суждение, есть суждение особого рода. Деонтический компонент морального суждения может иметь существенный эмоциональный компонент, что затрудняет его логический анализ и нахождения адекватной рациональной формы выраженности.

Логический анализ языка затрагивает такие различные аспекты языка этики, как: актантная структура грехов и добродетелей (В.Г. Гак); концепты «виноватый» и «виновный» (О.Ю. Богуславская; значение ответственности в синтаксическом представлении (Е.Л. Григорян); семантика вины (Е.В. Падучева); голос разума и голос совести (Е.В. Урысон); концепт долга (А.Д. Кошелев); концепт чистоты (Е.С. Яковлева); семантика щепетильности (А. Зализняк); этика речевого поведения в русской культуре (И. И. Макеева) и др. В ходе этих исследований складывается панорамное видение особенностей синтагматического и прагматического уровней бытований морального языка в языке повседневном и языке художественной культуры. Язык морали обладает рядом специфических характеристик, которые делают затрудненным его исследование с помощью традиционных методов лингвистического анализа. При этом все, что получено в ходе лингвистического анализа является бесценным для дальнейшего философского постижения морали, при условии включения эмоциональной составляющей в структуру морали.

Итак, в целом, для прояснения вопроса о том, возможно ли выразить и описать эмоциональные состояния привычным нам языком либо необходим поиск иных альтернатив, обратимся к исследованиям основных проблем аналитической философии.

Особое место в вопросе языка морали имеет позиция известного классика, впервые всесторонне исследовавшего данный пласт проблем, Л. Витгенштейна. Введенная им категория «этическое молчание» породила своего рода «философский скандал», поскольку этот концепт произвел радикальную «переоценку ценностей» в сфере этической мысли, поставив под сомнение множество теоретических работ философов морали.

Философская интерпретация взглядов Витгенштейна, как правило, сводится к тому, чтобы трактовать их в духе аналитической традиции, согласно которой смысл философии заключается в логическом анализе языка (аналитической критике языка). Уже в предисловии к одной из самых его известных работ - «Логико-философский трактат» содержатся совершенно определенные *аналитические* заявления автора: «В книге обсуждаются философские проблемы и показано, как я надеюсь, что постановка этих

проблем зиждется на непонимании логики нашего языка. Смысл книги в целом можно сформулировать приблизительно так: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать» [5, с. 3]. Следуя данной логике, философы-рационалисты выводят за границы этических исследований эмоции, сводя на нет все возможные попытки объяснения их природы. Это связано, прежде всего, с традиционными представлениями о том, что эмоции стихийны и не имеют отношения к мыслительному процессу, т.е. они не-когнитивны.

Когда же речь идет о границах выражения мысли, то используется следующий контекст: границы мышления совпадают с границами языка; а, согласно Л. Витгенштейну, границы языка еще и совпадают с границами мира. *Мышление – язык – мир* – таков контур витгенштейновской парадигмы философии, в действительности имеющей не столько логическое, сколько философско-мировоззренческое содержание. Несмотря на то, что он заявляет о том, что невозможно «мыслить невысказанное», и соответственно следует об этом молчать, сам факт его текста, имеющего вербальную форму, опровергает это.

Через какую аргументацию Витгенштейн приходит к главной идее трактата о трансцендентальности этики в целом и о том, что этика не поддается высказыванию? «Смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности.

Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого. Ибо все происходящее и Такое – случайно. То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным. Оно должно находиться вне мира. Поэтому не может быть никаких предложений этики» [5, с. 70].

Этика связана с высшей ценностью – со *смысловой неслучайностью мира*. Говоря языком академической философии, «смысл и неслучайность совпадают в высшей точке бытия», в связи с чем мораль как будто бы должна быть «спасена» от вульгаризации, свойственной традиционной этической мысли, претендующей на знание высшего (высшего блага, абсолютного добра, абсолютной истины и т.д.). Но это не повод для отрицания этой области *неслучайного смысла* средствами аналитической философии, которая в этой неслучайности может легко обнаружить пресловутую «туманность». Это не отказ от этики, а призыв к более глубокой философской работе, к работе феноменологической редукции, в данном случае выносящей за скобки не просто психологические данные и культурный опыт, а все существующие этические теории.

Подобные рассуждения заводят в тупик философов, пишущих на темы морали, так как исходя из представлений исследователей философии

языка, встает вопрос не только о невозможности этики, но и о ненужности «онаученной» этики, построенной эпистемологически.

Однако заслуга Л. Витгенштейна, по нашему мнению, состоит в том, что он не ограничивается логическим анализом (критикой) «туманных» положений этики, (что всегда делает обычный представитель аналитической философии), а показывает высочайшую степень проблемности этики как учения о морали, которое не может быть решено в рамках привычных рационалистских философских традиций, располагающих заведомо ограниченным количеством средств (логических и семантических). Это создает абсолютно новый дискурс, в рамках которого становится очевидной непригодность аналитической методологии для решения (и вообще постановки) многих этических вопросов, особенно связанных со сферой эмоционального, которое отождествляется со стихийностью, иррациональностью, «неустановленностью» природы.

В силу этого этика и пытается «избавиться» от исследований эмоциональной составляющей человеческой природы, ибо они стремятся за границу языка, уводя за собой всю этику в целом и ставя под сомнение уже существующие исследования.

«В этике постоянно пытаются высказать что-то такое, что сущности вещей не соответствует и никогда не будет соответствовать. Априори признается: какое бы определение...мы ни дали, всегда будет иметь место неправильное понимание, ибо то, что действительно имеют в виду, выразить нельзя. Но само стремление за границу языка указывает на нечто» [5, с. 49].

Кажется, что это смертный приговор этике; в действительности же, это отрицание возможности достижения истины посредством этического дискурса (на что она всегда претендует). Причем под это отрицание попадает и аналитическая философия, поскольку она полагается на язык как на высшее обиталище истины, к которой можно прийти посредством «очищения» (критики языка) средствами логического анализа. Но это такая же иллюзия, как и обратная – достичь сущности вещей посредством языка.

Все это ставит под сомнение оправданность современных аналитических процедур для постижения полноты этической реальности, которая оказывается невысказанной без эмоционального компонента. Например, такая характеристика аналитической философии делает ее не совсем пригодной, в частности, для анализа эмоциональной сферы: «С их точки зрения, философы не обладают особой способностью (будь то интеллектуальная интуиция или мистическое чувство), которая открывала бы им доступ к бытию; единственный инструмент, которым они могут пользоваться при решении каких бы то ни было философских проблем, включая метафизические, это анализ языка. Только анализируя наши суждения или высказывания о мире, которые мы признаем за истинные, мы можем составить представление о том, какого рода объекты и сущность обладают реальным

существованием. За этим подходом к решению метафизических проблем стоит вера в то, что наиболее общие особенности реальности каким-то образом запечатлены в общей структуре языка и могут быть выявлены в ходе ее анализа» [10, с. 5].

В этой традиции имеет место *редукция к языку*, и не просто к языку, а к его формально-логическому и логико-семантическому, то есть к лингвистическому каркасу. Не случайно Дж. Сёрл говорит, что рождение современной философии следует считать с работ Г. Фреге, положившего различие между смыслом и референцией [13, с. 7]. Но здесь за бортом оказываются собственно *нелингвистическое бытие языка* как феномена *самого бытия*, в котором человек себя обнаруживает в качестве философски вопрошающего существа. Здесь вопросы языка не то, что не важны, здесь важен акцент, и вообще значимость, которую придает аналитическая философия лингвистическому и логическому аспекту языка.

Конечно, все, в том числе самые радикальные, мысли выражены с помощью языка, и мы всегда вправе ставить вопросы о логической корректности тех или иных предложений. Однако при вступлении в область собственно этико-философскую, что подчеркивается нежеланием исследовать не поддающееся традиционным исследованиям – эмоциональной сферы – обнаруживается особое отношение философии к языку. Может показаться парадоксальным, но философия некоторым образом игнорирует язык, не замечает его лингвистическую плотность, концентрируясь собственно на мысли. А как и каким образом берется мысль, в сущности не важно. Если излишне сосредотачиваться на эмпирических (лингвистических) параметрах языка, то исчезает собственно философская проблематика. «...Без честных размышлений о нашем бытии и его целях не разобраться в добре и зле, то есть – не построить этики». Иными словами, *честное размышление*, а не «логически правильное», как требует лингвистическая философия, является основанием для построения подлинной этики [6, с. 30].

Список литературы

1. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 338 с.
2. Апресян Р.Г. Коммуникативная предопределенность морального должествования // Теоретический семинар сектора этики ИФ РАН: [сайт]. [2014]. URL http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/Apr_2010.pdf (дата обращения: 30.04.2014).
3. Бибахин В.В. Язык философии. СПб.:Наука, 2007. 389 с.
4. Васечко В.Ю. Моральная максима как феномен познания и культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2000. 227с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч I. С. 1-75.

6. Войтыла К. Основания этики // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 29-61.
7. Герасимова И.А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д.Арутюнова и др. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7-17.
8. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение в морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3-33.
9. Иванов Д.В. Сознание как объект метафизических исследований // Вопросы философии. 2009. №2. С. 86-92.
10. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Высшая школа экономики, 2011. 309 с.
11. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
12. Репин Е.А., Юрков С.Е. Концепция внутреннего опыта в метафизической мысли русских персоналистов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 40-48.
13. Философия языка = The philosophy of language / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; пер. с англ. И.М. Кобозевой и др.. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2010. 206 с.
- 14.Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии. 1996. №3. С. 70-79.
15. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 327-345.
16. Юрков С.Е. Проблемы современной этики и Л.Н.Толстой // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 92-101.
17. Matar A. Modernism and the language of philosophy. London ; New York, 2006. XVIII. 196 p.

Абрамова Анастасия Владимировна, канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой, anastya7@yandex.ru, Россия, Тульский филиал Российской международной академии туризма.

*PROBLEM OF LANGUAGE OF MORAL IN CONNECTION WITH
DOCTRINE ON EMOTIONS*

A.V. Abramova

This article describes the linguistic features of manifestation of the "ethical" and explores the difficulties faced by philosophers of moral within theorizing the doctrine of the emotional component of moral experience.

Keywords: moral, moral language, psychology of moral, "ethical silence", emotions, analytic philosophy.

Abramova Anastasiya Vladimirovna, PhD (Philosophy), Associate Professor, anastya7@yandex.ru, Russia, Tula, Tula Branch of the Russian International Academy of Tourism.

УДК 1(09)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ К. ЛОРЕНЦА

Л.В. Андрюшина

Рассматривается сравнительная теория культуры, развитая в антропологии К. Лоренца. Анализируются механизмы развития культуры, характерные для нее процессы ритуализации, поддержания гомеостаза. Разъясняется используемый Лоренцом сравнительный метод и его практические следствия.

Ключевые слова: культура, природа, сравнительная антропология, этология, гомеостаз, традиция

Конрад Лоренц в своей антропологии охватывает все пространства человеческой жизни: его эмоции и мотивацию, мир его непосредственного окружения, мир общества. Ко всем этим сферам он использует сравнительный подход, позволяющий сопоставить мир человека и мир животного [3]. Он сравнивает их, и посредством этого сравнения выявляет те закономерности, которые не были видны с помощью других исследовательских стратегий. Для него метод «от животных инстинктов к формам человеческого поведения в обществе» является центральным, таким же, каким является метод «от патологического к нормальному» в междисциплинарных направлениях и теориях, возникших на границе философии и психиатрии [1].

Такой же сравнительный подход Лоренц применяет и к культуре. Он пытается «...без предубеждения сравнить филогенез различных видов животных и растений с историей различных культур...» [9, с. 500]. Прodelывая такое сравнение, он стремится посмотреть на историю культуры феноменологически, отбрасывая образованные самим же человеком понятия и принципы. Лоренц подчёркивает, что понимание культуры как чего-то принципиально отличного от природы является следствием человеческого заблуждения: стремления человека толковать культуру в понятиях самой же культуры. Он же указывает на необходимость понимания культуры на основании тех же принципов, что и понимание природы, т.е. пытается посмотреть на культуру глазами исследователя.

При этом взгляде культура оказывается феноменом, рядоположным природе, а не надстраиваемым над ней. Он подчёркивает: «Разделение мира явлений на пары противоположностей есть врождённый принцип

упорядочивания, априорный, принудительный стереотип мышления, изначально свойственный человеку» [9, с. 502]. Таким образом, он пытается избежать символического понятийного мышления, посредством которого человек возвышает культуру над природой [4].

Для Лоренца сравнение природы и культуры – это обычное сравнение, которое должно стоять в основе исследования групп людей. На его взгляд, культура возникает в процессе эволюции, как одно из достижений человека как вида, и поэтому она должна рассматриваться точно так же, как все основные его достижения. По отношению к ней должны использоваться те же методы, которые используются для исследования природы. «...Сравнительный метод, – подчёркивает он, – в принципе применим ко всем областям культурного развития» [9, с. 501]. Параллель развития культур с развитием видов животных является центральной в сравнительной перспективе Лоренца. Он подчёркивает: «...Возникновение тех сложных живых систем, которые мы будем вместе с историками называть *высокими культурами*, каждый раз происходит, по всей вероятности, вследствие фульгураций, аналогичных тем шагам эволюции, в результате чего возникают виды животных» [9, с. 501]. Он подмечает, что эта параллель игнорируется учёными-гуманитариями, что препятствует целостному познанию человека и культурного развития. На его взгляд, это игнорирование происходит по причине неспособности исследователей принять и примириться с тем, что ход истории и процесс развития человеческих культур аналогичен филогенезу животных и определяется не только необходимостью, но и случайностью. «Он, – отмечает В.А. Игнатъев, – показывает, что естественные законы определяют не только красоту звездного неба, но и нравственный закон внутри нас...» [7, с. 307]. Естественные законы определяют для Лоренца и культуру.

Развитие культур, по убеждению Лоренца, происходит в том же пространстве, где формируются виды животных. Эти процессы рядоположны, они связаны друг с другом, между ними есть причинные отношения. В основе развития культуры – перестройка человеческого мозга: появление развитого мозга и, как следствие, появление его продукта – человеческой культуры. «На самом же деле, – указывает он, – человек сделался культурным существом, каким он является теперь, в ходе типичного эволюционного становления» [9, с. 503].

Таким образом, культура, по Лоренцу, появилась в результате эволюции и является эволюционным достижением, таким же, как другие приобретаемые в ходе эволюции признаки животных и человека. Эволюционный подход к культуре позволяет Лоренцу выделить наиболее ранние и наиболее поздние формы культуры. Здесь он также задействует метод, который используется в этологии. Наиболее древние формы культуры, как правило, характерные для всех социальных групп, являются общими для них. По мнению Лоренца, они представляются наиболее устойчивыми по

отношению к отбору, поскольку характер их приспособления наиболее крепкий. «Если мы обнаруживаем, – отмечает он, – что определённые формы движения или нормы социального поведения являются *общечеловеческими*, т.е. наблюдаются в совершенно одинаковой форме у всех людей всех культур, отсюда с вероятностью, граничащей с достоверностью, вытекает, что они запрограммированы филогенетически и закреплены в геноме» [9, с. 505].

Вопреки мнению некоторых биологов, Лоренц указывает на тот факт, что предпосылки культуры могут иметь не социальный, а генетический характер: они выработаны эволюцией и закреплены в генетическом материале людей. Именно так, на его взгляд, формируется база культуры. На основании древних культур и культурных стереотипов, общих для всех людей, формируются более молодые культуры. Такие культурные нормы могут отличаться в разных социальных группах и выражают приспособление этих социальных групп к условиям обитания. Например, культура кочевых народов может отличаться от культуры оседлых. Это обусловлено их образом жизни, характером их приспособления к окружающим условиям действительности.

Таким образом, Лоренц идёт от наименее изменчивых форм культуры к наиболее изменчивым формам. Он называет этот путь исследования традиционным для всех естественных наук и ссылается на принципы исследования в анатомии, когда изучение строения человеческого тела начинается с описания скелета – наименее вариативной части человеческого организма.

Сравнивая процесс развития культуры с развитием видов, Лоренц выделяет два направления возможного развития культур: конвергентное и дивергентное. На его взгляд, так формируются культурный облик человечества, на основании этих двух процессов появляются разные культуры, и на основании различных культур формируются единые культуры. Эти процессы характерны как для прошлого, так и для современной эпохи. Лоренц обращается к эволюционной ситуации образования видов, вспоминает, что для животного мира характерно формирование различных видов при возникновении непреодолимой преграды, проходящей через пространство их обитания. В этом случае, в случае возникновения такой преграды, виды начинают развиваться самостоятельно, то же самое может происходить и в культуре.

При конвергентном развитии две культуры, которые развиваются независимо друг от друга, могут смешиваться в однородное единство. Одна культура может влиять на другую, например, культура оседлого народа может изменяться под влиянием кочевого народа, зашедшего на его территорию, и при его смешении может формироваться новая культура. Лоренц подчеркивает, что такое явление конвергенции в пространстве культуры

встречается даже чаще, чем в пространстве животного мира: «...культуры легче “гибридизируются”, чем виды» [9, с. 517].

Дивергентное развитие культур также не редко в человеческом обществе: в процессе него образуются новые субкультуры, между которыми могут существовать различные переходы, но эти культуры не смешиваются с противоположными. Таким образом, можно построить «таксономию» культур и их типологию. Используя терминологию Эрика Эриксона, Лоренц называет такие процессы псевдо-видообразованием, и отмечает, что в случае дивергенции культуры начинают взаимодействовать друг с другом как различные, но близкородственные виды животных. В результате дивергенции между культурами возникают достаточно жёсткие границы и барьеры, которые необходимы для поддержания целостности культуры и для её дальнейшего независимого развития.

В современном мире мы видим как конвергенцию, так и дивергенцию культур, причём, по Лоренцу, оба эти процесса могут иметь негативные свойства. Негативным свойством дивергенции является возникающая в этом случае конкуренция между людьми разных культур, и, несмотря на то, что разнообразие культур имеет важнейшее значение в развитии человечества, оно приводит к тому, что люди этих различных культур не только соревнуются для активизации своего собственного развития, но и воюют друг с другом. Война – это следствие культурной дивергенции. Конвергенция так же может иметь негативные эффекты. Продолжая идеи Лоренца, можно сказать, что конвергенцию культур мы наблюдаем в современном мире. То, что в настоящий момент времени называется глобализацией, является типичным примером культурной конвергенции.

По мнению Лоренца, конвергенция приводит к селекционному давлению, которое сходно с тем внутривидовым давлением, которое наблюдается в скученных группах животных. Границы между культурами в этом случае размываются, и культуры начинают пронизывать друг друга, этнические группы сливаются в одну, и образуется единая культура. Несмотря на конструктивные процессы, идущие в таком конвергентном пространстве, как считает Лоренц, такая ситуация не всегда благоприятствует развитию человечества. В нём ослабляет межкультурный отбор, который для человека аналогичен межвидовому отбору у животных, а это, в свою очередь, не способствует продуктивному развитию человечества.

В процессе развития культуры можно выделить две группы механизмов, которые находятся в гармоническом антагонизме и которые поддерживают развитие культуры, а также её постоянство: это следование традиции и перестраивание.

Культура всегда сохраняет свою опорную функцию, и эта традиция культуры может поддерживаться только посредством жёсткости её структуры, т.е. посредством отказа от изменчивости и свободы. Точно так же происходит и в животном мире, когда животное может двигаться или из-

менять положение тела только в тех местах своих конечностей, где расположены суставы, по-другому движение невозможно. Каждая приспособленная структура в культуре основана на каком-либо знании и на каких-то моральных нормах и принципах. Сохранение этой структуры поддерживает традиционную линию развития культуры, поэтому механизмы сохранения постоянства культуры чрезвычайно устойчивы. Процессы сохранения постоянства и сохранение традиционной линии развития культуры заметны в процессе обучения.

Обучение у человека организовано на основании механизмов подражания, а подражание построено на следовании образцу. Лоренц подчёркивает: «Мы, люди, будучи по своей природе культурными существами (как бы часто это ни повторять, повторений не будет слишком много), не можем не наделять все традиции, воспринятые в детстве и юности от родителей и старших родственников, той эмоциональной ценностью, которую имеют для нас носители этих традиций» [9, с. 524]. По этим причинам, обучение культуре связано с возвышением образа того человека, на следовании которому это обучение строится.

Следствием такого механизма является формирование морального авторитета. Младший в культуре должен испытывать уважение к старшему, только таким образом он может воспринять от него традицию. Если он этого уважения не испытывает, старший не может выступать образцом для подражания, и в этом случае устойчивые формы культуры, объединяющиеся традицией, младшим представителям группы не передаются. Уважение может дополняться страхом, который также имеет моральные предпосылки и способствует передачи культурных норм и требований. От того человека, который воспринимается как образец, младший представитель культуры, воспринимает нормы поведения или нравственные нормы. Лоренц пишет: «В первую очередь от уважаемого человека перенимаются нормы социального поведения, т.е. *нравственные* нормы в собственном смысле слова» [9, с. 527].

Все традиции культуры, которые человек усваивает в процессе подражания, оцениваются так, как оценивается человек, посредством которого они усваиваются. Лоренц подчёркивает, что эта эмоциональная окраска образа того, кому подражают, заложена у человека филогенетически. Почтение к предкам является результатом не морального развития человека, а культурной необходимостью. У всех человеческих народов и социальных групп, даже на самых ранних стадиях их развития, развит культ предков. Он, по мнению Лоренца, способствует передаче культурных ценностей и поддержанию традиций. Лоренц отмечает: «Человек по своей природе культурное создание, и без “опорного скелета”, создаваемого его принадлежностью к той или иной культуре и участием в её благах, он попусту не может существовать. Детское подражание даёт начало жизни, следующей достойному подражанию образцу; человек ощущает своё тождество с об-

разцом, чувствует себя носителем и одновременно владельцем его культуры» [9, с. 529-530].

Отождествление человека с культурой, действие по образцу и принятие культурных норм и правил, как считает Лоренц, являются основой душевного здоровья человека. Человек должен быть частью культуры или социальной группы, это даёт ему связность с представителями своего вида, придает уверенность и способствует гармоничному развитию. Но человек в этом случае не просто должен следовать образцу, он должен получать от этого образца признание. Признание человека группой – важная часть становления его человеком. «Ни один человек, – подчёркивает Лоренц, – не может сохранять душевное здоровье, не отождествляя себя с другими людьми; но точно так же – как слишком хорошо знают специалисты по промыванию мозгов – это невозможно, если он не получает некоторого, хотя бы минимального признания от других» [9, с. 530].

В основе поддержания постоянства культурной традиции лежит образование ритуалов. Для Лоренца, как указывает А.А. Клопыжникова, «Ритуалы представляют собой не только социальное, но и глубокое биологическое явление...» [8]. Процесс ритуализации – это процесс, помогающий поддерживать культуру в жизнеспособном состоянии. Лоренц указывает, что ритуализация культуры имеет аналогии в живом мире. Если посмотреть на процесс культурной ритуализации с позиции функциональной модели, то можно заметить функциональные аналогии. Как пишет А.У. Игамбердиев о теории Лоренца, «...некоторые действия в процессе филогенеза утрачивают свою первоначальную функцию и превращаются в символические церемонии (ритуализация). Инстинктивное поведение при этом является наследственно закреплённой копией тех действий, которые первоначально вызывались другими стимулами» [6, с. 75].

Те ритуалы, которые закрепились в культурно-историческом развитии, имеют четыре общих признака:

1. Все эти ритуалы предназначены для коммуникации. Ритуалы животного мира предполагают передатчика и преёмника воздействия, культурные ритуалы осуществляются языковыми средствами и направлены на взаимопонимание. Остальные функции ритуалов можно вывести из этой первой коммуникативной функции.

2. Ритуалы предназначены для определённых целей и «направляются на определённые пути» [9, с. 533]. Лоренц сравнивает эту направленность с направленностью реки, которая течёт в определённом русле. В животном мире ритуалы направляют агрессивное поведение, в мире культуры способствуют направленности социального поведения [См.: 2, с. 16]. В культурном мире человека приняты определённые правила, они задают действия человека и его поведение. Их нарушение оборачивается стыдом – закономерной реакцией человека на то, что он приступает к принятым образцам.

3. Ритуализация способствует развитию новых форм мотивации, которые встраиваются в развитие вида и в развитие культуры. Это способствует созданию независимых мотивов социального поведения. Человек ощущает себя носителем ценностей и испытывает потребность эти ценности выражать. Он творит мир культуры, таким образом, продолжая её традиционное развитие.

4. Ритуалы препятствуют смешению видов в животном мире и смешению культур и субкультур в обществе. Разные ритуалы – очень жёсткий барьер между социальными группами. Они препятствуют взаимодействию культур, сохраняя их обособленность друг от друга.

Посредством механизмов подражания и следования образцу, а также посредством ритуалов поддерживается постоянство культуры, но в культуре одновременно возникают и другие элементы, которые способствуют её изменению [См.: 5]. Она должна подстраиваться под воздействие внешних условий. Иногда она даже может демонтироваться и практически полностью обновляться. Подобно живому организму, культура должна реагировать на условия внешней среды, иначе она не сможет выжить.

Усвоение традиции путём подражания является основой культуры, поскольку препятствует чрезмерной изменчивости. Она не даёт культуре демонтироваться полностью, полностью перестроиться под влияние внешних условий. Именно приспособление и подражание способствуют сохранению баланса: на основании сформированного базиса культуры формируются изменчивые элементы. Культура, как и живой организм, одновременно сохраняет старое и включает в себя новые образования.

Культура не может жить только по традиции, формирование жёстких обычаев для неё так же губительно, как и полное демонтажное. Между перестраиванием и сохранением традиции должен быть устойчивый баланс. Лоренц говорит о том, что способность к усвоению традиций и одновременно к постоянному обновлению заложена у человека филогенетически. Он вспоминает, что человек является единственным видом, который сохраняет способность к самоисследованию, к игре даже после достижения половой зрелости. Такое редко происходит в животном мире, поэтому человек всегда любознателен и всегда приносит в свою жизнь и в свою культуру что-то новое.

Это способствует тому, что в человеческом обществе традиционно выделяется два слоя, которые выражают разные возрастные группы: с одной стороны, это старшее поколение, которое обычно консервативно и следует традиции, оно сохраняет культурные нормы. С другой стороны, это молодёжь, которая приносит новое, обновляет культуру – приносит новое и обновляется сама.

Лоренц отмечает важную особенность: человек, в отличие от других живых существ, долго остаётся ребёнком и долго живёт с родителями. Это долгое детство, на его взгляд, служит более крепкому усвоению принятых

в человеческой культуре норм. Пока человек отделяется от своей семьи и начинает самостоятельную жизнь, в его мировоззрении уже имеются сформированные образцы поведения, он может их только обновлять, но не демонтировать. Долгое детство, по мнению Лоренца, – это приспособительная функция, которая возникла в результате развития человека как вида.

По мнению Лоренца, развитие культуры – совсем не простой процесс. Не всегда можно предсказать, как оно будет идти. Он подчеркивает: «В философии истории до самого последнего времени господствовало убеждение, что историческое развитие человечества, чередование рассвета и упадка различных культур направляется неким предустановленным планом, некой идеей» [9, с. 558]. Лоренц выступает против такой позиции и говорит о том, что, наравне с предсказуемостью, развитие культуры отмечается и бесплановостью. В развитии культуры, как и в видообразовании не всё направляется сознательно и разумно. В животном мире, наравне с предсказуемыми механизмами, действует непредсказуемая изменчивость. То же самое происходит и в культуре: от культуры нельзя ожидать планирования, как нельзя ожидать его от природы.

В этом процессе развития, часто наблюдается так называемые колебания, т.е. развитие культуры не всегда идёт прямо, и отмечено отклонениями с последующим её возвращением в привычное русло. Лоренц пишет: «Стрелка компаса, выведенная из положения равновесия, долго колеблется, прежде чем успокоится в “правильном” положении...» [9, с. 563]. Такие явления могут наблюдаться и в культуре. Вслед за Альфредом Кюном он называет такое явление «псевдотаксис». Он говорит о том что, псевдотаксис представляет собой нормированные отклонения, которые через некоторое время всегда приводят к чёткому, необходимому культуре изменению её развитию или частичному её обновлению. Таким образом, псевдотаксис представляет собой запланированное колебание. После сильных отклонений культура, словно выяснив, до каких пределов она может демонтироваться, вновь возвращается к традиции, только традиция эта частично обновлена.

Лоренц акцентирует практические следствия своего метода и развивает экологическую философию [11]. На его взгляд, сравнительные исследования позволяют разделить запрограммированные и обусловленные культурой нормы поведения и лучше увидеть их нарушения. В частности, мы можем увидеть, что излишняя конвергенция культур, как и излишняя дивергенция неблагоприятны для социально- культурного развития человечества, несмотря на их кажущуюся продуктивность. «Невозможно, – пишет А.И. Федоров о Лоренце, – переоценить значение открытых им новых путей в исследовании природы человека и человеческой культуры... В наше время, когда дальнейшее существование человеческой культуры ока-

залось под угрозой в результате процессов, к которым привело ее собственное развитие, такие пути особенно актуальны» [10, с. 610–611].

По глубокому убеждению Лоренца, в развитии культуры следует избегать крайностей. Культура всегда подчинена механизму равновесия: она находится в равновесии либо в состоянии дисбаланса. Для культуры, как и для жизни вида, характерно правильное равновесие или изменчивость, поэтому историки культуры должны учитывать механизмы филогенетического развития человека.

Список литературы

1. Билибенко А.В. Эпистемология болезни Мишеля Фуко: безумие как истина человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4. С. 30-38.
2. Борисов С.Н., Артюх А.В. Генеалогия насилия: жертвоприношение как архетип терроризма // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. Ч. 1. С. 12-20.
3. Гороховская Е.А. Гусиный отец // Природа. 2004. № 3. С. 59-67.
4. Гороховская Е.А. Субъективный мир животных и объективная этология Конрада Лоренца // Зоологический журнал. 2005. Т. 84. № 1. С. 124-133.
5. Загибалова М.А. Антропологический аспект границы в современной культуре // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 3. С. 50-57.
6. Игамбердиев А.У. Логика организации живых систем. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995.
7. Игнатъев В.А. История и философии биологии: познание организации и эволюции форм жизни. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2009.
8. Клопыжникова А.А. Ритуал как кодификация обряда // Аналитика культурологии. 2008. № 2 (11).
9. Лоренц К. Так называемое зло / под ред. А.В. Гладкого. М.: Культурная революция, 2008.
10. Федоров И.А. Послесловие / Лоренц К. Так называемое зло; под ред. А.В. Гладкого. М.: Культурная революция, 2008. С. 602–611.
11. Черепанова Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1993.

Андрюшина Любовь Владимировна, аспирант, lyu43805099@gmail.com, Россия, Курск, Курский государственный университет.

COMPARATIVE PERSPECTIVE
IN PHILOSOPHICAL AND CULTURAL RESEARCHES OF KONRAD LORENZ

L.V. Andrushina

The author considers the comparative theory of culture developed in anthropology of K. Lorenz and analyzes the mechanisms of culture development and the processes of ritualization and homeostasis typical of culture. The article reveals the essence of the comparative method used by Lorenz and its practical value.

Keywords: culture, nature, comparative anthropology, ethology, homeostasis, tradition.

Andrushina Lyubov Vladimirovna, post-graduate student, lyu43805099@gmail.com, Russia, Kursk, Kursk State University.

УДК 17.025

АНТРОПОЛОГИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО

М.Л. Гельфонд

Посвящается определению места и роли антропологических представлений в системе нравственно-религиозной философии Л.Н. Толстого. Предметом исследования являются идейные истоки и основные особенности учения Л.Н. Толстого о сущности человека и смысле его жизни. Также анализируется соотношение ключевых категорий толстовской антропологии.

Ключевые слова: человек, общество, Бог, философия, антропология, этика, мораль, религия, культура, рациональность.

Размышления о человеке – одна из наиболее парадоксальных и наименее изученных составляющих творческого наследия Толстого. Отчасти это объясняется тем, что формирование антропологических представлений Толстого не носило систематического характера и не нашло концептуально целостного, аналитически последовательного и текстуально обобщенного выражения в рамках какого-либо отдельного религиозно-философского сочинения писателя. Однако, не будучи предметом специального теоретического исследования или целенаправленного интерпретирования в контексте той или иной религиозно-философской традиции, тема личности неизменно находилась в фокусе напряженной нравственно-религиозной рефлексии мыслителя и служила своего рода зеркалом его идейно-духовной эволюции.

Все определения человека, которые можно найти на страницах философских трактатов, дневников и писем Толстого, выявляют тенденцию к утверждению им в качестве доминирующего атрибута человеческой природы непрерывности ее становления. Хрестоматийной стала сформулированная Толстым в работе «Христианское учение» афористическая дефиниция человека, который не есть «ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся

из зверя, – духовное существо, рождающееся из животного» [8, с. 55]. В этой ключевой послылке зашифрован код, открывающий доступ к пониманию подлинной специфики антропологии Толстого. Человек для него – существо с онтологически незавершенной природой, пребывающее в постоянном движении, но обнаруживающее себя в каждый конкретный его момент как нечто непреходящее, т.е. внепространственное и вневременное постоянство и целостность, не подверженные той тотальной изменчивости, которая царит в эмпирическом мире. В противном случае, убежден Толстой, человек был бы лишен возможности не только сознавать свою субъектность и устанавливать факт своего существования, но и познавать что-либо вне пределов собственного «я». Каждый человек способен к этому лишь потому, что он в состоянии обнаружить себя в качестве отдельного от всего остального мира, неповторимого «я», которое «знаем мы ... лучше всего того, что знаем», ибо вне его «мы ничего бы не знали, не было бы для нас ничего на свете, и нас самих бы не было» [6, с. 44-45].

Между тем самой насущной и одновременно наиболее сложной для человеческого сознания задачей является самоидентификация. В течение жизни каждый человек неизбежно претерпевает значительные психофизические трансформации, что, однако, не мешает ему на любом отрезке своего существования идентифицировать себя в качестве носителя одного и того же «непеременного “я”» [6, с. 44]. Именно этот фундаментальный дуализм внешнего и внутреннего «я» как неизбежное «противоречие требований нашего духа с требованиями тела» и служит, согласно Толстому, источником человеческого сознания. В его основании всегда лежит первичный факт несовершенства, установление которого становится точкой отсчета сознательного, т.е. собственно человеческого существования. Сознание – это «взгляд на себя» или «созерцание созерцателя» [7, с. 211, 267], следовательно, подчеркивает Толстой, оно всегда выступает атрибутом двойственного, онтологически незавершенного в своей природе существа, одновременно заключающего в себе свойства субъекта и объекта. Ввиду этого обладание сознанием оказывается для человека весьма сомнительной привилегией, ибо он, как и «все живое имеет сознание», в то время как «у совершенного существа не может быть сознания» [7, с. 371, 343], т.к. оно по определению исключает наличие вышестоящей инстанции наблюдателя. В результате рождающееся на грани низшей животной стихийности и высшей духовной целесообразности бытия сознание человека само неизбежно оказывается предельно дуалистичным, расколотым на два уровня – низшее (телесное) и высшее (духовное) сознание. Первое есть «сознание своей отделенности от Всего», задающее понятия телесности, материи, движения, т.е. пространственно-временную матрицу бытия; второе – «сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности», которое «ничем не ограничено и всегда равно само себе» [7, с. 84]. Их иерархия

обусловлена тем, что низшее сознание всецело прозрачно для высшего, а потому полностью подчинено ему, в то время как содержание высшего сознания, которое обнаруживает себя как неизбежная эманация человеческого духа за пределы его телесного «я», не может быть выявлено и адекватно определено в пространстве ограниченного эмпирического опыта конкретного индивида.

Отсюда следует, что «у человека два сознания: своего ограниченно-го, заключенного в пределы «я» и своего неограниченного «я» ... Все мы живем в середине между двумя, все более и более освобождаясь от ограниченного и приближаясь к неограниченному, духовному» [7, с. 185], констатирует Толстой. Подобная «срединность» человеческого сознания является свидетельством уходящего в бесконечность расширения духовного «я», ошибочно представляющегося ограниченному эгоцентризмом сознанию телесной личности трансцендированием в область абсолютного, в то время как для истинного «я» человека оно носит центростремительный характер. В этом свете естественное «движение жизни» совершенно поразному раскрывается для человека, сознающего себя духовным существом, и для индивида, довольствующегося статусом телесной личности. Если первый по мере осознания неподвижности, неизменности того духовного начала, с которым он отождествляет подлинность своего «коренного я», обнаруживает это движение в освобождении себя из плена иллюзии природного детерминизма, то второй, напротив, лишен свободы, поскольку наряду со всем множеством окружающих его эмпирически постигаемых вещей всецело подчинен законам изменчивости, неумолимо влекущим его к смерти как к полному уничтожению.

Таким образом, если отдельное «я» – это «ограниченное сознание мира в пространстве и времени», т.е. тот эмпирический человек, который предстает как «отдельное изменяющееся существо» [7, с. 144, 38], то его сущность представляет собой нечто неизменное, составляющее необходимый интегрирующий центр, который призван обеспечивать его самотождественность в качестве духовно-телесного существа. Между тем, уверен Толстой, человек не может обнаружить его, идя от себя, т.к. центр окружности не может лежать за ее пределами, значит, только движение к себе, самоуглубление или самопознание может привести сознание к искомой точке отсчета истинного «я». Последовательность этапов на этом пути мыслитель определяет с предельной четкостью: «Прежде всего пробуждается в человеке сознание своей отделенности от всего остального, т.е. своего тела, потом сознание того, что отделено, т.е. своей души, – духовной основы жизни, и потом сознание того, отчего отделена эта духовная основа жизни, т.е. сознание Бога» [7, с. 64]. На первый взгляд может показаться, что тем самым Толстой невольно подменяет свою исходную двухуровневую структуру самосознания трехуровневой. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что «сознание Бога» как предельное рас-

ширение пространства человеческого сознания есть установление полного единения духовного «я» (души) со Всем и онтологического единства Все-го, которое равносильно преодолению сознания, т.е. его окончательному растворению в безличности бесконечного универсума. То есть сущностным свойством человеческого сознания Толстой считает его устремленность к расширению за пределы личности, в высшей точке которого оно неизбежно оказывается чистым созерцанием вне созерцателя, свободным от всего личного или индивидуального.

Тем самым мыслитель последовательно и категорично отвергает индивидуализм по причине его исходной онтологической несостоятельности, в силу чего в качестве антитезы личности как дискретному «я» Толстой выдвигает не ограниченную условность социальной солидарности и коллективизма, какие бы формы они не принимали, а предельно всеобщую онтологическую категорию «Всего», за которой стоит интерпретируемая в пантеистическом ключе идея Бога как квинтэссенция абсолютной универсальности бытия. «Этим словом [индивидуализм], – рассуждает Толстой, – на интеллигентном жаргоне называется жизнь личности. И им кажется, что они открыли что-то новое, когда пришли к тому, что «индивидуализм» нехорошо, а хорошо социализм, коммуна, народ... Им и в голову не приходит то, что в противополжении личности, отделенного «я» от Все-го и сознании этого Все-го (Бога) вместе с «я», что в этом вся суть и тайна жизни, тысячи лет тому назад сознанная людьми, но только с той разницей, что они противуполагают личность какому-нибудь собранию людей, а в действительности она противуполагается Всему, т.е. Богу и всему человечеству, всему живущему, всему» [7, с. 401].

Следовательно, наиболее абсурдным как в экзистенциальном, так и в онтологическом плане способом самоидентификации является для человека отождествление себя, своей сущности с той первично обнаруживаемой им эмпирической реальностью своей «отделенности», которая обычно и именуется у Толстого личностью. В этом контексте понятие «личность» в его традиционном для философского и психологического дискурсов смысле не только не является категориальным ядром антропологических построений Толстого, но, напротив, имеет преимущественно негативный оттенок, оказываясь в неизменно жесткой текстуально-терминологической корреляции с понятием животности в рамках семантически устойчивой конструкции «животная личность». Последняя, как правило, выступает в значении «индивид», т.е. непосредственно указывает на факт пространственно-временной, эмпирически фиксируемой отдельности человека от мира и других существ, которые его окружают. Иначе говоря, «животная личность» есть не что иное, как самообман, рожденный внешним ощущением физической обособленности человека по отношению к другим предметам внешнего мира и поддерживаемый осознанием его безысходной замкнутости в пространственно-временных пределах, совпадающих с грани-

цами существования эмпирически обнаруживаемой индивидуальной телесности. Таким образом, утверждать, что личность и есть искомое определение человеческой сущности, значит, согласно Толстому, впасть в самое опасное и непростительное из всех свойственных человеческому сознанию заблуждений – «суеверие личности». «Человек – все и ничто, а он думает, что он – что-то. В этом вся ошибка – грех. От этого суеверие личности» [7, с. 338], являющее собой иллюзию ее онтологической реальности и антропологической самодостаточности. «Нет более распространенного суеверия, как то, что человек с его телом есть нечто реальное. Человек есть только центр сознания, воспринимающего впечатления» [7, с. 457], – категорично заключает Толстой. Тем самым, личностное начало он склонен рассматривать как источник и средоточие подавляющего большинства наиболее трагичных для человека ошибок, лишаящих его возможности адекватно идентифицировать свою подлинную сущность с тем вневременным и внепространственным абсолютным сознанием Всего, которое и составляет единственно прочный фундамент истинной жизни [ср.: 9, с. 44-45].

«Сознание личности для человека – не жизнь, но тот предел, с которого начинается его жизнь» [5, с. 463], представляющая собой ни что иное, как «перенесение своего я из отделенного в нераздельное, всемирное...» [7, с. 84]. Это означает, что личность как эмпирическое «я» ослабляет и обедняет человека, неоправданно сужая его жизненный кругозор до рамок личного блага. Между тем, подчеркивает Толстой, сама по себе «животная личность» не обладает способностью формулировать и «заявлять» какие-либо требования, в том числе и претензии на собственное отдельное благо. Данную функцию может выполнять только разум или разумное сознание. Последнее, однако, по природе своей неизбежно находится в оппозиции к личности, заключая в себе онтологически противоположное ей универсально-надличностное начало, присутствующее в каждом человеке. Толстой объясняет это положение тем, что «в разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них», в силу чего, требования разума всегда универсальны, обоснованны и общеобязательны, ибо «разум и есть та единственная основа, которая соединяет всех нас, живущих, в одно» [5, с. 445-446, 449].

Таким образом, разумное сознание выступает единым и единственным центром интеграции человека как «отделенного от всего, изменяющегося (расширяющегося) духовного существа» [7, с. 54] с тем, от чего он отделен границами своей эмпирической животной личности. Более того, «разумное сознание включает в себя личность. Личность же не включает в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека, как животного. Разумное сознание есть свойство одного человека» [5, с. 462].

Следовательно, именно разумное сознание, постепенно подчиняя себе животную личность, определяет подлинную сущность человека и границы его свободы. Тем самым человек в качестве «разумного центра, стремящегося к благу, т.е. вневременного и внепространственного существа» [5, с. 455] не только предельно дистанцируется Толстым от эмпирической личности со свойственным ей пониманием блага, но рассматривается им как единственная онтологически достоверная форма человеческого бытия. «Я», принявшее форму эмпирической личности, не есть человек в собственном смысле. Само по себе оно всего лишь иллюзия, «ничто», тень, отбрасываемая чем-то действительно существующим, «отражение» или «отношение», всецело детерминированное своим предметом. Исходя из этого человек, замкнутый в своем ограниченном эмпирическом «я», онтологически невозможен. «Я есмь почти ничто, но я есмь по отношению Всего» [7, с. 419], – в этой лаконичной формуле содержится ключ к пониманию всех антропологических построений Толстого. Настоящее «я» и есть «Все», но только при условии отрицания личности и признания в себе «божественного начала, вечности, бесконечности» [7, с. 108].

В результате исходное экзистенциально обусловленное стремление Толстого придать максимальную онтологическую прочность ускользающему пространственно-временному существованию конкретного человека оборачивается категорическим отказом от личности как таковой. «Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание» [5, с. 449], считает Толстой. Иначе говоря, для самого себя человек начинается с пробуждения в нем разумного сознания, которое, категорически отрицая свою производность от эмпирического самосознания «животной личности», последовательно эмансипирует себя от нее, проводя жесткую демаркацию личного (ложного) и универсального (истинного) в человеке.

Данное разграничение обнаруживает себя в дихотомии стихийности экзистенциального индивидуализма и последовательности безличного рационалистического универсализма. Так, если непосредственно экзистенциальное утверждение жизни у Толстого всегда глубоко персонализировано, ибо, по его твердому убеждению, «жизнь чувствует человек только в себе, в своей личности» [5, с. 430], то ее онто-этическое оправдание требует обязательной унификации разумного сознания человека, т.е. приведения его в максимально полное соответствие с универсальной природой неизменно тождественного себе разума. Последний выступает у Толстого в роли общемировой безличной силы, призванной нивелировать любые проявления как гносеологического, так и этического индивидуализма. В подобном контексте толстовский «имперсонализм» [3, с. 202; 1, с. 465], традиционно трактуемый его критиками как предельное «уравнение всех и всего» [2,

с. 135], оказывается главным и неизменным условием адекватного познания и духовно-нравственного преобразования жизни, поскольку позволяет обеспечить единство критериев ее моральной оценки. Эта акцентируемая Толстым всеобщность и сверхиндивидуальность разумного сознания делает его, как справедливо замечает В.В.Зеньковский, очень близким по своему содержанию и роли к понятию «трансцендентального субъекта» в немецкой классической философии [3, с. 203]. Хотя у Толстого оно, несомненно, значительно более этицировано, т.е. главным образом сориентировано на утверждение морального, а не гносеологического универсализма человеческой природы. Последняя оппозиция находит интересную интерпретацию в статье С.Е. Юркова и Д.А. Репина «Концепция внутреннего опыта в метафизической мысли русских персоналистов» [9, с. 44].

Напряженный драматизм противостоянию личности и разумного сознания придает также то немаловажное обстоятельство, что, постепенно вырастая в пределах личности, разумное сознание подрывает сами ее основы, беспощадно дискредитируя все свойственные ей представления о благе. Это делает его реализацию невозможной, а дальнейшее продолжение личного существования – лишенным смысла. Однако, на самом деле, спровоцированное разумом мучительное состояние раздвоения сознания, в основании которого лежит этически окрашенная дилемма личного (ложного) и общего (истинного) блага, является важнейшим признаком происходящего в человеке процесса его духовного рождения. Подобный процесс сопровождается неизбежным признанием абсурдности открывающейся разумному сознанию альтернативы ввиду того, что она ставит человека перед необходимостью совершить экзистенциально невозможный для него выбор между отрицанием жизни ради самосохранения разума или самоотрицанием разума во имя продолжения жизни. Причиной отчаянной безысходности возникающего положения, полагает Толстой, становится «смещение личности, индивидуальности ... с разумным сознанием» [5, с. 462], приводящее к ошибочной аналогии, в рамках которой вывод о невозможности жизни и блага для отдельной личности переносится разумом на жизнь в целом, что и приводит человека к абсурдности отрицания жизни. Устранение этого заблуждения позволяет разумному сознанию обнаружить, что эквивалентом истинного «я» в человеке служит «желание блага само в себе» или «желание блага всему существующему», которое предстает как источник жизни для всего существующего и осознается как божественное начало, проявляющее себя посредством Любви, ибо, как и гласит евангельская мудрость, «Бог есть любовь» [8, с. 56-57].

Таким образом, делает вывод Толстой, «единственное спасение от отчаяния жизни – вынесение из себя своего “я”» или «признание других я – собою», освобождающее человеческое существо от «суеверия личности» [7, с. 44, 455]. В этом свете прямое отречение от собственного «я» (самоотречение) становится необходимым условием истинной жизни, гарантом

достижимости подлинного блага и единственно возможным способом придания жизни формы бесконечно расширяющегося духовного сознания. Подобное «расширение сознания, или, точнее, уяснение духовного сознания, перенесение своего «я» в духовное сознание совершается, выражается любовью» [7, с. 82-83], однозначно утверждает Толстой.

Однако требование отречения от личности сопряжено у него с некоторым противоречием, состоящим в обнаруживающейся контекстуальной неоднородности оценок личности. В одних случаях Толстой видит в ней необходимое средство, леса или исходный материал для построения подлинной сущности человека как разумного существа. «Животная личность, в которой застаёт себя человек, и которую он призван подчинять своему разумному сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает цели своего блага: животная личность для человека есть то орудие, которым он работает», следовательно, «требуется не отречение от личности, а подчинение ее разумному сознанию» [5, с. 465, 473]. Вместе с тем Толстой нередко ставит саму возможность истинной жизни в прямую и предельно жесткую зависимость от способности человека к самоотречению, т.е. к максимально полному устранению личности из своего жизнепонимания. «Человек, отрекающийся от своей личности, – рассуждает Толстой, – могуществен, потому что личность скрывала в нем Бога. Как скоро он откинул личность, действует в нем уже не он, а Бог», а, значит, «чем больше отрекается человек от своего животного я, тем свободнее его жизнь, тем нужнее она другим людям и тем она радостнее для него самого» [6, с. 372, 381]. Иными словами, истинная жизнь человека начинается там, где заканчивается его личность. «Личность кончается, начинай жить всем...» [7, с. 378], – призывает Толстой. При этом самоотречение как изживание в себе «животной личности» ни при каких условиях не может быть истолковано как необходимость или допустимость ее физического уничтожения. Более того, лишь в максимально полном и последовательном преодолении личности, отречении от нее, Толстой усматривает единственно возможный способ придать человеческой жизни абсолютный, не уничтожаемый смертью смысл, избежав при этом неприемлемого для себя выхода в сферу трансцендентного. Только таким путем человек в состоянии обрести вожделенное бессмертие. «Если есть бессмертие, то оно только в безличности» [7, с. 114], – приходит к однозначному заключению Толстой.

Очевидно, что трактуемое подобным образом бессмертие не имеет ничего общего с бесконечно продолжающимся после телесной смерти существованием души как отдельной духовной сущности и тем более с надеждой на воскресение человека во всей полноте и цельности его бытия. Подлинное бессмертие, утверждает Толстой, имманентно жизни в ее истинном понимании и представляет собой не что иное, как «жизнь в безвременном моменте настоящего» [7, с. 380], где нет места проявлениям

личности, а есть только сама основа истинной жизни – универсально-безличное, непрерывное и бесконечное в своей расширяющейся проекции сознание Бога (Любви). Только оно способно избавить человека от мучительного страха смерти, который переживаемся им как экзистенциальная неспособность смириться с неминуемой перспективой утраты личного сознания. «Страх смерти всегда происходит в людях оттого, что они страшатся потерять при плотской смерти свое особенное я...» [5, с. 493]. Но разум «показывает несомненно, что жизнь эта началась не с рождением, а была и есть всегда» и «ставит человека на тот единственный путь жизни, который, как конусообразный расширяющийся туннель, среди со всех сторон замыкающих его стен, открывает ему вдали несомненную неконечность жизни и ее блага» [6, с. 321].

Смерть – это внешне принудительное «освобождение от односторонности личности», неотвратно наступающее тех, кто вопреки всему пытается сохранить, «удержать» свою личность, лишая себя тем самым возможности бесконечного продолжения жизни [6, с. 455; 7, с. 56]. Вместе с тем, некое подобие личного бессмертия для тех, то признал своей сущностью универсальное духовное начало, Толстым все же не исключается, ибо если человеческое «я» всегда есть особое отношение к миру, то и после физической смерти своего носителя оно «действует так же или сильнее, чем до смерти, и действует как все истинно живое», в результате чего «всякий человек, исполнявший закон жизни, подчинивший свою животную личность разуму и проявивший силу любви, жил и живет после исчезновения своего плотского существования в других людях...» [5, с. 496, 502-503]. Подобную возможность обретения бессмертия Толстой напрямую обуславливает тем, что истинное «я» есть единое во всех (во всем живом) духовное существо, олицетворяющее собой божественное начало или безраздельную полноту Всего. Это начало всецело духовно, надындивидуально, бесконечно и неподвижно, т.е. всегда равно само себе. Оно пребывает в вечно длящемся настоящем и неизменно «одно и то же ... не только во всех людях, но и во всем живом» [6, с. 61-62]. Следовательно, «жизнь есть сознание заключенного в пределы и изменяющего эти пределы духовного (следовательно, не пространственного и не временного) существа», ибо «время и пространство – это раскрошение бесконечного для пользования им существами конечными» [7, с. 66-67; 6, с. 321].

Таким образом, преодолевая в себе личное начало посредством бесконечного расширения своего высшего духовного сознания, человек постепенно высвобождает в нем ту предельную универсальность Всего, которая в итоге и заполняет все его существо без остатка. В ходе подобных рассуждений Толстой решительно переходит от традиционной констатации ограниченного присутствия в человеке высшего божественного начала в виде души к утверждению о том, что «душа не есть что-то ... божественное, а есть сам Бог» как «само в себе без ограничения то духовное начало,

которое я сознаю своим «я» и которое признаю во всем живом» [7, с. 492, 486]. При этом Бог для Толстого не есть личность, пусть и абсолютная. «Бога, как личность, мы не можем знать» [7, с. 50], уверен он, ввиду чего, дабы обнаружить в себе Бога, т.е., по сути, установить, что «Он и я одно и то же» [7, с. 494], человеку необходимо упразднить свою отдельную личность, неповторимой индивидуальностью которой он так привык дорожить. В результате Толстой делает окончательный в своем логическом и антропологическом максимализме вывод из предложенного ренессансным пантеизмом определения человека, согласно которому «человек есть Бог, но не абсолютным образом» (Николай Кузанский), т.е. «малый Бог» или «подобие Божества» (Я. Беме). Толстой снимает с этого тождества всякие ограничения, прямо утверждая, что человек – это не «второй» Бог или уменьшенная копия Божества для индивидуального пользования, а соразмерное масштабности Всего воплощение универсальной духовной безграничности и всеединства.

Подобная интенция толстовской мысли позволяет обнаружить в антропологических рассуждениях мыслителя следы весьма широкого спектра разнообразных религиозных и историко-философских влияний, в ряду которых, помимо мотивов христианизированного платонизма, средневекового христианского мистицизма, буддийского универсализма и ренессансного пантеизма, особое место занимают этико-философские идеи А. Шопенгауэра и И. Канта. Эта хрестоматийная для философского толстоведения диспозиция мнений об истоках мировосприятия писателя подобно индикатору помогает выявить центральную коллизию толстовского имперсонализма: преодоление эмпирического эгоизма личности не предполагает отрицания автономии разума. Человек в своей подлинной ответственности конституируется Толстым как сверхиндивидуальное духовное существо, универсальный статус которого обусловлен его рациональной природой. Именно разум («разумное сознание»), причем преимущественно в его «практической» (т.е. ценностно-нормативной) ипостаси, призван вывести человека за пределы его телесного «я» и поставить на путь преодоления эгоизма как отречения от личности и обретения бесконечного бытия в Боге. Гносеологический аспект этой диспозиции рассмотрен в статье С.Е. Юркова и Д.А. Репина «Концепция внутреннего опыта в метафизической мысли русских персоналистов» [9].

Главный вывод Толстого очевиден: только ценой утраты самой человеческой субъектности и идентичности человеческого «я» может быть достигнута та высшая онтологическая подлинность бытия, которая является эквивалентом бессмертия и символизируется у Толстого концептом «истинной жизни». Фундаментальное внутреннее противоречие последнего состоит в том, что, наделяя индивида ментальным бесстрашием перед лицом смерти, достижение «истинной жизни» лишает его возможности воспользоваться плодами своего приобретения: человеку никогда не

удастся оказаться в одной реальности с вечностью, сохранив при этом возможность оценивать все преимущества своего положения, ибо вечность неизбежно растворит человеческое существо в безразличной бесконечности и равнодушном величии Всего...

В этом остром и трагичном столкновении «греха гипертрофированного индивидуализма» с «грехом утопления личности» или стремлением к ее «категорическому отвержению» [4, с. 358; 3, с. 202] заключен парадоксальный пафос имперсоналистической антропологии Толстого, вызванной к жизни жаждой укоренения человеческой личности в вечности и вынужденной ради достижения поставленной цели отказать самой личности в праве на существование.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «ЛИГА», 1994. С. 461-482.
2. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 123-140.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л.: ЭГО, 1991. С. 195-208.
4. Ильин В.Н. Возвращение Льва Толстого в Церковь // Ильин В.Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: РХГИ, 2000. С. 352-360.
5. Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения / сост., авт. вступ. ст. Н.П. Семькин. М.: Просвещение, 1992. С. 421-526.
6. Толстой Л.Н. Путь жизни / Сост., коммент. А.Н. Николюкина. М.: Высш. шк., 1993. 527 с.
7. Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901–1910 / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Известия, 2003. 543 с.
8. Толстой Л.Н. Христианское учение // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения / сост., авт. вступ. ст. Н.П. Семькин. М.: Просвещение, 1992. С. 49-111.
9. Репин Д.А., Юрков С.Е. Концепция внутреннего опыта в метафизической мысли русских персоналистов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 40-48.

Гельфонд Мария Львовна, д-р филос. наук, доц., зав. кафедрой, mlgelfond@gmail.com, Россия, Тула, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

ANTHROPOLOGY OF LEO TOLSTOY

M.L. Gelfond

The article reveals the place and the role of anthropological concepts in the system of the moral-and-religious philosophy of Leo Tolstoy. The basic ideas and the main characteristics of Leo Tolstoy's doctrines concerning the human beings mental behavior and meaning of life are the subjects of the research. The author also analyzes the correlation of the key categories of Tolstoy's anthropology.

Keywords: human being, community, God, philosophy, anthropology, ethics, moral, science, religion, culture, rationality.

Gelfond Maria Lvovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Department, mlgelfond@gmail.com, Russia, Tula, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics.

УДК 130.2

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ А.А. БОГДАНОВА

Т.В. Данилкина

Проанализированы методологические основания и важнейшие положения философии культуры А.А. Богданова, ее влияние на культурную динамику России.

Ключевые слова: культура, философия, культурогенез, организация, опыт, труд, коллектив, идеология, пролетарская культура.

А.А. Богданов с золотой медалью окончил Тульскую классическую гимназию. По автобиографическим данным, именно казарменно-тюремная жизнь в ее пансионе научила его бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты. Будучи марксистом, писал об ограниченности диалектического материализма. Считая себя идеологом пролетариата, он не допускал мысль о диктатуре пролетариата. Один из создателей и лидеров большевистской партии, с самого начала проведения большевиками политики «военного коммунизма» отрекся от большевизма, усвоившего за годы реакции и войны логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал. Не без горечи Богданов в одном из частных писем определял свою философскую и политическую позицию следующим образом: одиночество зрячего среди слепых.

Большевизм Богданова ограничивался политической теорией и практикой. В восприятии социальной жизни он, как справедливо указывал В.В. Зеньковский, до конца дней оставался свободным мыслителем.

Октябрьскую революцию Богданов считал скорее противоположной социалистической, чем приближающей ее. Демагогически - военная диктатура принципиально неустойчива. Новой рабочей партии потребуется своя идеология. Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть вопросом, о котором рассуждают, словом, в котором нет ясного содержания. Надо выяснить ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику. В этом мыслитель видел свою задачу.

Исходные теоретико-методологические основания философии культуры А.А. Богданова – рационализм, диалектический и исторический материализм, махизм, прагматизм, системный подход, функционализм. Для Богданова марксизм в первую очередь марксистская философия, был не изолированной самодостаточной доктриной, а открытой научной системой, которая может взаимодействовать с немарксистскими теоретическими построениями. Богданов стремился превратить общеполитическую методологию в орудие прямого действия.

Общественный процесс, как утверждал Богданов, имеет три стороны: техническую, экономическую, идеологическую. В технической - общество борется с природой и подчиняет ее, т. е. организует внешний мир в интересах своей жизни и развития. В экономической - оно само организуется для борьбы с природой. В идеологической - социум организует свой опыт, свои переживания, создавая из этого организационные орудия для всей своей жизни и развития. Следовательно, всякая задача в технике, в экономике, в сфере духовной культуры есть задача организационная и притом социальная. Изложенная здесь Богдановым своеобразная «трехчленная формула» общественного процесса совпадает с подходом основоположника современной культурологии американского философа Лесли А. Уайта, выделявшего три подсистемы культуры: технологическую, социальную и идеологическую.

А.А. Богданов предлагает по существу классическое определение культуры: в своем точном и полном значении слово «культура» охватывает всю сумму приобретений, материальных и нематериальных, которые сделаны человечеством в процессе труда и которые возвышают, облагораживают его жизнь, давая ему власть над стихийной природой и над самим собою.

Центральным смыслообразующим понятием философии культуры Богданова является «организация опыта». Развитие культуры в его понимании связано с развитием труда. Тип труда определяется его содержанием и формой организации. Богданов выделяет три типа в развитии труда и соответственно культуры: авторитарный, индивидуалистический и коллективистский.

Сущность культуры — ее организующая функция, оформление и закрепление определенной социальной организации. В культуру входит развитие орудий, применяемых людьми в их совместной борьбе за суще-

ствование, способы их сотрудничества, физическое совершенство тела, язык людей, объединяющий их деятельность путем взаимного понимания, процесс и результаты познания, искусство, связывающее многообразные переживания людей единством настроения, обычаи, нравственность, правовые, политические учреждения.

Но, когда Богданов говорит о культурных задачах, это понятие суживается. В нем подразумевают только одну сторону целого, одну часть его элементов, именно так называемую «духовную культуру»: мировоззрение, художественное творчество, этические, политические отношения, то, что всего точнее обозначается как «идеология», общественное сознание людей. Дело в том, что понятие культуры суживается здесь не случайно. Когда дело идет об ее задачах, идеология выступает на первый план, как бы заслоняя «материальную» сторону жизни. Социальность в понимании Богданова неразделима с сознательностью. Задачи материальной культуры сводятся всегда к одному - к развитию производительных сил общества, его власти над внешней природой; они и ставятся, и разрешаются практически, конкретно, на поле непосредственной трудовой деятельности людей, в сфере производства.

Идеологические проблемы всегда тяготеют к системе, к единству; их частные решения неизбежно подчиняются общим тенденциям или принципам. Принципы мировоззрения, мироощущения, социального поведения концентрируют в себе сущность целых обширных формаций духовной культуры, выражают собою целые линии социально-идеологического развития. Если речь идет о смене таких принципов, о перестройке систем социальной идеологии, то перед нами выступают культурные задачи эпохи в самом широком их значении, в общечеловеческом их измерении.

Философ подчеркивает: нет двух отдельных культур, материальной и духовной. Как только мы захотим понять жизненный смысл и происхождение объединяющих идеологических принципов, исследование приведет нас к материальным условиям, техническим и экономическим. Технический уровень общества, его экономическое строение - вот чем определяются его культурные задачи, вот откуда они исходят.

Анализ элементов культуры Богданов начинает с выяснения сущности и происхождения речи, руководствуясь при этом марксистской трудовой концепцией культурогенеза. Слово как орудие общения людей в процессе целесообразных коллективно-трудовых действий выступает родоначальником познания, коллективного собирания и обработки человеческого опыта в понятиях. Происхождение понятия из слова, мышления из речи Богданов принимает как бесспорное научное воззрение. Понятие для Богданова есть слово, только в неполном виде, лишенное оболочки звука; мышление – внутренняя речь. Тождество речи и мышления обнаруживает всецело социальный характер духовной культуры, которая поэтому назы-

вается общественным сознанием людей. Речь выполняет важную культурную задачу организации социального бытия людей.

Возникает целый ряд вопросов в отношении культурогенеза, на которые с позиции богдановской концепции ответить трудно или же невозможно. Среди наиболее сложных – вопросы соотношения: человек – труд, культура – социальность, человек – сознание, мышление – речь. Все принципиальные слагаемые культурогенеза формируются одновременно, выступая одновременно и предпосылками, и последствиями.

Богданов предлагает собственную интерпретацию содержания и взаимосвязи основных слагаемых духовной культуры – познания, религии, права, морали, различных видов искусства. Как результат – выявление своего рода общего знаменателя, общей социальной роли: организация, сплочение коллективов различных ступеней и типов путем объединения человеческих переживаний, оформления опыта и чувств людей. Особой ясностью и несомненностью объективного социального значения обладает нормативная область культуры.

Богданов предвидит возможные возражения против такого понимания духовной культуры. Первое состоит в том, что нельзя культурные формы рассматривать всецело как организующие социальную жизнь, потому что на практике они обнаруживают нередко и прямо противоположную функцию — дезорганизующую. Второе возражение - духовная культура, во всяком случае, не только организует жизнь людей, что ее значение шире — она также украшает жизнь. Оба возражения имеют за собою известную сумму фактов, но основаны на недостаточном их анализе. Богдановское понимание духовной культуры основано на концепции эмпириомонизма. Разработчик эмпириомонизма подчеркивал: сущность эмпириомонизма состоит в том, чтобы рассматривать все явления мира как процессы организации-дезорганизации.

Согласно эмпириомонизму весь мир есть цепь комплексов элементов, где каждый комплекс обладает особой организованностью. Начало цепи – хаос элементов, природа без человека. Далее – психическое, ассоциативная связь явлений и, наконец, физическое. При этом психическое представляет собой индивидуально-организованный опыт каждого отдельного человека, а физическое – социально-организованный, коллективный опыт. В процессе труда психическое становится частью физического и теряет для познания самостоятельное значение.

Рационалистическая психология марксизма, утверждал Н.А. Бердяев, есть наиболее слабая сторона марксизма. Марксизм не непосредственно выводит идеологию и всякую духовную культуру из экономики, а через посредство классовой психологии.

Вульгарно-классовый подход к пониманию культуры Богданов демонстрирует также в размышлениях об исторической динамике культуры.

Так, в классовом обществе вопросы культурного прогресса не могут ставиться с точки зрения социальной системы в целом, потому что у нее нет культурного единства, потому что тенденции культурного развития для различных ее классов несходны и противоречивы. Следовательно, вопросы эти должны решаться именно по отношению к социальным классам как отдельным жизненным единствам. Классы, различные по совокупности условий своего существования, равно как и по своим интересам и целям, нуждаются для своей организации в несходных формах культуры, играют либо позитивную (в современном обществе – пролетариат), либо реакционную роль в развитии культуры на определенных этапах развития общества.

Богданов формулирует также классическое для марксистской философии видение роли интеллигенции в творчестве культуры. Различные промежуточные слои интеллигенции идеологически работают не на себя, а на другие крупные социальные группы, не могут явиться определяющей силой для культурных задач эпохи.

Путем исключения Богданов приходит к выводу, что решение культурных задач настоящего надо искать в жизненных потребностях того класса, победа которого предстоит в будущем, класса, который в современном обществе играет прогрессивную роль - пролетариата.

Богданов выясняет, насколько творчество культурных форм является делом индивидуальным или коллективным. Мыслитель настаивает: не из произвола личностей, а из трудового бытия коллективов вырастает духовная культура. В общих переживаниях социальной группы или класса для автора дано уже содержание, которое он должен организовать, и дана сама потребность в его организации. Что же касается ее приемов и способов отражения, то они также должны соответствовать исторически сложившемуся типу явления и мышления той же коллективности.

Богданов идеализирует рабочий класс, приписывает ему исключительно положительные качества и задачи. Рабочий класс преодолевает в себе индивидуалистические и авторитарные отношения, свойственные реакционным классам. Культурные задачи определяет и обеспечивает их достижение товарищеская, коллективистическая связь, господствующая в рабочей среде. Рабочий класс имеет достаточный для творчества культуры интеллектуальный уровень, который повышается с техническим прогрессом, усложнением научных методов и форм организации производства. Напротив, старая культура, ее организационные формы и методы, выражаемые буржуазной наукой, искусством, нормами морали и права, оказывает разъедающее и подтачивающее действие.

Озабоченный необходимостью повышения культурного уровня пролетариата, Богданов предлагает подготовить Новую Энциклопедию, призванную устранить абстрактность старого познания и его оторванность от практики человеческого коллектива. В ней наука и философия должны

быть представлены в том виде, в каком они станут действительно понятны трудящемуся человечеству как орудия организации коллективной деятельности людей. Нельзя вполне овладеть идеей, научной или философской, вне ее происхождения из социального опыта и вне ее практически-организующей функции. В социалистическом мышлении предусматриваются не только сходные, но, по существу, те же черты, что и в социалистическом производстве. Идеал труда и познания один и тот же - в этом высшая целостность новой культуры.

Для формирования новой, пролетарской культуры Богданов считает необходимым связать итоги и методы современного познания с коллективно-трудовым опытом рабочего класса. Решающая, руководящая и направляющая роль в этой работе должна принадлежать не выходцам из других классов, а новой интеллигенции, выходящей из среды самого пролетариата.

Одна из центральных проблем философии культуры А.А. Богданова – создание пролетарского искусства. Искусство как воспитательное средство есть также орудие организации коллектива. Культурное, то есть организующее, влияние искусства почти всегда шире, а порою и глубже, чем влияние абстрактного научного познания. Искусство, со своим конкретно-образным характером, ближе и понятнее массам, демократичнее, чем наука. Новое искусство, гармонизирующее чувства и стремления масс, будет могучим двигателем, ускоряющим рост и победу коллектива. Новое искусство делает своим героем не индивидуума, а коллектив или человека в коллективе. Субъектом познания, носителем истины здесь является не личность, а коллектив, и критерием истины — его практика.

В размышлениях Богданова о пролетарской культуре значительное место занимают различные аспекты морали и права. Источник норм морали и права - общественная связь, интересы коллектива, группового, классового или общесоциального; их сущность лежит в их организующей функции, их основа — объективное сотрудничество людей. Но в обществе, построенном на рынке и классовой борьбе, норма является внешней, самостоятельной силой, ограничивающей личность. Пролетарская культура, основанная на объединении людей в коллектив, не нуждается в фетишизме норм, должна с ним покончить. Пролетариат вырабатывает то, что обыкновенно называют его «нравственным» и его «правовым» сознанием; у него складываются даже особые внешние формы общения, подобные «правилам приличия».

В рецептах разрешения проблемы социальных норм проявляется правовой и нравственный релятивизм А.А. Богданова, который неизбежно приводит к попранию прав и свобод личности. В пролетарском обществе должны функционировать только те нормы, которые способствуют развитию сплоченности, а значит, и силы организации. В таком обществе нет иной мотивировки и санкции, кроме потребностей коллектива. Устранение

общечеловеческих норм, сведение всей этой области духовной культуры к организационным принципам, провозглашение необходимости и неизбежности перехода в новом обществе к нормам целесообразности равнозначно легализации принципа «цель оправдывает средства».

По сути дела, стирается грань между общественными отношениями и технологией производства, между человеком и машиной. Своей явной мотивированностью потребностями коллектива, провозглашает Богданов, новые социальные нормы вполне соответствуют обычным техническим нормам. Очевидно, перед нами тут просто технические нормы поведения людей в их взаимных отношениях. Каждая из них соответствует определенной потребности и определенным условиям; если изменяются эти последние, изменяется в такой же мере применение нормы; нет необходимости в создании новой на ее месте, но также нет и «преступления».

Сталинская концепция «винтика», террор 30-40 годов в Советском Союзе – прямое следствие реализации правовых и нравственных постулатов А.А. Богданова в политической практике режима. Богданов сознавал и четко формулировал антитезы «мы, коллектив – я, самодовлеющая личность», «развитие коллективной силы – чистый моральный идеал», «пульс жизни рабочего класса – простые законы права и справедливости».

Н.А. Бердяев обратил внимание на фундаментальный антигуманизм социальной философии Богданова в целом. Детерминированное марксизмом мировоззрение Богданова видит в мире лишь труд и понимает мир и социальную жизнь по аналогии с мастерской, с фабрикой. Однако в действительности философия труда может быть лишь антиматериалистической, труд имеет духовно-психическую, а не материальную природу, как думал Маркс. Труд может образовывать не только общество, но и общение. Если труд может быть общением, то он связан с качествами личности. В коммунистической модели общества нет общения, а есть лишь со-общение, которому принудительно хотят придать характер общения. Эксплуатация человека коллективом, государством, как и эксплуатация человека человеком, есть превращение человека в объект. Данная характеристика в полной мере относится и к философии культуры А.А. Богданова.

В критической литературе Богданова именовали «красный Гамлет». Личная порядочность, стремление сделать общество более человечным, творческая гениальность А.А. Богданова не вызывают сомнений. Тем не менее анализ философии культуры мыслителя приводит также к другой, не менее драматичной ассоциации – красный Дон Кихот. Социальная гиперактивность, постоянная готовность Дон Кихота к благородному действию, противоречие между мечтой и реальностью, разрыв между благородными намерениями и неуместностью их реализации делают этот образ противоположностью Гамлета. Именно таким был А.А.Богданов, таковы были характерные черты разработанной им философии культуры.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 14-229.
3. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины: сб. статей / сост. А.А. Яковлев. М.: Правда, 1991. С. 11-30.
4. Богданов А.А. Вопросы социализма // Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295-351.
5. Богданов А.А. Искусство и рабочий класс // Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 411-460.
6. Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М.: Изд. Дороватского, Чарушникова, 1911. 321 с.
7. Богданов А.А. Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 352-355.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т.2. Ч.2. 232 с.

Данилкина Татьяна Владимировна, канд. филос. наук, доц., tulgu_filisofia@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

PHILOSOPHY OF CULTURE OF A.A. BOGDANOV

T.V. Danilkina

The author analyzes the methodological bases and the key provisions of A.A. Bogdanov's philosophy of culture and its influence on the cultural dynamics of Russia.

Keywords: culture, philosophy, cultural genesis, organization, experience, labor, collective ideology, proletarian culture.

Danilkina Tatiana Vladimirovna, PhD (Philosophy), Associate Professor, tulgu_filisofia@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М.С. Журавлев

Посвящается рассмотрению весьма актуального вопроса современной информационной этики. Рассмотрены вопросы нравственного и исторического характера, относящиеся к проблеме информационной безопасности. Проведен философский анализ проблемы неприкосновенности личной жизни человека. Личная информация о человеке приобретает особую ценность в связи с ее открытостью и широким использованием. Несмотря на актуальность вопроса в наши дни, показана эволюция вопросов неприкосновенности частной информации о человеке. Осуществлен исторический и ретроспективный анализ основных идей сохранности и неприкосновенности личной информации.

Ключевые слова: информация, безопасность, частная информация, философия информации, неприкосновенность частной жизни.

Источники нравственной проблемы неприкосновенности личной жизни человека обнаруживаются уже в глубокой древности, прежде всего в рамках латентных и сакральных традиций жрецов. Следовательно, данные этические дилеммы, конечно же, не представляют собой чего-то нового. В дальнейшем в IV веке до н. э. группа древнегреческих врачей, руководимая Гиппократом, подписалась под нравственным кодексом, который молодые врачи клянутся соблюдать и по настоящее время. Если традиционная этика была и остается отраслью философии, то биомедицинская этика считается составной частью биоэтики, которая применяется в медицинской и научной практике.

Таким образом, компилирование информации, составляющей личную тайну человека, оказывается существенно ограниченным этическими аспектами, даже в клятве Гиппократа, прописано подобное обязательство: «Что бы при лечении – а также без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, о чем не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной».

При этом все древнегреческие философы: Сократ, Платон, Аристотель - выясняли общие диалектические законы человека в единстве сакрального, нравственного, эстетического отношения. Однако «этика как учение о морали и нравственности», зародившаяся в эпоху Античности в недрах философии была весьма непростой и очень противоречивой.

Значительно позже этические принципы тайны личной жизни нашли свое отражение и в религиозных контекстах, в частности в Библии, в форме тайны исповеди и иных подобных запретов. Здесь уже более четко просматриваются этические идеи неприкосновенности личной и духовной жизни человека, выраженные преимущественно образным аллегорическим языком. Естественно, основное содержание этих запретов является по сути

своей религиозным, однако в некоторые из них носят явный этический характер и можно даже обнаружить если не прямо научные, то, по крайней мере, наукообразные элементы.

Исследования информации в семантическом, прагматическом, аксиологическом, филологическом и диалектиком отношениях продолжили философы, социологи, экономисты и специалисты самых разнообразных наук. Тем самым информация ассимилируется с явно выраженными чертами общенаучной категории и это верифицируется [1].

Представители марксистской философии анализируют информацию с позиций теории отражения. Они считают, что информация - это особый вид отражения, имманентный материи.

В современной России также заняты исследованием информационного социума и изучением феномена информации, этическими вопросами информационной защиты, а также вопросами информационных тайн и деятельности постижения феноменологических характеристик информации [1].

В наше время современное общество вступило в информационную эпоху своего развития. Эта реорганизация немедленно выявила этический коллапс в информационной сфере в рамках дефиниции морально-институциональных границ дозволенности информационной неприкосновенности человека в условиях развития глобальной информационной цивилизации.

Естественно, самое широкое развитие правовые и этические проблемы сохранности личной информации приобрели именно в период становления информационного общества [3]. При этом не стоит забывать, что на протяжении многих веков вопросам сохранности информации (тайнам) в том числе и личной, уделялось огромное значение. Тем не менее интерес представляли не только защитные методы и способы, но и сама и ее сущность. Конструктивные исследования феномена информации продолжаются.

Учеными, философами, общественными деятелями было предложено множество гетерогенных концепций, в которых тем или иным образом планируются пути преодоления данного этического коллапса [2]. Вместе с тем в сфере органичного сосуществования в информационном социуме сформировались вопросы, требующие немедленного решения как с точки зрения утилитарного воззрения, так и в абстрактно-мысленном плане.

Бурно развивающиеся информационные процессы не остались без внимания дифференцированных авторов, которые внесли свою квинтэссенцию в разработку вопросов информационной защиты. Большое значение проблеме информационной защиты уделено и репрезентировано в рамках дифференцированных работ. При этом информация о личной или частной жизни переходит в категорию «приватной». А «приватное» - это дом и семья, а также все то, что сокрыто от посторонних, принадлежит

частному лицу. Частная жизнь - это часть жизни семейной и вся внутренняя жизнь человека, а также сфера межличностных отношений. Личная жизнь является лишь аспектом жизни частной - это самое потаенное, это любые формы крайнего уединения, ухода в свой собственный внутренний мир. Этическим объектом защиты в данном случае выступают как мысли, так и чувства человека, его внутренний мир, который неосуществимо оценить и измерить всесторонним образом. Поэтому именно этика не столько защищает от физических посягательств и насилия, сколько оберегает душевное и нравственное спокойствие, создавая «зону психологической безопасности».

На этапе стремительного развития информационного социума существенный характер приобретают проблемы обеспечения информационной неприкосновенности границ личной, семейной, частной жизни как некоего неотъемлемого элемента свободы каждого человека. С учетом сложившихся тенденций в переломные моменты истории сильно возрастает интерес к этическим человеческим ценностям, так как при лавинообразно растущем объеме информации в современной цивилизации происходит сужение рамок личных свобод и прав человека, что отрицательно сказывается на моральности общества и нравственности каждого сингулярного человека [1].

Как бы то ни было, продуктивный поиск новых этических ориентиров развития человеческой информационной цивилизации действительно невозможен без выяснения взаимоотношений двух ключевых составляющих современной философской этики – морали и нравственности.

Многие психологи утверждают, что стремление человека скрыть от посторонних глаз свою частную жизнь детерминировано желанием обеспечить себе некую зону психологической безопасности. Лишение его такой возможности может привести к тяжелым психологическим последствиям, вплоть до неврозов и серьезных психических заболеваний.

Как пишут антропологи и психологи, чувство приватности, чувство неприкосновенности определенной, «своей» сферы жизни - это биопсихическое свойство, имманентное человеческой особи. Возможность обособиться от других, от общества в какие-то моменты для него чрезвычайно важна. Она создает для человека некую зону безопасности, которая позволяет ему адаптироваться к окружающей человеческой среде и защититься от того напора, который несет с собой очень мобильная, очень интенсивная современная жизнь.

Процессы становления и развития новых информационных реалий сопровождаются появлением новых регулятивов и новейшими нравственно-духовными границами дозволенности. Амплитуда потенциальных путей выхода из сложившейся этической ситуации весьма широка – от призывов к реставрации традиционных моральных норм до разного рода нравственных инновационных построений. Происходящие информационные

трансформации в социуме оказывают сильное комплексное воздействие на всю диалектику бытия и приводят к существенным переменам нравственно-имманентной жизни людей. При утилитарной значимости этих процессов в решении самых разных проблем современности следует отметить, что в индустриальную эпоху они уже претерпевали значительную трансформацию, модифицировались их морально-социальные функции, хотя в целом и этика, и наука сохранили свою субстанциальную основу в сложившейся ситуации. Особую актуальность приобретает выявление этого взаимоотношения при решении задач возрождения и развития морали самого человека как главного носителя и субъекта сложившейся информационной составляющей. В данном контексте существенным является изучение взаимодействия информации и морали на гетерогенных структурно-функциональных уровнях социума, исследование основных направлений и форм их дальнейшего сотрудничества, в том числе в процессе совершенствования «информационного» человека и преодоления этического коллапса информационной неприкосновенности его жизни.

Все происходящее в рамках теоретических и утилитарных интерпретаций воздействует на бытие людей, видоизменяет природу информационного социума и его приоритеты. Именно поэтому так актуально проведение исследований в рамках постоянно растущих информационных потоков и создание морально-нравственных границ дозволенности при распространении информации, носящей сугубо личный характер, деятельностное постижение существующих этико-правовых регулятивов в проекции происходящих социальных перемен и оказание тривиальной поддержки каждому человеку в ходе модификации обстоятельств информационной среды [3].

Не разрешена дилемма информации в философии как атрибута материи, диспут между атрибутивистами и функционалистами не завершен. Приверженцы атрибутивного подхода в сущности информации стремятся проиллюстрировать ее общенаучный характер и даже придать статус общефилософской категории с точки зрения воззрения субъективно-идеалистической трактовки [2].

Бесспорно, не менее значимым и актуальным является вопрос о путях эволюции этики информационного будущего, о том, какие формы эта эволюция примет, произойдет подъем моральных и нравственных ориентиров? В связи с этим возникает необходимость с позиций этики исследовать информацию не только под углом зрения сущностной составляющей, но и с позиций возможно-вероятных негативных последствий ее проникновения во все сферы жизни.

Центральным вопросом этического исследования информации является вопрос информационного совершенствования современного человека, в том числе и его информационная уязвимость. В современной этике, философии, науке имеются гетерогенные трактовки совершенствования

нравственности современного «информационного» человека, нередко взаимоисключающие одна другую. Это детерминировано недостаточной проработанностью критериев морального совершенства информационного социума, отвечающих нравственной подоплеке личной неприкосновенности жизни каждого человека в информационной сфере.

Утилитарное значение этической проблемы информационного социума в совершенствовании морального поведения людей. При этом личная информационная неприкосновенность каждого человека выступает нравственным базисом для построения общей информационной морали.

Вместе с тем некоторые аспекты остаются недостаточно изученными. Прежде всего это этическая проблема взаимоотношений в информационном социуме в рамках информационной вседозволенности и всеоткрытости. Недостаточно исследованы моральные рамки и нравственные ограничения при обращении с информацией носящей характер личной, частной, семейной тайны в аспекте обозначенных проблем. При этом следует учесть, что динамика развития современного информационного мира постоянно привносит новые моменты в содержание рассматриваемых проблем, что делает особенно актуальными исследования, посвященные анализу современной этической и информационной ситуации.

Развитие информационного социума является одним из существенных регулятивов современного генезисного процесса, сингулярные признаки этого процесса можно наблюдать в дифференцированных социальных сферах. Информационный социум породил огромное количество этических вопросов, которые нашли свое отражение как в морали социума, так и в нравственности каждого человека, участвующего в информационных взаимоотношениях.

На этапе своего становления информационный социум не заложил никаких моральных составляющих будущих противоречий, которые, с одной стороны, способствуют формированию информационных взаимоотношений, а с другой - порождают проблемы для человека как для социальной единицы. И это в абстрактно-мысленном плане акцентирует образ информационной неприкосновенности личной жизни каждого человека.

Проблема совершенствования и трансформации социума в конкретных исторических условиях традиционно занимает одно из самых существенных мест в системе философских знаний. Формирующийся информационный социум является некой идеальной моделью социального устройства, в которой каждый человек получает дефинированную информационную свободу и возможность для самовыражения и самореализации, но при этом диаметрально противоположно происходит сокращение личного «неприкосновенного» объема информации человека, что, в свою очередь, приводит к нравственной ущемленности. Следовательно, рано или поздно в условиях информационного социума перед каждым человеком остро встают вопросы защиты личной информации от посягательств «из

вне», и этот фактуальный характер во многом предопределяет общую идею саморазвития на этапе детерминации методологических парадигм. Эта проблематика синкретична, она резко не выделяется из общеэтического контекста, вследствие чего наиболее четко прослеживается ее морально-социальная ориентация.

Специфика квинтэссенции понятийного аппарата частной тайны во многом определяет ее фундаментальное значение для каждого человека в рамках информационного бытия. Личная информация человека является очень сложным многогранным явлением, а совокупность проектирования философско-методологических аспектов позволяет раскрыть всю сущность понятийных границ, выявить этические особенности в каждом конкретном случае.

Исследования сферы правовых основ детерминированной тематики позволяет выявить стремление мирового сообщества юридически призвать сложившийся информационный социум к морально-нравственным взаимоотношениям. Однако действующее законодательство в сфере информационной защиты личной информации далеко не конструктивно и зачастую расходится с этическими принципами, которые позволяют корректно оценить моральные и нравственные масштабы нанесенного человеку вреда при разглашении его личной информации.

Исследование морально-нравственных аспектов совершенствования информационного социума на основе базовых этических элементов позволяет осмыслить данную проблему универсально, с разных методологических позиций, оставаясь при этом в рамках основополагающей точки зрения о том, что полноценную модель совершенствования возможно сконструировать только при условии активного дискурса этики и науки, который становится настоятельной необходимостью современного универсума. Методологическая ассимиляция дедуктивных процедур науки и этики как логических операций позволяет выделить аспекты, дающие возможность проводить сопоставление сущностных стереотипов о началах информационного бытия как такового, о природе человека в нем, одной из существенных черт которого является стремление к моральному равновесию.

Совершенствование этических принципов неприкосновенности личной жизни человека подразумевает, прежде всего, морально-нравственное совершенствование взаимоотношений в условиях всепроникающей информационной составляющей. При всей важности теоретического аспекта проблемы этического совершенствования информационного социума утилитарный ее аспект значительно важнее, поскольку в нем сосредоточен личный жизненный мир каждого человека, именно от него зависит то, каким будет человек в своей нравственно-социальной практике.

Этика - неотчуждаемый признак современного информационного прогресса, именно она в контексте познания заложила базис деятельностного состояния современной человеческой общности - социума, получив-

шего название «информационный».

Появившаяся информационная составляющая универсума опосредовано отразилась на неприкосновенности личной жизни каждого человека в контексте субъект-объектных границ, переорганизовала предшествующую гносеологическую личностную структуру индивида посредством детерминированной закладки в системе потребностей личности потребность этическую. А так как субъектом познания, «центром» всей гносеологии является человек, то она в настоящее время в рамках информационного универсума все больше прибегает к данным этики.

Деятельностное постижение информационной неприкосновенности частной жизни человека выявляет взаимосвязь с некоторыми видами профессиональных тайн специалистов, взаимодействие с которыми происходит на протяжении всей жизни. Происходит научное познание роли этической составляющей в неприкосновенности частной жизни с дефинированием ценностно-целевых ориентиров, учет относительности информационной неприкосновенности средствам, операциям и методам когнитивной деятельности индивида.

Аморальность современной жизни можно считать крайностью, естественно возникшей в результате предыдущих исторических эксцессов. На самом деле личная жизнь каждого человека в ее нормальных проявлениях была и остается фундаментом этических достижений общества, необходимой их предпосылкой. Один из парадоксов человеческого бытия как раз и состоит в том, что все общественно полезные деяния имеют своим источником сингулярного, частного человека, в то время как действия людей, вдохновляемых, казалось бы, идеалами социального блага и приносящих на алтарь этого блага, оказываются на поверку бесплодными или деструктивными.

Ведь личная жизнь человека, будучи частью личных прав, охватывает разные аспекты личных, и в том числе этических, свобод. Для соблюдения свободы совести необходимо всего два фактора: светский характер государства и отсутствие навязанной гражданам государством официальной идеологии.

Этическое право на соблюдение личной жизни, будучи юридическим воплощением принципа невмешательства в личные дела каждого, то есть выражением суверенитета человека, представляет собой очень хрупкое общественное завоевание, которому стабильно угрожают общественные и политические катаклизмы, а также огромные возможности контроля и управления, появившиеся в ходе информационного прогресса.

Нравственные люди в поворотные моменты истории ищут наиболее стабильные общечеловеческие ценности в прошлом. Приемлемость, универсальность и общедоступность моральных и нравственных построений в этике обеспечивают их актуальность, известность и особую социальную привлекательность. Этические учения на протяжении всей истории чело-

вещества обогащали и развивали моральный опыт.

В современной информационной цивилизации при обширном внедрении информационных технологий обнаружен детерминированный идейный вакуум в сфере информационной неприкосновенности личной жизни. И это несмотря на то, что современный мировой социум вошел в совершенно новую спираль самоформирования, результатом которой явилось появление совершенно новой информационной парадигмы. И именно она стала побудителем квинтэссенционных информационных отношений и политик.

В истории формирования и становления человеческой цивилизации генезис института неприкосновенности личной жизни каждого человека возник на очень ранних стадиях развития социума. Опосредованно экскурсы в генезис позволили конкретизировать, что развитие данного института на ранних этапах формирования человечества происходило чрезвычайно малоэффективно и утилитарно инертно, так как опредмечивалось рамками врачебной тайны. Результатом дальнейшего когнитивного анализа детерминировано, что впоследствии в человеческом универсуме устойчиво проявлялась необходимость этико-правовой оценки информационной неприкосновенности личной жизни. Изначально для этого компилировались международные нормативные документы, в основе своей содержащие именно этические стандарты.

Очевидно то, что формирование принципов информационной неприкосновенности личной жизни происходит очень разрозненно. Утилитарно любая социальная культура имеет свой, имманентный только ей путь этического, информационного и правового развития, и этот путь во многом детерминирует общую идею того или иного социокультурного пространства. Как известно, проблема совершенствования человечества традиционно занимала и занимает значительное место в системе философских знаний.

С генезисом философии появилась этика, которая опосредовалась как один из разделов с собственными этапами развития и формирования, что послужило первоосновой для зарождения и развития моральных и нравственных принципов общества. Так и в настоящее время, в период становления информационного общества, она продолжает развиваться, внося свои принципы в новые типы информационных взаимоотношений, не забывая при этом о нравственных проблемах каждого сингулярного человека. Попутно определяя при этом моральные и нравственные границы информационной неприкосновенности личной жизни человека, именно этика явилась некой скрытой первопричиной появления деонтологии.

Информационная ситуация, в которой оказался на сегодняшний день сингулярный человек и его личная жизнь, вызывает серьезные опасения, как с философской, так и с этической точек зрения. Качественные изменения, произошедшие в науке, медицине, сознании человека, вызвали необходимость осмысления алгоритмов, которые должны базироваться на

проведении моральной экспертизы научного прогресса.

Существенную роль при анализе опосредованной тематики играет отсутствие единого понятийного аппарата и закрепленной систематизированной терминологии, что подталкивает автора к предложению ряда собственных дефиниций и к проведению их саморефлексийного анализа.

При анализе субъективно-идеалистической трактовки обеспечения необходимого уровня информационной неприкосновенности личной жизни автор стремился аргументировать, что для адекватного понимания проблемы совершенствования необходима выработка универсальной и конструктивной концепции, охватывающей все возможные грани защиты.

Проведенный анализ наиболее характерных концепций проиллюстрировал, что построение самых высокоэффективных этических норм информационной неприкосновенности личности возможно только на основе системного подхода путем решения проблем синтеза, который, в свою очередь, должен сводиться к оптимальному обоснованию качественных требований к системе этико-правовой защиты, носящей сугубо личный характер.

Каждое вмешательство в личную жизнь, каждая операция по обработке личных данных человека должны быть обязательно расценены как связанные с ним в целом и должны уважаться в его как физической, так и психической неприкосновенности. Это - новая всесторонняя концепция личности, и ее интерпретация в современный информационный мир определяет полное право на уважение к телу, которое является в настоящее время как физическим, так и электронным. В этом новом информационном мире защита информации, носящей личный характер, выполняет некую задачу обеспечения этической и правовой легитимности доступа к личным данным, становящегося неотделимым компонентом информационной цивилизации, что ранее не имело места в истории человечества.

Признание аморальности посягательства на личную тайну человека стало итогом развития в этике стереотипов о нарушении прав неприкосновенности личности и нашло свое нормативное закрепление в этико-правовых источниках информационного общества. Именно этические предпосылки легли в основу правовых норм информационного типа общества и подтолкнули к пересмотру ранее существовавших понятий и принципов.

Любое информационное демократическое общество должно признавать и уважать право распоряжаться своей личной жизнью, иметь свои ценности и преследовать свои цели и задачи. Оно должно стремиться поддерживать тенденции к увеличению личной информационной свободы, совместимой с социальным порядком и общими информационными благами. Необходимой предпосылкой свободной диспозиции является право на частную жизнь. Лучшим является общество, стремящееся культивировать автономию свободной диспозиции. Такое общество предполагает, что его

члены суть ответственные моральные агенты, что они в состоянии вести себя морально и что они способны признавать и уважать права других. Нет гарантии существования такого порядка вещей, поскольку этические действия совершаются не в вакууме. Врагами свободного общества являются люди, бесчувственные к нуждам других, индивиды, сосредоточенные исключительно на своих собственных удовольствиях и наслаждениях и стремящиеся к власти и славе за счет других. Поэтому жизненно необходимо, чтобы гуманное общество делало все возможное для воспитания в своих гражданах добродетелей и моральных качеств для последующей достойной и ответственной жизни.

Бесспорно, успешное решение данной проблемы является весьма сложной и не менее важной задачей, которая может быть по силам лишь профессионалам, включающим не только философов и юристов, но и социологов, медиков, психологов и обществоведов. Только консолидация усилий специалистов, направляемых на успешное решение опосредованной проблемы, рано или поздно приведет к позитивному финалу. Данная этическая проблема будет решена, так как это напрямую связано со степенью жизнеспособности информационной человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Бормотов И.В. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 9-13.

2. Журавлев М.С. Религиозно-технократическая конфронтация в идеях русского космизма // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 14-20.

3. Назырова Е.А. История трансформации правозащитного движения в России на современном этапе // Сборник научных трудов SWorld: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2012». Вып. 3. Т. 29. Одесса: Изд-во «КУПРИЕНКО», 2012. С. 42-47.

Журавлев Максим Сергеевич, канд. филос. наук, доц., maxzhur@mail.ru Россия, Тула, Филиал финансового университета при Правительстве РФ.

THE INFORMATION SECURITY PHILOSOPHY

M.S. Zhuravlev

The article is devoted to the topical issues of the modern information ethics. The author considers the moral and historical issues related to the information security problem. There was carried out a philosophical analysis of the privacy issues. Private information becomes valuable due to its transparency and wide use. The author analyzes the evolution of

privacy right and the basic ideas of information inviolability and integrity in historical and retrospective perspectives.

Key words: information, security, philosophy, private information, philosophy of information, privacy.

Zhuravlev Maxim Sergeevich, PhD (Philosophy), Associate Professor, maxzhur@mai.ru, Russia, Tula, Tula Branch of Financial University of the Russian Federation Government.

УДК: 130:3

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МИФОЛОГИИ И РЕЛИГИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ

Р.И. Кузнецов

Посвящается исследованию проблем происхождения и функционирования мифа, религии, философии и науки в системе социального сознания.

Ключевые слова: миф, мифология, религия, религиозная культура, социальное сознание, культ, философия.

Рассмотрение проблемы соотношения мифологии и религии имеет важное мировоззренческое значение, так как ее решение тесно связано с вопросами генезиса и трансформации религии и религиозной культуры. «Родственность» мифологии и религии очень часто приводит либо к их отождествлению, либо подмене одного понятия другим. Вместе с тем мифология родственна эпосу. Будучи «вплетен» в эпос, миф лишается сакральных оттенков и здесь он более удален от религии. Другое дело, когда мы сталкиваемся с мифом в составе зрелой религиозной системы, где он выступает структурной составляющей идеологии и культа, который, в свою очередь, можно подразделить на культовый текст (миф) и ритуал. В этом случае миф несет совершенно иные функциональные нагрузки: он сакрализован, воплощен в ритуал, составляя его неотъемлемую часть, и выполняет функцию иллюзорного замещения действительности.

Многие исследователи считают мифологию генетическим основанием философии, пытаются выявить предпосылки гетерогенеза форм знания, приведшие человечество от мифа к логосу, т.е. в итоге к науке.

В традиции, идущей от Гегеля, проводится мысль о родственности и совпадении религии и философии. У них, по мнению Гегеля, «общее содержание, общие потребности и интересы» [1, с. 219], так как и той и у другой общий предмет – «вечная истина в ее обыкновенности», т.е. Бог, и «ничто, кроме Бога и объяснения Бога». И в религии, и в философии, по Гегелю, осуществляется познавательная деятельность, конечный результат

которой – получение знания о Боге. «...Религия есть абсолютно истинное значение» [1, с. 273]. Различие состоит лишь в методах постижения этого абсолютного знания, т.е. «постижения Бога».

Изучение проблем происхождения и функционирования мифа, религии, культуры, философии и науки в системе социального сознания необходимо для того, чтобы разобраться в сложнейших проблемах религиозной культуры. Та или иная форма социального сознания возникает в обществе в ответ на определенную его потребность. Рассмотрим такой важный феномен в религиозной культуре, как архаическое сознание. Архаическое сознание представляется автором как социальное сознание до того момента, когда в результате разделения труда возникает духовное производство со всем набором его форм: искусством, религией, философией, моралью. Архаическую форму социального сознания отличает то, что в ней нельзя четко выделить формы и уровни, но можно определить предмет отражения, способ отражения и функцию.

Первобытная культура, несмотря на стабильность, примитивность и рутинность, претерпевает изменения на протяжении тысячелетий. Первая веха на пути развития от первобытного стада к общине характеризуется возникновением потребности сформировать общность на основе определенных социальных связей, укрепить их внутри общины и отделить себя от других общностей. Этот двуединый процесс интеграции в общность и дифференциации от других общностей проявляется в ритуализме и формировании словесно коммуникации. В условиях, когда отсутствуют механизмы хранения и передачи коллективного опыта, знаний, навыков, единственным способом коммуникации выступают ритуал и слово (т.е. миф).

Ритуал, в свою очередь, играет двоякую роль. В ритуале, с одной стороны, происходит отделение «мы» от «они» по принципу универсальной бинарной оппозиции, на основе которого формируется психология первобытного общества; с другой стороны, он служит единственным способом закрепить накопленный социальный опыт (социокультурный опыт). В ритуале воспроизводятся моменты жизнедеятельности общины: охота, война, земледелие, брачные отношения или бытовые действия, но всегда с конкретным положительным результатом. Ритуал повторяет то, что является необходимым для жизни данной общины, он как бы исключает случайное и выступает как абсолют.

Повторяется не только ритуал, но и миф. Психологическую основу повтора архаической культуре вскрыл Б.Ф. Поршнев (повтор как словесного, так и ритуально-действенного): «...на базе преобразенной эхололии возникает «память народов» - их устные эпические предания» [2, с. 148]. Говоря другими словами, рождается миф как специфическая форма социального сознания. Известно, что само греческое слово «миф» («mythos») означает «речь», «слово», «замысел», «план», «разговор», «беседу», «указание», «известие», «сказание», «предание», «рассказ». Миф генетически

восходит к слову. «...Простейшие формы мифа могут совпадать со словом, а миф как целое сказание может предполагать миф как слово» [3, с. 430]. По своему происхождению вторая сигнальная система, как убедительно показал Б.Ф. Поршнев, появляется как результат суггестии, т.е. воздействия людей друг на друга посредством внушения, и имеет целью принуждение индивидов к определенным жизненно необходимым и коллективно регулируемым стандартам поведения. Мышление, облеченное в слово на основании суггестии, и было мифологическим мышлением (мифом). Миф, каким он существовал в первобытной культуре, – это не только история, которую рассказывают, но и реальность, в которой живут. Это не только воображение и фантазия, но и практическое руководство первобытных верований.

Повторяясь из поколения в поколение, ритуалы и сопровождающие их мифы принимаются на веру, их первоначальный смысл забывается, правила соблюдения ритуала и содержание мифа приобретают абсолютное значение. Но когда говорят о вере в первобытной культуре, то имеют в виду не религиозную веру, а доверие через внушение. Доверие тождественно чувству принадлежности индивида к коллективу общины, т.е. «мы». «Чем примитивнее и изолированной «мы», чем оно чище, типичнее, тем более оно внутренне соткано из доверия – «веры на слово». Следовательно, тем больше возможность для передачи друг другу заблуждения, в пределе – абсурда» [2, с. 160]. В такой ситуации опыт отдельного индивида не может пробиться через коллективный опыт, внести в него что-то новое или его опровергнуть. Коллективная власть в мифе и ритуале осуществляется над индивидом в авторитарной форме. В целом регуляция поведения индивида обеспечивается посредством соотнесения его жизнедеятельности с жизнью всей общины, с их общим предком – тотемом. Различия одной общины от другой происходит в зависимости от того, какое животное в сюжете мифа выступает на первый план.

У разных народов в мифах повторяется мотив уничтожения и возрождения тотема («тотем» в переводе означает «род»). Поэтому ранний период развития первобытной мифологии можно называть тотемным. Здесь в центре мифологического внимания акт поедания животного. Более поздний этап (период) носит название родовой. В мифе, относящемся к родовому периоду, господствуют мотивы практической деятельности: посев, возращивание, жатва земледельческих культур. Однако поклонения фетишам, тотемам и божествам в этот период отличается от религиозного. Очень часто присутствие богов в мифологии принимается как свидетельство религиозности. На самом деле боги в мифологическом сознании выполняют другие функции по сравнению с богами религий. Фетиши, тотемы, предметы табу первоначально выступают как знаки, тормозящие или, напротив, растормаживающие людей в процессе окриков, команд. Поздний мифологический бог, в которого превращается основатель рода, тотем, -

это обобщающий образ жизни, ее обновлений и рождений; он мыслится природным, как и сам человек, а человек не лишен божественных характеристик. Отношение к тотему отнюдь не сакральное, что подтверждают бесчисленные описания в мифах актов уничтожения своего тотема (например, Диониса).

Взаимоотношение человека с богами в мифе подчинено принципу: «все есть все» или «все во всем». Человек может достичь сверхъестественных качеств, получив от тотема силу, вобрав в себя его частицу и стать наравне с ним.

Мифологическое сознание, в отличие от религии, не все природное и социальное бытие на сакральное и мирское. В древнегреческой мифологии эта черта древнего мифа сохранялась очень долгий период. Античные боги ведут себя как люди, а люди чувствуют себя на равных с богами. Это рудименты тотемного отношения к богам.

Таким образом, миф, как и слово, выступает в качестве способа конституировать общность в языковом, этническом и в конечном счете культурном отношении. Многие исследователи высказывают мысль о том, что архаический миф имеет познавательную функцию (К. Леви-Строс, Г. Керк). В этой связи необходимо рассмотреть предмет отражения мифа как формы социального сознания. Эта задача требует изучения отношения архаического общества и культуры к природе. Материальное производство, как и вся материальная культура, выступают генетической основой человеческого общества (человеческой культуры), что предполагает взаимоотношение человека с природой, которая, являясь предметом труда, подвергается воздействию средств труда. Применительно к первобытной культуре это понимается как то, что в практической жизни, относящейся к материальному производству, человек осознавал свой опыт и свою деятельность, и только в духовной сфере господствует воображение, фантазия, иллюзия (т.е. миф).

Однако жизнедеятельность первобытного (архаического) общества целостна и нерасчленена, поэтому и примитивная трудовая деятельность и архаический быт проникнуты мифологическим сознанием. Чем меньше первобытные люди выделяют себя из окружающего мира, тем больше их приспособленность к нему и тем в большей степени они не осознают свою практическую материальную (производственную) деятельность: она настолько проста и рутинна, что не требует такого осмысления.

Можно предположить, что в течение многих тысячелетий сознание первобытного человека наполнено не реальными событиями, а фантастическими историями о могущественных существах или чудесных превращениях. Реальное заставляло уклоняться от самой реальности.

Отдельный индивид архаической эпохи не отделяет себя от рода и не рефлектирует на себя. Но и первобытная община в целом не отделяет себя от природы, на которую переносятся внутриобщинные отношения.

Весь доступный мир рассматривается архаическим сознанием как человеческий, как целое и сопричастное человеку. Другого мира для него просто не существует. Вот почему когда исследуют веру первобытного человека в сверхъестественное, то это представляется несколько модернизированным; мы невольно приближаемся к временам историческим и к религиозному сознанию, которое удваивает мир на естественный и сверхъестественный, тогда как мифологическое сознание не знает такого удвоения.

Интересно в связи с этим обратиться к случаям гомеопатической магии, описанным Дж. Фрээрером. Они свидетельствуют о том, что для первобытного человека все, с чем он сталкивается, рассматривается как явления одного порядка. Архаическое сознание в отличие от религиозного не признает еще сил, стоящих выше человека, не подвластных ему и не контролируемых им. Христианских священников-миссионеров шокировала высокомерная самонадеянность шаманов и колдунов, уверенных в том, что они могут воздействовать на природу, изменять погодные условия и т.д. Природа, по их мнению, ведет себя по человеческим образцам и ее можно принуждать поступать так, как нужно людям. Первобытный человек не знал причин многих явлений, тем не менее в процессе тысячелетнего опыта добился каких-то практических успехов (получение огня, изобретение охотничьих орудий, одомашнивание животных, земледелие и т.д.).

Таким образом, природа не является предметом отражения мифологического сознания, так как она еще не вычленяется как объект, не мыслится противопоставленной человеку, граница между нею и человеческой общностью размыта.

Но если субъект не противопоставляет себя объекту, то невозможно и познание. Первобытный человек был не в состоянии сформулировать мысль, что он чего-то не знает.

Так архаическое сознание субъективировало объективный мир, а исходной социальной основой этой акции явилась нерасчлененность предмета и деятельности, деятельного субъекта и того, на что направлена его деятельность. Поэтому было бы, наверное, ошибочно считать, что первобытный человек не в состоянии объяснить многие явления с точки зрения естественных причин, а потому наделяет их фантастическими воображаемыми свойствами. Архаическое сознание не служит для удовлетворения любознательности индивида или коллектива. «Основная функция мифа не познавательная-теоретическая, а социально-практическая, направленная на обеспечение единства и целостности коллектива» [4, с.45].

Если можно в какой-то степени говорить о познании применительно к первобытной культуре и обществу, то лишь в том смысле, что оно проявляется в виде мироощущения. Сама этимология слова «знать» и в русском языке и в греческом восходит к чувственному восприятию. На это указывает одно из значений слова «знать» в русском языке – испытывать

какое-то чувство, переживание (не знать покоя, дает себя знать, познать женщину).

Связь мыслительного, познавательного момента с чувственностью особенно наглядна, например, в характерных для гомеровского языка выражениях «мыслить глазами», «мыслить дыханием» или «мыслить сердцем». Глаголы *noeo* – «мыслю», «воспринимаю зрением» - или *poesis* связаны с основой *gnō*, указывающей на познание, прочувствование всевозможных аффектов и волевых актов. Важно отметить, что корень, указывающей на познание, прочувствование всевозможных аффектов и волевых актов. Важно отметить, что корень *gn* чередуется с *gen* в таких словах, как *genesis* (рождение). Отсюда можно реконструировать понимание знания в родовом обществе как выяснение того, кто породил. Набор того, что должен знать человек родового периода, сводится к запретам не вступать в брак внутри рода, не совершать инцест, не убивать человека, относящегося к его роду. Если как-то соотнести систему мифомышления с современными представлениями о знании, то можно условно сказать, что для первобытного человека архаической культуры содержание знания – это совокупность того, что запрещено.

Таким образом, ни материальное производство («архаическая экономика»), ни природа не являются предметами отражения мифологического сознания. В нем отражается лишь сфера внутригруппового и межгруппового общения. Другими словами, первобытная община, тотемная или родовая, с ее регулятивными принципами и взаимоотношениями с иными общинами – вот та сфера бытия, которая отражается в социальном сознании архаической эпохи и культуры.

Отражение в мифологии совершается специфически, посредством образов, но последнее отличается от образности искусства. Мифические образы (титаны, циклопы и т.д.) мыслятся буквально, существуют на самом деле, это – живые существа особого типа; первобытный человек верит во все мифологические персонажи и считает их реально существующими. «Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» [5, с. 167].

Первобытный человек осваивает свое бытие по семантически-эмоционально-ассоциативным рядам. Такое освоение предполагает нечеткое различие образа и реального предмета, мнимого (иллюзорного) и действительного. В мифе возможны цепи ассоциаций: стол может быть равен небу (престол) или преисподней, живому существу, мертвому человеку, а человек может быть слит со зверем, вещью, растением. Такие образы не противоречат друг другу. В целом мифологическое мышление вообще безразлично к противоречиям. Этим можно объяснить полную терпимость возникших позднее разных культур (Ближний Восток, Иран, Египет, Рим).

Мифологическое сознание получило у Гегеля название «естественная религия». И, действительно, границу между религией и мифологией

трудно определить. Культ, который составляет ядро каждой религии, так же как мифология, авторитарен, абсолютен, замыкается на социоантропоморфное сверхъестественное существо. Миф, обслуживающий культовые действия, несет на себе все черты архаического мифа, представляя набор социально значимых коллективных действий, является одной из форм общения и отражает его, как и мифология в образной форме.

Однако мифология существенно отличается от религии. Миф представляет собой универсальную, единственную на определенном этапе форму социального сознания. Религия возникает вместе с другими его формами – искусством, моралью, политическим сознанием. Носителем мифического сознания является общество в целом, религия же предполагает выделение групп священнослужителей, занимающихся производством религиозной идеологии и воспроизводством в итоге религиозной культуры. Появление религии связано с отделением интеллектуального труда как специальной деятельности, как института, выполняющего определенную функцию. Если миф возникает в период формирования общества и подчинен этой задаче, то появление религии связано с отделением умственного труда от физического.

С возникновением государства институт жречества становится специфическим регулятором, контролирующим поведение людей не по средствам запретов (табу) и регламентаций, как в родовую эпоху, а воздействуя на их духовный мир. Это особый тип регуляции, действующий наряду с политико-правовыми регуляторами, основанными на прямом воздействии. Необходимость в нем возникла в связи с дифференциацией внутри общины, а следовательно, с появлением частных интересов. Обезличенность отношений внутри родового общества, которую следует понимать как возможность сравнения разных членов общины по определенному набору ограниченных признаков, задаваемых самой общиной, сменилась личной зависимостью собственников перед древнегреческим типом или общиной азиатского типа.

Появление личности со своими интересами, своим духовным миром требует над ней особого контроля. Так специальный институт становится посредником между властью ранней государственности и подчиненными индивидами и признан воздействовать на умы людей от ее имени. Это появление совершенно новой функции, которой у мифологии никогда не было. Выполняя ее, религия естественным образом заимствовала у мифологии как единственной предшествовавшей ей формы социального сознания весь набор средств воздействия на коллектив и отдельного индивида, восприняла также формальную сторону мифологии (ритуализм и запреты) и еще главный принцип этой регуляции – веру.

Адаптация мифологии совершилась в такой степени, что даже в наше время исследователи затрудняются провести четкие и ясные грани между мифологией и религией. В процессе приспособления к функциям

религии миф сакрализуется. Этот процесс проявляется в том, что мир удваивается в религиозном сознании на священный (сакральный) и мирской (профанический), в то время как в мифологии удвоение отсутствует. Религиозное сознание существует на трех уровнях: общедуховном (теология, религиозная философия, этика, церковные доктрины), социально-психологическом (сознание всей массы верующих, их религиозные представления, стереотипы поведения) и индивидуально-психологическом (личный религиозный опыт, эмоции и индивидуальные переживания). Теперь почти вся жизнь индивида пронизана сакральностью: в ранг сакрального возводятся рождение, смерть, переход в другую возрастную группу, вступление в брак, посвящение в монархи. В религии словесная, вещная и действенная части уже обособлены: появляются священносказания, священнодействия, круг священных предметов.

В религии происходит и другое удвоение мира – на естественный и сверхъестественный (сверхчувствительный, чудесный). Мифологические чудеса – это норма, не вызывающая у архаического (первобытного) человека удивления. Чудесное – стихия, в которую погружено архаическое сознание, воспринимающее его как естественное. В религиозном сознании чудо предполагает и нормальный, естественный порядок; евангельский Христос демонстрирует чудеса, чтобы отличить себя от тех, кто причастен к естественному ходу жизни и смерти; его деяния (чудеса) – исключения из правил, и акт исключительности подчеркивает сверхъестественную природу Иисуса Христа как Бога.

Функция Бога в религии также существенно изменяется. Мифологически бог – это основатель рода, тотем, который не сразу становится человекоподобным. Бог религий антропоморфен, но в то же время священен. Обретая абсолютную ценность, он при этом является носителем этнических принципов. Сакрализация богов в период возникновения религий сопровождалась сакрализацией и этизацией мифа в целом: «Сакрализация мифа состоит не в прикреплении его к тому или иному культу, но в том, что он подвергается каузализации и этизации при тщательном сохранении всей его традиционной структуры» [6, с. 118]. Все, что сакрально, то ценностно окрашено, относится к добру; молитва, например, глубоко этична, ее нельзя смешать с проклятием, как в мифологическом сознании, а Бог – благ, добр к тем, кто воздает ему и всемогущ. Вообще идея всемогущества божества возникает тогда, когда социальное сознание начинает видеть земного человека, его положение в мире, зависимость от природы и социокультурных отношений.

Религия по сравнению с мифологией сделала шаг вперед, придав мифу нравственную окраску, которой собственно мифологическое сознание не имело. Например, десять заповедей Моисея из Библии, в том числе «Не убий», при всей абстрактности постановки вопроса не только свидетельствуют о том, что на данном этапе религиозное сознание способно

определить и классифицировать вещи и действия по двум противоположным и исключаящим друг друга характеристикам, но и формируют нравственный идеал. Безусловно, идеал исторически ограничен и абстрактен в религиозной культуре. Но его появление характеризует огромный шаг в развитии социального сознания, которое в своей мифологической форме не определило отношения к добру и злу, не выработало и самих этих понятий.

Итак, религия, на наш взгляд, более позднее по времени, чем мифология, духовное образование, которое возникает на основе новых потребностей ранних государственных образований.

На основе мифологического сознания как целостного и нерасчлененного социального сознания развивается не только религия, но и не получивший религиозной окраски эпос, давший мощный толчок для развития литературы, и другие формы социального сознания. Все они еще долго несут на себе мифологические черты.

Философия, например, на наш взгляд, рождается не только в результате перехода от религии к рациональным и доказательным формам мысли. Философия возникает по мере углубления разделения труда и вычленения духовного производства в целом, в качестве рефлексии духовной деятельности и ее регулятора. Именно философии в древнем мире принадлежит специфическая функция приращения нового знания, носящего всеобщий, систематический, самоценностный и доказательный характер. Философия представляет собой деятельность не только по производству теоретического знания, но и по выработке механизмов его сохранения и передачи.

Список литературы

1. Гегель. Философия религии: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т.1. 532 с.
2. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
3. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
4. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
5. Лосев А.В. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
6. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.

Кузнецов Родион Игоревич, аспирант, tulgu_filosofia@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

PROBLEMS OF MYTHOLOGY AND RELIGION CORRELATION
IN RELIGIOUS CULTURE

R.I. Kuznetsov

The article looks into the origins and functioning of myths, religion, philosophy and science in the system of social consciousness.

Keywords: myth, mythology, religion, culture, social consciousness, science, philosophy, cult.

Kuznetsov Rodion Igorevich, post-graduate student, tulgu_filosofia@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 1(091)+ (101.9:111.82)

**СУБСТАНЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО ЛИЧНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО ОПЫТА
П.Е. АСТАФЬЕВА**

Д.А. Репин

Анализируется категория субстанциальности как центра личного самосознания в контексте проблемы внутреннего опыта русского персоналиста П.Е. Астафьева. Показывается, что субстанциальное начало личности является основой самосознания, которая выступает единым центром бытия мира. В применении категорий познания, таких, как «истина», «воля», «единство», «самосознательное бытие», «центр самосознающего Я», выявляется тождественность субстанциального начала с метафизической категорией «духа». Выдвигается гипотеза в рассмотрении духовной природы субстанциального начала, имеющей ценностную координацию внутреннего и внешнего опыта человека в единстве универсума.

Ключевые слова: русский персонализм, внутренний опыт, внешний опыт, знание, истина, самосознание, субстанциальное начало личности, воля, дух, ценностная координация.

В философии П.Е. Астафьева наиболее важной становится категория, в которой источник онто-гносеологического опыта выступает фактом непосредственной данности. Он полагал, что необходимо исходить из факта, который для личности был бы самоочевиден, ясен и присутствовал в ней. Знание о себе – это очевидность внутреннего опыта и присущих ему актов: переживаний, чувствований, интуиций, волевого акта, определенно-го рода деятельностей внутреннего характера и т.д. В этом контексте происходит сближение психического акта с актом гносеологическим. Сознывая себя как конкретную личность, каждый знает о себе в той мере, в которой подчеркивается его индивидуация. Знание о себе, согласно мыслителю, есть утверждение субстанционального начала самознания личности.

Субстанциальное начало самосознания определяется нами как начало всякого знания. То, что человек чувствует, видит, желает, мыслит – это подтверждение факта его сознания, который есть констатация того, что соответствующие деятельности, протекающие в нем, присутствуют действительным образом.

Следовательно, нельзя отрицать внутренних деятельностей, протекающих в сознании личности. Они сопряжены с центром сознания, который находится в «Я». Отсюда и все деятельности выступают осознанными, о которых личность знает по их содержаниям, а потому имеет знание истинное. Философ усматривает взаимосвязь между знанием и истиной. «Первичная» истина дается человеку в непосредственной сознательной активности, и она не нуждается ни в каком доказательстве.

Такое положение основывалось на переживании самосознания личностью в очевидности ее актов и выводилось из «самой себе ведомой» внутренней жизни. Нужно отметить, что многие авторы, такие, как, например: А.А. Козлов, А.И. Введенский, М.А. Прасолов, О.К. Авдеев, О.Н. Сальникова говорили о заимствовании П.Е. Астафьевым учения представителя французской философско-психологической школы Ф.Д. Мэн де- Бирана (1766-1824) о психическом ритме и сознательной активности. В нем внутренний опыт раскрывается в содержании несомненного человеческого самосознания. При этом внешний опыт является составной частью от целого внутреннего опыта. Одной из таких позиций можно назвать точку зрения М.А. Прасолова, который в научной статье «Начинать словом Я. К последней достоверности: В.С. Соловьев и П.Е. Астафьев о субъекте как метафизическом принципе» полагает, что личность во внутреннем опыте имеет знание «по существу, здесь мы знаем по существу, как есть».

Он показывает зависимость знания в контексте гносеологии от сознания, в котором это знание приобретает; бытия – знать по существу, «по природе и как есть» значит обладать бытийствующим знанием. Именно такое единство гносеологического учения (о познании) и онтологии, раскрывающееся во внутреннем опыте бытия, заставляет М.А. Прасолова так полагать. П.Е. Астафьев возводит непосредственное знание внутренних деятельностей личности в ранг истины. «Ведомость» и «очевидность» во внутреннем опыте личности для нее приобретает истинное значение.

Данный онто-гносеологический принцип требует критического подхода с позиции рассмотрения вопроса: что считать «истинным» и «истиной»? Знание о себе - самосознание является истинным, так как оно субъективно и ни у кого не вызывает сомнения о субъекте самосознания. Отсюда субъект сам удостоверяет и переживает в себе акты своей сознательной деятельности, в результате которых он приобретает именно определенное для него знание. Это знание о своем чувстве, о своей воле, о сво-

ем разуме и интеллектуальной деятельности, где разум, чувство и воля сочетаются между собой. Однако то, что выступает истинным знанием для одного субъекта, для другого может быть не истинным, тогда здесь мы неизбежно касаемся проблемы одушевления. Так как в собственном самосознании человек выступает «замкнутой монадой» в себе и на себя, то и поиск истины в нем предстает лишь как данность только его определенному сознанию. «Во внутреннем мире сознания монада является свободной, обусловленная отношением к внешнему миру, тогда как во внешнем мире существует необходимость...» [1, с. 181]. При этом, отмечает русский мыслитель, «монада в себе неделима и едина». Значит, в метафизическом контексте знает о себе личность как монада - дух, связанный с «периферией сознания» - ее телесностью.

Конкретизация сознательных актов в «Я» в центре сознания говорит об их координированности в нем и непосредственном знании о внутренних деятельности сознания, которое стремится к тому, что в своем единстве оно принадлежит субъекту познания. «Единство – писал П.Е. Астафьев – коренное определение самосознающего существа, определение, от которого человек не может отрешиться ни в едином моменте сознательного бытия, ни в одном акте деятельности. Это долг человека приводить свои внутренние деятельности, элементы сознания, чувства, переживания, отраженные во внутреннем опыте представления о свойствах предметов внешнего мира в единство» [2, с. 372].

Единство – существенный принцип самосознания, без которого невозможно отнести элементы сознания к определенному центру, к единству всех этих разрозненных между собой элементов. В связи с этим появляются следующие вопросы. Каким образом во внутреннем опыте сознания разрозненные элементы предстают едиными? Что приводит их в единство? Ответ был очевиден – данный процесс приведения разрозненных элементов сознания в единство достигается через центр сознания личности «Я». Без данного акта невозможно было бы составить, например ученому, картину мира. Все стремится к своему единству. Поэтому и необходимо было мыслителю во взаимосвязи с вопросами времени показать ошибочность воззрений ряда философов, в том числе и Н.Н. Страхова, на «Я» как мертвый центр личности. Личность обладает в непосредственном сознании своих деятельностей первичной истиной, как знанием о них и о том, для чего они производились. Отсюда логичным является постановка вопроса о субстанциальном бытии как начале жизненном.

Нужно уточнить, что ранее мы лишь коснулись данного вопроса теперь же перед нами стоит задача - выявить субстанциальное начало в человеческом сознании и его самосознании как персоналистическое жизненное начало, обладающее определенным бытием. С этой точки зрения нельзя отделить субъект от «Я», воли, чувства, разума, как нельзя отрицать в

них элементарное сознание и делать их бессознательными, безжизненными актами.

Аргументируя представленную позицию с онтогносеологической позиции, нужно заметить, что субъекту - сознание не «является», а воля, чувство и разум сами по себе не могут обладать отдельным от субъекта существованием. Отсюда они не выступают «отдельными субстанциями», что привело бы к субстанциированию чувственных, волевых и разумных актов личности, но и не вызываются в личности только объективными представлениями окружающей действительности, что было обусловлено в философии позитивистов сенсуалистической направленности и выражалось ими в слове «мы»: «мы видим, мы чувствуем, мы осознаем, мы действуем».

Современники П.Е. Астафьева – позитивисты, и среди них проф. Лесевич, утверждали, что чувства, вызываемые представлениями личности о действительных объектах, есть внутренние акты, за которыми не может быть ничего реального – сущностного, принадлежащего сущностям объектов и предметов. За нашими представлениями открывается действительный мир объектов - формы и вещества, который и составляет предмет онто-гносеологического опыта в целом. Понятия «Я», «субстанция», «трансцендентное», «трансцендентальность» не имеют никакого значения и смысла, так как ни «Я», ни «субстанций» не существует, а значит, они непознаваемы никаким образом. Поэтому и не существует такого определения, в котором бы устанавливалась взаимообусловленность центра сознания «Я» и его деятельности от непознаваемых субстанций, существование которых в позитивизме отрицалось. Значит, и знание наше вполне ограничивается этими представлениями. Отсюда позитивисты считали, что в познании нет никакого противоречия. Оно, во-первых, должно отражать действительность в эмпирическом опыте. Во-вторых, в этом опыте есть возможность познания всего мира без «метафизических» понятий субстанции - сущности, «Я», идеального, трансцендентного и трансцендентального.

Следовательно, концепция позитивистов раскрывалась в контексте онто-гносеологического опыта и установлении субъективных представлений об окружающей действительности как полностью познаваемом мире. Она проистекала из неспособности представителей позитивизма взглянуть на единую личность со своим богатым внутренним миром и определить в ней реальное единство сознания в центре «Я». Вместо этого многие русские персоналисты (А.А. Козлов, Е.А. Бобров, П.Е. Астафьев, Л.М. Лопатин) подмечали у них психологическое воззрение, согласно которому в их мировидении онто-гносеологический опыт представлял собой обобщение. Познает этот мир не конкретная личность, а «мы», не единичное «Я», а собирательное «мы». Отсюда нужно констатировать, что позитивизм в рам-

ках своей гносеологии являлся имперсоналистическим философским направлением мысли.

Однако представители русского персонализма утверждали реальное единство сознания, в центре которого «Я» выступает функциональным началом, обуславливающим взаимосвязь внутреннего и внешнего мира. При этом для П.Е. Астафьева проблема внутреннего опыта, самой себе ведомой жизни, анализировалась с целью обоснования возможности единства внутреннего и внешнего опыта.

Субстанциальное начало во внутреннем опыте в сознательном центре личности «Я», подчеркивал мыслитель, не есть субстанция. А в сознании каждый раз человеку открывается внутренняя его деятельность, которая образует внутреннюю психическую жизнь (бытие) личности. Поэтому он писал: «...сознанное мною в себе *деятельное* начало, – воля, – есть уже определенное формами знаний (напр. «деятельный его характер») и потому не есть сущность... Воля сознается нами в себе (а это есть начало всей системы) только как деятельная сила» [2, с. 317-318].

Исходя из этого становится очевидным, что субстанциальное начало в центре сознания личности не сводится к самой субстанции (сущности), но к ее деятельности. Фактически П.Е. Астафьев объявляет субстанцию ирреальной – не принадлежащей миру объектов и предметов и миру внутреннего опыта. Необходимо провести аргументацию данной онтологической позиции. Субстанция выражается через конкретные деятельности. Как известно, – это точка зрения Лейбница – субстанция проявляется через силу. Но здесь существует акцентуация на то, что она проявляется, то есть воплощается в своих деятельностях. Следовательно, «знание субстанции» невозможно, оно не свойственно личности.

В русском персонализме была развита теория символичности субстанций, согласно которой символ относит конкретную деятельность к миру субстанций. Символом субстанции является внутренняя психическая деятельность личности, имеющая знание о ней как о проявленной воле. Поэтому личности имманентно знание о воле, то, что «Я» обладает волей и сопряженной с ней конкретной деятельностью внутреннего характера, знает только оно, «другое» «Я» обладает другой волей и т. д.

Исходя из проведенной аргументации философ старался показать, что богатство психического спектра – единства воли, чувства, разума нам непосредственно «ведомо», «очевидно», и мы знаем о них в своем единстве, как о нашем скоординированном «Я» самочувствии. Знание о них присутствует в нас как формирующий принцип связи воли с внутренними актами человека.

Теперь возможно констатировать, что мы знаем о субстанциальном начале:

- 1) оно не есть субстанция;
- 2) оно не сводится к субстанции;

- 3) оно есть воля;
- 4) это воля, определенная формами знаний;

5) оно создается внутри личности как деятельная сила. «Сознание, внутренний опыт есть самый акт самодеятельное усилие, составляющее существо души, но не - явление», - не раз повторял философ.

Сознание объединяет познание внутреннего и внешнего «миров», исходя из признания внутри него субстанциального начала, оно само позиционируется в контексте удостоверения личности в единстве с собой и другими личностями. Аналогичную мысль на то, что во внутреннем опыте содержатся знания о бытии целого, высказывал русский психолог и представитель духовно-академической философии В.А. Снегирев: «Знание человеческое имеет в своей основе и в своем начале абсолютно достоверную истину, в которой реальное бытие открывается прямо и непосредственно, как такое» [3, с. 198].

П.Е. Астафьев подчеркивал, что сознание складывается из субъекта самосознания – переживания себя, и именно в этом, с нашей точки зрения, заключается равенство между осознанием и переживанием. Эта позиция в истории русской мысли выводится на первый план метафизических исканий русских персоналистов и тесно связывается с такими религиозно-философскими категориями, как «живо знание», «очевидность».

В акте очевидности человек непосредственно переживает – осознает - свое единство с собой и окружающей действительностью пространственно-временного характера. Он обладает достоверным знанием, поиск и обретение которого - свойственный ему жизненный процесс. Тогда человек мыслящий должен исходить из непосредственного факта, который достоверен ему и о котором он знает. В этом значении необходимо говорить о сознании. Однако в непосредственном знании о сознании во внутреннем опыте личности человек переживает свою связь с бытием, а не только с пространственно-временным окружающим миром. Реальное бытие присутствует в нем самом до всякого познания.

Так, примечательно, что доктор философских наук, профессор Л.А. Микешина, посвятившая исследованию проблемы познания и различных аспектов эпистемологии большую часть жизни, в результате проведенного ею многолетнего изучения связи внутреннего и внешнего знаний в контексте гносеологии пришла к следующему выводу: «Даже в «строго научном» знании он, (человек) явно, опирается на многообразные эмпирические суждения, принятые *на веру*, вне доказательства, а сомнение по Л. Витгенштейну, приходит после веры, что, как показывают исследования и размышления философов, часто выполняет конструктивную функцию, а само «пребывание в вере и верованиях» является следствием бытия человека в культуре и коммуникациях» [4, с. 19-20].

Данная исследовательская точка зрения обозначается необходимостью рассмотрения веры как «субъективной уверенности», что не только

сомнение, но и вера являются источником знания, а «рациональность коренится в доверии» (М. Полани). Мы полагаем, что во внутреннем опыте и непосредственном знании личности о самой себе существует не просто доверие, но уверенность субъекта в «первичных формах знания». С данной позиции вопрос о субстанциальном начале в центре сознательного «Я» личности приобретает конкретную значимость, выражающуюся в научной попытке объединить точки зрения рационалистов и иррационалистов, Согласно которым знание и вера сосуществуют между собой в личности и одно предполагает другое. Конечно, проблема внутреннего опыта в контексте единства знания и воли не раскрывается до конца, Так как «уверенность» выступает в процессе приобретения результатов эмпирического опыта, конкретной методологии исследования.

«Уверенность» приобретает не в самом факте совпадения выбранных и правильно сформулированных теоретических и практических выводов, но в том, что, несмотря на фактологичность исследуемого материала и его предметную определенность, мы все равно верим в установленное в результате изучения данного материала объекта или предмета окружающей действительности истинное его положение в мире. И только приобретение нового знания может пошатнуть нашу уверенность в правильности сделанных выводов и достигнутых результатов. Поэтому мы не можем говорить о том, что субъективная уверенность в объективно лежащей действительности и в том, что нам открывается в ней как предметное поле изучения и анализа, наделяет познающего человека абсолютностью знания об окружающей действительности.

С последующим развитием знаний о мире (внешнем) с выявлением новых условий и принципов существования объектов прежние теории либо подтверждаются (верифицируются), либо не подтверждаются. Исходя из этого субъективное знание может быть тождественно с субъективной верой и непосредственной уверенностью в наших внутренних действиях, то есть в достоверности обладания истиной во внутреннем знании.

Для П.Е. Астафьева истина – это не то, что очевидно, а что самоочевидно, во что наше «Я» верит и что оно прежде этой веры «знает». Способность же к внутреннему самопознанию и обретению знания о внутреннем мире каждой личности дается ей в волевом усилии. Таким образом, мы приходим к определенному противоречию, заключающемуся в том, что если личность знает о себе во внутреннем опыте через имеющееся в центре сознания «Я» субстанциальное начало и соответственно этому знанию действует, то она не может обладать самосознанием бытия целого.

Русские персоналисты полагали субстанциальное начало в центре «Я» сознающей личности объединяющим метафизическим началом телесной и душевной организации в человеке. «Всякая сознаваемая душевная и физическая деятельность, как и вся их совокупность, потому, сознается, представляется и мыслится как нечто принадлежащее этому «я», как его

проявление, состояние, деятельность: «я», таким образом, является как бы владельцем всего состава душевого и телесного» [5, с. 336].

В то же время утверждение В.А. Снегирева в значительной мере дополняет П.Е. Астафьев, говоря о деятельных силах души и тела человека, в которых без имманентности во внутреннем опыте личности волевого усилия не может быть дано никакого знания. «Таким образом, предметное, безвольное, бескорыстное и бесстрастное знание говорит мне не о внутреннем *существо* предмета, но лишь о том, как он определяется внешними отношениями к тому, что вне его. Оно говорит лишь о том чего не *может быть* для мысли в данных условиях опыта или построения, но отнюдь не о том, что вне этих условий, само по себе для мысли есть и положительно *должно* быть... «Воля и чувство, только одни непосредственно ведомые познающему субъекту, очевидно, вносят в его истинное познание о себе самом такие совершенно особые условия и требования, которым ничего не отвечает в области познания предметного и посредственного» [6, с. 407, 421].

Знание о душевной и телесной организации составляют существо внутреннего опыта личности, но и в душевных и телесных функциях обнаруживается принцип активности самосознания. Без волевого, чувственного и интеллектуального постижения окружающего мира невозможен онто-гносеологический опыт. Однако русские персоналисты делали попытку обосновать приложение этого принципа и к внутреннему опыту личности. В отрицании активной внутренней организации психической жизни и знание о себе конкретного человека становится бессодержательным.

Исходя из вышеизложенного надо заключить, что непосредственной данности субстанциального начала в центре «Я» сознающего человека, объединяющего начала душевной и телесной организации, а не только проявления самосознания, противопоставлялось положение о необходимости внутреннего развития конкретной личности. Существенным моментом для П.Е. Астафьева выступало то, что субстанциальное начало, которое в центре «Я» сознающей личности в самом внутреннем опыте являлось центром аксиологических связей внутри личности. В связи с этим русские персоналисты усматривали значение субстанциального начала личного самосознания в контексте спиритуалистического направления философии, подразумевая под ним жизнедеятельность духа. Развитие духа воспринималось ими с позиции внутреннего совершенствования человека. Однако стоит отметить, что русские персоналисты утверждали не только внешнюю, но и внутреннюю целесообразность конкретных сознательных деятельностей личности. Это означало, что во внутреннем опыте самосознание личности выступает не только в знании о себе, внутренних содержаниях своих деятельностей, но в нем заложено и самосознание целей этих деятельностей.

Переосмысливая монадологическое учение Лейбница, русские персоналисты вместе с П.Е. Астафьевым вышли за пределы разумно-познаваемой действительности, усматривая корень этого познания в совершенно верной, на наш взгляд, трактовке гносеологического спиритуализма - в категории взаимосвязанности сознаний как самобытного и самосущего в личности духа.

Дух развивается изнутри самого субъекта. Развитие его и раскрытие приводит к тому, что психическая внутренняя жизнь субъекта познания становится ведомой ему, а не только конкретному сознанию личности. Таким образом, субстанциальное начало в центре сознательного «Я» предстает волевым началом духа самосознающим *себя* во внутреннем опыте, как личный дух. Следовательно, эта точка зрения необходимо приводила к попытке констатации русскими персоналистами и П.Е. Астафьевым наличия внутри человека духовного бытия. Нужно отметить тот факт, что русская метафизическая мысль базировалась на идеальных принципах своего устройства. Поэтому неизбежными были противоречия в самой этой мысли, определяющие разные стороны проявления духа в человеке, но неизменным оставалось то, что субстанциальное начало в человеческом самосознании понималось как духовное, а не материальное.

Список литературы

1. Лопатин Л.М. Философское мировоззрение Н.В. Бугаева// Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 72 (II). С. 172-195.
2. Астафьев П.Е. Монизм или дуализм?// Временник Демидовского юридического лица. 1873. Т.1. Кн. 4. С. 254-390.
3. Снегирев В.А. О природе человеческого знания и отношении к бытию объективному (Из чтений профессора Казанской Духовной Академии В.А. Снегирева) // Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. I. С. 198-212.
4. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
5. Снегирев В.А. Самосознание и личность// Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. I. С. 335-359.
6. Астафьев П.Е. Вера и знание в единстве мировоззрения/ Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. 544 с.

Репин Дмитрий Александрович, аспирант, repin.dmitrij@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

SUBSTANTIAL ORIGIN OF PERSONAL SELF-CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF INNER EXPERIENCE OF P.E. ASTAFIEV

D.A. Repin

The article analyzes the category of substantiality as a core of personal self-consciousness in the context of inner experience of the Russian personalist of P.E. Astafiev.

The author proves that the substantial origin of individuality is the basis of self-consciousness, which stands as a single center of the world-being. Application of the categories of knowledge, such as «truth», «will», «integrity», «self-conscious entity» and «self-conscious I» reveals the identity of the substantial origin and a metaphysical category of «spirit». The author develops the hypothesis of studying the spiritual nature of substantial origin having value coordination of internal and external human experience in the unity of the Universe.

Key words: Russian personalism, inner experience, external experience, knowledge, truth, self-consciousness, substantial origin of a person, will, spirit, value coordinate.

Repin Dmitry Aleksandrovich, post-graduate student, repin.dmitrij@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 1 (091)

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В XVIII – XIX ВВ.

А.В. Романов

Анализируются взгляды известных русских мыслителей А.И. Введенского, В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского на проблему возникновения и развития русской философии. Предлагаются различные варианты периодизации русской философии. Доказывается, что русская философия является оригинальным типом философствования с присущими ей характерными особенностями (религиозность, онтологизм, антропоцентризм, повышенное внимание к этическим вопросам и т.д.).

Ключевые слова: русская философия, А.И. Введенский, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский.

Проблематика нашей статьи связана с развитием русской философии в XVIII – XIX вв. Этот период был выбран не случайно, так как именно в указанную эпоху протекали процессы, связанные с зарождением и формированием русской философской традиции. Анализ этих процессов и определяет основную цель данной работы.

В исследовательской литературе существуют различные взгляды на проблему развития русской философии в XVIII – XIX вв. В частности, существует позиция, утверждающая, что для русской культуры философское начало не характерно и элементы философии, присутствующие в ней, являются чуждым и инородным элементом. Будучи принципиально не согласными с этим тезисом, рассмотрим основные тенденции развития истории русской философии XVIII – XIX вв. При этом мы будем опираться на следующие труды: А.И. Введенский «Судьбы философии в России», В.В. Зеньковский «История русской философии», Н.О. Лосский «История русской философии», Б.В. Яковенко «История русской философии» и др. Эти мыслители по-разному оценивали место и роль русской философии в мировом философском процессе. Мы в данной статье соглашаемся с позицией А.И. Введенского, русского психолога и философа [7], основателя

русского неокантианства [8], который утверждал, что философия для русской культуры является ее органической частью. И вот почему.

Исследуя философское наследие мыслителей XIX в., причем не только западных, но и отечественных, часто приходится сталкиваться с такой точкой зрения, что русская философия не является автономным, самобытным типом философствования и будто бы она является инородным элементом русской духовной культуры, который искусственно насаждался и прививался в течение веков. По словам А.И. Введенского, иногда даже дело доходило до абсурдных утверждений, что «русский ум не способен или, по крайней мере, не расположен к философским мудрованиям; будто бы он от природы слишком трезво и прямо смотрит на вещи, чтобы пускаться в философские отвлеченности» [2, с. 4].

Неоднократно раздавались упреки в неоригинальности русской философии. В частности, Б.В. Яковенко писал, что бедность характерных черт русского философствования связана с его «недостаточной оригинальностью» [12, с. 16]. По его мнению, русская философия имеет прямую зависимость от классики мировой философии, и это мешает ей выделиться в определенную законченную форму [12, с. 17].

А.И. Введенский пишет о своем несогласии с этой позицией, утверждая, что философия в России «существует не вследствие искусственного насаждения, а вследствие глубокой потребности, удовлетворяемой вопреки всевозможным препятствиям» [2, с. 4]. Безусловно, русская философия зародилась на определенном фундаменте. Таким фундаментом являлась средневековая европейская философия, особенно византийская философия (в силу культурных, политических и экономических связей Киевской Руси с Византией). Но ведь и сама средневековая схоластика возникла не на пустом месте: фактически она пыталась осмыслить новые проблемы, используя категориальный и методологический аппарат античной философии, прежде всего, систем Платона и Аристотеля. Поэтому «большее или меньшее заимствование и подчинение чужим влияниям – это общий закон развития философии любого европейского народа» [2, с. 4]. Более того, А.И. Введенский утверждает, что восприимчивость и интерес к различным философским учениям является гарантом успешного развития философии. И, значит, в этом русская философия ничем не отличается от западноевропейской. Поэтому, по мнению А.И. Введенского, с которыми мы солидарны, вышеприведенные «обвинения» в адрес русской философской мысли, по меньшей мере, несостоятельны.

Об этом же пишет и В.В. Зеньковский, говоря, что влиять на что-то, в том числе на русскую философию, можно лишь тогда, когда имеется «хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности – без этого невозможно говорить о влиянии: нельзя же влиять на пустое место» [4, с. 24]. Вопрос о влиянии мыслителей и школ друг на друга чрезвычайно сложен. Безусловно, оно есть, причем не только в русской философии, но и

в философии вообще (Эпикур строил свою систему опираясь на Левкиппа и Демокрита, Аристотель опирался на Платона, Фома Аквинский – на Аристотеля и т.д.). Но вряд ли этот факт позволяет ставить вопрос о неоригинальности систем Эпикура, Аристотеля и Аквината. Аналогичная ситуация и с русской философией. Другое дело, что русские мыслители были вынуждены учиться у западных, и поэтому влияние Запада имеет место в отечественной традиции. Но «если, несмотря на это, русские мыслители рано начинают пролагать себе свой путь и диалектически тем готовят возникновение, в более поздний период, оригинальных философских систем, то это, конечно, означает диалектическое и историческое единство русской философской мысли и, тем самым, достаточно свидетельствует о ее самостоятельности, а следовательно, и оригинальности» [4, с. 25].

Безусловно, у русской философии есть свои характерные отличительные особенности. Очень точно их сформулировал Н.А. Бердяев: «Русская философия имеет характер онтологический по преимуществу; в ней гносеология всегда занимает подчиненное место, а проблемы логические не разрабатываются специально... Религиозная природа русского народа ставит перед русским сознанием задачу создания синтетической религиозной философии, примирения знания и веры... Онтологическое и религиозное устремление русской философии не есть подчинение истины национальности, а есть раскрытие нашей национальностью онтологической и религиозной стороны истины» [1, с. 114].

Приведенные выше мнения показывают, что русская философия есть оригинальный и самобытный тип философствования; обратимся к возможным попыткам ее периодизации. Например, В.В. Зеньковский предлагает следующее деление:

1. Пролог к русской философии:
 - а) до Петра Великого;
 - б) XVIII в.
2. Досистемный период (до 70-х годов XIX в.).
3. Возникновение систем (конец XIX – 20-е годы XX в.).
4. XX в. (после 1917 г.) [4, с. 28].

А.И. Введенский в своей работе «Судьбы философии в России» выделяет три периода развития русской философии (оговоримся еще раз, что речь идет о развитии русской философии до XX в., т.к. анализируемая работа А.И. Введенского вышла в 1898 г. и посвящена была открытию Философского общества при Петербургском университете):

1. Подготовительный период.
2. Период господства немецкого идеализма.
3. Период вторичного развития.

А.И. Введенский считает, что отсчет истории русской философии необходимо вести с 1755 г., т.е. с момента основания Московского университета [2, с. 5]. До этого момента философия, конечно же, преподавалась в

учебных заведениях России. Но уровень подготовки в духовных академиях Москвы и Киева не мог сравниться с уровнем подготовки в западных университетах. Именно поэтому А.И. Введенский утверждает, что распространение в обществе философия получила только после открытия Московского университета.

Изначально в нем преподавали приглашенные профессора из Германии, поэтому вполне закономерно, что вплоть до XIX в. в Московском университете господствовала философия школы Х. Вольфа. Но вместе с этим гораздо более плодотворно шло усвоение наследия французских просветителей (Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.). Этому способствовала и переписка Екатерины II с Вольтером.

Эти позитивные моменты омрачало следующее обстоятельство. В российском обществе XVIII в. отношение к наследию французских просветителей было как к увлекательному, интересному чтиву, но не более того. По словам академика Петербургской академии наук А.Н. Пыпина, на которого ссылается А.И. Введенский, «среди русских читателей распространялось не столько понимание, сколько слава французских писателей» [2, с. 8]. В силу этого обстоятельства влияние французской философии на русскую мысль было относительно недолгим и закончилось в начале XIX в., когда на смену ему пришло увлечение немецким идеализмом. Основным положительным итогом господства французской философии в императорской России, а вместе с ним и всего подготовительного периода развития русской философии является, по словам А.И. Введенского, подготовка к «более глубокому усвоению западной философии» [2, с. 8].

В.В. Зеньковский также считает XVIII в. «прологом» русской философии. В этот период, по его мнению, Россия начала усваивать плоды западной культуры, причем касалось это как материальной, так и духовной ее стороны. Сразу же необходимо оговориться, что философские вопросы были не чужды русскому сознанию и до XVIII в. Просто они находили свое разрешение в рамках религиозного мировоззрения, точно так же, как это было до момента зарождения феномена философии в Древней Греции, Индии или Китае. Во второй половине XVIII в. произошло «пробуждение собственных творческих сил», потому В.В. Зеньковский называет XVIII в. «настоящей весной русского просвещения, побуждающей русских людей прежде всего «учиться» у Запада» [4, с. 26].

Начало второго периода развития русской философии, которое А.И. Введенский относит к 1805 г., было многообещающим. Александр I в начале своего царствования предпринял целый ряд мер по развитию системы образования вообще и преподавания философии в частности (например, философия как учебная дисциплина присутствовала не только в университетах и духовных академиях, но и в семинариях и гимназиях). Помимо общего курса философии, преподавались история философии, логика, философия права, эстетика и этика.

В этот период весьма популярными в России были учения И. Канта, И.Г. Фихте и Ф. Шеллинга. Наибольшую популярность, по мнению А.И. Введенского, снискала себе философская система Ф. Шеллинга. И дело здесь не только в романтической поэзии и мистицизме наследия немецкого мыслителя. Подлинной причиной этого стало, по словам А.И. Введенского, то, что «отречение от всякой метафизики, проповедуемое Кантом, не было выдержано и им самим. Для его же современников оно и подавно было слишком преждевременным и непосильным. А метафизические элементы, находящиеся у Канта, как известно, почти с логической необходимостью вели к тому, что его философия прежде всего перерождалась в учение Фихте, а через его посредство – в системы Шеллинга и Гегеля» [2, с. 15]. Основными популяризаторами шеллингианства в России в этот период были профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Д. Велланский и профессор Санкт-Петербургского педагогического университета А. Галич.

Но официальная власть недолго благоволила философии. После войны с Наполеоном в политике Александра I произошли значительные изменения, которые не могли не затронуть систему образования и философию в частности. Философия признавалась крайне опасной дисциплиной, поэтому ее преподавание в гимназиях было сведено к курсу формальной логики, а преподаватели философии в университетах, которые не захотели приспособливаться к новым веяниям, вынуждены были страдать из-за своих убеждений.

Так, например, профессор Харьковского университета И.Г. Шад в 1819 г. был обвинен в приверженности идеям Ф. Шеллинга и выслан из России. В Казанском университете печально известный М.Л. Магницкий, имевший тогда права попечителя, фактически свел преподавание философии к логике, добился отстранения от кафедр ведущих профессоров и ввел обязательное правило для преподавателей других кафедр, согласно которому они должны были «постоянно указывать при изложении своего предмета на проявление в нем божественной премудрости и на бессилие разума, а недостатки прежних писателей объяснять тем, что они жили во время хищнического владычества философии» [2, с. 20].

Аналогичные процессы происходили и в Санкт-Петербургском университете, попечителем которого был друг Магницкого Д.П. Рунич. Он добился увольнения 12 профессоров за год. В их числе были А.И. Галич и А.П. Куницын, которых обвинили в том, что они в своих работах подрывают основы государства, противоречат христианской вере и увлекаются философией Ф. Шеллинга. А.И. Галичу впоследствии в течение 10 лет не позволяли читать лекции даже в собственной квартире.

В Московском университете реакция была не столь сурова, но эти процессы затронули и его. В частности, профессора И.И. Давыдова от-

странили от преподавания философии за то, что его учебник по логике был написан в духе шеллингианства.

Таким образом, в 20-е годы XIX в., по мнению А.И. Введенского, «одновременно и повсюду подверглись преследованию все три распространявшиеся у нас системы нового идеализма» [2, с. 24].

Но развитие философии, несмотря на жесткое внешнее давление со стороны официальной власти, не остановилось. В 30-40 годы XIX в. философия начала распространяться посредством литературных кружков, из которых вышли такие известные русские мыслители, как А.С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы, В.Г. Белинский, А.И. Герцен и др. Из этих кружков, основной философской базой которых было наследие Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, возникнут два течения, во многом определившие развитие русской философии: славянофилы и западники.

В том же ключе описывает этот период и Н.О. Лосский, считая, что «начало последовательного развития русской философии мысли восходит к тому времени XIX в., когда русское общество уже пережило период увлечения немецким идеализмом Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля» [5, с. 9]. Н.О. Лосский связывает начало самостоятельной русской философии с именами славянофилов: И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. С его точки зрения, именно они попытались опровергнуть немецкий тип философствования и создать новый тип на основе русского толкования христианства, опирающегося на труды отцов Восточной церкви. С позиции Н.О. Лосского, создать философскую систему у них не получилось, но они вселили новый дух философствования в русскую культуру. И результат не заставил себя долго ждать: через несколько десятилетий появилась первая русская система религиозной философии у В.С. Соловьева [5, с. 10].

Таким образом, во второй период своего развития русская философия, по словам А.И. Введенского, «успела оказать неоспоримое и самое благотворное влияние на ход русской культуры. И в то же время ее услуги за этот период имеют не только местный характер: они не ограничиваются лишь одной Россией, но распространяются и на весь цивилизованный мир» [2, с. 29]. Под распространением достижений русской мысли в мире А.И. Введенский подразумевает создание неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевским. Последний мог создать ее только при помощи философского переосмысления основ математики. Именно поэтому, «когда задумываются, может ли и у нас философия иметь такое же значение для развития нашей культуры, как в других странах, то пусть вспомнят о славянофилах и западниках. Если же сомневаются, в состоянии ли русская философия уплатить свой долг Западу и оказывать со своей стороны влияние на развитие его философии, то пусть припомнят Лобачевского и взвешают, не началась ли уже эта расплата» [2, с. 31 – 32].

Период вторичного развития в русской философии начинается во времена царствования Александра II. Конечно, такого давления извне на

философию, как это было в 20-е годы XIX в. со стороны официальной власти, в этот период уже нет. Но зато философия в России столкнулась с внутренними трудностями.

Во-первых, это распространение материализма. Фактически он стал очень моден в то время, и его исповедовали, по мысли А.И. Введенского, «с необычайным увлечением, чисто догматически и чуть не с фанатизмом, ни на минуту не задумываясь ни над какими возражениями против него» [2, с. 37]. А.И. Введенский сравнивает это явление с распространением вольтерианства во времена правления Екатерины II, когда в суть учения мало кто пытался вникнуть, а исповедовали его просто потому, что так было модно. К счастью, такое бездумное увлечение материализмом прошло (как и вольтерианством ранее), причем в большей степени не благодаря усилиям людей, боровшихся с ним (Ю.Ф. Самарин, Н.Н. Страхов, П.Д. Юркевич), а само собой.

Во-вторых, распространение позитивизма О. Конта. Проблема заключалась в том, что в силу популярности позитивизма «мы теперь видим не борьбу против той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушие к самой философии... Философия до сих пор не опровергнута в своих началах, а просто отброшена, как ненужная вещь... В такой же опале, как философия, находится и единственное ее орудие – умозрение. Мы систематически пренебрегаем умозрением, питаем к нему полное недоверие. Умозрение в наши дни чуть-чуть не бранное слово» [2, с. 39].

Но в 80-х годах XIX в. ситуация меняется. Материализм как господствующее направление в философии исчезает, а позитивизм сменяется эволюционными воззрениями. Состояние русской философии конца XIX в. А.И. Введенский сравнивает с ее состоянием в 30-е годы того же столетия, когда философия в России получила мощный импульс для своего развития в виде литературных кружков. В конце XIX в. Таким импульсом стала смена материалистической, позитивистской парадигмы в философии на принципиально иную. И результатом этого стало появление строгой законченной философской системы В.С. Соловьева.

В целом, А.И. Введенский положительно оценивает перспективы развития русской философии, заявляя, что в дальнейшем «русская философия воспитает деятелей, имеющих для жизни России значение не меньшее, чем славянофилы с западниками, а для философии всего мира такое же, как и Лобачевский» [2, с. 43]. И сейчас, в XXI в., мы уже можем с уверенностью сказать, что А.И. Введенский оказался прав. Творческое наследие русских мыслителей (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, Г.В. Флоровский и др.) составляет золотой фонд мировой философской мысли. Причем это наследие актуально, достаточно обратить внимание на современные научные публикации. Современный исследователь А.С. Стрельцов видит в русской философии один из

источников современного российского патриотизма, говоря о том, что она является «учебником жизни», который может оказать серьезную поддержку в формировании чувства патриотизма у россиян, в особенности, у молодежи [9, с. 18]. А.Г. Троегубов и И.Н. Петракова видят в философии В.В. Розанова одно из оснований современной концепции толерантности [10]. Многие мыслители обращаются к этике Л.Н. Толстого, связывая ее с проблемами современности (Е.Д. Мелешко [6], С.Е. Юрков [11], М.Л. Гельфонд [3] и др). Перечисление всех направлений русской философии, которые исследуются по сей день, заняло бы много времени. Поэтому резюмируя, нужно отметить, что развитие русской философии в XVIII – XIX вв. предопределило ее расцвет в первой половине XX в. Сейчас, в начале XXI в., выбирая свое направление развития, российскому обществу следует вспомнить о том духовном богатстве, которым обладает русская культура в лице русской философии, и строить свой дальнейший путь с учетом этого тех идей, которые у нас есть.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 5. Париж: YMCA-press, 1997. С. 9-202.
2. Введенский А.И. Судьбы философии в России. М.: Типография лит. товар. И.Н. Кушнерев и К^о, 1898. 43 с.
3. Гельфонд М.Л. Философия любви Л.Н. Толстого // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 3-13.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
6. Мелешко Е.Д. Принцип неделания Л.Н. Толстого в контексте программы нравственного самосовершенствования личности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2012. № 3. С. 6-24. URL: <http://tsput.ru/fb/hum/3/index.html#1> (дата обращения: 25.03.2014).
7. Репин Д.А., Юрков С.Е. Концепция внутреннего опыта в метафизической мысли русских персоналистов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 40- 48.
8. Романов А.В. Религиозно-психологические основания веры в Бога в философии А.И. Введенского // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2012. № 1. С. 11-22. URL: <http://tsput.ru/fb/hum/1/index.html> (дата обращения: 25.03.2014).
9. Стрельцов А.С. Русская философия как теоретический источник патриотических идей российского общества // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2013. № 1-2 (5-6). С. 17-29. URL: <http://tsput.ru/fb/hum/5/index.html#18/z> (дата обращения: 25.03. 2014).

10. Троегубов А.Г., Петракова И.Н. Потенциал философских идей В.В. Розанова в контексте анализа проблемы толерантности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.3. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 67 – 77.

11. Юрков С.Е. Проблемы современной этики и Л. Толстой // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 92 – 100.

12. Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Директ-Медиа, 2008. 1248 с.

Романов Анатолий Владимирович, канд. филос. наук, доц., avr.85@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

DEVELOPMENT OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE 18TH – 19TH CENTURIES

A.V. Romanov

This article analyzes the views of the famous Russian thinkers A.I. Vvedensky, V.V. Zenkovsky and N.O. Lossky on the problem of the origin and development of the Russian philosophy. Different variants of a periodization of the Russian philosophy are offered. It is proved that the Russian philosophy is an original type of philosophizing with its characteristic features (religion, ontologism, anthropocentrism, increased attention to ethical issues, and etc.).

Key words: Russian philosophy, A.I. Vvedensky, V.V. Zenkovsky, N.O. Lossky.

Romanov Anatoly Vladimirovich, PhD (Philosophy), Associate Professor, avr.85@mail.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University

УДК 273.1

КЛАССИФИКАЦИЯ ГНОСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

А.В. Слобожанин

Приводится обзор различных подходов к классификации и систематизации гностических учений. Устанавливаются основные причины трудности типологизации гнозиса: слабая степень институализации гностических общин и недолговечность их существования, отсутствие унифицированного вероучения. Выделено несколько типов классификаций гностических учений по территориальным (М. Поснов, А. Лосев), хронологическим (М. Поснов, А. Лосев) и философским (В.Болотов, В. Соловьев) критериям. Автор приходит к выводу, что полноценная систематизация гностицизма возможна при объединении вышеуказанных критериев. Приводится авторская классификация, основанная на совместном использовании онтологических, антропологических и этических критериев. В процессе решения поставленных задач производится обращение к ряду современных авторов (Г. Йонас, Эдвин М. Ямаучи) с целью коррекции неверных исторических представлений о гностических учениях у классических исследователей гностицизма.

Ключевые слова: гностицизм, гностические учения, гнозис, методология классификаций, типологизация.

Гностические учения в силу своей неоднородности нуждаются в систематизации и классификации. Важнейшим свойством классификаций

гносиса является принципиальный отказ от выделения какой-либо школы как основополагающей, ортодоксальной. Эта черта позволяет характеризовать гностицизм как своеобразный античный постмодернизм. «В мире постмодернизма исчезли общезначимые критерии, линейки, позволяющие измерять «правильность» и «праведность»» [9, с. 70].

Это обуславливается слабой степенью институализации гностических общин и недолговечностью их существования. Еще одной причиной невозможности выделить ортодоксальный гносис может служить то, что гностицизм практически никогда не ставил целью обращения как можно большего числа людей, акцент делался прежде всего на «избранных» и поэтому не предполагал создание унифицированного вероучения. Подобный отказ от выделения гностической ортодоксии на фоне чрезвычайной разнородности как культа и вероучения, так и этических норм поведения членов общин послужил тому, что многие исследователи в основу своих классификаций клали географический принцип. Разумеется, помимо географических систематизаций были разработаны и содержательные, которые, как правило, базировались на выделении и сравнении в гносисе отдельных, хотя и существенных, элементов (например, в этической или онтологической сферах). Целью данной статьи является анализ различных подходов к типологизации гностицизма. Задачи исследования следующие:

1. Рассмотрение классификаций формального и содержательного типов.

2. Установление основных философских характеристик гностических учений.

3. Создание синтетической классификации гносиса.

Никакая классификация не может быть рассмотрена в отрыве от специфического понимания автором классификации гностицизма как религиозного, культурного, философского феномена. Но ввиду того, что проблеме дефиниции гностических учений был посвящено множество работ, приведенных в библиографическом списке, здесь мы лишь кратко будем упоминать об этом.

В начале рассмотрим «географические» классификации гностических учений. В качестве примера избраны достаточно схожие классификации М. Поснова и А. Лосева. В основу различения гностических учений М.Э. Поснов кладет, в конечном счете, пространственно-временной критерий. Он выделяет следующие типы гносиса:

1. Дохристианский гносис.

2. Гностицизм I и II века.

3. Восточный (сирийский) гностицизм.

4. Западный (александрийский гностицизм).

Как показано, формально географическое разделение появляется на поздних этапах, однако именно этот этап и требует упорядочивания. Един-

ство гностицизма I века своим истоком имеет околохристианский его характер.

В качестве еще одного примера географической классификации гностических учений приводится классификация А.Ф. Лосева.

Полностью его классификация выглядит следующим образом:

1. Языческий гностицизм и мандеи.
2. Иудейский гностицизм.
3. I и II века.
4. Восточный и западный гностицизм.
5. Симон Маг.

Указывается, что языческий гностицизм выделен исключительно с целью сомнения в его существовании. В итоговом виде классификация становится трехчастной.

1. Симон Волхв - «фигуру, явно предшествующую гностицизму и явно относящуюся к его самому раннему периоду».

2. I и II века.
3. Восточный и западный гностицизм.

Ограничение вышеприведенными формальными классификациями гностицизма обусловлено тем, что другие весьма похожи на них.

Достаточно расширительной является классификация гностических систем мысли Г. Йонаса [4]. В нее входит весьма спорный, с точки зрения отнесенности к гностицизму, герметизм. У нее нет четкого логического основания, но ее, безусловно, можно отнести к переходному типу от формальной к содержательно-философской. Исходит она уже не из географических характеристик, а в большей степени от названия крупных гностических школ или имен их основателей. В целом она призвана выделить основные типы гностических мировоззренческих установок. Весьма удачно автор включает в свою систему имена лишь выдающихся гностиков, с другой стороны – это существенно обедняет ее.

Г. Йонас рассматривает следующие гностические системы мысли: Симона Мага, Маркиона, Гермеса Трисмегиста, Валентина, Мани.

Как мы видим, третья и пятая системы вполне могут быть выделены в отдельные группы, в особенности это касается манихейства, признанного большинством исследователей самостоятельной религией. Для нас кажется очень важным, что три несомненно гностические системы (Симона Мага, Маркиона и Валентина) дают четкий срез типологии гностического мировоззрения. Это либертинистская, во многом языческая система Симона Мага, дуалистическая и аскетическая концепция Маркиона и, наконец, спекулятивная система Валентина, которую сам Г. Йонас называет валентиновским умозрением.

Помимо такого выделения типов гностицизма, Г. Йонас дает содержательную онтологическую классификацию гносиса по степени дуализма в кратком резюме: два типа дуализма в гностическом умозрении.

Он различает иранскую и сирийскую гностические системы. Сам Г. Йонас подчеркивает условность подобных терминов. «Наше разделение является типологическим и, следовательно, его не сильно беспокоят выбранные для него географические и этические названия» [4], - пишет исследователь.

Обе системы являются дуалистическими в самом широком смысле: они констатируют существующий разрыв между Богом и миром, миром и человеком, духом и плотью. Онтологическим источником «зла» является беспорядок в высших сферах. И далее, по словам Г. Йонаса, «... в обеих <сферах> существование мира отмечает замешательство божества и необходимость, в сущности нежелательную, возможности его итогового восстановления; в обеих спасение человека есть спасение самого божества» [4].

Для иранского типа гносиса характерно: источник – модификация зороастрийского учения о дуализме двух противоположных начал; основная мировоззренческая задача – объясняет, как изначальная Тьма поглотила элементы Света; специфика теогенеза – в трагедии божества, изгнанного за пределы, где первая инициатива принадлежит Тьме; специфика космологии – мировая драма рассматривается как война с переменным успехом, она описывает божественный рок, для которого человек является частью, а мир – невольным результатом с точки зрения смешения и несмешения, плена и освобождения.

Таким образом, подобный тип гностицизма преимущественно восточный – он с трудом соотносится с традиционно эллинистическими представлениями о космосе и с христианским учением о единстве и всемогуществе Бога.

Сирийский гностицизм: основная мировоззренческая задача – установление происхождения от одного неразделенного источника бытия; специфика теогенеза – посредством генеалогии персонифицированного божества утверждает развитие от одного к другому, описывает развивающееся затемнение изначального Света в категориях вины, ошибки и неудачи, специфика космологии – внутренне-божественная "эволюция" заканчивается в упадке полным самоотчуждением, которое и является этим миром.

Данный тип гностической системы в большей степени связан с влиянием эллинизма, однако эманационный (иерархически исходный по происхождению) ряд дается в ней нехарактерным негативным образом.

Онтологическая систематизация Г. Йонаса охватывает лишь несколько типов гностических школ, так как не учитывает степень «христианизации» гносиса. Ниже мы приведем другие онтологические классификации, в большей степени соответствующие задачам нашего исследования.

Одной из первых среди содержательных классификаций в русской философской мысли была классификация, предложенная В.С. Соловье-

вым. Она носит синтетический онтоэтический характер. Соловьев выделяет три группы гностических учений:

1. «Существенная для гностицизма непримиримость между абсолютным и конечным, между Божеством и миром является, сравнительно, в скрытом и смягченном виде.

2. Гностическое раздвоение выступает с полной резкостью, именно в космогонии: мир признается прямо злонамеренным созданием противобожественных сил. Таков гнозис сиро-халдейский.

3. Гнозис малоазийский, представляемый, главным образом, Кердоном и Маркионом; здесь гностические антитезы выступают не столько в космогонии, сколько в религиозной истории; противоположность — не между злым и добрым творением, а между злым и добрым законом (антиномизм), между ветхозаветным началом формальной правды и евангельской заповедью любви» [8].

Как мы видим, эта классификация тоже соотносится с географическими (по словам самого В.С. Соловьева - этнологическими) характеристиками общин. Однако на первый план выводятся именно содержательные характеристики.

Л.П. Карсавин в своей работе «Глубины сатанинские» непосредственно выделяет христианский, эллинский и восточный гнозис. Мы, безусловно, согласны с его мыслью о том, что «уместно и предпочтительно применять термин "гнозис" только к синкретизирующей религиозности, связанной с христианством» [5]. Это означает, что наличие обособленного эллинистического и восточного гнозиса не может быть рассмотрено вне христианства, что позволяет отсеять учения, базирующиеся лишь на зороастризме (манихейство) или эллинистическом мировоззрении (герметизме) от специфически гностических, хотя и восточных или эллинских по множеству своих характеристик, от генетических до социально-практических.

Достаточно подробное рассмотрение систематизаций гнозиса дается в книге В.В. Болотова «Лекции по истории древней Церкви». Систематизация принятая им оказывается чрезвычайно интересной в содержательном философском отношении. Более того, она носит многомерный характер. Рассмотрим ее.

В онтологическом отношении он, считая гностицизм принципиально дуалистическим учением, выделяет: дуализм сильного типа; дуализм слабого типа [2]. Их характеристики даются В.В. Болотовым в сопоставлении на протяжении параграфа его научного труда. Мы же изложим их по отдельности.

Итак, при дуализме сильном:

- Демиург творит мир или вопреки Богу, как возмущившийся ангел, или как невольник, захваченный в плен материей при ее наступательном движении на мир духов и поработенный ею.

- Противоположность начал выдерживается более строго, и ослабляющее его понятие эманации отпадает, так что верховные начала добро и зло противостоят друг другу прямо и непосредственно.

- Христос действует в своей сотериологической функции против демиурга.

Отвергается утверждение о том, что Христос действует в другом человеке, то есть соприкосновение противоположных начал не только не ипостасное, но и не действительное: оно переходит в докетизм, и человеческая природа Христа разрешается в фантом, в чистый призрак.

Прежде всего к подобным гностическим учениям можно отнести последователей Маркиона, Тациана и Карпократа и его сына Епифания. В географическом отношении этот вид гносиса можно охарактеризовать как сирийский или иначе - сирохалдейский. Все эти учения, несомненно, испытали на себе влияния зороастризма, и безусловно в меньшей степени связаны с магистральным христианским направлением.

При дуализме слабом:

- Демиург представляется слабым духовным существом, которое попадает в материю и делается творцом по необходимости.

- Бог эмманационно развивает из себя целый духовный мир «эонов» чтобы устранить соприкосновение между Богом и материей. Эту совокупность эонов и называют часто «плеромой».

- Христос действует в своей сотериологической функции не против демиурга, а, скорее, невзирая на него. Это безразличие к демиургу даже у данного типа гностиков радикальным образом отличает их от масонов, которые «утверждают, что гражданские законы, по мнению масонов, также пытаются достичь цели возвращения человека к образу и подобию Божию» [6, с. 50].

Отрицается лишь единение ипостасное во Христе: Христос живет и действует в другом, действительном человеке.

К слабым дуалистическим гностическим учениям можно отнести учения Валентина и Василида, которые находятся под влиянием как христианства, так и неоплатонизма. Они, безусловно, представляют собой достаточно сильную, но пусть не всегда удачную христианизацию эллинизма. Географически эти школы возникают в Александрии и других, более западных по отношению к Палестине городах, поэтому данные школы называют в литературе западными.

Обратим внимание, что уже из приведенного бинарного разбиения мы можем делать вывод, что гностицизм в своей неоднородности достаточно четко обнаруживает собственные различия в зависимости от онтологической характеристики мира. И появление идеи эманации, которая напоминает креационный акт, и отсутствие резко негативного восприятия космоса вводят эти учения в христианскую сферу куда в большей степени, чем радикальное неприятие мира восточными гностиками.

Второй аспект, рассматриваемый В.В. Болотовым, носит комплексный антропо-этический характер:

- а) аскетический или либертинистский путь пневматиков;
- б) срединный путь психиков;
- в) естественный либертинизм киников.

Мы видим, что только для высшего типа - духовных людей существует два возможных пути в гносисе. Именно они и дают возможность классифицировать гностицизм на либертинистический и гностицизм аскетический. Это разбиение в таком жестком виде с современной точки зрения некорректно (например, Валентин не отрицал «внутримирской» путь), но в целом оно верно схватывает общую тенденцию гностической этики. Одни гностики «с понятием о материи как самобытной злой силе, чтобы избежать всякого соприкосновения с нею, предпочитали аскетический образ жизни» [2], а другие - «с понятием о материи, как *ἡθον*, как о не сущем, неопределенном и, следовательно, безразличном, легко мирились с умерщвлением плоти посредством злоупотребления ею» [2].

Какие же конкретно учения можно отнести к аскетическим? Традиционно к ним причисляют сирийский гносис Маркиона, Севера и Аппелеса. В целом большинство восточных гностических учений принадлежит к этому направлению. По мнению Г.В. Валеевой, «На основе учения о положительных ценностях в итоге можно развить учение об отрицательных ценностях» [3, с. 12], что позволяет выстроить систему как положительных, так и отрицательных ценностей данного направления.

Очень интересной и полезной для использования в нашей статье является классификация Неандера [1], которая исходит из совсем других оснований. Во главу угла ставится отношения гностической школы как религиозно-философской системы к иным религиям. Основной вопрос его классификации может быть сформулирован следующим образом: в каком отношении гностическая система становится к существующим религиям, преимущественно к иудейству?

Итак, выделяются следующие типы гностицизмов: гностицизм, примыкающий к иудейству; гностицизм, полемизирующий с иудейством; языческий гностицизм; христианизированный гностицизм.

К «примыкающим к иудейству» Неандер причисляет Валентина и Василида как признающих ценность за Ветхим Заветом. К языческому антииудейскому гносису у него относятся офиты, Карпократ, антиномисты, а к христианизированным гностическим учениям - учения Сатурнина, Татяна и, как это ни странно, Маркиона. Собственно говоря, автор и не использует термин христианизированный гностицизм, а лишь указывает на стремление этих гностиков понять христианство.

Наконец, наиболее интересная и «по своей правдивости эклектическая система деления», по мнению В.В. Болотова, встречается у Ф. Шаффа [2]. Он делит гностические системы по следующей схеме:

- а) с этнографической стороны (западные, сирийские);
- б) с религиозно-догматической – гностицизм (язычествующий, иудействующий, христианский);
- в) с этической (выделяет их по типу преобладающих духовных интересов, с преобладанием теософии, таковы преимущественно спекулятивные системы Василида и Валентина; с преобладанием интересов аскетически-практических; с либертинистически-антиномистическими тенденциями).

Данная классификация, несмотря на свою эклектичность, представляет для нас значительный философский интерес, так как в ней производится попытка объединения разноплановых оснований классификаций. Более того, она предполагает возможность указания тройной координаты каждого гностического учения в отдельности. Например, система Валентина будет описываться как западная, христианская и спекулятивная одновременно. Именно такой подход видится нам плодотворным в плане реализации нашего исследования, так как и чистые философские, и тем более исключительно географические классификации не прояснят разнородности гностицизма как религиозно-культурного синкретизма.

Теперь настала необходимость дать на основе вышеперечисленных собственную классификацию гностических учений, так чтобы она в полной мере удовлетворяла целям нашего исследования, а более конкретно:

- 1) носила синтетический этно-философский характер;
- 2) рассматривала гностицизм как синкретический феномен, связывающий эллинистическую культурную традицию с нарождающейся христианской;
- 3) в особенности выделяла степень эллинистических и христианских проникновений в ту или иную гностическую систему, то есть рассматривала гностическое учение специфически по отношению к христианству.

Перейдем непосредственно к нашей классификации гностических учений, основанной на вышеизложенных принципах.

Итак, мы можем разделить гностические учения следующим образом

В качестве первого критерия возьмем критерий замкнутости составляющих гностического учения внутри культур, традиционно входящих в Римскую империю. Это позволит нам выделить эллинистический гностицизм, смешанный гностицизм.

Термины выбраны нами условно, поэтому требуют существенных пояснений через те категории, которые нам были освещены выше. Так или иначе, большинство исследователей гностицизма вынуждены в чисто географическом отношении разбивать гностицизм на восточный и западный. С учетом замеченной нами специфики к эллинистическому гностицизму мы сможем отнести, по большому счету, лишь учения, возникшие к западу

от Палестины. Однако мы отмечаем, что школа антиномистов во многом тяготеет к западным образцам, поэтому наша классификация вынужденно относит их к эллинистическим гностикам. Под последними нами понимаются гностические учения, на которые дуалистически-зороастрийская мысль не оказала глубинного влияния.

Среди собственно эллинистического гностицизма мы выделим собственно эллинистический либертинистский подтип, к которому отнесем школы, придерживающиеся принципиально свободного в нравственном отношении поведения. И отдельно выделим, сообразно терминологии Ф. Шаффа, спекулятивно-христианский гносис Василида, Валентина, Сатурнина и Татиана [1].

Среди «смешанного» гносиса особый интерес вызывает христианизированное гностическое учение Маркиона, выделяющееся среди прочих чрезмерно аскетических направлений в наибольшей степени христианизированным этическим подходом [1].

Установим исходя из предложенной схемы три основных подтипа гностического мировоззрения, исходя из понимания его как синтеза восточных, христианских и восточных элементов.

Наименее специфичной или «периферийной» линией гностического мировоззрения видится нам Восточная. Согласно нашей классификации обобщенно она характеризуется как смешанная, преимущественно аскетическая. Эта линия, безусловно, сохраняя свой синкретический характер, преимущественно продолжает дуалистический характер зороастризма, а позднее и манихейства. В ней дуализм еще более обостряется, что ведет к усилению аскетического начала.

Второй подтип гностического мировоззрения - языческий, отнесенный нами тоже к «периферийному», составляет во многом противоположность Восточному. В нем наиболее ярко проявляется наследие эллинистической культуры (например, герметизма), хотя и в своеобразно негативном контексте. В своем практическом осуществлении подобный тип мировоззрения в этическом отношении характеризуется либертинизмом, а в культовом - продолжает магическую практику.

Наконец, существовал христианизированный подтип гностического мировоззрения, в котором учение об Абсолютной личности и спасении во многом напоминало христианскую концепцию. В нашей схеме он представлен спекулятивным и умеренно-аскетическим направлением гносиса. На наш взгляд, данный тип гностицизма находит свое завершение в ортодоксальных системах христианского гносиса (Климента Александрийского), рассмотрение которого не входит в задачи нашего исследования.

Таким образом, нами установлены различные подходы к классификации гностических доктрин и предложен вариант их синтеза.

Список литературы

1. Neander A. Genetische Entwicklung der Vornemsten Gnostischen Systeme. Berlin, 1918.
2. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви [электронный ресурс] // Библиотека Book FB2 [сайт] URL: <http://www.bookfb2.ru/?p=121533> (дата обращения: 09.01. 2014).
3. Валеева Г.В. Аксиология как система в учении о теодицеи Н.О. Лосского // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 10-18.
4. Йонас Г. Гностицизм [электронный ресурс] // Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры [сайт]. URL: <http://psylib.org.ua/books/jonas01/index.htm> (дата обращения: 09.01. 2014).
5. Карсавин Л.П. Глубины сатанинские (офиты и Василид) [электронный ресурс] // Библиотека Гумер [сайт]. URL: <http://www.gumer.info/bogoslov Buks/Relig/Gnost/15.php> (дата обращения: 09.01. 2014).
6. Назарова Ю.В. Этика русского масонства // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 44-53.
7. Поснов М.Э. Гностицизм 2-го века и победа христианской церкви над ним [электронный ресурс] // Библиотека Гумер [сайт]. URL: <http://www.gumer.info/bogoslov Buks/History Church/Posnov/Gnozis.php> (дата обращения: 09.01. 2014).
8. Соловьев В.С. Гностицизм // Христианство: Энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева и др. М.: Гнозис, 1993. Т.1. С. 415-416.
9. Троегубов А.Г. Петракова И.Н. Потенциал философских идей В.В. Розанова в контексте анализа проблемы толерантности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 67-77.

Слобожанин Алексей Вячеславович, канд. филос. наук, доц., Tiaen@rambler.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

CLASSIFICATION OF GNOSTIC DOCTRINES: METHODOLOGY PROBLEM

A.V. Slobozhanin

This article provides an overview of different approaches to classification and systematization of Gnostic doctrines. There were specified the main difficulties for typology of gnosis: weak institutionalization of Gnostic communities, the fragility of their existence and the lack of unified doctrine. The author identifies several types of classifications of Gnostic doctrines based on territorial (M. Posnov, A. Losev), chronological (M. Posnov, A. Losev) and philosophical criteria (V. Bolotov, V. Soloviev), and indicates their ad-

vantages and disadvantages. The author comes to the conclusion that a complete systematization of Gnosticism is possible by combining the above criteria. The author provides a classification based on the combined use of ontological, anthropological and ethical criteria. The author refers to a number of contemporary authors (H. Jonas, Edwin M. Yamauchi) to correct the wrong ideas about the historical Gnostic doctrines supported by the classical scholars of Gnosticism.

Key words: gnosticism, gnostic, gnosis, methodology of classification, typology.

Slobozhanin Aleksey Vyacheslavovich, PhD (Philosophy), Associate Professor, Tiaen@rambler.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

УДК 128:159.9.01:17.022.1

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЧЕНИЯ К.Д. КАВЕЛИНА О СООТНОШЕНИИ ЭТИКИ

Е.Н. Чеснова, А.И. Вялов

Посвящается реконструкции и анализу учения К.Д. Кавелина о соотношении этики с правом, искусством, религией. Раскрываются основные категории учения К.Д. Кавелина. Анализируется предмет и задачи этики, права, искусства и религии как областей человеческой жизни, раскрываются проблемы их смешения.

Ключевые слова: этика, право, искусство, религия, нравственность, идеалы, наука.

Статья посвящена реконструкции этического учения К.Д. Кавелина. Реконструкция этико-психологической системы мыслителя проводится на основе анализа его идеи в области соотношения этики с правом, искусством и религией. Учение К.Д. Кавелина представляет научный интерес в связи с тем, что он внес значительный вклад в развитие этики как науки, которая в России вплоть до последней четверти XIX века серьезно не разрабатывалась. Учение о нравственности К.Д. Кавелина, по мнению В.Н. Назарова, послужило основой для появления «отечественной этической традиции XX в., в рамках которой возник особый тип социально-этической «научности»» [3, с. 102-103]. Обращение к истокам отечественной этической традиции позволит лучше понять современную научную мысль и пути ее формирования. Наибольший интерес представляет рассмотрение вопроса о соотношении этики и права, этики и искусства, этики и религии, который он поднял в своем учении. Оно явилось завершенным плодом всей его жизни [см.: 2, с. XXX]. Его учение в контексте этой проблемы повлияло также и на формирование отечественной психологической науки, в рамках которой на современном этапе можно наблюдать исследования соотношения этики и психологии (например, исследования А.В.

Юловой), так как при исследовании соотношения этики и психологии раскрываются его воззрения на личность как нравственном деятеле. Он раскрывает задачи не только этики, права, но и психологии (оптимальной стратегии психологии), вскрывает особенности развития национального характера, национального самосознания в рамках субъектного подхода и так далее. Для того чтобы лучше понять его учение, обратимся к рассмотрению ключевых категорий.

Нравственность, по мнению К.Д. Кавелина, присуща лишь человеку как субъекту психической, душевной жизни, следовательно, противоположна ценностям и поступкам, регламентируемым правом. На этом основании он разграничивал сферы действия этики и права. Он полагал, что право, социальные науки имеют свой отличный от этики предмет, но стремятся «к одной с ней цели». Он писал: «Предмет этики – внутренние, душевные движения и деятельность людей, а предмет права и социальных учений – внешние отношения людей в составе организованного сожительства» [1, стлб. 998]. Тем самым право регулирует деятельность людей в социуме, организует их и само получает свою институализацию в нем, регламентируется им и государством. Внутренняя субъективная мотивация не свойственна праву, этим оно отлично от морали, хотя именно это обстоятельство рождает в общественном сознании смешение понятий морали и права. Так как и то, и другое регламентирует, регулируют поступки людей. Именно в этом кроется основание для смешения нравственности и права.

Помимо этого происходит смешение нравственности с правом на основе ошибочного суждения о праве как регулируемом исключительно законодательством и наказаниями за его неисполнение. Но корни этой проблемы еще глубже. На это также влияет смешение видового понятия с родовым понятием, на это указывал еще сам К.Д. Кавелин. Он объяснял это тем, что к сфере права относят все то, что определяет «внешние отношения людей и устанавливает правила и способы таких отношений», даже если это не обеспечено правильным судопроизводством и системой наказаний [1, стлб. 999-1000]. Именно на основе данного ошибочного суждения происходит смешение границ действия права и нравственности, потому, что исходя из прерогативы внешнего контроля вне зависимости наличия системы наказания к сфере права «должны быть отнесены и так называемые общественные нравы и светские приличия и правила, принятые без предварительного соглашения, в разных кружках, хотя бы относились лишь к приятельской беседе, игре или вообще к приятному препровождению времени» [1, стлб. 1000]. А это уже сфера, глубоко влияющая на человека, и наказания в ней наиболее чувствительны, достигают своей цели точнее, «чем те, что определены судом» [1, стлб. 1000]. Кавелин К.Д. указывает на проблему смешения предметов и задач права и этики также и в том отношении, что на них часто смотрят как на рассматривающих одно и то же с разных сторон (право – с внешней, этика – с внутренней).

Необходимо также помнить, что сам К.Д. Кавелин, несмотря на разграничение права и этики, часто взаимозаменяет понятия «этика», «мораль», «нравственность», в его учении они употребляются как синонимы исходя из его понимания научного характера этики и истории изначально-го словообразования данных понятий, которое относит нас к «нраву», «обычаю», «устойчивой черте характера». Это играет немаловажную роль для реконструкции учения, систематизации категориального аппарата мыслителя.

По мнению мыслителя, главная задача этики – «указать индивидуальному лицу нормальный путь духовного развития и совершенствования», задачи права и социальных наук – «устроить правильное общежитие, определить и создать условия, которые ему благоприятствуют» [1, стлб. 1001]. Таким образом, право соприкасается с этикой лишь настолько, насколько это служит делу построения и нормального функционирования общества, этика же – в той мере, в какой это способствует развитию внутренней, душевной жизни. Тем самым они дополняют друг друга при правильном построении нравственных идеалов и начал права при их реализации в обществе [1, стлб. 1002]. Гармония возможна при том условии, если высоконравственный человек исполняет обязанности по внутреннему убеждению, это дает ему право быть наилучшим представителем социума. Само право на основе системы наказаний реализует тогда ограждающую функцию для членов общества, тем самым способствуя уменьшению ценностной аномии, внешних проявлений безнравственного поведения.

Помимо соотношения этики и права, значительное место в учении К.Д. Кавелина занимает рассмотрение проблемы соотношения нравственности и искусства. Философ поднимает вопрос о том, что должно нести искусство, если в современном ему обществе произведения искусства выступают предметом критики, а не художественного наслаждения. Причину данного изменения ценностей он видел в рациональном восприятии искусства, в опоре при восприятии искусства на объективную точку зрения. Это, в свою очередь, являлось также следствием развития «объективного мирозерцания» [1, стлб. 1005]. Он приходит к пониманию того, что искусство это феномен, обладающий несколькими фундаментальными элементами, такими как художественное ощущение, сознательное созерцание, чувство красоты, художественное произведение. Существенным он считал их объективный или субъективный характер и их взаимное соотношение. Сами элементы искусства он также раскрывает, предоставляя структурированный взгляд на искусство. Художественное ощущение он объясняет как результат «сознательного и созерцательного отношения к предмету и тех чувств, какие возбуждают в душе такое отношение» [1, стлб. 1005]. Сознательное созерцание основывается, по К. Д. Кавелину, на сознании как способности человека понимать, осознавать свое знание о чем-либо, и возможности человека созерцать. Идеальный характер искусства определяет-

ся на основе «сознательного восприятия впечатления» [1, стлб. 1005]. Чувство красоты характеризуется им как «идеальное чувство, вызванное сознательным созерцанием, и не перешедшее в желания или другие ощущения» [1, стлб. 1006]. Соединение эмоционального (чувство, ощущение) и рационального (сознание, осознанное восприятие) элементов прослеживается и в понимании художественного творчества. Причем в нем происходит синтез субъект-объектного восприятия, коллективного ощущения идеала. Внутренним источником его, отправной точкой является чувство красоты, но в остальном художник зависит от объективных факторов и гениальным и великим произведение признается тогда, когда в нем художник воспроизвел «с возможным совершенством и полнотой ощущения, разделяемые, при созерцании его произведения, огромным большинством людей разных эпох, народностей и воззрений» [1, стлб. 1007-1008]. Художественные произведения выражают во внешних фактах душевное настроение самого художника. Из всех видов объективной деятельности искусство, по К.Д. Кавелину, носит наиболее идеальный характер и менее всего содержит значение пользы практического смысла.

Соотношение этики и искусства, разграничение их предмета и задач возникает при перенесении центра тяжести из человека, его внутренней жизни в объективный мир, явления которого сами по себе без их взаимосвязи с человеком, его целями, задачами являются нейтральными, не подлежат моральной характеристике. Сам объективный мир, по мысли философа, в отрыве от человека с его интересами, не содержит ни субъективных, ни объективных идеалов, вследствие чего он не дает условий для нравственности и искусства. Опора вне самого субъекта, лишь на объективном мире приводит по мысли К.Д. Кавелина к последующей деградации, вымиранию общества. Так как и этика (нравственность), и искусство необходимо включены в духовный мир субъекта, это приводит их к тесной взаимосвязи.

Вопрос соотношения этики и религии, к которому философ подошел со всей тщательностью и серьезностью, является одним из центральных в его учении. Цель религии и этики, согласно воззрениям К.Д. Кавелина, одна и состоит в нравственном развитии и совершенствовании каждого человека. Однако религия основывается на том, что человеческий разум ограничен и истина доступна ему лишь в той мере, в какой она дана свыше, и нравственное учение – это лишь только «систематическое изложение того, чему учит откровение, священные предания и их святые истолкователи о нравственной жизни и нравственном совершенствовании человека» [1, стлб. 991]. А наука и этика в частности основаны на воззрении, что познанию подвластны «все тайны мира и бытия», а сама этика как «учение о нравственности, как предмет знания» выступает автономной областью, беря начало в собственных свободных усилиях человека [1, стлб. 991]. Выделяя этику как научное знание в отличие от религии и

искусства, он также говорит и о возможности права выбора человеком аргументированной позиции, например, с позиции науки или религии, исходя из внутренней субъективной предрасположенности к ним человека. Само взаимное отчуждение данных областей К.Д. Кавелин видит в развитии индивидуализма в ходе становления капиталистического общества с его ценностями личности и приоритета частной собственности, в успехах естествонаучного знания, результаты научных экспериментов которого противоречили религиозными представлениями. В этом он видит смешение и подмену понятий объективной, внешней стороны жизни, которая изучалась наукой, и внутренней, душевной, где властвовала религия. К.Д. Кавелин видит в этом также различие логики, которой подчиняется наука и религия, она же определяет и задачи, нормы данных областей человеческой жизни. «Первое, - пишет философ, - вытекая из потребностей душевной жизни, кладет их в основание своих построений, оставляя в стороне и в тени доводы, недоумения и сомнения объективного характера и свойства; наоборот, наука, точное знание, опуская из виду личную, индивидуальную жизнь и сосредоточив все внимание исключительно на взаимных отношениях явлений, по своим задачам и целям безлична» [1, стлб. 994].

Тем самым внутренний, субъективный мир и объективная действительность подчиняются разным законам, попытка совместить их обречена. «Переноса нравственные стремления и требования из внутренней психической жизни в мир объективных явлений, и наоборот, подводя первые под условия и мерило последних, мы спутываем понятия, перемешиваем то, что не имеет между собой ничего общего» [1, стлб. 997]. К.Д. Кавелин стоит на позиции разграничения области психической жизни и внешних поступков. Помимо этого необходимо учитывать и свободу воли человека, которая является основанием для реализации человеком своих возможностей как сознательного существа. Это является основанием и для различия путей достижения духовной жизни и нравственных идеалов этикой и религией [1, стлб. 998]. Но главным является то, что гармоничным мир, общество, человек могут быть только при наличии соотношения этики, права, искусства и религии и правильного понимания их предмета, задач и путей достижения целей, идеалов. К.Д. Кавелин указывает на существование точек их соприкосновения. У этики и права одна цель, заключенная в стремлении к гармонии, но разные предметы: у этики - это внутренняя жизнь людей, у права – внешние отношения в составе общества. Так же общую цель по нравственному развитию и совершенствованию человека имеет этика с религией, но здесь различаются пути достижения цели. Религия построена на утверждении об ограниченности человеческого разума и доступности нравственных истин через священные тексты, этика же, как наука, считает человека способным самостоятельно построить этическое учение. Искусство столь же тесно соприкасается с этикой, поскольку коре-

няется во внутренней жизни человека и обусловлено его идеальными стремлениями, несмотря на то, что произведения искусства представляет собой предмет материального мира.

В заключение мы можем отметить, что последовательное исследование проблемы соотношения этики, права, искусства и религии даст возможность глубже понять предметную область каждой из них, выявить специфические черты и задачи, проследить логику каждой из них. Это немало важно при существующем изменении современного мышления, которое проходит под знаком «самооправдания», отказа от абсолютных норм, ценностей и источников в нравственности [9, с. 99], так как откроет пути духовного развития общества и человека.

Список литературы

1. Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1899. Т. 3. Стлб. 897-1018.
2. Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб, 1897. Т. 1. С. VIII-XXX.
3. Назаров В.Н. История русской этики. М.: Гардарики, 2006. 319 с.
4. Юлова А.В. Методологические проблемы психологии в дискуссии К.Д. Кавелина и И.М. Сеченова // Российская провинция: поиск путей развития: материалы II межрегион. науч.-практ. конф. Киров: Изд-во ВСЭИ, 1999. С. 203-209.
5. Юлова А.В. «Задачи психологии» К. Д. Кавелина: поиск оптимальной стратегии психологии // Сознание - мировоззрение - мышление: сб. науч. ст. Киров, 2000. С. 37-43.
6. Юлова А.В. К.Д. Кавелин об активности личности как нравственном деятеле // Вестник ВГПУ: Научно-методический журнал. Киров, 2001. № 5. С. 63-65.
7. Юлова А.В. К.Д. Кавелин об особенностях развития национального характера в рамках субъектного подхода // Провинция: процесс международной интеграции в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2001. С. 312-313.
8. Юлова А.В. Идеи развития национального самосознания в трудах К.Д. Кавелина // Психология и ее приложения: Ежегодник РПО. Материалы V Всерос. конф. М., 2002. Т. IX. Вып. 2. С. 491-492.
9. Юрков С.Е. Проблемы современной этики и Л. Толстой. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 92-100.

Чеснова Елена Николаевна, канд. филос. наук, ст. преп. кафедры, Elenika.Nova@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.

Вялов Алексей Иванович, аспирант, mechtatel1988@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.

RECONSTRUCTION OF K.D. KAVELIN'S DOCTRINE ON RELATION OF ETHICS

E.N. Chesnova, A.I. Vyalov

The article is devoted to the reconstruction and analysis of K.D. Kavelin's doctrine on the relation of ethics to law, art and religion. The article describes the main categories of K.D. Kavelin's doctrines, analyzes the subject and tasks of ethics, law, art and religion as the areas of human life and reveals the problems of their intermixture.

Key words: ethics, law, art, religion, morality, ideals, science.

Chesnova Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), senior lecturer, Elenika.Nova@gmail.com, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

Vyalov Aleksey Ivanovich, post-graduate student, mechtatel1988@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

УДК 130.2

«АНТИПОВЕДЕНИЕ»: ОПЫТ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С.Е. Юрков

Рассматривается малоизученный феномен «антиповедения» в культуре и обществе, конструируется комплекс его характерологических параметров. Производится его сопоставление с терминами «аномия», «девиация». Основной анализ сделан с синергетических позиций, в рамках которого ключевыми понятиями выступают «хаос», «порядок», «система», за счет чего демонстрируется возможность применения синергетической методологии к явлениям социального уровня.

Ключевые слова: хаос, порядок, антиповедение, норма, девиантность, синергетика, культура.

Факторы антиповедения получили широкое распространение в социально-культурной истории с древности до современности. Антиповедение практикуется в самых разных областях общественной жизни: политической, бытовой, досуговой, развлекательной, в сфере искусства. Тем не менее, до настоящего момента серьёзных теоретических трудов, посвященных данному феномену (из области гуманитарных наук), имеется крайне мало. Активно проводятся изыскания по проблемам девиантности, формам отклоняющегося поведения в изысканиях психологии и социологии, исследуется тематика маргинализации, перверсивности взаимоотношений «Своего» и «Другого» («Чужого», «Иного») в философии, но проблема антиповедения, невзирая на её актуальность, пока ещё остается слабоизученной.

Согласно одному из определений (проф. Б.А. Успенского), «Антиповедение, т.е. обратное, перевернутое, «опрокинутое» поведение - иными

словами, поведение наоборот, - исключительно характерно для культуры Древней Руси, как и вообще для иерархической средневековой культуры. Сущность антиповедения - перевёрнутость, т.е. замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность, причём характер такого противопоставления заранее не определён» [1, с. 320]. Цель статьи - не только продемонстрировать применимость смыслов подобной формулировки к моделированию стратегий обращения поведенческих эталонов применительно к Руси или конкретному этапу культурной истории, но и обосновать универсальность ее эвристической адекватности относительно любой хронологической и топологической социально-культурной матрицы, чему, на взгляд автора, способствуют потенциалы, наработанные современной синергетикой.

Композиционно антиповедение сопряжено с такими фундаментальными понятиями синергетики, как «порядок» и «хаос» (философское рассмотрение координации коих можно вывести еще из учения Гераклита). Вопрос об их соотношении (рождении порядка из хаоса, неупорядоченности) обозначен ещё в древнейших космогонических мифах. Хаос представлялся в качестве исходного добытийного состояния мира, в противоположность организованному Космосу. Отсюда аксиологически негативные свойства хаотического – темнота, ужасность, враждебность богам и людям. В результате Хаос неизбежно вытеснялся порядком, но, и будучи «побеждённым», он не исчезает, а узурпируется «периферией» бытия, становясь его обратной, «изнаночной» стороной – в мифических образах Аида, Тартара, Леты... Отсюда уже можно сделать заключение о наличии двух субстанциальных состояниях хаоса: хаос как «праформа» (гиперреальность) мира в его добытийственности, потенциальности и хаос как особое состояние бытия, имманентно сопровождающий его функциональность в «перевёрнутом» или перверсивном в отношении порядка (организованности, нормы) варианте (соответственно хаос «становящийся» и хаос «ставший», ср.: «*natura naturans*» и «*natura naturata*» у Спинозы).

Хаос есть пространство аккумуляции векторов эволюционного движения или, в терминах синергетики, «веер бифуркационных возможностей развития», «бесформенное состояние мира, где все будущие потенциалы смешаны и не расчленены» [2] (дать общее, универсальное определение хаоса в целом затруднительно, поскольку каждая наука вырабатывает собственные его понятия; в естественных науках на сегодняшний день таковых насчитывается более десятка).

В области учёного знания на протяжении всего огромного периода его существования (включая классическую науку и вплоть до XX столетия) отношение к феноменам хаотического оставалось сугубо негативным. Хаос отождествлялся с источником дезорганизации, внесения беспорядка (флуктуационных изменений), нарушения принципов стабильности и нормы в развитии линейных равновесных систем, «случайности» и потому иг-

норировался в качестве особого предмета исследования. Наличие хаоса, безусловно, признавалось, но – в статусе «неистинного» бытия, аналогично трактовке существования «сатанинского» мира в религиозной традиции. Научный интерес к проблемам хаотического в связи с изучением процессов самоорганизации упорядоченных систем возник лишь в XX в. («Тектология» А. Богданова, техническая кибернетика, теория информационных систем, физическая школа Г. Хакена, математическая школа В.И. Арнольда и Р. Тома, эволюционная концепция развития Э. Янча и др.). Ведущей научной отраслью, центрирующей внимание на механизмах упорядочивания и дезупорядочивания систем, ключевыми понятиями которой явились «порядок» и «хаос», выступила синергетика, родившаяся в начале 1970-х гг. С этого момента постепенно стала изменяться оценочная и эпистемологическая интерпретация хаотического, проясняется его созидательная, конструктивная роль в процессе мироорганизации, равно как и понимание неизбежности и необходимости присутствия его элементов в общей картине миропорядка. К его рецепции делается вполне применимым высказывание Ю.М. Лотмана по поводу «сферы непредсказуемости», являющейся «сложным динамическим резервуаром в любых процессах развития» [3].

Поскольку в основании фундамента синергетики оказались, главным образом, естественные науки, в настоящее время особую важность приобрели восполняющие пробел разработки культурологического (в целом – гуманитарного, философского) направления, использующие элементы синергетической методологии, в которых понятие хаоса и порядка приемлемые не в меньшей, если не в большей мере [4, с. 43-54].

В той или иной мере хаос сопровождает культурные процессы постоянно, это – «другое» культуры, ее внешняя альтернативность. Имманентно он «растворен» и внутри самой культуры, поскольку в ее системе всегда присутствуют элементы, ориентированные как на ее сохранность, так и на дестабилизацию. Хаос необходим культуре как некоей организованной целостности в той же степени, как необходимо свободное пространство для физического тела, чтобы оно могло совершать движение.

Исходя из концепции существования «диссипативных» (стремящихся к упорядоченности) и «нестационарных» (эволюционирующих) структур, определенные фазисы в развитии общества могут быть истолкованы либо в качестве «становящегося» (тяготеющего к их упрочению структурных связей и стабильности), либо «ставшего» (консервативного, нуждающегося в радикальных трансформациях) [5, с. 384]. Хаотическое присутствует в обоих случаях: в первом – преимущественно в форме наличия и воздействия фрагментов предшествующей культуры, во втором – в оболочке новаторских, антитрадиционалистских тенденций. Процессы хаотизации, происходящие между полюсами «старое» (консервативное) – «новое» (прогрессивное), получают конкретизацию в противостоянии

официальной идеологии, государственных предписаний (что квалифицируется по разряду ориентировочно «должного»), общественных стереотипов мышления и социального действия и – необычного или "перевёрнутого" поведения, действий, речевых акций, идущих вразрез с эталоном, предзаданным как государственной системой, так и обыденным сознанием.

Эстетико-культурным отражением хаотических феноменов оправданно полагать антиповедение, конституирующее, в свою очередь, сферу «антимира». Термин «антимир» употребляется в работах Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и др. и к настоящему времени превратился в устойчивое понятие, фигурирующее в названиях и содержании ряда научных изданий.

В интерпретации Лихачёва антимир (подчеркнем, применительно к древнерусской культуре) связывается со смеховым миром и представляет собой мир нарушенных отношений, мир «нелепостей», «кромешный», «недействительный», противоположный «нормальному» [6]. В нём разрушена повседневная знаковая система, господствует «свобода от условностей». Оказываясь зависимым от мира «нормы», «смеховой мир» несамостоятелен, это «теневой» мир, в комическом, пародийном виде отражающий существующие в данное время воззрения на действительность.

В исследованиях Лотмана термин «антимир» расшифровывается через понятие семантической границы (порядка и хаоса), деление мира на «мы» и «они» [3]. Если «внутренний» (т.е. освоенный) мир являет собой Космос, то по другую его сторону располагается антимир, хаос, «внеструктурное иконическое пространство, обитаемое чудовищами, inferнальными силами или людьми, которые с ним связаны». Антимир практически отождествляется с хаосом, причём его привязка к смеху, по логике, вовсе не обязательна. Важным является замечание исследователя, кающееся признания неизбежности присутствия компонентов хаоса в культуре: «...всякая культура создаёт не только свой тип организации, но и свой тип внешней «дезорганизации» [3, с. 267] (следует подчеркнуть, что необходимость сосуществования противоборствующих сил в структуре социума отмечали также философы А. Тюрго, М.-Ж. Кондорсе, Т. де Шарден, а в числе современных, например, Ж. Бодрийяр и многие другие). Как только в общественную жизнь внедряется новая норма, начинают вырабатываться правила её нарушения (тоже – в науке: П. Фейерабенд заявляет: как только выдвинута и обоснована в качестве истинной некая теория, следует формулировать как можно больше альтернативных теорий, выявляющих слабые стороны теории доказанной).

Социологическим прототипом понятия «антиповедения» можно считать термин «аномия» (от греч. *anomos* – «беззаконие», «безнормность»), введённый в конце XIX в. Э. Дюркгеймом (в работах «О разделении общественного труда», «Самоубийство») [7, 8, с. 256-309]. При этом Дюркгейм опирался на теорию Т. Гоббса о необходимости искусственно

вводимых (обществом) ограничений на «естественные» желания, влечения и потребности индивида. Согласно Дюркгейму, аномия есть временный упадок моральных регуляций, обусловленный переходным характером эпохи. Формальная причина аномических настроений заключается в расхождении имеющихся в обществе культурно-экономических интересов и возможностями их удовлетворения. В ходе социального развития обостряются процессы индивидуализации, ослабевает коллективный надзор за исполнением моральных заповедей, в результате возрастает степень свободы личности от традиций и стереотипов поведения, увеличивается диапазон выбора способов действия. Аномия создаёт предпосылки общественного беспорядка, поскольку провоцирует рост отклоняющегося и разрушительного поведения в общественной среде (продолжая логику подобного рассуждения следует признать, что по мере перехода от традиционных типов общественной организации к демократическим, расширения объёма индивидуальной свободы почва для проявления аномии будет только укрепляться).

В теории последователя Дюркгейма Р.К. Мертон поводом возникновения аномии служит отсутствие для индивида возможности добиться навязываемых ему обществом целей, легализованными тем же обществом средствами. В качестве выхода из ситуации избирается либо конформизм, либо действия, отвергающие «узаконенные» средства или сами цели, что порождает «отклоняющееся» поведение (уход от мира, мятеж и проч.).

В современной социологии под «аномией» понимается такое «состояние общества или личного отношения к обществу, в котором имеется слабый консенсус, недостаток веры в ценности или цели, а также утрата эффективности нормативных или нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь».

«Аномия» в своём абсолютном значении далеко не тождественна понятию «антиповедение». Во-первых, потому что его трактовка (в современной версии) допускает в свое определение равнодушие, негативную пассивность членов общества по поводу этических норм, в то время как антиповедение всегда предполагает активность. Во-вторых, аномия, по теории родоначальников термина, характерна для периодов этического «безвременья», т.е. когда общество ещё не в состоянии установить твёрдые нормативные границы, актуализация же антиповедения наблюдается именно в ситуации «избыточной» нормативности, представляя реакцию на давление жёсткого порядка.

Близким по содержанию, даже синонимичным «антиповедению», может показаться понятие «девиации», используемое в психологии и социологии. Однако это далеко не так. «Девиация» определяется как «социальное поведение, отклоняющееся от считающегося «нормальным» или социально приемлемым в обществе, либо в социальном контексте [9, с. 20]. Хотя девиация охватывает и преступное поведение, её сфера намного ши-

ре». Главным образом, «девиация» не отражает сути понятия «антиповедения» в силу своей неконкретности (оно включает в себя и преступление, что не предполагается антиповедением), и, кроме того, девиантные действия специфично не ориентированы на нарушение общественной нормы (что происходит лишь в качестве спонтанного акта, сопровождающего имеющие иную цель поступки), не содержит сознательной установки на «перевернутость». Мотивацией девиантных действий могут являться патологические изменения психики, особенности черт характера личности, подражание референтной группе и т.д. Антиповедение же порождается глубоко культурологическими причинами; именно трансгрессия стереотипизированного эталона делается для него первичной задачей, целью которой выступает воздействие на общественное сознание, внесение дисбаланса (хаотичности) в строй существующего порядка. Именно поэтому антиповедение всегда публично манифестируемо, всегда предполагает внешнего наблюдателя, «другого».

Понятие «антиповедение» складывается на почве отечественных семиотических исследований, осуществленных Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским в 1976-1977 гг. (однако в указанный период оно ещё не приобрело характера самостоятельности). При конструировании данного понятия Успенский исходит из традиционных убеждений русского народа эпохи средневековья о перевёрнутости логических и знаковых связей в «потустороннем», загробном мире: то, что в пределах земного мира представляется истинным, правильным, «правым», вне его должно выглядеть с точностью «до наоборот». По этой причине антиповедение, создаваемое в нормальном мире, зеркально противоположным образом дублирует структуру загробного мира; это именно поведение «наоборот», замена тех или иных норм на их противоположность. Поскольку антиповедение сопрягается с «изнаночным» миром, инфернальностью, магией, общением с умершими или религиозным поучением (юрродство), с позицией которого «перевернутым» выступает уже мир посюсторонний, обычный, оно так или иначе, со знаком «плюс» или «минус» несёт в себе оттенок сакральности.

Недостатком концепции Успенского, на наш взгляд, является определённый консерватизм подхода к проблеме, поскольку в своём решении она оказывается зависимой от указанного элемента сакральности, следовательно, с его постепенным элиминированием из сферы культуры должно исчезнуть и само основание для антиповеденческого творчества.

Если обычай и ритуал можно квалифицировать в качестве особых процедур, направленных на отвоевание у хаоса «зон порядка», то антиповедение представляет противоположную ориентацию – хаотизацию действительности. Аналогично «обесмысливанию» (утрате исходной семантики), образуящегося в процессе трансформации обычая в ритуал, антиповедение, проходя путь от сакрализованной до десакрализованной формы,

приводит к повышению семиотического и структурного дисбаланса в системе культуры. Достигнувшее в своём развитии стадии десакрализации, оторванное от корней обычая (и ставшее в результате в массе случаев малопонятным для окружающей социальной сферы), антиповедение максимально приближено к экспликации собственной сути.

В плане углубления понимания факта перманентного присутствия в структурах культуры (на различных её уровнях) феномена антиповедения также нуждается в корректировке идея Успенского о конструкции рассматриваемого явления как поведения, строящегося именно по принципу «наоборот», строгой «перевёрнутости» к общепринятой норме. Понятие «перевёрнутости» требует более расширенного толкования, означающего наличие определённого диапазона вариантов нарушения нормы, поскольку при отклонении от нормы, мы имеем уже дело не с нормой, а изменённой её модификацией (не бывает «полунормативного» или «четвертьнормативного» поведения). Иными словами, деструкция нормы способна осуществляться не только за счёт точной «обратности» к ней, но и формой несоответствия действий, поступков, эмоционального состояния требуемой ситуации, общественным ожиданиям и мнению, нестандартной реакции на воспринимаемый объект, событие или явление.

Следование самой норме также имеет некие границы «колебания». В действительности мы, как правило, сталкиваемся с «усреднённым» её исполнением (что связано с понятием «стереотипа»). В данном смысле можно утверждать, что стремление к трансгрессии заложено в глубинных основаниях человеческой психики, отчасти в юнговских «архетипах коллективного бессознательного».

Подобная постановка вопроса, безусловно, выдвигает проблему определения рамок, внутри которых термин «антиповедение» допускает свое применение. С целью решения проблемы представляется оправданным обратиться к уже упоминаемому понятию «девиации». Разведение его содержания по полюсам крайностей: патология, особенность индивидуальных черт характера (сфера медицины и психологии) в одном случае, и преступление, антиобщественное поведение (сфера криминалистики) в другом, даёт возможность представить данные полюса в качестве демаркационных граней, отсекающих девиацию от собственно антиповедения. Поскольку антиповедение осуществляется его носителем сознательно и целенаправленно, то в первом случае имеют место не «анти», а поведенческие акции, продиктованные неспособностью (в пределе – неменяемостью) индивида к свободному и самостоятельному принятию решений и производству адекватного акциального выбора (психические расстройства, наркозависимость, алкоголизм и т.д.). Для второго случая характерно то, что лицо, совершившее преступление, почти всегда (пусть хотя бы только для себя лично) способно рационально оправдать своё деяние, дать ему логическое объяснение, в чём проявляется расчёт на общественное понима-

ние и из-за чего уничтожается эффект новизны и неожиданности, присущий антиповедению. Совершая преступление, субъект, в принципе, исходит из тех же самых понятий о норме, принятых социумом: он восстанавливает нарушенную, с его точки зрения, справедливость, т.е. ориентируется на укрепление нормы, а вовсе не на её «переворачиваемость». Следует также добавить, что преступность в правовом порядке предполагает обязательное административное или уголовное наказание, в то время как антиповедение не сопряжено с каким-либо репрессивным, направленным на него, воздействием - последнее ограничивается лишь общественным порицанием и осуждением.

Исходя из сказанного можно выдвинуть собственное определение понятия «антиповедение»: антиповедение есть такая форма намеренного и сознательного отклонения от общепринятой или предписываемой и рекомендуемой идеологическими кругами официальной власти нормы поведения, которая содержит (в большей или меньшей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-социального порядка (в предельном случае – на разрушение всей его структуры, т.е. системы норм). Антиповедение всегда творится публично, рассчитано на общественный резонанс, внешнюю реакцию, в чем проявляется его ролевая (театрализованная) субстанциальность. Будучи связанным с публичностью, оно обладает сверхзнаковой природой, требующей дополнительных усилий дешифровки.

Итак, общими, характерологическими чертами антиповедения являются следующие:

- антиповедение в своём культурно-историческом происхождении имеет сакрально-обрядовые корни;
- побудительными причинами воспроизводства антиповедения выступают причины культурологического (а не медицинского и не психологического) плана;
- антиповедение театрализовано и сверхзнаково;
- антиповедение пользуется своими «архетипами» (к примеру, юродство, чудачество).

Исследуемый феномен поведения осуществляется как на «микро», так и на «макроуровне» культуры. На «микроуровне» оно проявляется в форме разового акта, свершаемого отдельным индивидом (или малой группой лиц) и не имеет ощутимого влияния на фактор стабильности наличного порядка (на данном уровне антиповедение обычно сопряжено с пародизмом или чудачеством). «Макроуровень» представляет собой крупномасштабное действие, кардинально разрушающее сложившийся порядок, опрокидывающее традиционные мировоззренческие убеждения, меняющее местами «низы» и «верхи» (примером последнего может служить культурная революция, инспирированная Петром I).

С точки зрения своего социального и культурологического значения антиповедение освобождает от давления необходимости, господствующей в мире, подчеркивает его оппозиционность ей (порядку), ее хаотизирующие способности разоблачают всяческую претензию на вечность и безусловность, предоставляя человеческому сознанию и действию свободу для реализации новых возможностей, а в более широком плане – стимулирует динамику социального ритма.

Список литературы

1. Успенский Б.А. Избр. труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. 429 с.
2. Музыка О.И. Бифуркации в природе и обществе: естественно-научный и социосинергетический аспект // Современные наукоемкие технологии. 2011. №1. С. 87-91.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство - СПб», 2000. 704 с.
4. Юрков С.Е. О синергетическом подходе к изучению ментальности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 43-54.
5. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
6. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX -начала XX веков. М.: Мысль, 1996. С. 256-309.
9. Лоусон Т., Гэррод Д. Антикультура // Социология. А-Я: словарь-справочник / пер с англ. К.С. Ткаченко. М.: Гранд-Фаир, 2000. 608 с.

Юрков Сергей Евгеньевич, д-р филос. наук, проф, serg45@inbox.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

"ANTIBEHAVIOR": EXPERIENCE OF SYNERGETIC INTERPRETATIONS

S.E. Yurkov

The article analyzes the phenomenon of "antibehavior" in culture and society, and outlines the complex of its specific parameters. This phenomenon is juxtaposed to such terms as "anomos" and "deviation". The basic analysis is made from synergetic point of view based on such key concepts as "chaos", "order" and "system", which enables us to apply synergetic methodology to the social phenomena.

Key words: chaos, order, antibehavior, norm, deviation, synergetics, culture.

Yurkov Sergey Evgenyevich, Doctor of Philosophy, Professor, serg45@inbox.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ ТЕСТИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (НА ОПЫТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Т.С. Болховитина, Е.В. Карпенко

Рассматривается тестирование как один из механизмов оценивания знаний должностных лиц и претендентов на государственные должности в Республике Казахстан. Подробно описаны законодательная основа тестирования, созданная в стране инфраструктура и сам процесс.

Ключевые слова: государственный служащий, тестирование, профиль компетенций, Республика Казахстан.

Продолжающиеся процессы модернизации казахстанского общества требуют адекватной реакции от государственного аппарата адекватной реакции на сигналы, поступающие от социума и, безусловно, использования современных информационных технологий не только в выстраивании диалога между властью и обществом, но и внутри самой системы. Это важно и потому, что только в этом случае модернизация предстает в качестве одного из вариантов прогрессивного развития, в процессе которого происходит «осовременивание» общества, его переход в новое качественное состояние [1].

Процесс формирования высокопрофессионального государственного аппарата управления выступает одним из важных составляющих реформирования государственной службы в современном Казахстане. По мнению исследователей [2], казахстанскую систему подготовки кадров госслужащих отличает ряд преимуществ, которые интересны были бы и в России. Во-первых, в Казахстане учитывается, сколько специалистов и в какой отрасли будет востребовано. Во-вторых, все кадры готовятся исходя из перспектив инновационной экономики. И, в-третьих, в Казахстане по-

степенно формируется механизм взаимовыгодного соединения государственных и частных интересов в кадровой сфере.

В связи с этим существенным компонентом потенциала управления, сформированность которого обеспечивает эффективность выполнения управленческих функций, становится механизм оценивания знаний и возможностей должностных лиц и претендентов на государственные должности. Открытость и прозрачность процедур конкурсного отбора гарантирует реализацию права граждан на равный доступ на государственную службу. В Республике Казахстан государственный орган, в котором имеются вакантные должности, самостоятельно публикует объявление о проведении конкурса и далее осуществление процедуры проходит несколько строго последовательных этапов.

На первом (предварительном) этапе проводится рассмотрение документов конкурсантов членами приемной комиссии государственных органов объявивших вакансии. На втором этапе, в соответствии с утвержденным порядком, проводится тестирование. На заключительном этапе кандидаты приглашаются к собеседованию на конкурсную комиссию.

Задачи тестирования возложены на Национальный центр по управлению персоналом государственной службы (входит в структуру Агентства по вопросам государственной службы). Центр имеет 16 региональных залов тестирования в каждом областном центре (гг. Астана и Алматы) с пропускной способностью 700 человек в день одновременно по республике.

В задачи Центра входит:

- организация работы по внедрению модернизированной системы подготовки кадров, рекрутингу и профессиональному росту талантливых и наиболее подготовленных кадров госслужбы;
- регулярное проведение анализа состояния кадров как государственных, так и иных организаций;
- деятельность по повышению квалификации и обучению госслужащих; формирование системы по разработке и сопровождению соответствующего программного обеспечения;
- техническое обеспечение и проведение квалификационного тестирования для государственных служащих и кандидатов на вакантные административные должности государственной службы с реализацией принципа независимости и, кроме того, тестирование в центре (по договорам) проходят сотрудники бюджетных и других организаций.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 23 июля 1999 года «О государственной службе» Агентством Республики Казахстан по делам государственной службы утверждены «Правила организации тестирования государственных служащих и кандидатов на занятие административных государственных должностей», которыми определен порядок организации и проведения тестирования административных госслужащих кор-

пуса «Б», подлежащих аттестации, и кандидатов на административные государственные должности корпусов «А» и «Б». Кроме того, Агентством Республики Казахстан по делам государственной службы издан приказ от 19 марта № 06-7/33 «О некоторых вопросах организации тестирования государственных служащих и кандидатов на занятие административных государственных должностей» [3], в котором определен порядок указанного тестирования. Главная цель, которую преследует процедура тестирования - получение максимально полной и беспристрастной оценки знаний и способностей как госслужащих, так и кандидатов.

На основании решения Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы с 2008 года с учетом опыта мировой практики по разработке тестовых заданий и существующих методов отбора, применяемых специалистами по управлению персоналом в других отраслях экономики, ведется работа по определению профилей компетенций для государственных служащих республики. Разрабатываемый профиль должен быть итогом пилотной эксплуатации психометрического опросника как личных, так и управленческих компетенций при проведении оценки и анализа личности госслужащего и его деятельности. Планомерная работа по систематизации квалификационных требований с применением компетентностного подхода и соответствующий анализ компетенций госслужащих должен стать толчком к созданию профессионального профиля госслужащих.

Тестирование проводит специально подготовленный госслужащий уполномоченного органа или одного из его территориальных подразделений (администратор тестирования). При этом гарантируется объективность проведения процедуры через обеспечение стандартности создаваемых условий, четкое временное регламентирование, прозрачность подсчета результатов, открытость наполнения тестовых заданий, а также наложение на тех, кто проводит процедуру, определенных (обязательно закрепленных письменно) ограничений с указанием на недопустимость коррупционных действий. Центром обеспечивается и соответствующее современным требованиям техническое обеспечение процедуры тестирования. Перед ним стоит задача регулярного обновления и систематическое формирование базы данных. Обязательным требованием процедуры тестирования является предъявление госслужащим или кандидатом документа, удостоверяющего личность, в котором содержится индивидуальный идентификационный номер.

В соответствии с Правилами определен различный порядок проведения тестирования для административных госслужащих корпуса «Б», которые подлежат аттестации, и претендентов на должности в этом корпусе. В ситуации, когда государственный служащий получает при тестировании результат ниже пороговых значений (пороговые значения указаны в приложении к Правилам), предусмотрена возможность повторного тестирования, но не ранее чем через 10 календарных дней с момента предыдущей

процедуры. Для госслужащих корпуса «Б» в этой ситуации предусмотрена возможность повторного тестирования, но не раньше чем через 3 месяца.

В то же время гражданин, претендующий на вакантную должность и получивший на этапе тестирования на знание законодательства Республики Казахстан результаты ниже, чем установленные пороговые значения, не допускается к следующему этапу. Следует отметить, что технология тестирования претендентов на вакантные должности предусматривает проведение четырех этапов, проводимых в строгой последовательности:

1 этап - тестирование на знание республиканского законодательства;

2 этап - логический тест;

3 этап - тестирование, направленное на определение уровня как личностных, так и управленческих компетенций;

4 этап - тесты по государственному языку.

В случае, если будет зафиксирован факт нарушения правил организации тестирования, процедура приостанавливается, о чем составляется соответствующий акт, и в этом случае результаты тестирования в соответствии с правилами аннулируются. Поводом для приостановления процедуры может стать использование тестируемым информации и на бумажных, и на электронных носителях, невыключенное мобильное устройство, обращение с вопросами к тем, кто в этот момент также проходит тестирование.

Необходимо также отметить, что процедура тестирования предусмотрена и для тех государственных служащих, которые претендуют на включение в кадровый резерв. Уполномоченный орган после опубликования на одном из интернет-сайтов утвержденного списка кандидатов составляет график тестирования, который должен быть опубликован не позднее чем за пять дней до начала процедуры. Само тестирование проводится в течение одного месяца в порядке, о котором уже говорилось выше. В случае, если кандидат получает положительные результаты тестирования, комиссия должна определить перечень дополнительных сведений, позволяющих принять решение о допуске кандидатов к собеседованию.

Поскольку подсчет правильных ответов проводится автоматически (процедурой предусмотрено компьютерное тестирование, при помощи специально разработанной компьютерной программы), то тем самым обеспечивается беспристрастность результатов.

По результатам тестирования выдается сертификат, удостоверяющий, что претендент (кандидат) прошел тестирование на занятие административной государственной должности соответствующего корпуса и с обязательным указанием категории должности. Документ выдается территориальным центром тестирования. Кроме того, в сертификате указаны количество тестовых заданий, пороговые значения и количество правильных ответов. Предусмотрено, что сертификат действует один год.

«Правила организации тестирования...» содержат Программу тестирования, в которой обозначено число вопросов по каждому разделу тестирования и дан перечень конкретных документов и нормативных актов, на основании которых составлены тестовые задания. Так, тест на знание государственного языка включает двадцать заданий, логический тест в силу специфики содержит десять заданий, тестовое задание на знание законодательства включает десять разделов (включая раздел, отражающий специфику органа, в котором работает тестируемый или в котором претендует на вакантную должность) по пятнадцать вопросов каждый. Что касается пороговых значений, также определенных вышеназванными правилами, то по тесту на логику, тесту по личностным и управленческим компетенциям и тесту на знание государственного языка они не установлены. Для тестируемых кандидатов (административные государственные должности) на вакантные должности корпуса «А» минимальный порог составляет семь верных ответов из десяти возможных по каждому разделу тестирования. Госслужащие, проходящие аттестационные процедуры, должны правильно ответить не менее чем на десять вопросов из пятнадцати возможных по каждому указанному в Программе нормативному акту, другие категории тестируемых должны пройти порог в восемь правильных ответов из пятнадцати возможных. Аналогичные нормы установлены и для должностей категории «Б».

Заметное отличие наблюдается между описанной выше Программой и «Программой тестирования кандидатов на занятие административных государственных должностей и на зачисление в кадровый резерв административной государственной службы». Совпадая в части, регламентирующей перечень нормативно-правовых актов Республики Казахстан, последняя содержит конкретные указания на специфику логического теста, который является невербальным и содержит 60 заданий. Кроме того, авторы документа разделили тест по определению компетенций на части по личностным компетенциям (117 вопросов) и управленческим (136 вопросов). Тестирование по системе КАЗТЕСТ включает 150 вопросов и предлагает интересную форму оценивания уровня владения государственным языком [4]. Само оценивание проводится в два этапа: на первом фиксируется уровень общего владения языком, на втором - оценивается уровень владения вообще. Так, если тестируемый на первом этапе из 150 тестовых заданий набирает 120 баллов, то в соответствии с прилагаемой таблицей ему определяют уровень выше среднего (табл.1).

На втором этапе процедура предусматривает тесты уже соответствующего уровня, которые встроены в систему, состоящую из трех блоков: аудирование, лексико-грамматический блок и чтение. Тесты должны быть выполнены в течение 150 минут, включая 10 минут на заполнение листа ответов.

Таблица 1**Соответствие уровней языковой подготовки набранным тестируемым баллам**

Уровни	Достаточный балл
Элементарный	31-64
Базовый	65-104
Средний	105-119
Выше среднего	120-134
Высокий уровень	135-145
Высший уровень	146-150

По каждому блоку предусмотрены разное количество заданий и соответственно разное время. Так, по блоку «Аудирование» на 30 заданий отводится 25 минут; лексико-грамматический блок включает 70 заданий, которые необходимо выполнить за один час, и на чтение пятидесяти тестовых заданий отводится 65 минут. Формой теста предусмотрен выбор одного правильного ответа из четырех предложенных. Также проводится оценка уровня подготовки по блоку «Письмо». Соответствие уровней подготовки и типа письменного задания представлено в виде таблицы (табл.2).

Таблица 2**Соотношение письменных заданий и уровней владения государственным языком**

Уровень владения государственным языком	Тип письменного задания
Элементарный, базовый уровни	Написание творческого диктанта
Средний и выше среднего уровни	Написание изложения
Высокий уровень	Написание эссе

Также интересно отметить, что расходы по участию в процедурах отбора в кадровый резерв корпуса «А» претенденты оплачивают сами.

Таким образом, в соответствии с основополагающим принципом государственной службы – принципом меритократии, предполагающим отбор и карьерное продвижение наиболее достойных специалистов в управлении на основе их заслуг и личных качеств, использование возможности такой формы оценивания, как тестирование, как показывает опыт Казахстана, представляется наиболее перспективной.

Очевидно, что опыт Казахстана указывает на эвристический потенциал профиля компетенций, понимаемого как перечень личностных и профессиональных компетенций, необходимых для каждой конкретной долж-

ности. Как уже было сказано, при определенных условиях указанные компетенции можно оценить при помощи тестирования, соответственно при соблюдении принципа доступности, открытости и прозрачности.

Использование опыта Республики Казахстан в этом направлении, на наш взгляд, будет не только способствовать росту профессионализма госслужащих, но и позволит повысить эффективность управления человеческими ресурсами на государственной службе в целом.

Список литературы

1. Болховитина Т.С. Модернизация в проекции политологического анализа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2. С. 261-270.

2. Ницевич В.Ф., Огнева В.В. Международное измерение казахстанского опыта профессиональной подготовки государственных служащих // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. Ч. 1. С. 167-172.

3. О некоторых вопросах организации тестирования государственных служащих и кандидатов на занятие административных государственных должностей: Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы от 19 марта 2013 года № 06-7/33 // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31352991 (дата обращения: 19.11.2013).

4. Система оценки уровня владения казахским языком – казтест // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31352991 (дата обращения: 19.11.2013).

Болховитина Татьяна Сергеевна, канд. полит. наук, доц., зав. кафедрой, ekakarpenko@yandex.ru, Россия, Брянск, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Карпенко Екатерина Викторовна, канд. социол. наук, доц., ekakarpenko@yandex.ru, Россия, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ACTIVITIES OF CIVIL SERVANTS TESTING CENTERS (ON EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN)

T.S. Bolkhovitina, E.V. Karpenko

Testing is considered as one of the mechanisms of knowledge assessment among the civil servants and applicants for the positions in public service in the Republic of Kazakhstan. The authors describe in detail the legislative basis for testing, the infrastructure developed in the country and the process itself.

Key words: civil servant, testing, competence profile, Republic of Kazakhstan

Bolkhovitina Tatiana Sergeevna, PhD (Political Science), Head of Department, Associate Professor, ekakarpenko@yandex.ru, Russia, Bryansk, , Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Karpenko Ekaterina Viktorovna, PhD (Sociology), Associate Professor, ekakarpenko@yandex.ru, Russia, Bryansk, Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 328.184 (470)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛОББИЗМ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.В. Муращенко, Ю.Б. Киняшева

Рассматривается специфика информационного лоббизма и возможности его использования как технологии влияния гражданского общества на органы государственной власти в современной России. Выделяются признаки информационного лоббизма, базовые направления его применения в политической практике. Делается вывод о том, что неподконтрольность информационного пространства создает угрозы для не институционального давления со стороны заинтересованных субъектов на законодательные и исполнительные органы власти.

Ключевые слова: информационный лоббизм, лоббирование, компьютерная сеть, политический институт, политический дискурс, представительство интересов.

Расширение практики использования сети Интернет детерминировало трансформацию всех сфер жизни современного общества: появление «электронного правительства», сайтов органов государственной власти и администраций муниципальных образований, социальных сетей, площадок для обсуждения социально-политических проблем – это лишь немногие примеры всевозрастающего влияния компьютерных сетей. Сегодня Интернет, с одной стороны, становится ценным социально-политическим ресурсом, обладание которым повышает степень эффективности использования информационных технологий в политической практике, а с другой - эффективным каналом продвижения интересов гражданского общества в органы государственной власти [1]. Данные примеры свидетельствуют о том, что развитие компьютерных сетей фактически постепенно трансформирует институт представительства интересов социальных субъектов:

- во-первых, расширяет его функциональный потенциал (подать заявление, разместить заявку, уведомить государственный орган, записаться на прием к чиновнику, обсудить законопроект, направить резолюцию и в ближайшем будущем - участвовать в голосовании и референдуме становится возможным онлайн) [4];

- во-вторых, делает его более мобильным (осуществить коммуникацию с отдельными представителями, органом государственной власти, администрацией муниципального образования возможно из любого региона Российской Федерации с помощью мобильного устройства, имеющего доступ к сети Интернет);

- в-третьих, создает предпосылки для появления новой технологии – информационного (лоббизма) лоббирования как результата расширения числа каналов представительства интересов и методов оказания влияния на законодательную и исполнительную власти.

Информационный лоббизм - относительно молодое явление современной политической жизни и, хотя он находит свои корни в традиционном кулуарном лоббизме, тем не менее, не тождественен ему. Для всестороннего изучения процесса представительства интересов гражданского общества в политической системе государства посредством компьютерных сетей необходимо уточнить понятие «лоббизм» и на его базе выработать адекватную методологию для исследования информационного лоббирования.

В современной политологической литературе можно встретить более ста различных интерпретаций термина «лоббизм» и более десяти различных подходов к его определению. Такое множество дефиниций данного термина обусловлено разными моделями, формами и видами проявления лоббизма в политических системах различных стран и регионов. В настоящее время дефиниции лоббизма и лоббистской деятельности в современной отечественной научной литературе во многом опираются на уже накопленный в зарубежных исследованиях опыт. Чаще всего лоббизм определяют как специфический институт политической системы, как технологию оказания влияния гражданского общества (политических, общественных, религиозных, коммерческих организаций и отдельных граждан) на процесс принятия и реализацию важных государственно-политических решений. Следовательно, лоббизм - это специфический элемент системы представительства интересов политического общества; своего рода канал связи гражданских структур с государством, через который осуществляется политическая коммуникация общества и власти [5].

В настоящее время термин «лоббизм» хотя и становится все более распространенным в политическом дискурсе, тем не менее, до сих пор многие теоретики, практикующие политики и в целом административная элита используют его для определения разнообразных ситуаций и деятельности, в корне которые не являются лоббизмом. Используя зарубежный и отечественный опыт в исследовании лоббизма, ограничим лоббистскую деятельность следующими признаками:

1) лоббирование может быть связано только с принятием государственных и политических актов органами законодательной и исполнительной власти;

2) лоббирование - это установление длительных контактов с представителями политической элиты посредством личных встреч, выступлений в комиссиях и комитетах, основанных на отработанной практике таких взаимодействий;

3) лоббирование предполагает наличие правовой базы, устанавливающей методы и технологии влияния на органы законодательной и исполнительной власти;

4) лоббирование носит специализированный характер и осуществляется посредством лиц, подразделений либо организаций, ориентированных на отношения с органами государственной власти на профессиональной основе (отдельные лоббисты, юридические фирмы, агентства по связям с общественностью и др.).

5) лоббирование сводится к реализации представительства интересов различных социальных субъектов на этапе формирования и реализации политических решений.

Таким образом, лоббизм - современная политическая наука, чаще всего определяемая как политическая деятельность, основанная на правовом регулировании и осуществляемая на профессиональной основе, заключающейся в доведении до сведения лиц, принимающих решения, информации социальных субъектов, от лица которых выступает лоббист. При этом в ряде дефиниций термина «лоббизм» используются такие формулировки, как «оказывать влияние на органы исполнительной и законодательной власти», «организованное влияние на администрацию» и др.

Появление нового направления представительства интересов – информационного лоббизма – требует применения адекватной методологии для его изучения и прогнозирования становления и развития: в совокупности неинституционального, структурно-функционального, сетевого и коммуникативного подходов.

Так, опираясь на принципы структурно-функционального подхода, возможно исследовать структурные и функциональные связи между элементами рассматриваемых отношений: установить субъекты, объекты и методы информационного воздействия лоббиста на органы власти. Неинституциональный и коммуникативный подходы позволяют изучить процесс взаимодействия гражданского общества и политических институтов в условиях неформальной коммуникации. Применением сетевого подхода к исследованию информационного лоббизма утверждается создание устойчивых сетевых контактов, «атак» на информационные ресурсы политических институтов с использованием современных сетевых технологий.

Рассматривая лоббизм под таким углом зрения и исследуя возможности таких средств массовой коммуникации, как Интернет, в продвижении гражданских интересов и инициатив в органах государственной власти, можно заметить, что подвергается трансформации традиционная дефиниция понятия «лоббизм»:

- во-первых, постепенно теряет решающее значение профессионализм лоббистов, поскольку отследить статус субъектов данной деятельности во «всемирной паутине» становится практически невозможным;

- во-вторых, в то же время важным становится качество информации, предоставляемой органам государственной власти, ее эксклюзивность и злободневность, а также умение с ней работать;

- в-третьих, в процессе информационного лоббизма Интернет используется гражданским обществом как средство коммуникации с представителями власти; информация, переданная через «площадки для обсуждения законопроектов», может повлиять на принятие и реализацию последними политически важных для субъекта лоббистской деятельности решений;

- в-четвертых, воздействие на парламент и администрацию является преимущественно информационным (чаще всего косвенным) и зависит от наличия соответствующего связующего звена – информационного портала, сайта, странички в социальной сети и др.;

- в-пятых, в процессе информационного лоббизма активным инструментом становится организованная «атака» на вышеперечисленные информационные ресурсы и др.;

- в-шестых, появление такого вида деятельности существенно расширяет «прямой доступ» к власти социальных субъектов, которые ранее не имели подобной возможности в силу наличия политических барьеров (бюрократических преград, закрытости политической элиты и др.).

Информационный лоббизм значительно расширяет функциональный потенциал лоббистской деятельности:

1) лоббизм воплощает принцип свободы социальных негосударственных структур, предоставляя им выбор путей и средств информационного воздействия на органы власти;

2) лоббированием интересов социальных субъектов посредством компьютерных сетей обеспечивается информирование политической элиты. Через сайты органов власти, социальные сети гражданское общество обеспечивает органы власти потоком информации по тому или иному вопросу, который выносится на парламентское слушание; осведомляют законодателей о ситуациях в различных сферах жизни общества. Таким образом, с одной стороны придается актуальность, социальная значимость интересам социальных субъектов, а с другой - динамика и гибкость, принимаемых органами власти политических решений;

3) информационное лоббирование выступает в качестве инструмента самоорганизации гражданского общества, с помощью которого обеспечивается общественная поддержка или оппозиция конкретному государственному решению, что обеспечивает легитимацию политическому курсу государства;

4) информационный лоббизм решает важную для современного общества проблему – дистанцированность органов власти от населения, поскольку создает дополнительные каналы влияния для обеспечения интересов меньшинства; выступает в качестве специфической формы проявления политического плюрализма;

5) информационный лоббизм способствует эффективному функционированию органов государственной власти и управления, поскольку стимулирует их к активизации претворения в жизнь тех или иных интересов гражданского общества.

Таким образом, информационный лоббизм можно определить как деятельность по продвижению интересов гражданского общества с использованием компьютерных сетей и методов информационных воздействий на органы законодательной и исполнительной власти государства, которая реализуется по трем основным направлениям:

- во-первых, сбор и обработка информации (например, о состоянии политической и административной среды, законопроекте, сопровождающей документации и др.), обладание которой является сегодня ценным политико-коммуникативным ресурсом;

- во-вторых, косвенное информационное воздействие путем организации информационных кампаний в сети Интернет;

- в-третьих, прямое информационное давление путем личного опосредованного общения с чиновником, принимающим политические решения, через компьютерную сеть.

В лоббистской деятельности информация играет важную роль. Это могут быть сведения о проблеме и стадиях ее решения на уровне государственных органов; проведении слушаний и заседаний по конкретному законопроекту; законодательной базе, необходимой для мотивирования влияния, а также о форме необходимых заявлений, судебных исков, а также описание органов власти, отвечающих за данную отрасль с контактными лицами и координатами для связи, и т.д.

Обладая всей полнотой информации, заинтересованная группа будет в курсе событий и, таким образом, сможет предпринять необходимые действия в сторону продвижения своего интереса. Однако, как правило, сами органы государственной власти стараются быть закрытыми для населения: сайты особенно региональных органов власти не часто обновляются, их контент неэффективно структурирован, что делает поиск информации затрудненным.

Косвенное информационное воздействие через компьютерные сети оказывается куда более эффективным способом продвижения групповых интересов в органах государственной власти. Оно заключается в организации информационных кампаний в сети Интернет в поддержку или оппозицию тем или иным законопроектам, как правило, без указания конкретного

адресата [3]. Такой метод лоббирования постепенно набирает силу и имеет ряд преимуществ:

- 1) подобные виртуальные кампании достаточно дешевы по сравнению с реальными;
- 2) учитывая скорость распространения информации в сети Интернет, велика вероятность отклика большего количества граждан за короткое время;
- 3) информация из сети часто тиражируется традиционными СМИ;
- 4) возможна быстрая доставка информации до лиц, принимающих политические решения;
- 5) существует вероятность «обрушения» сайтов официальных органов власти запросами как реакция на информационные сообщения, размещенные в сети Интернет;
- 6) поскольку Интернет-пространство является «анонимным», велика вероятность манипулирования общественным мнением в сторону позитивной или негативной оценки необходимого для заинтересованной группы решения и др.

Механизм косвенного информационного давления социальных субъектов схож с лоббизмом в средствах массовой информации. Это связано с мощным воздействием последних на сознание и поведение людей. Во многих странах большинство СМИ находятся под контролем олигархических группировок и предоставляют информацию в нужном для них ракурсе. Следовательно, манипулируя общественным сознанием, организуются информационные кампании в поддержку того или иного интереса. В то же время, используя коммуникационный потенциал сети Интернет, информационный лоббизм не является тождественным лоббизму в СМИ.

Прямое информационное давление предполагает личное опосредованное общение посредством компьютерной сети с чиновником, принимающим политические решения; проводится целенаправленная работа (переписка в социальных сетях или по электронной почте) с представителями органов власти для того, чтобы добиться решения, отвечающего вполне конкретным интересам социальных субъектов.

Данное направление активно стало развиваться в последние 10-15 лет с момента организации телемостов Президента с гражданами Российской Федерации. Письма, личные встречи постепенно заменяются другими формами прямого лоббизма - дистанционным общением, перепиской или видеосвязью. Конечно, подобная практика только набирает темпы своего развития и заметна на уровне федерального центра. Тем не менее, использование такого канала значительно расширяет возможность решения возникшей социальной проблемы и упрощает процесс общения гражданского общества с политической властью.

Более того, для органов государственной власти развитие данного направления также является актуальным по следующим причинам: во-

первых, в ситуации невозможности провести общественные слушания по законопроекту – его можно организовать в сети Интернет; во-вторых, отслеживая статистику обращений и заявлений граждан, орган государственной власти может решить проблему, тем самым легитимизировать свой статус в глазах общественности; в-третьих, возможна организация голосования на сайтах, кампаний электронных писем в поддержку какого-либо политического решения или действия и др. [2].

Если в первом случае компьютерные сети используются лоббистом в качестве подкрепления своего ранее выдвинутого требования в результате поиска единомышленников, отклика со стороны широких групп общественности, то во втором – в качестве прямого воздействия на представителей соответствующего государственного органа.

Итак, расширение практики использования сети Интернет в системе представительства интересов гражданского общества существенно видоизменяет лоббистскую деятельность, методы влияния на органы государственной власти.

Информационный лоббизм постепенно становится эффективным каналом продвижения гражданских инициатив, групповых интересов, что детерминирует появление новых информационных технологий лоббистской деятельности, а использование передовых достижений компьютерной коммуникации в политической сфере рассматривается как фактор становления электронной демократии.

Лоббизм, являясь одним из важных элементов системы социально-политического представительства, может стимулировать ее развитие только в условиях демократической политической системы и гражданской политической культуры участия. В отсутствие функциональных каналов коммуникации гражданского общества и государства информационный лоббизм, как и любая другая его разновидность, может способствовать развитию неформального влияния на органы власти.

Список литературы

1. Батанина И.А., Лаврикова А.А. Параметры политической системы как фактор развития политического участия в регионах ЦФО//Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013.

2. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 216 с.

3. Белобородов С.Г. Особенности лоббирования посредством компьютерных сетей // Лоббист. 2007. № 3. С. 67-72.

4. Ионин Д.А. Информационный лоббизм как особый тип коммуникативных связей // Власть. 2008. № 11. С. 98-102.

5. Муращенко С.В. Институт лоббизма в условиях трансформации политической системы современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. 2009. С. 116 – 122.

Муращенко Сергей Викторович, канд. полит. наук, доц., MSV231284MSV@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

Киняшева Юлия Борисовна, канд. полит. наук, доц., kinyasheva76@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

INFORMATION LOBBYISM IN SYSTEM OF REPRESENTATION OF INTERESTS OF CIVIL SOCIETY IN PUBLIC AUTHORITIES OF MODERN RUSSIA

S.V. Murashchenkov, Yu.B. Kinyasheva

The article considers the specifics of information lobbyism and possibility of its use as a technology of influence of civil society on government bodies in modern Russia. The authors outline the factors of information lobbyism, the basic areas of its application in political practice. They conclude that it is not the submission of information space to control, which creates the threats for non-institutional pressure on legislative and executive bodies of power on the part of the subjects concerned.

Key words: information lobbyism, lobbying, computer network, political institute, political discourse, representation of interests.

Murashchenkov Sergey Viktorovich, PhD (Political Sciences), Associate Professor, MSV231284MSV@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Kinyasheva Yulia Borisovna, PhD (Political Sciences), Associate Professor, kinyasheva76@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 32.019.52

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГРАЖДАН

А.А. Рудова

По результатам проведенных исследований рассматривается одна из актуальных проблем формирования образа современной России в общественном мнении граждан. Анализ данной проблемы способствует оптимизации образа государства в общественном мнении граждан в условиях модернизации современного политического процесса.

Ключевые слова: общественное мнение, образ, политический процесс, участие граждан, стереотип.

В общественном мнении граждан формирующиеся представления о своем государстве существенно влияют на отношение населения к политическому курсу развития общества и к власти в целом, во многом определяя доверие к ней и ее авторитет. В этой связи, направление всестороннего взаимодействия между властью и обществом необходимо в направлении усиления ответственности, ориентации на национальные интересы современной России. Целенаправленное развитие данных отношений, а также совершенствование политических институтов общества и органов государственного управления является важным фактором нейтрализации негатив-

ных и формированию позитивных характеристик представлений о государстве, что влияет на консолидацию российской нации и раскрытие ее потенциала.

В то же время, недостаточно изученными остаются такие вопросы, как современные особенности и тенденции формирования представлений о государстве в общественном мнении граждан; социально-политические механизмы и факторы его формирования, а также перспективы и направленность развития позитивных имиджевых характеристик политических организаций российского общества.

Важной особенностью развития социально-политического процесса в современной России является наличие образной множественности российского государства. В то же время государство, которое складывается в общественном мнении россиян, зачастую отличается от конструированных и интегрируемых образов в политическом сознании[1]. Это вызвано тем, что общественное мнение, обладая определенной самостоятельностью, вносит в транслируемый имидж свои коррективы и дополнения, черты и смысловые оттенки, чем оказывает влияние на массовое политическое сознание, синтезируя противоположные представления о государстве, опирающиеся на разного рода идеологии.

Характер представлений о себе и о своем месте в мире оказывает неоднозначное влияние на восприятие страны за ее пределами. Внешний образ ориентирован на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля и определяет ее репутацию [2]. Внутренний же строится на самооценке, но дополняется проекцией внутреннего восприятия за пределы национально-государственной общности [3]. В то же время позиционирование и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности.

Факторы, определяющие сегодня потенциал развития в рамках национального государства, имеют не только экономическое, но и ярко выраженное социокультурное измерение, тенденции роста сегмента носителей культуры в российском обществе[4]. Их задают общие ценностные ориентиры национального сообщества и уровень согласия по поводу основополагающих приоритетов развития. О складывающемся на этой основе социальном самочувствии национального сообщества можно судить по представлениям о собственной национальной идентичности и проекции этой идентичности в мировом политическом пространстве[5].

По результатам проведенных исследований существует прямая зависимость представлений о современной России от возраста респондентов, характеризующихся в противоречивости оценки разных поколений. Исследования, проведенные в рамках экспертного опроса, показывают, что подавляющая часть респондентов, для которых основная пора жизненной активности пришлась на советские годы, воспринимали свою страну как стабильную и без-

опасную. Представители данного поколения, как правило, более критично оценивают современные политические процессы.

Безусловным лидером по частоте упоминания в ряду образов современной России у молодежи (студентов) стал президент Российской Федерации – В.В. Путин. Большинство ответивших, в этот ряд были поставлены также исторические символы российской государственности – Кремль, Красная площадь, Москва-столица, а также государственная символика (герб, флаг, двуглавый орел). Большое число упоминаний в ряду ассоциаций было связано с образами, представляющими православную Россию (соборы и купола, а также храм Христа Спасителя, собор Василия Блаженного, Исаакиевский собор).

В другую группу можно объединить олицетворяющие историческую память о войне национальные символы - Вечный огонь (памятник Неизвестному солдату) и Родину-мать на Мамаевом кургане. Можно зафиксировать появление в качестве нового символа России Сочи-2014. В числе автостереотипов, прочно ассоциирующихся с современным российским государством, назывались береза, медведь и матрешка (лидеры по частоте упоминания), мороз, балет, русская баня, валенки, нефть.

Негативные ассоциации вербализированы преимущественно в понятиях, а позитивные - в устойчивых и предметных знаках [6]. Символами современной России для респондентов стали их современники - политики, деятели искусства, спортсмены; в подборе имен явное предпочтение отдавалось публичным персонам. При этом обобщение результатов анкетирования дает основание сделать вывод о преобладании в ассоциативном ряду образа России характеристик положительной тональности, либо о стремлении респондентов сформулировать для себя (ввиду открытого характера вопроса) такие характеристики.

Представления о стране в мире являлись одним из элементов формирования национальной внешней политики задолго до того, как понятие «образа страны» появилось в политическом и научном дискурсах [7]. Интерпретация таких представлений целенаправленно используется правящей элитой и в качестве важного источника идеологического обеспечения внутривнутриполитического курса. Характер политического режима предопределяет выбор «внутреннего» или «внешнего» образа страны в качестве приоритета государственной имиджевой политики [8]. В условиях информационного общества, утвердилось понимание роли информации и обмена ею как ключевых ресурсов развития, представления о государстве в общественном мнении граждан стали рассматриваться в качестве вполне осознанного инструмента продвижения национальных и групповых интересов.

Большая часть респондентов считают, что современная Россия является скорее сильным государством, чем слабым. Анализ данных показал, что образ перспективного государства оказался достаточно гармоничным. В представлениях респондентов – государство должно быть «независимым», но

при этом «дружественным». Кроме того, оно должно быть «демократическим», но «контролирующим», а также обязательно «ответственным», «справедливым» и «прибыльным». По представлениям опрошенных, «перспективное» государство означает в первую очередь «созидательное», «стимулирующее» (а не «принуждающее»). В то же время современное российское государство не всегда заслуживает доверия со стороны общественного мнения, так как представляется «неспокойным» и «небезопасным», а также воспринимается как «неправовое» и «несправедливое».

В значительной степени, тенденции критической оценки российского государства у ряда граждан вызваны снижением репутации в мировом политическом пространстве в связи с занимаемой позицией по ряду конфликтных международных событий. Отсутствие укрепления вертикали власти, повышения ее ответственности перед обществом, вовлечение общественных объединений граждан в процессы управления выросла бюрократизация чиновников.

Важно отметить, что за последние годы значительно выросла ценность такого понятия, как «державность» (возвращение России статуса сверхдержавы)[9]. Через эту взаимосвязь делаются попытки объяснить широко распространенное в обществе патерналистское отношение к государству, когда считается, что последнее должно нести ответственность за судьбы всех своих граждан. Дальнейшей трансформацией идеи патерналистского государства явилась российская версия социального государства, которое должно обеспечить каждого гарантированным жизненным уровнем [10].

В российском менталитете отношение к государству всегда носило двоякий и противоречивый характер [11]. С одной стороны, стремление индивида к воле и свободе, протест против произвола и принуждения, которые часто ассоциировались с государственным устройством, вызывали у него протест и отторжение самой идеи государственности. С другой, полная зависимость от государства порождала чувства патернализма и неразрывного единства личной судьбы с будущим своей державы, с ее успехами и поражениями [12].

Представления о государстве в общественном мнении граждан являются одной из важнейших характеристик политического сознания, которые не только объединяет в себе такие фундаментальные ценности как свобода, демократия, равенство, справедливость, социальная защищенность, но и раскрывает их основное содержание. В периоды социальных и политических трансформаций, когда на смену одним ценностям и отношениям приходят другие, образ государства становится своего рода ориентиром и мерилom происходящих в стране изменений [13].

Представления о современной России у граждан в значительной степени предопределены её прошлым. Частичная утрата ею собственного неповторимого образа, национальных ценностей, смысла существования нации, заимствование западных технологий во многих сферах жизни современного российского общества мешает определению собственных по-

зиций в конкурентной борьбе за представительство своих интересов новом мировом пространстве.

Позитивная самоидентификация людей со своей страной во многом обусловлена наличием благоприятной для жизни институциональной и культурной среды, которая оказывает существенное влияние на формирование позитивных представлений о государстве.

Список литературы

1. Панкевич Н.В. Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе // Полис. 2013. №1. С.72-85.
2. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. 2013. №1. С.86-99.
3. Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. №1. С. 100-111.
4. Батанина И.А., Лаврикова А.А. Параметры политической системы как фактор развития политического участия в регионах ЦФО// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 124-134.
5. Радина Н.К. Власть в информационном поле природных и техногенных катастроф (по материалам документальных фильмов) // Полис. 2013. №1. С.112-124.
6. Байков А.А. Идеологический компонент в эволюции Евросоюза // Полис. 2013. №1. С.130-141.
7. Медушевский А.Н. Самоорганизация российской общественности // Полис. 2013. №1. С.164-169.
8. Лавренев С.Я., Слизовский Д.Е. Центральная зона традиционных ценностей общества // Полис. 2013. №1. С.170-173.
9. Добрански С. Формирование Черноморского сообщества // Полис. 2013. №1. С.177-181.
10. Жукова О.А. Субкультура власти и социальный порядок в России: реформаторский опыт М.М. Сперанского // Полис. 2013. №2. С.179-189.
11. Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики (Историческая эволюция мировой системы) // Полис. 2013. №2. С.6-23.
12. Евгеньева Т., Селезнева А. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 158-167.
13. Пастухов В.Б. У конституционной черты. Вызовы и ответы российского конституционализма // Полис. 2013. №1. С.7-31.

Рудова Анна Андреевна, аспирант, isaeva_anna7@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

THE MODERN RUSSIAN STATE IN THE PUBLIC OPINION

A.A. Rudova

Based on the results of the sociological research, the author analyzed the problem of the image of modern Russia on Russian Political Development. The analysis of this problem helps to optimize the image of the state in the public consciousness in the modernization of the current political process.

Key words: public opinion, image, political process, citizen participation, stereotype

Rudova Anna Andreevna, post-graduate student, isaeva_anna7@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 327

ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПОЛИТИКЕ

Л.О. Терновая

Рассмотрены особенности различий между проявлениями политического и исторического времени, проникновения каждого из них в пространство другого, а также отношение власти и профессиональных историков к этим процессам.

Ключевые слова: история, политическое пространство, политическое время, власть, профессиональное сообщество историков.

На разных этапах развития государства живущие в нем люди, совсем не обязательно профессионально вовлеченные в политику, сталкиваясь с необходимостью размышлять о месте этой страны в мире, подталкиваются самим ходом событий к необходимости разобраться в движущих силах истории. Для этого требуется понять, почему именно в данный момент произошло приближение общества к исторической развилке, определить, какие из причин оказались решающими в повороте истории на одну дорогу в будущее и были ли шансы возврата на другие. Во многом ответ на эти вопросы кроется в совпадении двух хронологических координат: политического и исторического времени. Значимым оказываются не просто совмещение их линий, а совмещение точек роста, перехода, конфликта каждой из них, но взятой не в своем родном пространстве, а в пространстве другом: политического времени в историческом контексте, а исторического - в политическом.

Политическое время характеризуется содержанием политической жизни общества на конкретном отрезке его развития. Суть и рамки такого времени обусловлены спецификой, последовательностью и длительностью

взаимодействия объектов и субъектов политических процессов [1]. Течение этого времени способно проявляться в разных темпах, ускоряясь и замедляясь. Его ход может быть скачкообразным, но ему не чужда и плавность. Все это позволяет говорить о многомерности такого времени, невозможности измерять его, пользуясь лишь одной шкалой. Настоящее в нем, больше чем в экономическом времени или времени культуры, зависит от прошлого и в большей степени определяет будущее, поскольку политическому времени принадлежит прерогатива расстановки вех, утверждения или ниспровержения символов.

Можно выделить несколько важнейших особенностей политического времени. Во-первых, оно событийно. В нем хронология закрепляется путем фиксации политических дат: времен рождения и исчезновения государств, воцарения монархов, революций, государственных переворотов, вооруженных конфликтов, мирных договоров и т. д.

Во-вторых, поскольку политические механизмы, приводящие к большинству таких событий, чаще всего скрыты от глаз простых людей, далеких от политики, суть данных событий легко мифологизируется [2, с. 159]. Политические мифы составляют естественную информационную среду, отличающую каждую политическую эпоху.

В-третьих, политическому времени свойственна обратимость. Общество, дойдя до определенного предела, своими политическими решениями может продемонстрировать желание повернуть назад, в свое социальное, духовное, экономическое прошлое, что можно сделать, лишь благодаря имеющейся на то политической воле. Насколько полным будет такой разворот, какие сферы он затронет, зависит от того, в чьем лице эта воля сконцентрирована. То может быть взрыв народного недовольства или жесткая власть политической верхушки. От того, удастся ли им договориться, найдут ли эти воли снизу и сверху в прошлом идеал социального спокойствия или экономического благоденствия, зависит глубина возврата в прошлое и длительность пребывания в его осовремененном аналоге. Причем обратимость может относиться не только к прямому повороту в прошлое, но и к терминологическому. Так, уже после Первой мировой войны возникли представления о том, что она, отнюдь, не была началом подобных глобальных конфликтов. У. Черчилль называл войну Семилетнюю (1756-1763), которая разворачивалась на театрах военных действий в Европе, в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, Индии, на Филиппинах, «первой мировой войной» [3, с. 7]. В этой войне приняли участие все крупные европейские державы того времени, большинство средних и мелких государств, а также некоторые индейские племена.

В-четвертых, политическое время повторяемо. Повторения могут приобретать характер заверщенного цикла или быть волнообразными. Но возможны лишь внешние, частичные подобия, позволившие Гегелю, заметить, «что великие всемирно-исторические события и личности повторя-

ются дважды: первый раз как трагедия, а второй - как фарс», как это подчеркнул К. Маркс в сочинении «18-е брюмера Луи Бонапарта», приведя гегелевскую мысль [4, с. 119]. Маркс эту мысль конкретизирует: «Косидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848-1851 гг. вместо Горы 1793-1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789-1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793-1795 годов» [4, с. 119].

В отличие от политического времени историческое время протекает, вбирая в себя вихор повседневности, дающей основание для отслеживания закономерностей несобытийной трактовки хода развития, не упуская при этом важнейших деталей. А то, что они порой играют решающую роль, говорит изменение выражения «Бог сокрыт в мелких деталях», которое приписывается Л. Мису ван дер Рое, немецкому архитектору, разработчику «интернационального стиля», затем переиначенное на слова «Дьявол кроется в деталях». Не так существенно, кто скрывается, значительнее - где. В мелочах, оттенках можно обнаружить рождение той критической точки, с которой начнется новый ход истории.

Вместо распространенных политических мифологем на просторе исторического времени действуют, подталкивая ход истории, подвижники, борцы, герои, подчас безымянные. Россия помнит про день Бородин, как точно написал М. Лермонтов, и потому, что:

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Отличительными характеристиками исторического времени является необратимость процесса, его линейность и поступательность. Этапы на этом пути растянуты. А по прошествии времени возникает потребность начальные и конечные точки исторических периодов, даже маркированных хронологически, раздвинуть, удлинить сложный с точки зрения его осмысления этап человеческой истории. По мнению британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, долгий XIX в. длился с 1789 по 1914 гг. Началом этого периода является Великая французская революция, а концом - Первая мировая война, в результате которой были ликвидированы Германская, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Его главной особенностью было доминирование империй в мире [5].

Мостиком, связывающим политическое и историческое восприятие времени, можно считать историческую политику [6; 7]. Как и любая другая политика, она представляет собой комплекс технологий по закреплению в обществе таких интерпретаций исторических событий, которые отвечают видению прошлого находящимися у власти политическими силами. Такая политика реализуется после крупных социально-политических трансформаций, когда упрочение позиции пришедших во власть во многом зависит от подведения под их внутри- и внешнеполитические курсы исторической платформы. Неудивительно, что зарождение этой политики относят к практикам восточноевропейских государств, перешедших в постсоциализм. В этих практиках были задействованы различные ресурсы власти, включая финансовый, административный, а порой и правовой. Тогда как для простой политизации истории достаточно лишь усилий профессионалов-историков, свободных в своих интерпретациях истории от необходимости их корректировать в соответствии с генеральной линией власти.

Позиция таких профессионалов может выражаться в форме осуждения исторической политики властей. Причем такое осуждение проявляется не тогда, когда власть слаба, молода, ищет механизмы управления, а когда она носит прочный характер, опирается на устоявшиеся традиции и такими действиями стремится их закрепить. Во Франции при президенте Ф. Миттеране историки критически восприняли принятый в 1990 г. «закон Гейссо» (фр. Loi Gayssot), по имени автора – депутата-коммуниста Ж.-К. Гейссо, о наказании за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида евреев во время Второй мировой войны, а вместе с ним еще два «закона памяти»: об ответственности за отрицание геноцида армян, а также рабства и работорговли. Закон Гейссо предполагает уголовную ответственность от одного до трех лет. В 2005 г. был принят «закон памяти», касающийся Алжира. В статье 4, в частности, требовалось, чтобы на школьных уроках подчеркивали позитивную роль французского присутствия в Северной Африке. Поскольку против «законов памяти» выступали не только историки, но и учителя и родители, через год закон об Ал-

жире был отозван. После критики прямого вмешательства государства в трактовку истории и характер ее преподавания в школах в 2008 г. был введен запрет на принятие других «законов памяти» с уголовной ответственностью. С тех пор разрешены лишь резолюции, а в докладе президента Национальной Ассамблеи было сказано, что парламент должен воздерживаться от всякого вмешательства в юридическую квалификацию событий прошлого и в программы преподавания истории.

Президент французской ассоциации «За свободу истории», объединяющей почти тысячу историков, П. Нора считает, что в стране «имело место, в течение многих лет, появление законодательных инициатив и законов, которые диктуют Истории и прошлому официальную истину, навязанную государством, что приводит к юридическому преследованию историков, нарушающих эти законы. Власти добились принятия этих законов по причинам, которые могут показаться правильными и моральными по своей сути. Однако всякое вмешательство государства и политики в научные исследования и интеллектуальную деятельность порочно и достойно осуждения» [8]. То, что историческая дискуссия вылилась в форму политической борьбы именно во Франции, является отражением того, что это государство обладает и богатейшей историей, и замечательной исторической школой, и опытом попыток политического управления с помощью истории. Вероятно, поэтому французские историки наиболее последовательны в том, что они сами и их коллеги в других странах должны настойчиво относиться ко всем веяниям в политическом дискурсе властей.

В странах, где в историческом пространстве обнаруживаются черные дыры и белые пятна, дискуссии об отношении историков к политике приобретают жаркий характер. В Белоруссии к таким темам относятся: война 1812 г., восстание Калиновского (1863), события Второй мировой войны, идеология западнорусизма. Объективный анализ этих вопросов, как считает одна группа историков, невозможен, поскольку другая группа является «бюрократической элитой», зависящей от государства и определяющей стандарты для всех остальных исследователей, часто в зависимости от собственных вкусов и предпочтений, в том числе в области исторической науки [9].

Граница между научным исследованием и политической оценкой пролегает не только в научных трудах по истории. Такая граница может быть визуализированной, создаваться благодаря официальному установлению мест и ритуалов памяти прошлого. Проблема заключается в том, что историческое время объединяет разнообразие образов истории, создавая единый нарратив о прошлом, а выдергивание отдельных фрагментов этого нарратива в политическое время, превращение их в политические мифы, создает лакуны в потоке истории. В качестве примера можно привести создание в 1930-х гг. в СССР мифа о первом пионере-герое Павлике Морозо-

ве и последовавшие после распада Советского Союза попытки развенчания этого мифа и разрушение памятников [10].

Историческое пространство и историческое время более открыты, чем политическое пространство и политическое время. Можно бы было предположить, что объем и накал критики в первых должны бы быть обширнее и острее. Но, как правило, упор критики падает именно на факты и их интерпретации, излагаемые в рамках политической истории. Причина этого видится в том, что политическая власть оставляет за собой право формулировать отношение к истории. Безусловно, надо различать долг власти, заключающийся в обеспечении преемственности общественной жизни, и право, которое простирается от выражения мнений о ценном в этой преемственности до директивного навязывания этих мнений обществу, включая профессиональное сообщество историков [11, с. 136]. Однако и от историков в свою очередь требуется различать свой долг и свое право, которое состоит в том, что они могут как согласиться с мнением власти, так и его оспорить. Их долг заключается в правдивой презентации исторических фактов вне зависимости от прямо или косвенно поступившего политического заказа.

Отдельной строкой в соединении исторического и политического времен проходит вопрос хранения документальной базы государства и общества. Этот вопрос распадается на ряд подвопросов о количестве и качестве архивов, порядке хранения документов, степени свободы доступа в архивы профессиональных историков и заинтересованных лиц, например, ищущих материалы об истории своей семьи, местности, предприятия и пр. Политика открытости архивов или части архивного фонда служит задаче формирования национальной гордости. Так, в США архивы включены в схему туристических маршрутов. А «Билль о правах» (англ. Bill of Rights), свод первых десяти поправок к Конституции США, закрепивших основные права и свободы человека и гражданина, предложенный Дж. Мэдисоном 25 сентября 1789 г. на заседании Конгресса США и вступивший в силу 15 декабря 1791 г., является не только хранимым, но и публично демонстрируемым документом Национального архива США.

Власти порой делают архивные изыскания частью исторической политики. Президент Бразилии Д. Руссефф, будучи главой администрации ее предшественника на высшем государственном посту Л. Лулы да Силвы, дала указание на поиск архивов всех организаций, связанных с репрессиями в период диктатуры (1964-1985). Но многолетняя работа сотрудников Национального архива Бразилии по поискам документов спецслужб не принесла результата. Среди пропавших архивов оказались документы разведок ВМФ и сухопутных войск, одних из основных орудий репрессий. В Министерстве обороны заверили, что все документы были уничтожены согласно действовавшему в тот период законодательству, а подтверждающие это документы были направлены в Архив. В 2011 г. в Бразилии для рас-

следования фактов нарушения прав человека была создана Комиссия правды (порт. Comissão Nacional da Verdade). Ее члены получили право использовать любую информацию, включая сведения, предоставляемые на анонимной основе и данные, находящиеся под охраной государства, в том числе засекреченную документацию различных архивов. Члены Комиссии могут допрашивать свидетелей, организовывать общественные слушания. Правда, со списками людей, причастных к пыткам и убийствам, могут знакомиться только президент страны и министр обороны. При этом на основе результатов проводимых расследований не должны заводиться уголовные дела, так как это противоречит Закону об амнистии, который «простил» всех причастных к преступлениям по политическим мотивам в период с 1961 по 1979 гг., а силу этого закона в 2010 г. подтвердил Верховный Суд [12]. Несмотря на отсутствие правовых последствий архивных изысканий, их политический эффект для власти Бразилии очевиден.

Давление политического времени на время историческое усиливается в периоды, когда власть обнаруживает потребность непосредственного участия в создании «правильного» образа истории, считая историю средством воспитания патриотических чувств, вырастающих из гордости за «славное» прошлое. Пределы, методы и средства глорификации прошлого достаточно широки, только надо помнить, что политическая инструментализация патриотического чувства может приводить к глорификации антигероев, как это происходит в странах Балтии с чествованием легионеров [13]. Это давление тем интенсивнее, чем менее сплоченным выглядит историческое сообщество. Важно и то, какова в этом сообществе доля историков, представляющих власть, как непосредственно (Т. Маколей был членом Британского парламента, М. Н. Покровский - заместителем наркома просвещения РСФСР), так и опосредованно: через написание трудов по заказу, в силу сервилитской культуры и пр. Власть в состоянии ограничить на политическом пространстве площадку для дискуссии историков или переформатировать ее, переведя на политическую арену, в частности, в предвыборный период. Иногда сложности проистекают из низкого уровня исторической грамотности у политиков. Но какие претензии можно было предъявлять к представителям партактива, исторические знания которых были ограничены оценками, содержащимися в учебнике «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (1938), где был очерчен круг обязательных вопросов советской истории, за пределы которого нельзя было выйти.

В то же время власти, обладая политическими и иными рычагами, почти никогда в истории не проводили четкой и однозначной линии исторической политики не потому, что у них не было критериев исторического отбора, а в силу того, что сами политическое пространство и политическое время обладают теми свойствами, которые не позволяют вести эту линию ровно и настойчиво. Однако и историки, являясь выразителями историче-

ского времени, не желают оставаться вне времени политического, считая своей обязанностью вносить вклад в формирование национальной, геополитической, цивилизационной идентичности.

Список литературы

1. Венгеров А.Б. Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6.

2. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте истории памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности//*Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 158-166.

3. Bowen H.V. *War and British Society 1688-1815*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 1998.

4. Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8.

5. Хобсбаум Э. Век Революции. Европа 1789-1848 = *The Age of Revolution: Europe 1789–1848* / пер. с англ. Л.Д. Якуниной. Ростов н/Д: Феникс, 1999.

6. *Историческая политика в XXI веке* /ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

7. *Pro et Contra*. 2009. № 3-4 (тема номера: Историческая политика).

8. Пресс-конференция «За свободу истории» // <http://www.greenlamp.spb.ru/2009/05/25> пресс-конференция-«за-свободу-истории».

9. Браточкин А. Историки и политика: об «исторических» дискуссиях в Беларуси // *Новая Еуропа* // http://n-europe.eu/article/2013/07/31/istoriki_i_politika_ob_istoricheskikh_diskussiyakh_v_belarusi.

10. Дружников Ю.И. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1988.

11. Разумовский И.В. Формирование современной российской ментальности// *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 134-139.

12. Карташов И. Архиву Бразилии не удалось найти документы спецслужб времен диктатуры // *Российская газета*. 2013. 12 марта.

13. Никифоров И. Глорификация антигероев // <http://agenda-u.org/01-04-12-08-01631.html>.

Терновая Людмила Олеговна, д-р ист. наук, проф., 89166272669@mail.ru, Россия, Москва, МАДИ.

*POLITICAL TIME IN HISTORY AND HISTORICAL
TIME IN POLITICS*

L.O. Ternovaya

The author considers the difference between the manifestations of political and historical time, the penetration of each of them in the other, as well as the attitude of the authorities and professional historians to these processes.

Key words: history, political space, political time, power, professional community of historians.

Ternovaya Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, 89166272669@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI).

УДК [94(470)“19”:35.073532.2:351.746.1](049.32)

**ГЕРОИЧЕСКИЕ И ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ СПЕЦСЛУЖБ
(Рецензия на книгу В.С. Христофорова
«История страны в документах архивов ФСБ России»)**

Е.И. Самарцева

Предпринята попытка рассмотреть некоторые вопросы российской истории XX в. через призму документов архивов ФСБ, взглянуть на многие проблемы истории нашего Отечества вне идеологических мифологем. Важное место уделено истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, советскому военному присутствию в Афганистане, а также проблеме реабилитации и рассекречиванию архивных документов.

Ключевые слова: архив ФСБ, архивные документы, рассекречивание, Великая Отечественная война, Афганистан.

Известный историк-архивист, руководитель Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, доктор юридических наук, генерал-лейтенант В.С. Христофоров в книге «История страны в документах архивов ФСБ России»[1] поставил перед собой задачу рассмотреть узловые моменты истории России XX в. глазами сотрудника спецслужб.

Надо ли говорить, что каждая из 958 страниц его книги читается с неослабевающим интересом?

Перед нами издание, без которого сегодня трудно представить документально обоснованную историю нашей страны за последнее столетие.

В книгу включены ранее опубликованные в различных периодических изданиях статьи и доклады, интервью автора. Материалы сборника освещают первые годы советской власти; межвоенный период; Великую Отечественную войну[2]; 1950–1980-е гг., в том числе факты и события Афганской войны. Советское военное присутствие в Афганистане иссле-

довалась автором ранее в монографиях «Афганистан. Правящая партия и армия в 1978–1989 гг.»[3], «КГБ СССР в Афганистане»[4]. В рецензируемой работе эта тема значительно расширена за счет введения в научный оборот новых архивных документов.

Особое место в книге занимает раздел о проблемах рассекречивания архивных документов, практически недоступных для исторического исследования в связи с недостаточной разработанностью научно-справочного аппарата к архивным фондам и документам, закрытостью самого ведомства, а также реабилитации. Опубликованные материалы позволяют взглянуть на многие проблемы в истории нашего Отечества вне идеологических мифологем, все еще имеющих место в современной историографии.

Источниковедческие аспекты исследовательского анализа архивных документов придают книге В.С. Христофорова особую актуальность. Обращение к «следственным делам» предоставляет читателю уникальную возможность проследить жизнь страны, ее народа через судьбы конкретных людей, судьбы трагические и запутанные (очень интересны в этом плане материалы сборника, посвященные деятелям советской культуры: О. Мандельштаму, Л. Гольденвейзеру). Важно отметить, что собственное мнение читателя о том или ином событии формируется под влиянием позиции компетентного автора, его непредвзятой, ориентированной на подлинные исторические факты точки зрения. Тем не менее, авторская точка зрения в этом сборнике незримо присутствует. Цель ее – как можно ближе к истине отобразить исторические события, пережитые великой страной и ее народом. Поэтому книга В.С. Христофорова глубоко патриотична, содержание ее решает задачи воспитательного характера. Исторически достоверный материал книги, охватывая многие ключевые проблемы истории XX в., представлен автором «без акцента на сенсационность». Ему удается ввести «факт-событие» в «факт-знание» практически без субъективизма авторской интерпретации.

Следует отметить, что богатство содержания этого сборника помогает читателю познакомиться с тем, как развивалась наша страна в политическом, экономическом, гуманитарном аспектах, с каким багажом она вошла в XXI в.

Полнота материалов, представленных в книге, скрупулезность и точность их анализа позволяет более объективно оценить современные события, избежать односторонних и прямолинейных трактовок. Опубликованные в книге статьи, выступления и интервью дают читателю возможность познакомиться с разными точками зрения, придают собранному материалу особую полифоничность.

Уникальность издания заключается также в том, что оно имеет прочную юридическую основу. Сразу видно, что автор книги ученый-юрист. Следует отметить открывающую сборник и ставшую своеобразным камертоном статью «Правовое регулирование деятельности ВЧК–ГПУ»[5], где дается блестящий юридический анализ правовой базы этих структур.

Так, например, приведенный материал о формировании и правовом регулировании деятельности органов ВЧК–ГПУ в 1920–30-х гг. развенчивает миф о всевластии этих органов, которые, будучи частью государственного аппарата в центре и на местах, проводили свою работу в соответствии с принятыми высшими органами власти законодательными и нормативными актами.

В.С. Христофорову удалось добиться в книге простоты и ясности изложения, что привлечет к описываемым в ней материалам широкую читательскую аудиторию, интересующуюся историей Отечества и советских спецслужб. Все это способствует популяризации ценнейших исторических сведений, содержащихся в документах Центрального архива ФСБ России.

Новые данные содержат выявленные автором документы по истории депортации (выдворения) из страны без средств к существованию представителей российской интеллигенции, положению русских эмигрантов за рубежом, возвращению их на Родину, препятствиях, с которыми они столкнулись в процессе реэмиграции. Автор проследил истоки и целевые задачи проводимой в стране борьбы с террористическими актами на промышленных предприятиях, развернувшейся по итогам XIV съезда ВКП(б), взявшего курс на индустриализацию. Раскрыл классификацию методов «вредительской деятельности», применяемых ОГПУ. Показал основные направления и результаты деятельности созданных «шарашек», продолжавших работать под контролем 4-го спецотдела МВД СССР и в послевоенные годы.

В книге широко освещены предвоенный период жизни нашей страны, события Второй мировой и Великой Отечественной войн, уделено внимание «причинам трагического для Советского Союза начала войны»[6]. Предваряя столь важную сегодня для осмысления военную тему, автор акцентирует внимание читательской аудитории на невозможность искажения исторических событий в угоду текущему моменту, переделывания их «под себя».

Один из наиболее важных разделов сборника посвящен проблемам реабилитации жертв политических репрессий и рассекречивания архивных документов. Автор показывает, как трудно бывает в современном мире совместить открытость того или иного общества и сохранение его государственных интересов. При этом В.С. Христофоров высоко оценивает роль архивистов в изучении истории, отмечая тот факт, что «в деле понимания закономерностей исторического развития нашей страны архивистам принадлежит важная роль»[7].

Хочется добавить несколько слов о мастерстве В.С. Христофорова – архивиста и историка. Перед нами специалист, искушенный в самых высоких тайнах своего ремесла. Фундаментальная источниковедческая оснащенность его научных разработок сочетается с многожанровостью.

В книге дается целая серия исторических портретов наших соотечественников: С.П. Мельгунова – «Дело исключительно историческое», В.В. Шульгина – «Вечный странник Василий Шульгин», Н.П. Лапина – «Тюремно-морская “Одиссея” инженера Лапина». Подлинным мастер-

ством отмечены масштабные зарисовки драматических событий российской истории, будь то Кронштадтское восстание 1921 г. «Кронштадт. 1921 год» или трагедия раскулачивания в Мордовском крае «К истории Мордовии XX век»[8], или страницы Великой Отечественной войны.

В своих размышлениях об истории России XX в. В.С. Христофоров тонко чувствует диалектическую взаимосвязь между единичным и общим, показывает трагичность противостояния человека и государства, личности и власти. В статье сборника «Очистим Россию надолго... Репрессии инакомыслящих в 1922–1923 годах», связанной с высылкой выдающихся представителей российской интеллигенции за рубеж, он пишет: «До 1922 года отечественная история не знала примеров массовой насильственной высылки интеллигентов за рубеж. В самом деле, трудно представить, чтобы власть – даже власть деспотичная – не нуждалась в интеллектуалах, знания и опыт которых обыкновенно представляют для нее большую ценность, нежели их скрытое несогласие с господствующей политикой»[9].

Нельзя не выразить сожаления по поводу того, что оглавление книги не отражает все богатство ее содержания, ограничиваясь уровнем пяти разделов без внутренней тематической детализации. Расширить возможности нахождения необходимой информации в колоссальном исследовательском материале помогли бы именной и тематический указатели. Следует также отметить определенный дефицит в обобщающих аналитических статьях, которые предвзяли бы каждый из разделов книги и освещали его проблематику.

В заключение подчеркнем, что в наши дни, чрезвычайно богатые яркими архивными публикациями, книга В.С. Христофорова не затеряется, а наоборот, найдет своего заинтересованного читателя: историка, архивиста, любого человека, которому не безразличны судьбы нашей страны. Труд В.С. Христофорова может составить основу монографической серии по истории России XX столетия, столь востребованной современным историческим знанием.

Список литературы

1. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. статей и материалов. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с.
2. Христофоров В.С. О деятельности отечественных органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны // Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Главархив Москвы, 2011. 432 с.
3. Христофоров В.С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. 320 с.
4. Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг.: к 25-летию вывода советских войск из Афганистана. М.: Главархив Москвы, 2014. 80 с.

5. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. статей и материалов. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с. С. 8–19.

6. Там же. С. 304.

7. Там же. С. 814.

8. Христофоров В.С. Документы по истории Мордовии в архивах ФСБ России // Гуманитарий: научный журнал. Саранск. 2012. № 2. С. 95–102; Он же. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. статей и материалов. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с. С. 75–86.

9. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. статей и материалов. М.: Главархив Москвы, 2013. 960 с. С. 39.

Самарцева Елена Игоревна, д-р истор. наук, проф., зав. каф., [esa-martseva@rambler.ru](mailto:esamartseva@rambler.ru), Россия, Тула, Тульский государственный университет.

*RUSSIAN HISTORY HEROIC AND TRAGIC PAGES IN SPECIAL SERVICES'
ARCHIVAL DOCUMENTS*

*(The review of V.S. Khristoforov's book «The history of the country
in the Security Service of the Russian Federation archival documents»)*

E.I. Samartseva

The attempt to analyze some Russian history of the XX century problems in the special services' archival documents light and to consider a lot of our country history issues without any ideological mythologem is undertaken in the article. Much attention is devoted to the World War II and the Great Patriotic War history, to Soviet military presence in Afghanistan, to rehabilitation problems and to the archival documents declassification.

Key words: the Archive of the Security Service of the Russian Federation, archival documents, the declassification, the Great Patriotic War, Afghanistan.

Samartseva Elena Igorevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, [esa-martseva@rambler.ru](mailto:esamartseva@rambler.ru), Russia, Tula, Tula State University.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378.1

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЕНЕДЖЕРА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Т.П. Вейс, С.Н. Пилюкова

Представлена технология реализации дидактической модели формирования управленческой культуры менеджера в системе высшего профессионального образования, позволяющая обеспечить качество процесса профессиональной подготовки специалиста. Разработана система принципов оптимизации образовательного процесса, определяющих эффективность применения данной технологии.

Ключевые слова: управленческая культура менеджера, образовательный процесс, педагогическая технология, профессиональная подготовка, система высшего профессионального образования.

Российская система образования активно включается в процесс инновационного развития, в процесс построения «новой» экономики – «экономики знаний». В связи с этим возникает потребность в образовательных системах, в которых структуры, процессы и ресурсы профессионального образования гибко и рационально соединяются во времени и пространстве так, что на каждом этапе, в рамках интегрирования образования, достигается относительная завершенность профессионального образования в рамках его непрерывности, которая способна удовлетворить все множество образовательных потребностей, возникающих в современном обществе в целом и у каждого человека в частности [2].

Новые целевые установки в образовании, приоритетом ставят подготовку в вузе специалистов по направлению «Менеджмент», обладающих высоким уровнем управленческой культуры. Управленческая культура определяет способность и готовность выпускника к выполнению управленческих функций, задач организационного характера, принятию обоснованных управленческих решений, управлению деятельностью других людей, т.е. рассматривается как готовность выпускника к профессиональной деятельности. Наличие у специалиста указанных профессионально значи-

мых умений и навыков определяет уровень его управленческой культуры и обуславливает способность к обеспечению оптимальных моделей самоорганизации жизни и профессиональной деятельности, к эффективному использованию и развитию внутреннего потенциала, степени адаптации к изменяющимся условиям, способность работать в коллективе и с коллективом, психологическую способность влиять на людей. Отсутствие у выпускников по направлению «Менеджмент» необходимого уровня управленческой культуры серьезно затрудняет их адаптацию к новым условиям деятельности.

Лишь с получением специального образования, когда специалист имеет необходимый уровень теоретической и практической подготовки, можно говорить об управленческой культуре. Следовательно, одним из ведущих направлений развития системы высшего профессионального образования в настоящее время признается совершенствование уровня управленческой культуры - важнейшей составляющей профессиональной культуры менеджера и, как следствие, совершенствование профессиональной культуры как неотъемлемой самоценной части целостного образовательного процесса.

Процесс подготовки специалиста, обладающего высоким уровнем управленческой культуры, требует разработки и внедрения в практику эффективных форм управления этим процессом.

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования культуры специалиста и аспектов ее формирования в процессе профессиональной подготовки, в том числе анализ степени разработанности проблемы формирования управленческой культуры менеджеров в системе высшего профессионального образования, создали теоретическую предпосылку для разработки дидактической модели формирования исследуемого вида профессиональной культуры менеджера. Технологическое структурирование процесса формирования управленческой культуры менеджера обеспечит подготовку специалиста, способного реализовать освоенные ценности управленческой культуры, определяющие управленческое поведение и творческую активность специалиста в профессиональной среде [3].

В педагогической литературе, посвященной педагогическим технологиям, обозначается несколько подходов исследователей к понятию педагогической технологии [5], однако объединяющей позицией по отношению к педагогическим технологиям выступает позиция признания положительного соотношения между явлениями технологизации педагогического процесса и его эффективностью, качеством, результативностью. «Принято считать, что педагогический процесс, построенный по технологическим принципам, должен давать высокий уровень эффективности» [4].

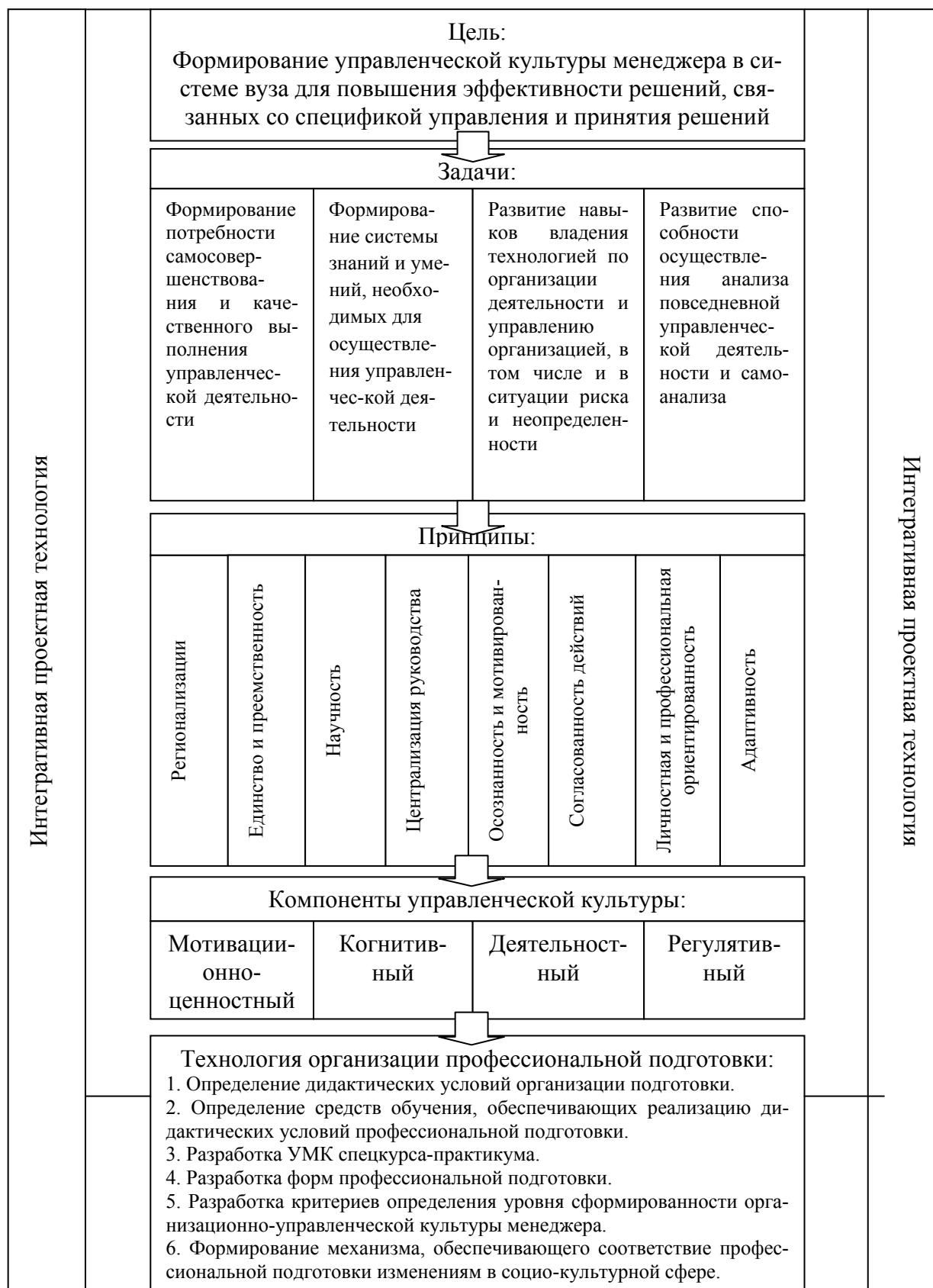

Рис. 1. Технология реализации модели формирования организационно-управленческой культуры менеджеров в условиях вуза

Именно педагогическая технологизация воздействия на субъектов педагогического процесса и их взаимодействия в процессе профессиональной подготовки позволит обеспечить максимально результативный педагогический процесс подготовки менеджера, гарантирующий сформированность у специалиста управленческой культуры высокого уровня.

На рис. 1 представлена технология реализации дидактической модели формирования управленческой культуры менеджера в системе высшего профессионального образования, отображающая систему принципов, методов и средств логической организации и построения образовательного процесса.

Использование спроектированной педагогической технологии реализации модели формирования управленческой культуры менеджера в условиях вуза позволит организовать профессиональную подготовку специалиста и обеспечить целенаправленность, непрерывность и устойчивость процесса формирования управленческой культуры менеджера с учетом изменений, произошедших в социуме, и современных требований к уровню подготовки специалиста-менеджера [1].

Реформа российской системы образования предполагает применение компетентного подхода к разработке государственных образовательных стандартов 3-го поколения. Теперь, в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 «Менеджмент», выпускник должен обладать определенным набором компетенций в соответствии с видами профессиональной деятельности. Основным результатом компетентного подхода является не система полученных знаний, умений и навыков, а готовность и способность человека действовать в конкретной жизненной ситуации, способность использовать полученные знания, умения, навыки в профессиональной деятельности.

Одна из важнейших задач образовательного учреждения высшего профессионального образования – обеспечить формирование системы профессиональных компетенций выпускников вуза. С целью выявления возможностей вуза в формировании данных компетенций, определяющих уровень управленческой культуры, которым должен обладать выпускник по направлению подготовки «Менеджмент», проведен анализ содержания требований ФГОС ВПО к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата по данному направлению, учебных планов вуза и рабочих программ учебных дисциплин. В результате проведенного анализа по каждому из компонентов процесса формирования управленческой культуры менеджера (мотивационно-ценностному, когнитивному, деятельностному, регулятивному), определены знания, умения, навыки и

компетенции, определяемые содержанием базовых (обязательных) и вариативных (профильных) дисциплин, устанавливаемых вузом.

Процесс формирования управленческой культуры менеджера в ходе их профессиональной подготовки должен базироваться на совокупности общенаучных и специальных принципов - исходных теоретических положениях, выступающих в качестве важнейших требований, соблюдение которых обеспечивает эффективное формирование управленческой культуры. При разработке содержания и технологии формирования управленческой культуры менеджера организации в процессе профессиональной подготовки в вузе следует руководствоваться следующими принципами (рис. 2):

1. Принцип регионализации, который заключается в подготовке менеджеров организации к профессиональной деятельности с учетом региональных особенностей и принятию основ организационно-управленческой культуры с учетом специфики крупных промышленных предприятий региона.

2. Принцип единства и преемственности содержания циклов профессиональной подготовки: гуманитарных и социально-экономических дисциплин, математических и естественнонаучных

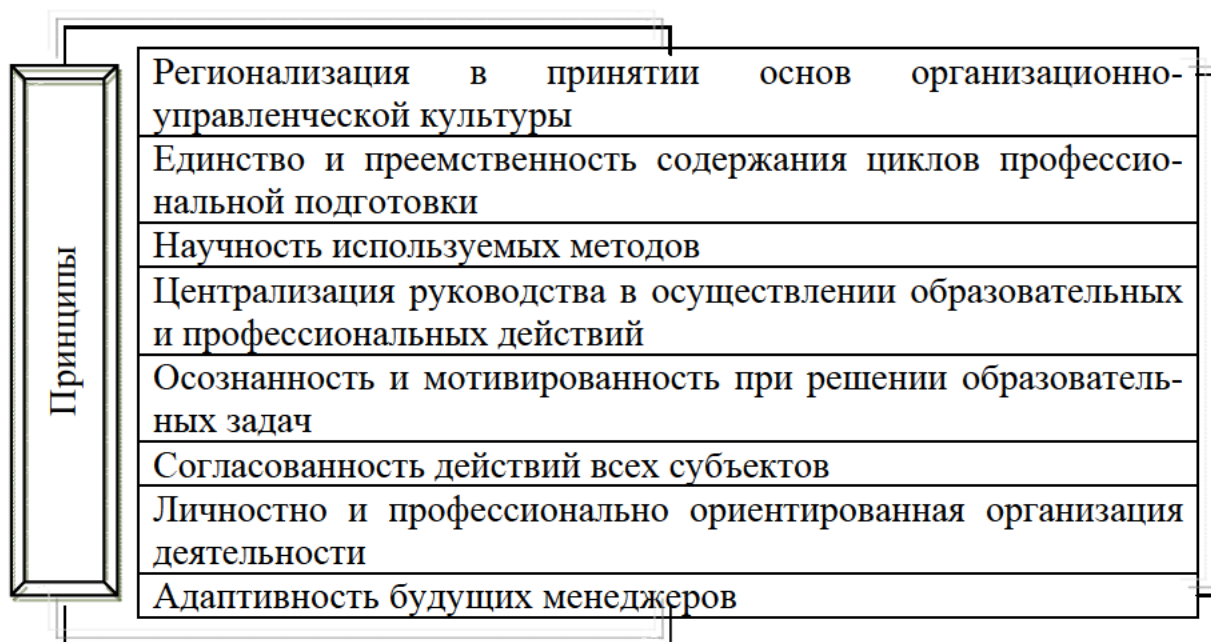

Рис. 2. Принципы формирования управленческой культуры

дисциплин, общепрофессиональных, дисциплин специализации, факультативов.

3. Принцип научности, предполагающий необходимость использования научно обоснованных методов при формировании организационно-управленческой культуры.

4. Принцип централизации руководства с предоставлением студентам широкой инициативы в осуществлении образовательных и профессиональных действий, который реализуется путем четкой постановки целей и определения оптимальных способов их достижения, разработки всесторонне обоснованной программы действий всех лиц, участвующих в формировании организационно-управленческой культуры и детальном их планировании.

5. Принцип осознанности и мотивированности при решении образовательных задач, предполагающий раскрытие роли и значения организационно-управленческой культуры в системе подготовки конкурентоспособного специалиста, проявление четкой мировоззренческой позиции в отношении профессиональной сферы деятельности, создание системы стимулирования ответственного отношения к выполнению задач образовательной и профессиональной деятельности.

6. Принцип согласованности действий всех субъектов, принимающих участие в формировании организационно-управленческой культуры менеджеров, путем обеспечения единого понимания всеми стоящих целей и задач, способов их достижения, распределения ролей, прав и ответственности; четкого планирования, постановки задач и действенного контроля по их выполнению; согласования учебных программ и программ практик между собой.

7. Принцип лично и профессионально ориентированной организации деятельности по формированию организационно-управленческой культуры менеджеров, реализуемый путем использования индивидуального и дифференцированного подхода к студентам, всестороннего анализа факторной среды их личностного и профессионального развития при определении образовательных заданий, оказания необходимой помощи и поддержки.

8. Принцип адаптивности будущих менеджеров, который заключается в том, что менеджеры готовы к принятию корпоративной культуры конкретной организации, реализации организационно-управленческих функций и являются более конкурентоспособными в сфере профессиональной деятельности.

Разработанная технология реализации педагогической модели формирования управленческой культуры менеджера организации в процессе профессиональной подготовки в вузе получили практическое применение в вузе и дали положительные результаты, что способствовало формированию организационно-управленческой культуры будущих менеджеров и определило успешную адаптацию выпускников.

Достоверность и обоснованность полученных в ходе исследования результатов подтверждена длительной экспериментальной проверкой технологии формирования управленческой культуры менеджеров на базе НОУ ВПО «Тульский институт управления и бизнеса им Н.Д. Демидова».

В рамках проводимой экспериментальной работы реализована интегративная проектная технология (ИПТ) формирования управленческой культуры студентов, включающая постановку цели, определение задач, поиск эффективных способов осуществления учебно-профессиональной деятельности, оценку возможностей и информационно-материальных ресурсов, анализ результатов деятельности. В рамках ИПТ реализуется интеграция содержания дисциплин учебного плана специальности: горизонтальная – между дисциплинами и курсами одного этапа обучения; вертикальная – между дисциплинами и курсами разных этапов обучения. Интеграция заключается в том, что абстрагируется и структурно упорядочивается учебный материал отдельных дисциплин, объединенный одной научной идеей и методом познания, а затем экстраполируется на другие сходные системы и ситуации иных предметных областей. Цель экспериментальной работы – проверить эффективность модели и технологии ее реализации в процессе формирования управленческой культуры менеджеров в условиях вуза. Основные задачи эксперимента: выявление интересов и склонностей студентов к принятию организационно-управленческой культуры; реализация интегративной проектной технологии формирования организационно-управленческой культуры будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе; анализ полученных результатов и мониторинг выпускников факультета менеджмента.

В процессе реализации интегративной проектной технологии на кафедре «Менеджмент» разработан интегративный спецкурс «Управленческая культура менеджера». Данная дисциплина является дисциплиной по выбору, она позволяет на основе формирования базовых профессиональных компетенций и «сквозных умений» при решении определенных профессиональных задач оценить уровень управленческой культуры выпускника, его готовность к профессиональной деятельности. Проведенный анализ содержания преподаваемых специальных дисциплин выявил возможности формирования отдельных сторон, составляющих управленческую культуру менеджера. Однако, как показали исследования, существующих междисциплинарных связей недостаточно для формирования управленческой культуры менеджера в полном объеме намеченных требований. В рамках разработанного спецкурса проводились тренинговые занятия со студентами, обучающимися по направлению 080200 «Менеджмент» (квалификация (степень) "бакалавр"), что позволило повысить уровень управленческой культуры выпускника, а также степень профессиональной готовности будущего специалиста-менеджера.

Разработанный в ходе экспериментальной работы по формированию управленческой культуры студентов спецкурс «Управленческая культура менеджера» является важной составной частью, одним из эффективных средств подготовки студентов к профессиональной деятельности. Он способствует более глубокому освоению студентами вопросов проектиро-

вания, организации, коррекции и управления производственным процессом.

Цель курса - формирование управленческой культуры менеджеров как фактора повышения качества и результативности профессиональной деятельности.

Задачами в процессе его освоения являются:

- активизация познавательной деятельности будущих менеджеров в процессе самостоятельного изучения ими материала по анализируемой проблеме;

- углубление имеющегося у студентов представления о процессе управления организациями различных организационно-правовых форм и о деятельности менеджера в этом процессе и на этой основе повышение мотивации к осознанному изучению дисциплин профессионального цикла, мотивации к самореализации;

- закрепление и совершенствование системы практических умений, сформированных на занятиях дисциплин профессионального цикла учебного плана, эффективная организация процесса управленческой деятельности;

- формирование у студентов опыта самостоятельной работы в качестве руководителя и по мере его формирования развитие руководящих способностей;

- выработка индивидуального стиля организационно-управленческой деятельности.

В результате отработки узловых тем разработанного спецкурса студенты должны быть подготовлены к процессу принятия обоснованных управленческих решений, реализации задач организационного характера, обеспечивающих эффективную работу предприятия.

В процессе обучения каждый студент выполняет практические задания с использованием знаний и умений по дисциплинам как базовой части профессионального цикла, так и вариативной части, определяемой в основной образовательной программе вуза в соответствии с профилями подготовки. Будущие специалисты включаются в самостоятельную работу по поиску информации, требующей анализа, синтеза, обобщения, противопоставления и коллективного обсуждения. Действия студентов нацелены на анализ информации, наложение теоретических положений на реальную практику профессиональной деятельности менеджера в современных условиях, формулирование выводов о целесообразности тех или иных подходов к решению проблемы и их обоснование. Обогащая образовательную программу дисциплины посредством практических заданий и внеаудиторной исследовательской деятельности, можно способствовать формированию личности, готовой к саморазвитию и самосовершенствованию, имеющей нестандартный подход к решению учебных задач.

В целом структура и содержание курса позволяют:

- вызвать необходимость анализа теоретических знаний по определенным дисциплинам и интегрировать их основные положения для решения практических задач;
- сориентировать будущего специалиста на систематическое самостоятельное обогащение знаний;
- проявить студенту его уровень знаний, умений и культуру по поиску информации и работы с ней;
- развивать умение аргументировать, обосновывать решение, что требует сформированности определенных коммуникативных компетентностей;
- на основе теоретического и практического анализа определенной проблемы представить модель ее решения;
- привить и стимулировать интерес студента к учебно-познавательной, профессиональной и научно-исследовательской деятельности.

Использование в ходе занятий практикума форм и методов, активизирующих познавательную деятельность студентов, позволило интенсифицировать процесс формирования управленческой культуры, оказывающей большое влияние и на профессиональное становление личности студентов, развитие у них таких качеств, как интерес к предстоящей профессиональной деятельности, саморазвитие, самостоятельность, активность, способность управлять собственными ресурсами, коммуникативность и др.

Процесс работы по формированию управленческой культуры менеджеров реализуется с использованием игровой, дискуссионной, тренинговой образовательных технологий, технологии проектирования ситуаций, что позволит значительно активизировать работу по самообразованию.

При решении сложных социально-производственных задач применялись организационно-деятельностные игры. При этом на основе предъявляемой игрокам исходной информации о состоянии реальной социально-экономической системы моделировались различные производственные ситуации, проектировались способы действий в условиях предложенных моделей. Участники брали на себя одинаковые роли и моделировали деятельность руководителя в заданной ситуации, систематизируя теоретические знания и практические умения по решению определенной проблемы.

В ситуациях, когда требовалось обсуждение производственных, социально-экономических, управленческих проблем, с которыми сталкивается в своей работе менеджер, и нахождение путей их решения использовались разные формы дискуссионных технологий.

Благодаря участию в экспериментальной работе бизнес-тренеров была реализована тренинговая технология. Тренинги проводились регулярно и были направлены на развитие, коррекцию у студентов необходимых для формирования управленческой культуры профессионально важных качеств личности.

В процессе эксперимента активно использовалась технология ситуационного проектирования, направленная на формирование, закрепление и совершенствование умений и навыков, составляющих содержание управленческой культуры. Ситуации предлагались студентам прямо на занятии либо давались заранее для ознакомления и предварительной подготовки. Эти ситуации требовали от студентов интеграции знаний и умений по разным предметным областям, занимая несколько занятий, предполагали активную деятельность по нахождению решений, выбору конкретного способа действия.

Процесс выполнения разнообразных упражнений в рамках данных технологий способствовал совершенствованию познавательных способностей; формированию самостоятельности и активности в осуществлении коммуникативной деятельности; выработке умения самостоятельно приобретать знания и применять их на практике; развитию профессионального мышления, способности выявлять проблемы экономического характера при анализе конкретных ситуаций, предлагать способы их решения и оценивать ожидаемые результаты. Все это способствует активизации восприятия ценностей управленческой культуры, проявлению компетентности в решении профессиональных задач.

Таким образом, результаты, полученные в ходе теоретического анализа и экспериментальной работы, свидетельствуют об эффективности технологии формирования управленческой культуры менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе, состоятельности гипотезы, достижении цели в решении задач, определённых в данном исследовании.

Список литературы

1. Буга П., Карпов В. Технологии обучения в высшей школе // Вестник высшей школы. 1991. № 11. С. 14-17.
2. Иванова В.И., Вейс Т.П. Роль государства в процессе модернизации института высшего образования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.1 Ч.1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 117-122.
3. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 308 с.
4. Смирнов С. Технологии в образовании // Высшее образование в России. 1999. № 1. С. 109-112.
5. Янушкевич Ф. Технология обучения в системе высшего образования. М., 1986. 135 с.

Вейс Татьяна Павловна, канд. социол. наук, доц., svetlana.pilyukova@bk.ru, Россия, Тула, Тульский институт управления и бизнеса им. Н.Д. Демидова.

Пилукова Светлана Николаевна, ст. преподаватель, svetlana.pilyukova@bk.ru, Россия, Тула, Тульский институт управления и бизнеса им. Н.Д. Демидова.

TECHNOLOGY OF FORMATION OF THE MANAGEMENT CULTURE OF A MANAGER IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING

T.P. Veys, S. N. Pilyukova

The article presents the technology of implementation of the didactic model of the formation of management culture in the system of higher professional education, which allows to ensure the quality of specialist training. There was developed a system of principles of educational process optimization, determining the efficiency of this technology.

Key words: management culture of a manager, educational process, educational technology, vocational training, system of higher professional education.

Veys Tatyana Pavlovna, PhD (Sociology), Associate Professor, svetlana.pilyukova@bk.ru, Russia, Tula, Tula Institute of Management and Business named after N.D. Demidov.

Pilyukova Svetlana Nikolaevna, Senior Lecturer, svetlana.pilyukova@bk.ru, Russia, Tula, Tula Institute of Management and Business named after N.D. Demidov.

УДК 37.026.1

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ»

А. А. Володин, Н. Г. Бондаренко

На основе междисциплинарного подхода проведен анализ понятия «организационно-педагогические условия». Данное понятие раскрывается через понятийную систему: условие, организация, организационные условия, педагогические условия, пространственная среда, образовательная среда, пространственно-образовательная среда, образовательные отношения.

Ключевые слова: условие, организация, организационные условия, педагогические условия, пространственная среда, образовательная среда, пространственно-образовательная среда, образовательные отношения.

Анализ научно-педагогической источников показывает, что единой конвенционально принятой дефиниции понятия «организационно-педагогические условия» не существует, несмотря на то, что это понятие часто используется в педагогической литературе и диссертационных исследованиях. Очевидно, что термин «организационно-педагогические условия» состоит из двух смысловых частей: «организационные условия» и «педагогические условия». Раскроем их содержание подробнее.

Согласно философскому энциклопедическому словарю, под «**услови-ем**» понимают то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование

данного явления. Совокупность конкретных условий данного явления образует среду его протекания, от которой зависит действие законов природы и общества [20, С. 707-708]. Под **условием** будем понимать **существенный компонент комплекса объектов, явлений или процессов, от которых зависят другие, обуславливаемые феномены (объекты, явления или процессы), и влияющий на формирование среды, в которой протекает феномен.**

Исследуем понятие «организационные условия». Из этого понятия важным на данном этапе представляется выделить и охарактеризовать понятие «организация». Согласно философскому энциклопедическому словарю, под «**организацией**» понимается (франц. – organisation, от позднелат. – organize: сообщаю стройный вид, устраиваю):

1) внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением;

2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого;

3) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определенных процедур и правил.

Различают два аспекта организации: упорядоченность и направленность. Упорядоченность определяется количественно как величина, обратная энтропии системы. Направленность организации характеризует соответствие (или несоответствие) системы условиям окружающей среды, целесообразность данного типа организации с целью поддержания нормального функционирования системы и т.п. [21, С. 463-464].

Исходя из раскрытых выше определений понятий «условие» и «организация» сформулируем понятие «организационные условия». Под **организационными условиями** будем понимать **существенный компонент комплекса объектов, явлений или процессов, от которых зависят другие, обуславливаемые феномены (объекты, явления или процессы), и влияющий на направленное и упорядоченное формирование среды, в которой протекает феномен.**

Можно выделить три основных подхода при анализе понятия «педагогические условия».

Первый подход отражает точку зрения, согласно которой педагогические условия - это совокупность каких-либо мер педагогического воздействия и возможностей материально-пространственной среды. Находясь в контексте первого подхода, авторы под педагогическими условиями понимают: В.И. Андреев – «комплекс мер, содержание, методы, приемы и организационные формы обучения и воспитания» [1]; В.А. Беликов – «совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в

педагогике задач» [3]; А.Я. Найн – «совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, средств и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных задач» [12, с. 44-49].

Второй подход связывает педагогические условия с проектированием и конструированием педагогической системы, в которой условия выступают компонентом. Так Н.В. Ипполитова в своем исследовании утверждает, что педагогические условия - это компонент педагогической системы, отражающий совокупность внутренних (обеспечивающих развитие личностного аспекта субъектов образовательного процесса) и внешних (содействующих реализации процессуального аспекта системы) элементов, обеспечивающих её эффективное функционирование и дальнейшее развитие [9]. Близкую по смыслу позицию занимает М.В. Зверева. Согласно ее точке зрения, педагогические условия есть содержательная характеристика одного из компонентов педагогической системы, в качестве которого выступают содержание, организационные формы, средства обучения и характер взаимоотношений между учителем и учениками [7, с. 29-32].

Согласно **третьему подходу** педагогические условия – это планомерная работа по уточнению закономерностей как устойчивых связей образовательного процесса, обеспечивающая возможность проверяемости результатов научно-педагогического исследования [11, с. 101-104].

Проведя анализ позиций различных исследователей относительно определения понятия «педагогические условия», Н. Ипполитова и Н. Стерхова выделяют ряд важных положений:

1) условия выступают как составной элемент педагогической системы;

2) педагогические условия отражают совокупность возможностей образовательной (целенаправленно конструируемые меры воздействия и взаимодействия субъектов образования: содержание, методы, приемы и формы обучения и воспитания, программно-методическое оснащение образовательного процесса) и материально-пространственной (учебное и техническое оборудование, природно-пространственное окружение образовательного учреждения и т.д.) среды, влияющих положительно или отрицательно на ее функционирование;

3) в структуре педагогических условий присутствуют как внутренние (обеспечивающие воздействие на развитие личностной сферы субъектов образовательного процесса), так и внешние (содействующие формированию процессуальной составляющей системы) элементы;

4) реализация правильно выбранных педагогических условий обеспечивает развитие и эффективность функционирования педагогической системы [8, с. 8-14].

Таким образом, мы под педагогическими условиями понимаем **характеристику педагогической системы, отражающую совокупность потенциальных возможностей образовательной среды, реализация которых обеспечит эффективное функционирование и развитие педагогической системы.**

Охарактеризуем соотношение организационных и педагогических условий. Выделим два основных подхода. Согласно **первому подходу** организационно-педагогические условия выступают как разновидность педагогических условий, т.е. организационные условия включены в содержание понятия «педагогические условия» [8, с. 11].

Исследователи, придерживающиеся первого подхода рассматривают организационно-педагогические условия в двух основных контекстах. Во-первых, как совокупность каких-либо возможностей, обеспечивающая успешное решение образовательных задач. Так, организационно-педагогические условия, с точки зрения Е.И. Козыревой, представляют собой совокупность объективных возможностей, обеспечивающих успешное решение поставленных задач [10, с. 4-9]; В.А. Беликов характеризует их как совокупность возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса, направленных на достижение целей педагогической деятельности [2, с. 235].

Во-вторых, организационно-педагогические условия не только представляются как совокупность каких-либо возможностей, способствующих эффективности организации образовательной среды, но и обладают направленностью. По мнению С.Н. Павлова, организационно-педагогические условия – это совокупность объективных возможностей обучения и воспитания, организационных форм и материальных возможностей, а также обстоятельств взаимодействия субъектов педагогического процесса. Эти условия являются результатом целенаправленного, планируемого отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов) для достижения цели педагогической деятельности [15, с. 14]. А.В. Сверчков отмечает, что организационно-педагогические условия выступают принципиальным основанием для связывания процессов деятельности по управлению процессом формирования профессионально-педагогической культуры личности [17, с. 279-282].

Н. Ипполитова и Н. Стерхова выделяют следующий ряд признаков, характеризующих понятие «организационно-педагогические условия»:

1) данный вид условий рассматривается учеными как совокупность целенаправленно сконструированных возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса (мер воздействия), способствующих успешному решению задач педагогического процесса;

2) совокупность мер воздействия, отражающих рассматриваемые условия, лежит в основе управления педагогической системой (образовательным процессом или его составляющими) в той или иной ситуации;

3) указанные меры характеризуются взаимосвязанностью и взаимообусловленностью, обеспечивая в своем единстве эффективность решения поставленных образовательных задач;

4) основной функцией организационно-педагогических условий является организация таких мер воздействия, которые обеспечивают целенаправленное, планируемое управление развитием целостного педагогического процесса, то есть управление процессуальным аспектом педагогической системы;

5) совокупность организационно-педагогических условий подбирается с учетом структуры реализуемого процесса [8, с. 11-12].

Второго подхода придерживается Г.А. Демидова, которая считает, что организационные условия выступают внешними обстоятельствами для реализации педагогических условий. Организационно-педагогические условия – это совокупность внешних обстоятельств реализации функций управления и внутренних особенностей образовательной деятельности, обеспечивающих сохранение целостности, полноты образовательного процесса, его целенаправленности и эффективности [5, с. 32-38].

Мы соглашались со вторым подходом и отмечаем, что организационные и педагогические условия представляют собой единое целое, выступая как его равноценные части. Организационные условия осуществляют поддержку возможности и сопровождение реализации педагогических условий, т.е. выступают пространственной средой для образовательной среды. Таким образом, в контексте настоящего исследования мы под **организационно-педагогическими условиями** понимаем **характеристику педагогической системы, отражающую совокупность потенциальных возможностей пространственно-образовательной среды, реализация которых обеспечит упорядоченное и направленное эффективное функционирование, а также развитие педагогической системы.**

Анализ понятия «пространственно-образовательная среда» требует рассмотрения понятия «среда», которое является предметом изучения многих наук, таких, как философия, антропология, психология, социология, педагогика и др. В самом общем смысле понятие «среда» трактуется как окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов [13]. В современной педагогической науке «среда» рассматривается, с одной стороны, как условия, в которых протекает жизнь человека, его окружение, совокупность людей, связанных общностью этих условий, обстановки; с другой – как окружающее человека социальное пространство, зона непосредственной активности индивида, его ближайшего развития и действия, а также включает в ее

структуру феномены социальной и личной жизни человека: опыт прошлой жизни, опыт общения, влияние средств массовой информации и т.п.

Анализируя понятие «среда», Т.Г. Егорова приходит к заключению, что в педагогическом аспекте среда понимается как окружение человека, условия, при которых он взаимодействует с этим окружением. Данные условия оказывают определенное влияние на развитие личности и могут активизировать или тормозить данный процесс [6].

Понятие «среда» является родовым к понятию «образовательная среда», которое получило сегодня широкое распространение в педагогике. Обобщая педагогические исследования, касающиеся разработки проблемы образовательной среды, отметим, что понятие «образовательная среда» раскрывается с позиции взаимодействия личности с окружающей средой, которая определена совокупностью различных условий:

1) системой влияний и условий, которые создают возможность для раскрытия интересов и способностей, творческого потенциала, обеспечивающих удовлетворение потребностей учащегося, использование образовательных технологий в соответствии с возрастными особенностями обучающихся [14, с. 85];

2) педагогически организованной системой условий, влияний и возможностей для удовлетворения иерархического комплекса потребностей личности и трансформации этих потребностей в жизненные ценности, что обеспечивает активную позицию учащихся в образовательном процессе, обуславливает их личностное развитие и саморазвитие» [16, с. 41];

3) совокупностью социальных, культурных, а также специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности [19, с. 4];

4) системой влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для её развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [22, с. 28].

С «образовательной средой» тесно связана среда образовательного учреждения нового типа – непрерывного образования, которая является:

- социальной системой, функционирующей в соответствии с законами общественного развития;

- культурной системой, способной к преобразованию и развитию задатков, возможностей и творческих способностей личности;

- динамической и развивающей системой;

- целенаправленной системой (цель играет роль системообразующего и системоинтегрирующего фактора);

- деятельностной системой (формируется и развивается в процессе взаимодействия объектов и субъектов образовательного процесса);

- ценностно-ориентированной системой (цели воспитательной деятельности личностно значимые как для студентов, так и для преподавателей и сотрудников вуза);

- целостной системой (ее составляющие позволяют системе функционировать как единое целое и обладать системными интегрированными качествами);

- открытой системой (приспосабливается к внешней среде и на определенном уровне своего развития сама изменяет и совершенствует внешнюю среду) [4, с. 77];

Обобщая выделенные точки зрения, отметим, что под «**образовательной средой**» будем понимать совокупность условий, создающих возможности для развития познавательных потребностей и личностного развития и саморазвития обучающихся; обеспечивающих активное взаимодействие субъектов образовательных отношений.

Раскрывая сущность понятия «пространственная среда» К.Г. Силанян, отмечает, что это фрагмент пространства, познаваемый, конструируемый и обустриваемый субъектами в процессе жизнедеятельности. Пространственная среда – внутренне противоречива, что обусловлено высокой динамикой ее развития, неравномерностью ее освоения субъектами, неравноценностью отдельных ее фрагментов в сознании проживающих в ней людей, использованием разных подходов к ее организации. Пространственная среда структурируется, организуется, познаются субъектами в процессе ее освоения. Освоение субъектами пространственной среды подразделяется на социальное, информационное, утилитарное, семиотическое, культурное; каждое из них осуществляется собственными средствами, решает собственную задачу, имеет собственные результаты, используемые в социальной практике. Чем выше освоенность пространственной среды, тем больше адекватность ее понимания и переживания субъектами [18]. Соглашаясь с мнением К.Г. Силаняна, сделаем выводы о том, что, во-первых, пространственно-образовательная среда есть специфическая форма пространственной среды; во-вторых, в целях эффективного освоения субъектами пространственная среда нуждается с их стороны в целенаправленном проектировании, внедрении и регулировании.

К.Г. Силанян указывает, что пространственная среда состоит из предметно-пространственной и социокультурной структур. Предметно-пространственная структура базируется на взаимодействии материальных объектов, наполняющих пространственную среду, их утилитарном назначении, выполнении функций. Социокультурная структура пространственной среды опирается на результаты семиотического, культурного ее освоения субъектами и выражается иерархией ценностных значений, придаваемых субъектами той или иной дифференцированной части пространства [18].

Развивая идеи К.Г. Силаняна и интерпретируя их в контексте настоящего исследования, отметим, что предметно-пространственная структура как часть пространственной среды представляется в виде

материально-технической базы реализации образовательных отношений субъектов (преподавателей и обучающихся). Сущностью социокультурной структуры пространственной среды выступают потребности и воплощенные возможности субъектов осуществлять образовательные отношения с использованием предметно-пространственной структуры. При этом возникающая и передаваемая между субъектами образовательных отношений специфическая информация представляет собой содержание образования.

Согласно п. 30 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», под **образовательными отношениями** понимают совокупность общественных отношений по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ [20].

Резюмируя сказанное выше, сделаем следующие выводы:

1. Целостная система реализуемых организационных и педагогических условий формирует педагогическую систему. Организационные условия определяют пространственную среду в целом, а педагогические условия придают особенность пространственной среде, преобразуя ее в специфический формат – образовательную среду.

2. Формирование организационных условий создает возможности для реализации педагогических условий.

3. Пространственная среда включает предметно-пространственную и социокультурную структуры. Предметно-пространственная структура воплощается в виде материально-технической базы, опосредующей реализацию образовательных отношений субъектов. Социокультурная структура пространственной среды, с одной стороны, отражает потребности и воплощенные возможности субъектов осуществлять образовательные отношения с использованием предметно-пространственной структуры, а с другой – формирует предпосылки для возникновения в предметно-пространственной структуре информации. Информация в предметно-пространственной структуре воплощается в виде содержания образования.

4. Образовательная среда рассматривается нами как специфическая форма социокультурной структуры пространственной среды, формируемой в ходе образовательных отношений субъектов.

Список литературы

1. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань: Изд-во КГУ, 1988. 238 с.
2. Беликов В. А. Философия образования личности: деятельностный аспект: монография. М.: Владос, 2004. 357 с.

3. Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 310 с.

4. Вейс Т. П., Фуртаева Е. И. Проблема социализации личности студента в учреждениях профессионального образования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 77.

5. Демидова Г. А. Организационно-педагогические условия формирования лидерского потенциала менеджера социально-трудовой сферы в рефлексивной среде дополнительного профессионального образования // Педагогические и психологические науки: актуальные вопросы: материалы Международной заочной научно-практической конференции. Ч. I. (31 октября 2012 г.). Новосибирск: Изд-во «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. 200 с.

6. Егорова Т. Г. Образовательная среда как педагогический феномен [Электронный ресурс] // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. №2 (18). Режим доступа: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-2-10.pdf> (дата обращения: 15.02.2014 г.).

7. Зверева М. В. О понятии «дидактические условия» // Новые исследования в педагогических науках. М.: Педагогика. 1987. №1. С. 29-32.

8. Ипполитова Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. №1. С. 8-14.

9. Ипполитова Н. В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. 383 с.

10. Козырева Е. И. Школа педагога-исследователя как условие развития педагогической культуры // Методология и методика естественных наук: сб. науч. тр. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. 24 с.

11. Куприянов Б. В. Современные подходы к определению сущности категории «педагогические условия» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2001. №2. С. 101-104.

12. Найн А. Я. О методологическом аппарате диссертационных исследований // Педагогика. 1995. №5. С. 44-49.

13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов/ под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2007. 640 с.

14. Осипова Т. А. Социально-личностное самоопределение учащихся в условиях художественно-эстетической среды: дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2006. 188 с.

15. Павлов С. Н. Организационно-педагогические условия формирования общественного мнения органами местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 1999. 23 с.

16. Панов В. И. Одаренные дети: выявление-обучение-развитие // Педагогика. 2001. №4. С. 30-44.
17. Сверчков А. В. Организационно-педагогические условия формирования профессионально-педагогической культуры будущих спортивных педагогов // Молодой ученый. 2009. №4. С. 279-282.
18. Силанян К. Г. Пространственная среда как социокультурный феномен: дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2002. 162 с.
19. Тарасов С. В. Образовательная среда и развитие школьника. СПб.: ЛОИРО, 2003. 139 с.
20. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 15.02.2014).
21. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
22. Ясвин В.А. Тренинг педагогического взаимодействия в творческой образовательной среде/ под ред. В. И. Панова. М.: Молодая гвардия, 1997. 176 с.

Володин Александр Анатольевич, д-р пед. наук, joyful13@yandex.ru, Россия, Подольск, Московский гуманитарный институт.

Бондаренко Наталья Григорьевна, старший преподаватель, joyful13@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский институт управления и бизнеса им. Н.Д. Демидова.

ANALYSIS OF "ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS" CONCEPT

A.A. Volodin, N.G. Bondarenko

The analysis of "organizational and pedagogical conditions" concept made in the article on the basis of interdisciplinary approach. The conceptual system helps us reveal this very concept: condition, organization, organizational conditions, pedagogical conditions, spatial environment, educational environment, spatial and educational environment, and educational relations.

Key words: condition, organization, organizational conditions, pedagogical conditions, spatial environment, educational environment, spatial and educational environment, educational relations.

Volodin Alexander Anatolievich, Doctor of Pedagogical Sciences, joyful13@yandex.ru, Russia, Podolsk, Moscow Regional Institute of Humanities.

Bondarenko Natalia Grigorievna, Senior Lecturer, joyful13@yandex.ru, Russia, Tula, Tula Management and Business Institute named after N.D. Demidov.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПРОГРАММА ФИЗИЧЕСКОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КОМАНДЫ В МИНИ-ФУТБОЛ

К.А. Шашков

Предложена технология проектирования интегративной программы для групп начальной спортивной специализации ДЮСШ по мини-футболу в виде поэтапной организации деятельности по развертыванию технико-физической подготовки, а также по организации и реализации педагогических воздействий в процессе тренировочных занятий.

Ключевые слова: юные игроки в мини-футбол, учебные планы и программы, интеграция средств подготовки.

Современная система спортивной подготовки базируется на поэтапном восхождении спортсмена от новичка до мастера спорта международного класса, где каждый шаг перехода с нижележащего уровня спортивной подготовленности на вышележащий уровень строго регламентирован определенными условиями. Главная функция этих условий заключается в установлении жесткой зависимости между начальным (уровень новичка) и окончательным (уровень МСМК) спортивными результатами. Функционирование этой связи происходит через этапы, т.к. «прямое» (без этапов) восхождение затруднено действием объективных законов возрастного развития организма спортсмена, отменить или изменить которые невозможно. Отсюда вытекает важное следствие: завершение одного и начало другого этапа спортивной подготовки в первую очередь должно быть соотнесено с определенной фазой биологического развития организма.

Другое следствие состоит в том, что внутри каждого этапа адекватными (наиболее эффективными) могут быть только те средства педагогического воздействия, которые не только не тормозят естественный ход возрастного развития организма, но и максимально его стимулируют. Это как раз есть выражение той ситуации, когда «часть» (средства воздействия) может определять функционирование «целого» (организма).

В нашей работе сделана попытка объединить приведенные следствия посредством разработки программы подготовки юных футболистов, содержание которой соответствовало бы этапу естественного развития организма спортсменов и одновременно перекидывало мостик к следующим этапам их спортивного совершенствования. Здесь стержнем программы может стать развертывание содержания подготовки в виде пошаговой организации деятельности усвоения, а также по организации и реализации познавательных содержаний и процедур в соответствии с индивидуально-специфическими особенностями спортсмена [7]. Вероятно так содержание подготовки будет оснащено адекватной педагогической технологией.

Известно, что функционирование педагогической системы подготовки спортивного резерва включает ряд последовательно чередующихся этапов, регламентированных возрастными и квалификационными показателями юных спортсменов: спортивно-оздоровительный, начальной подготовки и учебно-тренировочный. Последний подразделяется на этап начальной специализации и этап углубленной специализации.

Типовой (примерной) программой определены задачи этапа начальной спортивной специализации игроков в мини-футбол:

- укрепление здоровья и закаливание организма, содействие правильному физическому развитию;
- развитие физических качеств: быстроты, гибкости, ловкости и специальной тренировочной выносливости;
- овладение основными техническими приемами мини-футбола и совершенствование в тактических действиях;
- овладение основными индивидуальными и групповыми тактическими действиями;
- приобщение к соревновательной деятельности на уровне города, района, области, федерального округа [6].

Если попытаться укрупнить указанные задачи, то в первую очередь необходимо будет обеспечить сохранение и укрепление здоровья детей, во-вторых, сформировать у них физическую и техническую подготовленность, освоить решение тактических задач для участия в соревновательной деятельности. Обе укрупненные задачи для своего разрешения требуют осуществления интеграции видов, средств, методов и условий подготовки и материализации итогов интеграции в виде учебной программы.

Разработка интегративной программы, оснащение ее технологическими приемами реализации проводились нами в условиях естественного учебно-тренировочного процесса в группах начальной спортивной специализации ДЮСШ по мини-футболу. К участию в эксперименте были привлечены 32 спортсмена в возрасте 12-13 лет.

Годовой цикл подготовки юных игроков в мини-футбол начинался в сентябре и заканчивался в июле. При сохранении общей структуры годового цикла, общего объема средств, отводимого на различные виды обучения, экспериментальная интегративная программа была спроектирована путем перераспределения содержания общефизической, специальной физической и технической подготовки, создания из них интегративных комплексов тренировочных средств и использования этих комплексов в структуре микроцикла и тренировочного занятия. В процессе трансформации учебного плана на год использовалась характерная для интегративных преобразований логика отношений целого и части.

Внутреннюю структуру создания и развития технологических линий интеграции мы рассматривали через дифференциацию содержания технической и физической подготовки с выделением в каждом из них относи-

тельно изолированных друг от друга частей (табл. 1). Затем части одного вида подготовки нами объединялись (кооперировались) с частями другого вида подготовки. Объединение в одно целое, упорядочение, структурирование ранее разъединенных частей привело к новой форме интеграции – комплексу, который составляют двигательные задания: а) из приемов техники игры в мини-футбол и б) приоритетного развития доминирующей для этих приемов двигательных способностей, с одной стороны, и условий их реализации в той или иной игровой ситуации, с другой. В результате этого могут возрасти объем, частота, интенсивность взаимодействия между входящими в него элементами, достигаться большая степень его целостности, устойчивости, автономия и эффективность действия [4, с. 157].

Таблица 1

Дифференциация средств физической и технической подготовки для применения в интегративной программе

Виды и средства подготовки		IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	Итого
Количество тренировочных часов		48	60	48	60	24	48	48	48	60	48	60	552
Физическая подготовка ОФП + СФП		15	17	15	17	3	15	15	15	17	15	17	83+78
Части физической подготовки	Развитие быстроты	4	4	4	4	1	4	4	4	4	4	4	41
	Развитие скоростно-силовых способностей	4	5	4	5	2	4	4	4	5	4	5	46
	Развитие силовых способностей	2	2	2	2		2	2	2	2	2	2	20
	Развитие координационных способностей	4	5	4	5		4	4	4	5	4	5	44
	Развитие выносливости	0,5	0,5	0,5	0,5		0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	5
	Развитие гибкости	0,5	0,5	0,5	0,5		0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	5
Техническая подготовка		9	8	8	8	2	10	5	6	11	4	13	84
Части технической подготовки	Короткие передачи (расст. до 4 – 6 м)	2	2	2	2	1	2	2	2	3	1	2	21
	Длинные передачи (расст. свыше 6 м)	1		1	1		1	1		2		2	9
	Удары по воротам разными способами	3	3	3	3	1	4	2	3	3	2	4	31
	Финты без мяча и с мячом	1	1	1			1			1		1	6
	Обводка с мячом	1	1	1	1		1			1		2	8
	Отбор мяча	1	1		1		1		1	1	1	2	9
Всего		24	25	23	25	5	25	20	21	28	19	30	245

С учетом изложенных в научно-методической литературе рекомендаций [2, 3] и в результате проведенных и изложенных выше преобразований были определены базовые компоненты тренировочных комплексов, представляющие основу интегративной программы физической и технической подготовки юных игроков в мини-футбол на начальном этапе спортивной специализации (табл. 2).

Применение разработанных комплексов интегративной подготовки в учебно-тренировочном процессе осуществлялось по следующей схеме. Вначале решались специфические задачи каждого вида подготовки в отдельности в такой последовательности: физическая, техническая, тактическая. Затем решалась задача повышения эффективности одного вида подготовки - физической, средствами другого вида – технической подготовки: а) посредством развития физических способностей, необходимых при выполнении технических приемов; б) посредством развития физических способностей в рамках структуры отдельных технических приемов; в) развитием физических способностей посредством многократного повторения технических приемов при повышенной интенсивности, в том числе превышающей и соревновательную.

Таблица 2

Содержание и условия реализации базовых комплексов интегративной подготовки юных футболистов

Структура и содержание тренировочного комплекса	Условия реализации тренировочного комплекса	
	Дозированная помощь	Педагогические условия (противодействие)
1 комплекс		
а) двигательные задания с одновременным применением <i>коротких передач и ударов по воротам</i> ; б) приоритетное развитие <i>быстроты движений и мышечной силы</i>	а) вербальное указание ошибки; б) нормирование нагрузки с учетом индивидуальной реакции занимающихся	а) актуализация зоны ближайшего развития за счет изменения веса мяча
2 комплекс		
а) двигательные задания с одновременным применением <i>отбора мяча и длинных передач</i> ; б) приоритетное развитие <i>скоростно-силовых качеств и гибкости</i>	а) прямая инструкция, вербальное указание ошибки; б) нормирование интервалов отдыха учетом реакции занимающихся	а) актуализация зоны ближайшего развития за счет изменения объема мяча
3 комплекс		
а) двигательные задания с одновременным применением <i>финтов без мяча и обводки с мячом</i> ; б) приоритетное развитие <i>координации движений и выносливости</i>	а) показ; б) прямая инструкция;	а) актуализация зоны ближайшего развития за счет оказания противодействия

Для этого применялись упражнения комплексного и избирательного воздействия. Средствами комплексного воздействия являлись технические приемы игры в мини-футбол со стандартным и измененными условиями выполнения. С помощью данных средств одновременно совершенствовались навыки игровых действий и развивались специальные физические качества: специальная быстрота (ведения мяча), скоростно-силовые способности (удары и передачи), выносливость (длительное выполнение упражнений или в игровых условиях). Неспецифические избирательные средства относились к упражнениям из других видов спорта (легкой атлетики, гимнастики и т.д.), направленным на развитие необходимых двигательных способностей.

Направленность экспериментальной интегративной программы на обеспечение разносторонней физической подготовленности юных футболистов достигалась путем рационального варьирования объемов, интенсивности нагрузки и интервалов отдыха. Изменяя количественные значения указанных факторов, мы старались обеспечить разнообразие учебно-тренировочного процесса, а также избирательно влиять на уровни разных сторон тренированности футболистов. Для этого было важно:

1. Наметить величину воздействия тренировочного занятия, учитывая, что большую нагрузку (90-100 %) можно получить выполнением 8-9 серий упражнений; 80-90 % составляет 7-8 серий; 70-80 % - 6-7 серий; 60-70 % - 5-6 серий; 50-60 % - 4-5 серий; 40-50 % - 3-4 серии продолжительностью от 4 до 16 минут. Например: $4 + 6 + 8 + 10 + 12 + 14 \text{ мин.} = 80-90 \%$ или $6 + 8 + 8 + 10 + 10 + 12 = 80 \%$, или $4 + 6 + 8 + 10 = 50 \%$ и т.д.

2. Определить круг задач действий данного занятия и подобрать соответствующие им игровые или специальные упражнения.

3. Распределить упражнения в соответствии с продолжительностью в диапазоне от 4 до 15-16 мин в любом сочетании, но в возрастающем порядке (в зависимости от величины нагрузки).

4. Рекомендовать футболистам в процессе выполнения серий обеспечить достижение интенсивности упражнений в границах 3/4 около максимальной. Относительным критерием интенсивности может служить скорость перемещения футболистов, преодолеваемое за серию игровое пространство, основным критерием является частота пульса (160-180 уд/мин) и т.д.

5. Тренировочный цикл желательно строить продолжительностью в 12-16 дней. Тренировочные нагрузки независимо от их направленности величиной 80-100 % (т.е. 7-9 серий игровых упражнений) применять не более 8-12 раз в течение подготовительного периода, в основном за счёт игр.

При разработке условий осуществления учебно-тренировочного процесса учитывались некоторые особенности, касающиеся соотношения количества тренировочных занятий разной направленности в зависимости от отдельных частей подготовительного, соревновательного, переходного периодов. Эти соотношения зависят от уровня функциональных возможностей перед началом первой части подготовительного периода, уровня функциональных способностей их реализовать, скорости изменения указанных свойств, стойкости, адаптации.

С учетом годового плана, где каждая часть указанных периодов делится на циклы продолжительностью 12-16 дней, в первом двойном цикле (31 день, т.е. 15+16 дней) количественное соотношение тренировочных занятий было разным. Так, 45-60 % занятий от общего цикла составляют занятия, направленные на развитие скоростных, скоростно-силовых, координационных возможностей на фоне решения технико-тактических задач; 20-25 % направлены на развитие разных видов выносливости (скоростной, силовой, координационной, специальной, общей) с одновременным решением технико-тактических задач; а 20-30 % - это технико-тактические занятия с поддержанием разных сторон функциональных способностей футболистов.

Тренировочное занятие рассматривалось нами как комплексный раздражитель организма футболиста, физиологическая характеристика которого определяется следующими факторами [1, 5, 8]: структурой предлагаемых упражнений (или серий); интенсивностью выполнения упражнений; продолжительностью упражнения или серии; режимом чередования серии упражнений и отдыха; количеством упражнений или серий.

В связи с объективной необходимостью реализации в учебно-тренировочном процессе юных футболистов установки на полноценное развитие скоростно-силовой подготовленности мы разработали организационно-методические условия применения специальных средств:

1. При использовании средств специальной скоростно-силовой направленности необходимо учитывать биомеханическую структуру движения и использовать специальный инвентарь, способный повысить плотность занятия и предотвратить травматизм.

2. Тренировочный цикл специальной скоростно-силовой направленности целесообразно начинать с упражнений скоростно-силового характера без отягощений в течение не менее 10 занятий.

3. Подготовительным и поддерживающим средством скоростно-силовой нагрузки является выполнение упражнений с отягощением 0,5 кг не менее чем на 15 занятиях.

4. Самая оптимальная скоростно-силовая нагрузка - отягощение в 1,5 кг, которое создает устойчивый развивающий эффект и обеспечивает высокий уровень специальных качеств в течение 10 дней.

5. Выполнение упражнений специального скоростно-силового характера с отягощением 2 кг вызывает в организме значительные тренировочные изменения, позволяющие стабилизировать высокий уровень развития специальных качеств и использовать тренировочный эффект через 15 дней после силового цикла.

6. Включение в тренировочный цикл упражнений скоростно-силового характера улучшает специальную подготовленность: при выполнении упражнений без отягощения - на 15 %, с отягощением 0,5 кг - на 25 %, с отягощением 1,5 кг - на 35 %, с отягощением 2 кг - на 32 % со значительной стабилизацией скоростно-силовых качеств на высоком уровне.

Для эффективной игры необходим большой запас технических двигательных действий с мячом и без него, элементов, организованных в группы структур, в виде специальных технико-тактических упражнений. Эти упражнения выполняют как минимум двойную роль - объединяют технические элементы в логическую схему владения мячом и телом; позволяют разграничить и объединить тактические структуры реализации двигательных действий; являются основным средством в достижении разных сторон адаптации спортсмена к содержанию и условиям соревновательной деятельности.

Список литературы

1. Андреев С.Н. Проблемы совершенствования нормативных показателей юных футболистов // Теория и практика физической культуры. 1986. № 4. С. 27-29.

2. Басим Ф.А. Контроль за технической подготовленностью юных футболистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1984. 26 с.

3. Блащак И.М. Точность ударов по воротам в соревнованиях и тренировках футболистов и факторы ее определяющие: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1991. 22 с.

4. Данилюк А.Я. Теория интеграции образования. Ростов н/ Д.: Ростовский пед. университет. 2001. С. 83.

5. Конуров Д.М. Система контроля за уровнем физической и технико-тактической подготовленности игроков команд // Современный олимпийский спорт и спорт для всех: 7-й Междунар. науч. конгр.: материалы конф. М., 2003. Т. 3. С. 184-185.

6. Мини-футбол (футзал): примерная программа для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. М.: Советский спорт, 2010. 96с.

7. Никитушкин В.Г., Квашук П.В., Бауэр В.Г. Организационно-методические основы подготовки спортивного резерва: монография. М.: Советский спорт, 2005. 239 с.

8. Тюленьков С.Ю. Управление тренировочным процессом подготовки футболистов в залах // Научные труды 1995 года. М., 1996. Т. 1. С. 187-195.

Шашков Константин Александрович, аспирант, 4226020@gmail.com, Россия, Малаховка, Московская государственная академия физической культуры.

*INTEGRATION PROGRAM OF PHYSICAL AND TECHNICAL TRAINING OF YOUNG
MINI-FOOTBALL PLAYERS*

K.A. Shashkov

The author presents the technology of working out of the integrative programs for Youth Sports School groups of initial sports specialization in mini-football for a stepwise organization of technical and physical training, as well as the organization and implementation of pedagogical control during the training.

Key words: young mini-football players, curricula and programs, integration of training tools.

Shashkov Konstantin Aleksandrovich, post-graduate student, 4226020@gmail.com, Russia, Malakhovka, Moscow State Academy of Physical Culture.

УДК 378.146

**К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ
РАЗВИТИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ**

Т.С. Патрикова

Раскрываются возможности повышения качества профессионального образования через систему повышения квалификации управленческих и педагогических работников. Обоснованы актуальность и практическая значимость пересмотра подходов к дополнительному профессиональному образованию преподавателей и руководителей образовательных организаций среднего профессионального образования.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, современные образовательные стандарты, профессиональный стандарт, саморазвитие, профессиональный рост.

В проекте профессионального стандарта преподавателя (педагогическая деятельность в профессиональном образовании, дополнительном профессиональном образовании, дополнительном образовании) предъявляются высокие требования к педагогическим работникам среднего профессионального образования. Это обуславливает необходимость построения на региональном уровне такой системы эффективного управления развитием профессиональной компетентности преподавателей, которая будет способствовать достижению стратегических ориентиров российской си-

стемы образования – повышение качества образования, международной интеграции и признание квалификаций.

Для того чтобы сконструировать оптимальную систему управления каким-либо объектом, необходимо и достаточно произвести четыре основных управленческих действия: планирование, организацию, руководство и контроль. Но прежде, чем приступить к составлению плана, целесообразно проанализировать те условия, в которых будет осуществляться его реализация. Как было отмечено ранее, целью эффективного управления развитием профессиональной компетентности педагогических кадров бесспорно является повышение качества образования. В случае со средним профессиональным образованием основным критерием оценки качества выступает востребованность выпускников образовательных организаций не только на региональном и всероссийском, но и на международном рынке труда [1].

Можно сколько угодно рассуждать об изменении статуса учителя, называть его в угоду современным тенденциям и тьютором, и фасилитатором, и модератором, но принципиально суть педагогической деятельности от этого не изменяется. В российском образовании существует устойчивый стереотип, проводящий четкую границу между руководящими и педагогическими работниками образовательных организаций. Но, по сути своей, каждый рядовой преподаватель тоже своего рода управленец. Он призван управлять ни много, ни мало профессиональным ростом своих учеников. Такой взгляд на педагогическую деятельность диктует необходимость пересмотра подходов, которые существуют в дополнительном профессиональном образовании, особенно это касается повышения квалификации преподавателей профессиональной школы. Вся методическая работа в профессиональной образовательной организации должна быть направлена на то, чтобы сформировать у преподавателя или мастера производственного обучения понимание, что главным объектом его самоуправления должно быть собственное саморазвитие.

Вернемся к построению системы эффективного управления развитием профессиональной компетентности преподавателей. На этапе планирования выделяют тот минимум условий, который позволит сделать процесс управления эффективным: научно-методические, кадровые, материально-технические, финансовые, нормативно-правовые, мотивационные, временные и т. д. Остановимся на кадровых условиях, так как именно их формированием и развитием занимается дополнительное профессиональное образование.

Можно выделить четыре стадии педагогической деятельности любого преподавателя:

- I стадия – «Овладение профессией как ремеслом»;
- II стадия – «Обретение мастерства»;
- III стадия – «Доведение мастерства до уровня искусства»;

VI стадия – «Профессиональное выгорание» [2]

Разумеется, длительность прохождения каждого этапа у всех педагогов своя, но исследователи склоняются к тому, что первый этап продолжается обычно от 3 до 5 лет после окончания вуза. Таким образом, в большинстве случаев в среднем профессиональном образовании, да и в школах тоже, преподают «учителя-ремесленники». В случае с СПО это касается и молодых педагогов, которые только вышли из вуза, и тех, кто пришел в среднее профессиональное образовательное учреждение из реального сектора экономики и вообще не имеет базового педагогического образования. И те и другие крайне редко задерживаются в образовательной организации больше трех лет.

На курсах повышения квалификации мы провели опрос слушателей, предложив расставить в порядке убывания причины, по которым на их взгляд, начинающие педагоги прекращают педагогическую деятельность, не отработав и трех лет. Опрошенные в основной своей массе сошлись в том, что еще три года назад большинство из них, не задумываясь, на первое место поставили бы «неудовлетворенность заработной платой». Но в марте-апреле 2014 года, когда проводился опрос, данную позицию поставили на первое место лишь 14 % опрошенных. Это объясняется тем, что по результатам мониторинга деятельности организаций Тульской области, реализующих программы профессиональной подготовки и среднего профессионального образования, который проводился в целях реализации раздела V плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Тульской области на 2013 - 2018 годы», заработная плата педагогических работников образовательных организаций среднего профессионального образования в среднем выросла от 8 до 25 % только за отчетный период.

«Негативное отношение к обучающимся» поставили на первое место 36 % респондентов, в то время как «неудовлетворенность самореализацией» - только 8 %.

Еще одним из серьезных препятствий для начинающих педагогов, по мнению слушателей курсов повышения квалификации, является неумение работать в коллективе (22 %). Действительно, далеко не каждый способен вжиться в педагогический коллектив, и одной из причин этого нам видится некомпетентность руководящих работников образовательной организации в вопросах построения эффективной команды. Таким образом, весьма актуальным представляется проведение тренингов по тимбилдингу в рамках курсов повышения квалификации руководящих работников образовательных организаций.

Отсутствие мотивации к саморазвитию 20 % опрошенных определили как главное препятствие для начинающих педагогов, и это подтвердило наблюдение, сделанные в ходе проведения курсов повышения квалификации. В каждой аудитории слушателей есть такие преподаватели, ко-

торые лишь высидивают положенное время, не участвуют в коллективной работе, весьма неохотно отвечают на вопросы анкет и тестов, формально подходят к подготовке проектной работы. Единственным мотивом, с помощью которого их еще как-то можно расшевелить, является страх показаться «глупее» других. Поэтому наиболее эффективным стимулом к проявлению ими деятельной активности становится работа в малых группах, организованная таким образом, чтобы ни один из членов команды не мог «отсидеться».

Здесь мы приходим к тому, каким образом должно измениться дополнительное профессиональное образование, чтобы после прохождения курсов повышения квалификации руководящие работники сумели выстроить в своей образовательной организации эффективную систему управления профессиональным ростом педагогов, а сами педагоги научились видеть в своем саморазвитии объект самоуправления.

В первую очередь стоит задуматься о том, что сама идея курсов, длящихся едва ли не весь учебный год, в современных условиях откровенно неактуальна. В классической системе дополнительного образования взрослых раз в пять лет преподаватель направляется на курсы повышения квалификации, в связи с чем в его расписании специально освобождается один день в неделю, когда он должен посещать институт повышения квалификации, что неизбежно увеличивает его учебную нагрузку в другие дни недели. А если преподавателей, обучающихся на курсах повышения квалификации, в образовательной организации несколько? Это вынуждает полностью перестраивать под них образовательный процесс.

По новому Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» преподаватель имеет право на повышение квалификации не реже одного раза в три года. То есть подразумевается, что система образования настолько динамично меняется, что повышение квалификации может происходить и чаще, главное условие, чтобы оно не было формальным, а, напротив, позволяло выстроить индивидуальную траекторию профессионального роста педагога. Поэтому, на наш взгляд, в новых условиях оптимальными являются краткосрочные курсы повышения квалификации (до 36 часов) или даже спецкурсы (до 18 часов), посвященные какой-то конкретной проблеме, наиболее актуальной в данный момент времени. Кроме этого сама идея спецкурсов подразумевает их практикоориентированность – до 80 % учебного плана отводится на практические занятия.

Например, спецкурс «Методика проектирования современного учебного занятия в соответствии с идеями новых образовательных стандартов» был сконструирован с опорой на ФГОС СПО, который декларирует использование на учебных занятиях современных педагогических технологий (активных и интерактивных методов обучения), а также применение на уроках электронных образовательных ресурсов. Спецкурс расчи-

тан на 15 часов, из которых 12 часов отводятся на аудиторную нагрузку и 3 часа на внеаудиторную (самостоятельную) работу слушателей.

Спецкурс начинается с входного контроля, где слушателям предлагается ответить на вопросы:

1. Используете ли Вы на своих уроках современные педагогические технологии?

2. Какие технологии Вы используете на своих уроках?

3. Вы используете современные педагогические технологии...

а) комплексно, только на открытых и показательных уроках;

б) фрагментарно, но практически на каждом уроке;

в) свой вариант _____.

Далее слушателям предлагается учебное занятие, рассчитанное на 6 часов и состоящее из трех этапов (табл. 1), в ходе которой весь образовательный процесс построен на применении современных андрогогических технологий: педагогическая мастерская, деловая игра, проблемная лекция, здоровьесберегающие технологии и т.п.

Таблица 1

Расчет времени и этапы 1-го занятия

Этап	Содержание	Время, мин
I	Педагогическая мастерская «Как построить урок?»	90
	Перерыв	15
II	Деловая игра «Кто такой учитель?»	90
	Перерыв	15
III	Рефлексия «Что «да», а что «нет»?	60

На втором занятии, которое так же длится 6 академических часов, слушателям предлагается продолжить командную работу и на практике познакомиться с кейс-технологиями и проектным методом (табл. 2). В ходе подготовки совместного учебного проекта слушатели на основе выполненной внеаудиторной самостоятельной работы должны составить технологическую карту урока с использованием электронных образовательных ресурсов.

Таблица 2

Расчет времени и этапы 2-го занятия

Этап	Содержание	Время, мин
I	Работа по кейс-технологии или «Как научить учиться?»	90
	Перерыв	15
II	Работа по проектной технологии или «ЭОР, ты, - жизнь!»	90
	Перерыв	15
III	Рефлексия «Чемодан, корзина, мясорубка»?	60

На наш взгляд, именно такие практикоориентированные краткосрочные курсы позволяют:

- интенсифицировать профессиональный рост преподавателей в системе дополнительного профессионального образования;
- совместно с руководящими работниками образовательных организаций выстроить систему эффективного управления развитием профессиональной компетентности педагогических работников;
- реализовать на региональном уровне новую парадигму образования «образование через всю жизнь».

Список литературы

1. Патрикова Т. С. Методика проектирования современного учебного занятия в соответствии с новыми образовательными стандартами // Современные научные исследования. Вып.2. Концепт. 2014. ART 54640. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54640.htm> Гос. рег. Эл № ФС 77- 49965. ISSN 2304-120X.

2. Поташник М.М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе: Метод. пособие. М.: Педагогическое общество России. Центр педагогического образования, 2011. 448 с.

Патрикова Татьяна Сергеевна, канд.техн.наук, зав. кафедрой, valeropatrik86@rambler.ru, Россия, Тула, Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области.

TO THE QUESTION OF DEVELOPMENT MANAGEMENT PROFESSIONAL COMPETENCE OF TEACHERS

T.S. Patrikova

Reveals opportunities to improve the quality of vocational education through the training of managerial and pedagogical workers . The topicality and practical importance of reviewing approaches to secondary vocational education teachers and heads of educational institutions of secondary vocational education.

Key words: continuing professional education , modern educational standards , professional standard , self-development , professional - sional growth.

Patrikova Tatjana , Associate Professor, head of department valeropatrik86@rambler.ru, Russian, Tula , Institute training and retraining of workers education Tula region.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922

РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ О СОБСТВЕННОМ БРАКЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ

Анжелика Барчик-Нессель

Сегодня всё больше молодых людей откладывает решение о создании семьи. Чаще они сосредотачиваются на окончании высших учебных заведений и на поисках работы, а затем на развитии своей профессиональной карьеры. Как следствие, реализация возможного желания создать собственную семью отступает на второй план. Однако принятие такого решения, как правило, касается лиц в возрасте около 20 лет. Следовательно, стоит ознакомиться с планами и мнениями школьников о будущей семье, а также с тем, какое влияние оказывает на них родительская семья, родной дом и группа сверстников. Представление о семье и будущих семейных ролях является очень важным фактором, который с большой вероятностью воздействует на желание или нежелание создать собственную семью, а образ семейных ролей может иметь влияние на форму и распределение обязанностей в будущей семье.

Ключевые слова: семья, семейные роли, брак, родительство, социализация, воспитательная среда, родители, группа сверстников

Введение

Несмотря на то, что жизнь непрерывно меняется почти во всех её областях, несмотря на прогресс цивилизации, семья остаётся одной из наибольших ценностей в жизни человека. С течением времени её модель сильно изменилась и, видимо, по-прежнему будет подвергаться переменам. Сегодня всё чаще наблюдаются формы семейной жизни, отличающиеся от существовавших десятков или несколько десятков лет тому назад, когда брак мужчины и женщины, воспитывающих потомство, был наиболее часто встречающейся моделью семьи. Сегодня можно часто видеть партнёрские союзы, в которых воспитываются дети, по убеждению бездетные браки или союзы (чайлдфри). Часто встречаются также реконструированные семьи или семьи с одним родителем. Увеличивается количество гомосек-

суальных пар, а также лиц, которые отрицают жизнь в союзе с другим человеком, создание семьи – синглов.

Семья является одним из важнейших элементов в жизни почти каждого человека. В ней он появляется на свет, растёт и воспитывается. А, значит, семья – это первая жизненная среда как в смысле физического существования, так и в смысле эмоционального развития и связей. Кроме того, она представляет собой существенную часть социальной системы, которая часто определяется как первичная ячейка общества. Таким образом, семья является предметом заинтересованности многих отраслей науки, которые занимаются проблемами, связанными с её функционированием, изменениями или направлениями развития. Нельзя не согласиться с тем, что эта заинтересованность чрезвычайно важна, так как семья, являясь первой и важнейшей сферой жизни человека, становится для него образцом, по которому чаще всего будет строиться его дальнейшая жизнь.

То, как родители воспринимают ребёнка от его рождения, как относятся к нему, имеет существенное влияние на его дальнейшее общее и моральное развитие [3, с. 14]. С моральным развитием и моралью неразрывно связана признаваемая данным человеком система ценностей. Ведь признаваемые ценности детерминируют поведение человека, его позицию и мышление. Они обуславливают то, какими мы являемся, как живём и как относимся к другим людям. Они представляют собой важный элемент, развивающий внутренний мир человека [1, с. 90-93].

Правильные отношения родителей и детей, соответственно выполняемые функции, а также эмоциональные связи дают возможность полностью пройти процесс социализации ребёнка [2, с. 19]. Он базируется на подражании модели поведения и поступкам родителей - в частности, это касается подаваемых родителями моральных, познавательных и эмоциональных примеров. С раннего детства дети входят в мир культурных, социальных и религиозных ценностей. В семейном кругу дети сталкиваются с понятиями добра и зла, разрешённого и запрещённого. Родители своими оценками и поступками показывают ребёнку важные аспекты жизни, то, на что необходимо обращать внимание, а также принципы и ценности, которые нужно считать важными и придерживаться их [6, с. 34]. Социализация ребёнка в семье прививает ему стойкие навыки, диктующие ему, как нужно поступать. Нередко эти навыки остаются на всю его жизнь [4, с. 52].

Как пишет Б. Шацкая, «социализирующее влияние на человека оказывает [также] группа сверстников, друзья, организации, к которым он принадлежит, места, в которых он работает, то, что он читает и что видит на экране телевизора и на рекламных билбордах» [9, с. 137]. Влияние внешней среды является важным фактором в развитии личности человека, в частности, наблюдение и попытки подражать поведению лиц, с которыми человек идентифицирует себя, или же групп, к которым он хочет адап-

тироваться [1, с. 90-93]. При этом по мере развития личности интенсивность влияния каждой из этих групп подвергается изменениям.

Понятие группы сверстников чаще всего ассоциируется с группами детей и молодёжи. Но понятие группы сверстников относится не только к детям и молодёжи, оно касается человека на протяжении почти всего периода его жизни, когда индивидуум принадлежит к одной или нескольким группам сверстников. К группе сверстников относятся лица одного возраста, но это не единственный критерий, характеризующий группу сверстников. Специфическими чертами, определяющими группу сверстников, являются общность и дружба [7, с. 175]. В такой группе создаются естественные механизмы, нормирующие позицию и внутреннюю организацию. Кроме того, по отношению к своим членам она выполняет важные воспитательные функции [7, с. 179]. Ведь в группе сверстников происходит сравнение опыта и форм поведения, наблюдаемых и закреплённых в родительском доме, с обстоятельствами индивидуально понимаемой «реальной» общественной жизни. Группа сверстников представляет собой также альтернативную форму для процесса передачи норм и ценностей [9, с. 349 и далее].

Всё более длительный процесс обучения, несомненно, повлиял на углубление социальных связей в группах сверстников. Следствием развития индустриального общества стал всё больший спрос на знания, в связи с чем возраст вхождения молодых людей во взрослую жизнь значительно увеличился, а преобразования в общественном разделении труда привели к наличию большего количества времени, свободного от работы и учёбы. Оно стало использоваться для деятельности молодёжи в различных группах сверстников. Это привело к повышению влияния группы сверстников на социализацию молодёжи [9, с. 340 и далее]. Возрос также риск формирования неформальных групп сверстников вследствие некоторых неудовлетворённых потребностей, особенно в случае ограничений или контроля со стороны воспитательной среды – в основном, семьи и школы. В ситуации, когда молодой человек не находит в своей семье приятия, эмоциональной близости, не ощущает своей принадлежности к ней, он может стремиться к удовлетворению этих потребностей за её пределами. А это, в свою очередь, может привести к его сильной идентификации с группой, где он чувствует одобрение группы и принадлежность к ней. Случается, что группа становится для такого человека единственной точкой опоры [10].

Результаты собственных исследований

Исследования были проведены в 2013 году среди 100 учащихся общеобразовательного лицея. Возраст учащихся, принимавших участие в исследованиях, в 96 % случаев составлял 16 лет, и только 4 % опрошенных были в возрасте 15 лет. Среди опрошенных преобладали девушки (76 %).

В основном опрошенные были горожанами – 79 %, а 21 % - проживающими в сельской местности.

Большинство опрошенных учащихся воспитывались в полной семье – 83 %, а 17 % - в семье с одним родителем или опекуном. Кроме того, родители или опекуны 79% опрошенных находились в браке, 20 % - в неформальных отношениях, а от 1 % респондентов не был получен ответ.

Что касается количества детей в семьях опрошенных, наибольший процент составляли учащиеся, имеющие одного брата или одну сестру – 46 %, двоих имели 25 %, такое же количество – 21 % - были единственными детьми в семье, 5 % респондентов имели троих братьев и сестёр, а больше троих – 3 % опрошенных.

Родительский дом – это первая среда, где растёт и воспитывается почти каждый человек. Он понимается не только как место в физическом смысле, но, прежде всего, – как сфера эмоциональных связей, которые объединяют отдельных членов семьи. Детские воспоминания чаще всего касаются родного дома, ролей отдельных членов семьи и пережитых чувств. Опыт, вынесенный из родительского дома, становится своего рода багажом, который человек забирает с собой во взрослую жизнь. Взросление в семье и связанное с ним активное участие в её жизни приводит ребёнка к своеобразному подражанию родителям вследствие постоянного наблюдения и непосредственного контакта с их поведением в различных ситуациях повседневной жизни. Ребёнок, неосознанно перенимая позицию родителей, формирует у себя образцы социального поведения [8, с. 38].

Анализируя данные, касающиеся позиции, характерной для родителей опрошенных учащихся, можно заметить, что наиболее высокие результаты получила так называемая родительская установка «к ребёнку», то есть правильное отношение к нему. Наиболее часто встречающейся родительской позицией было принятие ребёнка таким, каков он есть (75 %). Второй, с точки зрения частоты, была позиция, характеризующаяся предоставлением детям относительной свободы (63 %). Очередными, довольно часто встречающимися типами родительской позиции было стремление научить ребёнка взаимодействовать с самим собой и с другими людьми (43 %), а также признание и уважение прав ребёнка (32 %). У 14 % родителей респондентов отмечена позиция, характеризующаяся чрезмерной опекой ребёнка, а 11 % родителей, по мнению опрошенных, были слишком требовательны. 1 % опрошенных отметил неприятие родителями, но никто из них не определил отношение своих родителей к себе как устраняющееся. 6 % респондентов не дали ответа, и можно только догадываться, что это было продиктовано трудными отношениями с родителями, о чём опрошенные не хотели сообщать, или же они опасались обнародования ответа (несмотря на анонимность исследований).

Половина опрошенных сообщила, что атмосфера в их родном доме хорошая, дружеская, доброжелательная и полная любви, 39 % определили

её как «скорее хорошую». О частых конфликтах сообщили 13 % опрошенных, а 6 % признали атмосферу в родительском доме нервной, с большой долей напряжённости. Равнодушие и отсутствие заинтересованности отметили 3 % анкетированных, а 1 % определили атмосферу в родном доме как «скорее плохую». Ответить на этот вопрос не пожелали 4 % респондентов. В то же время 44% опрошенных считают, что члены их семьи поддерживают хорошие контакты друг с другом, и между ними существует сильная эмоциональная связь. Безусловно согласились с этим утверждением 30 %. Трудности с ответом на эту тему были у 11 % респондентов, отрицательно ответили 9 %, а 4 % дали безусловно отрицательный ответ. Два человека отказались отвечать на этот вопрос. Более одной трети опрошенных (35 %) скорее хотели бы, чтобы их будущую семью соединяли такие же узы, какие существуют в семье, где они воспитывались. Безусловно согласились с этим 27 % респондентов. Затруднились с выражением мнения на эту тему 18 % респондентов, 9 % скорее не были согласны, а 8 % опрошенных безусловно не согласились с этим. У респондентов были чёткие планы относительно потомства, так как только 2 % из них заявили, что ещё не задумывались над тем, хотят ли они иметь детей, или над их количеством. Большая часть опрошенных планировала в будущем иметь двоих детей (53 %). Трёх детей хотели бы иметь 23 % опрошенных. Об одном ребёнке мечтают 11 % респондентов. О нежелании иметь потомство заявили 9 % опрошенных, а создать многодетную семью – иметь более троих детей – хотели бы 4 %.

К ценностям, наиболее важным для родителей (по мнению опрошенных учащихся), а также для самих респондентов, в порядке очерёдности относятся: семья, любовь, дружба, честность, деньги и профессиональный успех, а также власть. В категории «прочее» появились также такие понятия как: *религия*, занимающая первое место; *самореализация собственного ребёнка*, *помощь* на втором по важности месте, а также *понимание*, *согласие* на седьмом месте. Таким образом, в представленной иерархии ценностей первые четыре места заняли так называемые моральные ценности, понимаемые как „указания или идеи, которые иницируют поведение, благоприятное как для того, кто его практикует, так и для людей, которым оно адресуется. Моральные ценности формируют лучших людей, лучшую жизнь и лучшие межчеловеческие отношения” [5, с. 41].

Большинство опрошенных заявили, что в большей или меньшей степени они считаются с мнением и ожиданиями родителей («всегда» - 5 %, «часто» - 43 %, «иногда» - 35 %). В то же время 15 % учитывали ожидания родителей при принятии решений редко, а 2 % - никогда. Большинство опрошенных молодых людей планировали в будущем вступить в формальный брак (85 %), а в неформальном браке планировали жить 15 % опрошенных. 55 % опрошенных заявили, что ожидания родителей, касающиеся их будущей семьи, совпадают с их собственными планами, или

«безусловно близки» к ним (5 %). Ожидания родителей не совпадали с планами их детей в 33 % случаев, и были «безусловно не близки» у 7 % респондентов. 53 % респондентов воспринимали своих родителей как образец, на который они будут ориентироваться во взрослой жизни, а 16 % решительно отрицают родителей как людей, которые могут служить примером в их взрослой жизни. 28 % ответили, что им трудно это определить, а 3 % не дали ответа. Здесь просматривается определённая тенденция, согласно которой качество, а также характер и сила влияния родителей детерминируются родительским отношением, проявляемым к ребёнку. Для учащихся, которые указывали на положительное отношение родителей к ним, ожидания родителей имели наибольшее значение при принятии решений. Эти родители служили им примером для подражания. Качественно лучшие отношения позволяли респондентам находить в семейных связях желательные для них ценности, а также строить модель взрослой жизни, совпадающую с принципами и ожиданиями родителей (и наоборот).

В семьях 44 % опрошенных оба родителя работали, а домашние обязанности были поделены между ними поровну. Второй по частоте моделью распределения обязанностей была такая, когда оба родителя работали, но домашние обязанности, в основном, выполняла мать (28 %). Только 8 % указали на распределение обязанностей, доминирующее в предыдущих десятилетиях, т.е. зарабатывающий на содержание семьи отец и неработающая мать, ведущая домашнее хозяйство. Респонденты, воспитываемые одним родителем, составляли 13 % исследуемой группы. Остальные опрошенные указали, что в их случае: *„оба родителя работают. Мы с сестрой выполняем домашние обязанности“*, *„мама работает, а мы выполняем домашние обязанности“*, *„мама работает, а я занимаюсь домом“*, *„родители работают, домашние обязанности разделены между моими братьями и мной“*, *„родители работают, домашние обязанности разделены между всеми“*, *„я живу с мамой, а, значит, в основном она меня воспитывает, работает и выполняет домашние обязанности, а с папой я вижу один раз в неделю“*, *„оба родителя работают, дети выполняют большую часть домашних обязанностей“*. Большинство анкетированных (26 % «безусловно да», 21 % «скорее да») в меньшей или большей степени хотели бы такого же распределения домашних обязанностей, как это было в их родных домах. Многие респонденты (26 %) ещё не знали, хотят ли они следовать образцу распределения обязанностей в родной семье. Можно предполагать, что опрошенные, которые сообщили, что «скорее не согласны» (19 %) и «безусловно не согласны» (10 %) с этим утверждением, не были довольны распределением обязанностей в родительских домах.

Каждый человек ощущает потребность в принадлежности к какой-либо группе людей. Первая группа, которая отвечает этой потребности уже с первых моментов жизни ребёнка, – это семья. В дальнейшей жизни ребёнок входит во всё большее количество групп, среди которых наиболее

важной считается группа сверстников. На определённом этапе развития ребёнка группа сверстников становится настолько важной, что во многих случаях занимает место, значение и объём влияния семьи.

Для преобладающего большинства опрошенных мнение сверстников было важно «иногда» (42 %) или «часто» (35 %). В меньшинстве были те, кто считал его важным «редко» (11 %), «всегда» (8 %), или «вообще не важным» (4 %).

Полученные результаты по указанной теме неоднозначны, так как, с одной стороны, 34 % респондентов заявили, что группа сверстников, скорее, не влияет на восприятие и планы, касающиеся будущей семьи. Безусловно отрицают это влияние 23 % опрошенных, и такое же количество опрошенных заявило, что трудно сказать, имеется ли такое влияние. «Скорее согласны» с этим 16 %, и только 4 % «безусловно согласны». С другой же стороны большинство опрошенных (38%) «скорее согласны» со следующим утверждением: планы моих сверстников, касающиеся их будущих семей, в большой степени отражаются на образе моей будущей семьи. Несколько меньшее число респондентов (28 %) «скорее не согласны» с таким утверждением, 20 % затруднились с ответом, «безусловно не согласны» были 10 %, а 4 % были с ним «безусловно согласны». Среди опрошенных, которые заявили, что группа сверстников оказывает влияние на восприятие и планы, касающиеся будущей семьи, большинство (75 %) указали, что благодаря сверстникам они поняли, что семья чрезвычайно важна. Несколько меньше опрошенных (50 %) признали, что благодаря сверстникам план создания семьи представляется им привлекательным. Наличие семьи перестало быть важным для 5 % опрошенных, но никто из анкетированных под влиянием ровесников не пришёл к мнению, что не хотел бы в будущем создать семью. Часть респондентов (5 %) заявили, что благодаря сверстникам осознали, *„что друзья стоят немного ниже, чем семья”*.

На основании приведённых выше результатов исследований можно сделать вывод, что семья в глазах опрошенных молодых людей представляет собой значительную ценность. Её указывали как вторую по важности жизненную ценность, сразу же после любви. Но большинство опрошенных (48 %) затруднились с ответом, является ли семья большой ценностью для их сверстников. «Скорее согласны» были с этим утверждением 31 % из них, «безусловно согласны» - 14 %, «скорее не согласны» - 5 % и только 2 % - «безусловно не согласны». Несмотря на большое количество респондентов, которые затруднились с ответом на этот вопрос, можно предполагать, что сверстники не проявляли негативного отношения к семье как таковой, в противном случае это привлекло бы внимание опрашиваемой молодёжи.

В то же время 40 % «скорее согласились» с тем, что всё более частое появление некоторых форм семейной жизни влияет на решение молодых людей о типе будущей семьи. «Безусловно согласились» с этим 9 % ре-

спондентов, причём такое же количество «скорее не согласилось», а 3 % опрошенных «безусловно не согласились». 39 % анкетированных признали, что они затрудняются ответить на этот вопрос. Можно предполагать, что так же, как в других случаях этого типа и как в предыдущих случаях, опрошенные не размышляли на тему о семье, о её значении и о планах её создания в связи со слишком юным возрастом и с поглощённостью другими, более важными для них проблемами, такими, как школа, учёба и т.п. Если говорить об упоминавшихся выше синглах, то большинство опрошенных (81 %) заявили, что мнение сверстников на эту тему не оказало влияния на их жизненные планы, и они не намереваются стать синглами. Одиночество в качестве жизненного пути не интересовало также 13 % учащихся, которые признали, что это мнение разделяют и их сверстники, из чего можно сделать вывод, что мнение среды сверстников для этой группы молодёжи было важно. Противоположное мнение имели 5 % опрошенных, которые выразили желание остаться синглами, подчёркивая, что мнение сверстников на эту тему не было для них важным, так как группа сверстников не разделяет их планов будущей жизни. Только один человек категорически заявил, что в будущем хочет стать синглом. Из этого следует, что не намереваются в будущем стать синглами 94 % анкетированных. Большинство опрошенной молодёжи не намеревалось также руководствоваться мнением группы сверстников при принятии этого решения. Можно предполагать, что выбор жизненного пути является для респондентов настолько личным решением, что мнение сверстников по этому вопросу для них несущественно.

Выводы

Подводя итоги, нужно подчеркнуть роль влияния родительской позиции на формирование и развитие детей и, в частности, огромную роль позитивного родительского отношения, благодаря которому дети воспитываются в атмосфере любви, акцептации и уважения. Это является фундаментом связей родителей с детьми, и, прежде всего, детерминирует их качество. Среди родителей опрошенной молодёжи преобладала позитивная родительская позиция. Большинство опрошенных также считались с мнением и ожиданиями родителей, которых более половины анкетированных считали образцом для подражания, а также образцом родительства. Большинство опрошенных также заявляет, что узы, связывающие их родителей, глубоки, полны любви, уважения и дружбы. Почти половина опрошенных также признаёт, что хотела бы создать со своим будущим партнёром такие же отношения, какие связывают их родителей. Результаты исследования указывают также на высокую вероятность совпадения иерархии ценностей у опрошенных учащихся и их родителей. Можно сделать вывод, что респонденты в своих планах, касающихся типа семьи, которую они хотели бы создать, будут дублировать модели семьи своих родителей, так как в

результатах опроса можно наблюдать количественное сходство между типом родительской позиции и планами их детей.

Видно, что молодежь берёт пример со своих родителей как осознанно, так и бессознательно. Можно предположить, что будущие семьи молодых людей будут походить на семьи их родителей, как по модели, так и по отношениям между членами семьи. Бесспорно признавая, что молодые люди часто непреднамеренно копируют родителей, следует подчеркнуть, что в результате положительной родительской позиции и хороших отношений с детьми опрошенные, в большинстве своём, сознательно планируют свои будущие семьи и отношения по примеру своих родителей с точки зрения родительства, партнёрства, а также признаваемых ценностей.

На основании анализа полученных результатов можно утверждать, что родительский дом, несомненно, имеет большое значение для формирования образа семьи и будущих семейных ролей, являя собой образец для молодых людей. Опрошенные в своём большинстве заявляли, что будут брать пример с семьи своего детства. Нужно подчеркнуть, что у большинства опрошенных атмосфера родительского дома была благоприятной. В большинстве семей опрошенных учащихся доминировали глубокие эмоциональные связи, добрые отношения и хороший контакт между членами семьи. Большинство опрошенных заявили, что хотели бы создать подобные связи и отношения в своей будущей семье. Таким образом, семейные связи, несомненно, будут являться примером для опрошенных.

Следует отметить следующее: большинство респондентов считают, что мнение группы сверстников для них более или менее важно. Интересен здесь тот факт, что лишь немногие респонденты сообщили о своём желании стать синглом, хотя можно было предполагать, что этот популярный сейчас стиль жизни встретится с большей заинтересованностью молодежи. При этом большинство опрошенных не намерены руководствоваться мнением группы сверстников. Почти половина респондентов также считает, что появившиеся в последнее время некоторые формы семейной жизни влияют на решение молодых людей о модели семьи.

Трудно определить, в какой степени планы и мнения группы сверстников воздействовали на планы опрошенных, связанные с их будущей семьёй. С одной стороны, они утверждали, что планы их сверстников влияли на их собственное видение семьи, но, с другой стороны, на вопрос о влиянии сверстников на восприятие и планы относительно будущей семьи большинство респондентов ответили, что такого влияния они не замечают. Полученные результаты исследования неоднозначны. Однако стоит отметить, что респонденты, их родители и группа сверстников демонстрируют весьма схожую иерархию ценностей, где к наиболее важным относятся: любовь, дружба и семья.

Заключение

Результаты проведённого исследования указывают на сильное влияние родительской позиции на жизнь детей. В качестве одной из наиболее важных позиций следует отметить акцептацию ребёнка, что рассматривается в качестве основы для установления контактов и углубления эмоциональных связей. Складывается впечатление, что без акцептации невозможно правильное функционирование остальных членов семьи и установление хороших отношений между ними. Человек с низкой самооценкой не может «научить» своего ребёнка правильному восприятию собственной личности. Скорее всего, он будет занижать его самооценку, вследствие чего следующее поколение будет испытывать своего рода недостаток в реальном видении самого себя. Оказывается, что качество влияния родителей на жизнь и выборы их детей является следствием отношения к ним. Позитивная позиция, называемая установкой «к ребёнку», облегчает контакты, благодаря чему ребёнок позволяет родителям некоторым образом войти в собственный мир, делится с ними важными для него проблемами и другими различными вещами, которые интересуют ребёнка. Это углубляет отношения ребёнка с родителями, налаживает связи между ними, а также позволяет родителям активно участвовать в жизни ребёнка. В свою очередь, активное участие в жизни ребёнка позволяет родителям заметить определённые потенциальные опасности, с которыми ребёнок может столкнуться. Тесный контакт с ребёнком позволяет родителям вовремя принять воспитательные меры, а авторитет и доверие, которыми они пользуются у ребёнка, помогают исключить из жизни замеченную опасность.

То же самое можно сказать о негативной позиции, которая возводит барьер между родителями и ребёнком, отдаляя их друг от друга. Родители постоянно оказывают огромное влияние на детей, в том числе и на формирование у них образа семьи и будущих семейных ролей. Опрошенные молодые люди в большинстве случаев заявляли о положительном родительском отношении к ним, из чего можно сделать вывод, что свои будущие семьи они постараются строить по примеру своих родителей. Можно также предположить, что это будут семьи, опирающиеся на добрые, глубокие отношения и эмоциональные связи между их членами.

Мнения и оценки группы сверстников очень важны для молодёжи. Случается, что для некоторых они даже являются ключевыми. В период взросления влияние группы сверстников растёт, в связи с чем уменьшается влияние родителей. Это естественное явление. Но, как следует из проведённого исследования, влияние группы сверстников на формирование образа семьи и будущих семейных ролей не настолько однозначно, как в случае влияния родителей. Большинство опрошенных более или менее определённо заявляли, что мнение группы сверстников для них важно, но можно сделать вывод, что опрошенные не будут руководствоваться мнением или выбором группы ровесников в том, что касается планов будущей

семьи или формы семейной жизни. Кроме того, проведённые исследования указали на сравнительно небольшие знания молодёжи о планах или предпочтениях сверстников, касающихся семьи. Оптимистическим, однако, является факт, что, по мнению опрошенных, их группа сверстников считает семью большой ценностью. Иерархия ценностей как родителей и группы сверстников, так и самих опрошенных весьма схожа.

Из полученных результатов возникает относительно позитивный образ будущей семьи опрошенных учащихся. Представленные исследования подтверждают существенное влияние родителей и родительского дома на образ будущей собственной семьи. Оказалось, что, несмотря на всё чаще раздающиеся голоса о слабеющей роли современной семьи, молодые люди именно в ней видят важные отправные точки для представлений о собственной семье и о своей родительской роли в процессах социализации.

Список литературы

1. Böhner G. Wanke M., *Postawy i zmiana postaw /* Позиции и изменение позиций. Gdańskie Wyd. Psychologiczne. Gdańsk, 2004. S. 90-93.
2. Cole R. *Inteligencja moralna dzieci /* Моральный интеллект детей. Dom Wydawniczy Rebis. Poznań, 1999.
3. Houghton B. *Dobre dziecko – jak sprawić, by nasze dzieci odróżniały dobro od zła? /* Хороший ребёнок – что делать, чтобы наши дети отличали добро от зла? Moderski i S-ka. Poznań, 1999.
4. Kiereś B. *Tylko rodzina! /* Только семья! Fundacja „Servire Veritati” Instytut Edukacji Narodowej. Lublin, 2006.
5. Koźmińska I. Olszewska E. *Z dzieckiem w świat wartości /* С ребёнком в мир ценностей. Świat książki. Warszawa, 2007.
6. Łuczyński A. *Dzieci w rodzinach zastępczych i dysfunkcyjnych /* Дети в приёмных и неблагополучных семьях. KUL. Lublin, 2008.
7. Pilch T. *Grupa rówieśnicza jako środowisko wychowawcze /* Группа сверстников как воспитательная среда [в:] T. Pilch, I. Lepalczyk (red.), *Pedagogika społeczna.* Żak, Warszawa, 2003.
8. Pecyna. *Rodzinne uwarunkowania zachowania dziecka w świetle psychologii klinicznej /* Семейные детерминанты поведения ребёнка в свете клинической психологии. Wyd. Szkolne i Pedagogiczne. Warszawa, 1998.
9. Сапогова Е.Е. *Психология развития человека: учеб. пособие.* М.: Аспект пресс, 2005.
10. Сапогова Е.Е. "Группа риска" как проявление психологической неадаптированности детей и подростков к современному социуму// Известия ТулГУ. Сер. "Психология". Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2002. С. 67-73.
11. Szacka B. *Wprowadzenie do socjologii /* Введение в социологию. Oficyna „W” Naukowa. Warszawa, 2003.

Анжелика Барчик-Нессель, barchik_nessel@gmail.com, Польша, Мысловице, Верхнесилезская высшая школа педагогики им. кардинала Аугуста Хлонда.

THE ROLE OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CREATION OF ADOLESCENTS' PERCEPTION ON THEIR RELATIONSHIP AND PARENTHOOD

Angelica Barchik-Nessel

Nowadays, an increasing number of adolescence postpone the decision connected with starting a family life. Far too often, they primarily focus on graduation and finding employment, let alone the development of a career. Consequently, the implementation of the possible willingness of starting a family becomes of secondary importance. Such a decision is usually taken by individuals around the age of twenty, therefore, it would be worth becoming familiar with plans and views, regarding the prospective family among the school students. Another important aspect would constitute obtaining information on the importance of family, family home as well as peers for adolescents. The reason is that the view of the family or the future family roles constitutes a significant factor, which presumably results in their willingness or unwillingness connected with setting up own family. Moreover, the perception of family roles may well influence the form, let alone division of duties within a particular family.

Key words: family, family roles, marriage, parenthood, socialization, educational institutions, parents, group of peers

Angelica Barchik-Nessel, barchik_nessel@gmail.com, Poland, Myslowice, Verhnesilezsky higher school of pedagogy them. cardinal Augusta Hlonda.

УДК 159.922

«ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» КАК КОМПОНЕНТ В СОЦИАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Н.В. Безгина

Рассмотрены основные понятия, близкие по смыслу понятию «гражданская идентичность»: «государственная идентичность», «российская идентичность», «национальная идентичность», «правовая идентичность», «этническая идентичность», а также выделены основные дифференцирующие и консолидирующие признаки гражданской идентичности. Проанализировано развитие гражданской идентичности как компонента социального становления человека.

Ключевые слова: гражданская идентичность, социальное становление, правовая идентичность, дифференцирующие и консолидирующие признаки.

На сегодняшний день изменившиеся условия существования гражданского общества ставят вопрос об острой востребованности гражданского самосознания, гражданской идентичности личности и ее проявлений на уровне повседневного поведения. Данный вопрос является актуальными по

ряду причин: борьба с проявлениями терроризма, проявления сепаратизма в странах, граничащих с нашим государством, особенности миграционной политики и недовольство «коренных» граждан, коснувшиеся множества государств, маргинализация, желание молодежи эмигрировать и т. д. Существуют наглядные примеры разграничения содержаний «гражданская» и «национальная идентичность», выраженных в конфликте национальной и государственной политик. Востребованность общества в гражданах, имеющих сформированную гражданскую идентичность, и путь развития гражданского самосознания является одним из важных компонентов становления человека в социуме.

Анализ исследовательских работ, посвященных изучению гражданской идентичности, позволяет выделить несколько терминов, схожих по смыслу, но не однозначно близких по трактовке к интересующим нас. К таким терминам можно отнести: «российская идентичность» (Н.Л. Иванова, В.А. Ильин и др.), «государственная идентичность» (Е.М. Арутюнова, Л.М. Дробижева, Н.Л. Иванова , Г.Б. Мазипова, С.П. Перегудов, В.А. Тишков и др.), «национальная идентичность» (Л.М. Дробижева, Н.Л. Иванова, И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнов, В.А. Соснин и др.), «этническая идентичность» (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.Ю. Хотинец и др.), «правовая идентичность» и др. Проходя свой жизненный путь, становясь личностью, человек приобретает все данные виды идентичности, выстраивает из них общую систему, но все они различаются друг от друга, являются компонентами общего социального становления. Эти понятия наиболее часто встречаются в работах, рассматривающих представления о гражданской идентичности и ее отношении к социальной идентичности. На данном этапе развития психологического анализа феномена гражданского самосознания, исследовательская терминология нуждается в четкости и аргументированности авторских позиций, описывающих данные явления, что определяет актуальность постановки содержательных рамок и смыслового наполнения понятия «гражданская идентичность», а также анализ понятий, близких по смыслу.

Под гражданской идентичностью мы будем понимать субъективное ощущение индивида, являющееся результатом отождествления индивида с гражданской общностью, сложившейся у одного или нескольких этнико-культурных элементов, во всех социокультурных измерениях, при котором формируются его личностные качества, ценности, убеждения, служащие для становления системы представлений и смыслов, являющихся критерием для противопоставления группы «Мы» (группы, имеющей схожие гражданские представления) от группы «Они» (группы, имеющей отличающиеся гражданские представления) [2].

М.Б. Хомяков [11], Л.М. Дробижева [6] отмечают, что гражданская идентичность не подразумевает единой культуры, территории и ценностной ориентации. На наш взгляд, все эти компоненты присутствуют в дан-

ном виде идентичности, поскольку гражданская идентичность является динамичным образованием и конструируется личностью в ходе сравнения с другими на основе дифференцирующих и консолидирующих признаков. В качестве признака могут выступать ценности, моральные суждения, особенности гражданской культуры «своей» группы и группы «чужих» и т.д. При этом следует отметить, что необходимым условием для формирования группы «Мы» должен быть объективный принцип проживания на одной государственной территории, общей правовой, геополитической и экономической ситуации, общности правовых и гражданских представлений.

В рассматриваемой литературе встречается переплетение терминов гражданской и этнической идентичностей. Это связано с рядом исследований, рассматривающих социальную идентичность и определяющих представленные варианты как ее виды (Г.М. Андреева, М.В. Ефремова, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, А.Н. Татарко, Н.С. Чернышева, В.Ю. Хотинец и др.), а также при анализе общественных, социально-политических изменений и их влияния на самосознание личности и др. Мы можем предположить разницу в содержательном использовании данных понятий в том, что признаками гражданской идентичности будут являться: общность территории проживания, объективно закрепленная и признаваемая другими государствами, а также общие правовые и гражданские представления личности с представлениями группы соотечественников, среди которых могут быть представители других этносов. Гражданская идентичность не охватывает полностью понятия этнической идентичности, поскольку в нем может не наблюдаться общность этнической представлений, культуры, языка, этнической исторической общности и т. д. В свою очередь, «этническая идентичность», основанная на этнических представлениях [10], может служить более узким понятием в условиях полиэтнического государства, не учитывая также особенностей объективной территориальной принадлежности, представлений о праве, законе, правовой дозволенности, гражданских обязанностях и т. д. Еще одно понятие, выступающее для сравнения с гражданской идентичностью, — «национальная идентичность». На наш взгляд, она сопоставима с этнической идентичностью, но, поскольку может находиться в конфликте с гражданскими представлениями и гражданской идентичностью, не является одной из трактовок гражданской идентичности.

В ряде работ происходит сращивание понятий «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» (В.В. Бушуев, Л.М. Дробижева, С.П. Перегудов, В.В. Титов, В.А. Тишков и др.). «Этнонациональная идентичность», по словам С.П. Перегудова, «основывается на этнических, культурных, исторических, этических и иных «схождениях» и тождествах» [8, с. 142]. В данной формулировке понятие «национальной идентичности» может не охватывать объективного признака (общей государственной территории, наличие государственного гражданства, отсутствие прав и

обязанностей членов конкретной страны), в таком случае данный термин ближе относится к этнической идентичности и определяет психологические особенности доминирующей нации в государстве, но не способен полностью охватить «гражданскую идентичность» в условиях многонациональной страны.

По мнению С.П. Перегудова, два типа идентичностей (национальная и государственная) в России как многонациональной стране «могут не совпадать, накладываться один на другой, а могут и не совпадать и даже вступать в противоречие друг с другом» [8, с.143]. Относительно термина «национальная идентичность» будем придерживаться его общности с этнической идентичностью личности, поскольку Россия является многонациональной страной и этнические особенности не отражают полного представления о гражданственности. Кроме этого, понятие «национальная идентичность» может рассматриваться с точки зрения двух аспектов: во-первых, как результат идентификации с национальной общностью, во-вторых, как результат идентификации с государственной символикой. Таким образом, в первом случае дифференцирующим признаком наций будет являться народный фольклор, который не является таковым для гражданской идентичности; во втором случае опускаются ценностно-смысловые, когнитивные, моральные характеристики личности граждан. Хотя с точки зрения В.В. Бушуева и В.В. Титова в понятие «национально-государственной идентичности» закладывается содержание гражданской идентичности [3, с. 85], но не называется правовое основание для формирования и поддержания жизнеспособности государства, а лишь определяется позиция множественности социальных оснований и схем. Наличие двух аспектов усложняет оперирование данным термином, поскольку требует постоянной корректировки понятия, но в обоих случаях невозможно употребление понятия «национальной идентичности» и «гражданской идентичности» как синонимов.

В процессе становления личности эти виды идентичности также занимают разные возрастные этапы. Поскольку с семейными, национальными, культурными ценностями и установками ребенок знакомится в раннем возрасте посредством институтов социализации (семья, родственники, национальная культура и т.д.), то можно предположить, что формирование национальной идентичности будет предшествовать формированию гражданской идентичности, так как основные институты гражданской (государственной) социализации вступают несколько позже.

Гражданская идентичность, будучи сложным и многоплановым феноменом, проявляется с разной степенью в трактовке понятия «государственная идентичность», поскольку государство как сообщество граждан и государство как единая нация привносят разную смысловую нагрузку в данный термин (первое ближе к понятию гражданской идентичности, а второе к понятию национальной идентичности). Существующие разработ-

ки некоторых авторов противопоставляют государственную и гражданскую идентичность (В.А. Тишков, Л.М. Дробижева). По мнению Л.М. Дробижевой, «государственная и гражданская идентичности сложились как эквивалентные понятия, но у нас (в России) они не могут не различаться» [6, с. 13]. В данной трактовке интересующего феномена опускается общность культуры и ценностей, а происходит увеличение национального, этнического и политического смыслового наполнения у представителей, проживающих на одной территории. Мы будем придерживаться мнения, что понятия родственные, поскольку представления о государстве, его территориальной, организационной системе, правовой, экономической, политической, культурной, языковой сферах функционирования, психологических особенностях граждан, принадлежащих данному государству, их знаниях о государстве, эмоции и чувства, которые они испытывают по отношению к нему, поведение содержательно наполнены родственными образами и понятиями, составляющими основу правовых представлений, которые, в свою очередь, являются ядром гражданских представлений.

По мнению Н.Л. Ивановой, Г.Б. Мазиловой понятие «российская идентичность» базируется «...на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности» [7, с. 88]. На наш взгляд, данное определение можно расширить, включив в него представления личности о психологических особенностях соотечественников, их ценностях, идеалах, целях, выборах и т.д., особенностях гражданской социализации, для достижения которой происходит дифференциация и консолидация признаков своей группы и чужой. Таким образом, мы будем рассматривать данное понятие как близкое изучаемому нами.

Под «правовой идентичностью» мы будем понимать результат отождествления индивидом себя с группой на основе общности правовых критериев (общее отношение к праву, понятие правовой нормы, правового поведения и т. д.), сложившихся в ходе правовой социализации личности и обеспечивающих целостность личности [1]. Таким образом, правовая идентичность, на наш взгляд, будет более узким понятием, лежащим в основе гражданской идентичности.

Выделяя гражданскую идентичность как компонент социального становления человека, мы предложили группы признаков, определяющих гражданскую идентичность, которые можно подразделить на:

- группирующие признаки (консолидирующие), то есть общие признаки на основе которых индивид определяет свою принадлежность к данной гражданской группе;
- дифференцирующие признаки, то есть на основании которых индивид различает свою гражданскую группу от чужой.

В основу деления дифференцирующих и консолидирующих признаков положен принцип разделения признаков этнической идентичности, предложенный Б.А. Вяткиным и В.Ю. Хотинец [4, с.71].

- **дифференцирующие признаки:** самоназывание, происхождение и историческое прошлое членов гражданской группы, государственную территорию, занимаемую данной группой, осознание индивидом особенностей гражданской культуры во многих ее измерениях, а также осознание психологических особенностей граждан, проживающих на территории данной страны: государственный язык, особенности традиций, экономические, научные и достижения культуры, психологические особенности (моральные убеждения, ценностные ориентации, взгляды, идеалы, способности, гражданские настроения, чувства, интересы, межгосударственные установки, стереотипы и т.д.), особенности внешности, поведения и др. Таким образом, дифференцирующие признаки несут функцию различения и позволяют личности осознать отличительные особенности своего гражданства от другого;

- **консолидирующие признаки:** гражданская самоидентификация осознание собственной гражданской принадлежности, гражданская однородность, особенности гражданской социализации, осознание тождественности своих прав и свобод с правами, данными соотечественникам, общность отношения к праву, гражданских идеалов, ценностей и убеждений, осознание субъектом своих гражданско-психологических особенностей и тождественности с особенностями той группы, к которой он себя относит, нравственно-нормативная оценка правового и не правового поведения соотечественников, а также группы «чужих» и др. Определяют гражданскую однородность и позволяют характеризовать гражданскую определенность и состоятельность личности.

Таким образом, проведя теоретический анализ терминов, заявляемых как схожих по смысловой нагрузке, и определив соотношения понятий, отражающих представления людей о тех социальных общностях, к которым они себя относят, мы пришли к выводу, что наиболее близкими для термина «гражданская идентичность» будут являться «государственная» и «российская идентичность». Относительно термина «государственная идентичность» мы будем придерживаться точки зрения схожести понятий гражданской и государственной, российской идентичностей, поскольку при обозначении своей гражданской принадлежности раскрывается феномен наполненный личностными представлениями и образам гражданственности и особенностями формирования данного вида идентичности в условиях конкретно нашей страны. Наименее подходящими в роли синонимов будут понятия «национальная идентичность» и «этническая идентичность». Термин «правовая идентичность» будет уже по сравнению с

интересующим нас и полностью описан в качестве ядра гражданской идентичности; также описаны нами основные дифференцирующие и консолидирующие признаки гражданской идентичности.

Подробнее остановимся на процессе социального становления человека и тех задачах и функциях, которые берет на себя гражданская идентичность в процессе общего социального становления человека.

Социальное становление человека — процесс осознания человека в обществе как личности, его составной элемент, наделенный собственной активностью и проявляющий индивидуальные особенности на уровне группы. Т.е. личность не только усваивает социальные нормы и требования, но и проявляет это в своем поведении. Социальное становление личности в группе соотечественников можно назвать гражданским становлением человека. По аналогии с трактовкой профессионального становления личности, которое можно отнести к компоненту социального становления, мы можем определить гражданское становление как «формообразование личности, адекватное требованиям» [9, с 405] гражданской деятельности и взаимодействию с соотечественниками и людьми, имеющими иное гражданство.

Гражданское становление личности не происходит спонтанно, а проходит ряд этапов по средствам процесса гражданской социализации. Целью гражданского становления человека является способность контролировать собственное поведение (осуществление самоконтроля) в обществе таким образом, чтобы соблюдались права окружающих, а индивид имел возможность для проявления собственных прав. Задачи становления человека в обществе требуют формирования системы представлений об обществе и навыков у людей нового поколения, подготовку человека к тесному сосуществованию в социальной среде на основе определенных норм и закрепленных правил, адаптации к новым условиям и пониманию своей роли в обществе.

Таким образом, мы можем сделать предварительные выводы о прохождении в своем развитии гражданского становления некоторых этапов по аналогии с правовой социализацией, поскольку именно этот процесс мы видим основой гражданской социализации. Под правовой социализацией мы будем понимать процесс усвоения и проявления личностью норм и правил правомерного поведения, являющегося таковыми в определенном государстве. Итогом правовой социализации является выработка типовых социальных реакций, которые хорошо распознаются и прогнозируются. Результатом правовой социализации является подготовка человека к тесному сосуществованию с другими людьми в одной социально-правовой системе, поскольку в одном государстве люди обладают общими ресурсами, правами и обязанностями, следовательно, необходима правовая саморегуляция.

Аналогично уровням правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина [5, с.49] можем предположить уровни гражданского развития.

На первом этапе происходит регуляция собственного поведения в обществе личностью, не совершающей правонарушений из страха наказания и чувства стыда перед людьми близкого круга. На данном этапе происходит переживание внутренней причастности к социальной группе, которую человек называет «своей». Когда переживание относится не к близкому окружению, а расширяется до соотечественников, в данный момент мы можем предположить зарождение гражданского развития на основе правового.

На втором этапе происходят формирование установок на уровне индивидуального сознания для соблюдения структуры общества, частью которого он является, а также оправдания ожиданий значимой группы.

На третьем этапе происходят осуществление внутреннего самоконтроля, основанного на осознании собственной ответственности за поведение, соблюдение прав других людей, в том числе тех, которые являются подданными других государств.

Результатом социального становления человека является осознанное выполнение собственной социальной роли в общественной группе, а государство является площадкой для проявления роли гражданина.

Основные функции, которые выполняет гражданская идентичность в процессе становления личности как основного компонента общества:

- регулятор поведения — поскольку в основных документах гражданского нормативно-правового поведения прописаны обязанности, права, свободы, законы и нормы, которые должен выполнять гражданин, принадлежащий данному государству, то в процессе социализации эти правила усваиваются и дают направление поведения человека;
- передача специфики гражданской культуры молодым поколениям — в процессе социализации происходит не только усвоение, но и передача имеющегося гражданского «багажа» опыта, традиций и т. д.;
- объединение и сохранение единства граждан;
- самоактуализация, развитие, самовыражение в социальной группе соотечественников;
- переживание своей принадлежности к государству, народу, социальной группе;
- включение в систему социальных взаимосвязей внутри группы, обеспечивающей защиту, удовлетворение потребностей и т. д.

Таким образом, в ходе проведенного анализа понятий «правовой», «национальной», «государственной», «этнической», «российской идентичности», т.е. близких по смысловой нагрузке к понятию «гражданской идентичности», определили круг синонимичных понятий и понятий, которые невозможно использовать в данной роли. Выдвинули предположение, что гражданская идентичность является важным компонентом социально-

го становления человека. Процесс становления гражданина является механизмом гражданской социализации, происходящей на базе правовой социализации личности. Провели аналогичную связь поэтапного правового и гражданского развития в контексте социального становления личности.

Список литературы

1. Безгина Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Ч.1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 241-249.
2. Безгина Н.В. Правовая и гражданская идентичность в структуре современной социализации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012 . С. 302-311.
3. Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ)// Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология, 2011. № 4. С.77- 93.
4. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности//Психологический журнал. 1996. Т. 17. №5. С. 69-75.
5. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация. /Аналитический обзор: учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. С. 270.
6. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность //Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России/ под ред. В.С. Магун. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 10-30.
7. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях// Вопросы психологии. 2008. №2. С.83-93.
8. Перегудов С.П.. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации Российского государства// Полис. 2011. №3. С. 141-163.
9. Фельдман И.Л. Особенности профессионального становления студента-медика// // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.1. Тула: Изд-во ТулГУ. 2011. С. 404-412.
10. Фомина Ю.И. Специфика этнических представлений иностранных студентов, проживающих на территории РФ// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.1. Тула: Изд-во ТулГУ. 2013. С.207-215.
11. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идеи гражданства //Гражданские, этнические и религиозные идентичности в

современной России/ под ред. В.С. Магун. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2006. С. 30-57.

Безгина Наталья Вячеславовна, аспирант, bezginanatasha@mail.ru, Россия, Тула, Тульский Государственный Университет.

*“CIVIL IDENTITY” AS A COMPONENT OF SOCIAL FORMATION OF AN INDIVIDUAL
N.V. Bezgina*

The author considers the basic concepts related to "civil identity": "state identity", "Russian identity," "national identity", "legal identity" and "ethnic identity", and highlights the basic differentiating and consolidating features of civil identity. The author analyzes the development of civil identity as a component of social formation of an individual in the society.

Key words: civil identity, social formation, legal identity, differentiating and consolidating features.

Bezgina Natalia Vyacheslavovna, post-graduate student, bezginanatasha@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НА ОСМЫСЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

М.В. Клементьева

Рассматриваются психологические особенности биографической рефлексии взрослых людей. Структурное моделирование корреляций показало, что субшкалы теста биографической рефлексии по-разному сформированы для молодых и пожилых людей, и подтвердило влияние биографической рефлексии, опосредованное возрастом, на осмысленность жизни взрослых.

Ключевые слова: биографическая рефлексия, осмысленность жизни, взрослость, жизненный путь, жизненный опыт

Поиск смысла занимает центральное место в жизни человека. Не удивительно, что жизненный путь и экзистенциальный опыт являются актуальными темами психологических исследований.

В качестве источников смысла жизни исследователи рассматривают рефлексивные механизмы и бессознательные показатели [1; 2; 3; 6; 7; 9; 10; 13; 15; 16; 18; 20; 21; 22]. Утверждается, что рефлексивные механизмы могут воплощать различные функции и, следовательно, демонстрировать различные эффекты в зависимости от событийного контекста жизни, в который они встраиваются [4; 9; 21; 22].

Мы рассматриваем *биографическую рефлексия* как самоанализ субъектом индивидуальной жизни и выделяем ее два типа: рефлексия

жизненного пути и рефлексии жизненного опыта. Первый тип связан с самоанализом, саморазвитием, хорошей адаптацией, личностным ростом и целеполаганием, а второй – с навязчивыми размышлениями, тревожностью, внимательностью к переживаниям. Субъект рефлексии жизненного пути стремится осмыслить события жизни, интериоризируя символическую «модель жизни» – культурно детерминированную структуру, образованную последовательностью событий жизни, жизненных целей, смыслов жизни, показателей насыщенности жизни и так далее. Нарушение нормативной последовательности событий жизни снижает биографическую рефлексии, детерминируя обращение человека к рефлексии жизненного опыта. Так, люди, которые рефлексиируют опыт переживания «жизненного кризиса», отличаются меньшим психологическим благополучием, расплывчатыми жизненными целями и беспокойством [4]. Это означает, что уникальные (анормативные) события жизни нарушают осознание «Я» в жизненном пути и смыслы жизни человека.

Не удивительно, что авторы отмечают возрастающую роль рефлексии прожитого опыта жизни и самоанализа возможностей будущего в развитии взрослого человека, его адаптации к изменениям, связанным с физическими, социальными, личностными потерями [7; 9; 16; 19; 22]. Культура не предоставляет моделей для развития взрослого человека. Не имея возможности использовать те культурные ресурсы, которые стимулировали развитие на ранних этапах онтогенеза, взрослый человек обнаруживает новые источники смысла жизни в биографической рефлексии. Так, ресурсы развития взрослого в ситуациях, нарушающих нормативную последовательность событий жизненного цикла, связываются с рефлексией [2; 4; 7; 16; 19]; субъект «высваивает» знания о жизни из своего уникального жизненного опыта. Мы разделяем мнение авторов о том, что развитие взрослого обусловлено рефлексией, совершаемой в отношении собственной жизни, и рассматриваем перспективными попытки обнаружить закономерности развития взрослого в рефлексии явлений и феноменов жизненного пути.

В наших исследованиях была обнаружена тенденция обращения взрослых к рефлексии жизненного опыта в ситуациях, связанных с нарушением нормативной последовательности событий жизненного цикла. Готовность субъекта к самоизменению в сочетании с рефлексивностью и стремлением к поиску смысла жизни стимулирует обращение к жизненному опыту, порождению нового знания [4].

В настоящем исследовании у нас была возможность изучить влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни на разных этапах взрослости. В частности, целью данного исследования было сравнение параметров биографической рефлексии в их возможностях прогнозировать поиск смыслов жизни на этапах ранней и средней взрослости.

Ранняя взрослость – это период (17-19-25 лет), когда человек становится субъектом рефлексии, а рефлексия становится условием формирова-

ния целостности самосознания и идентичности, становления смыслов жизни и жизненной перспективы. В этот период происходит осознанное формирование жизненной перспективы, определение жизненных целей, личностная (экзистенциальная) эмансипация от взрослых, осознание когерентности и связности жизненного пути. Согласно современным моделям развития [9; 11; 12; 14; 18], возраст 17-25 лет – переход «формирующейся взрослости», связанный с готовностью к самоопределению, решением жизненных задач, период исследования, поиска («пробы пера», а не окончательного жизненного решения). Для решения жизненных задач молодые люди начинают целенаправленно использовать биографический опыт в интерпретации событий своей жизни и жизни другого человека [18], рефлексия приобретает «биографическую» направленность – «*умение анализировать собственный жизненный опыт*», обращенность на будущее, воплощение Я в жизненном пути [1; 11].

В средней и поздней взрослости повышается роль биографической рефлексии в развитии человека. Основные задачи взрослого в современных теориях развития связываются с сознательной реконструкцией жизненного пути, его рефлексией. Самосознание и рефлексия рассматриваются как ресурс оптимизации физического, социального, личностного развития, адаптации к изменениям, связанным с физическими и социальными потерями, балансировании жизненных сфер, потерь и приобретений [7; 10; 13; 15; 16; 19; 20; 22]. Подчеркивается, что повышение рефлексии в среднем возрасте сочетается с уменьшением стремления к личностному росту и увеличением духовности [13]. В условиях коррекции жизненных перспектив интенсификация рефлексии способствует изменению жизненной ситуации, вызывающей тревогу и стресс, в сторону относительной стабильности в развитии. В поздней взрослости влияние биографической рефлексии связывается с преодолением наиболее частых дефицитов развития [20], развитием мудрости, собственной «философии жизни» и формированием новых смыслов жизни [7; 15; 16; 19], способствуя «успешному старению». Значимая роль рефлексии в поздней взрослости обнаруживается в научном поиске характерной для поздней взрослости формы рефлексии, проявляющимся в спонтанном уменьшении зависимости самопонимания пожилых людей от социального самоопределения в сторону увеличения роли в этом процессе внутреннего переживания «себя», связанности своего прошлого и будущего [21; 22].

В представленном ниже эмпирическом исследовании нас интересовал вопрос о различиях влияния биографической рефлексии у молодых и взрослых людей на осмысленность их жизни.

Гипотезой исследования было предположение о том, что с целью поиска смысла жизни на этапах ранней и средней взрослости люди обращаются к разным типам биографической рефлексии.

Объект исследования – биографическая рефлексия, а *предмет* исследования – тип биографической рефлексии.

Методика

Исследование проводилась на выборке в 225 человек в возрасте от 17 до 60 лет. Выборка была ранжирована на 4 группы по критерию возрастного этапа: участники в возрасте 17-25 лет (N=72), 26-45 лет (N=90), 46-60 лет (N=63).

Исследование проводилось с использованием авторской методики оценки биографической рефлексии [2; 5] и теста смысложизненных ориентаций [6]. Бланки методик заполнялись письменно.

Авторская методика оценки биографической рефлексии представляет шкалу самоотчета из 30 пунктов, образующих четыре субшкалы, соответствующие четырем составляющим биографической рефлексии (когнитивной, личностной, социально-перцептивной и конфигуративной). Когнитивная составляющая характеризует выраженность анализа действий и средств биографической рефлексии. Личностная составляющая отражает степень осознанности смыслов событий жизни. Социально-перцептивная составляющая указывает на склонность субъекта к интерпретации жизни других людей. Конфигуративная составляющая указывает на сформированность жизненного нарратива. После подсчета баллов для каждой из субшкал определялся тип биографической рефлексии – рефлексия жизненного пути или рефлексия жизненного опыта.

Статистическую обработку данных мы проводили с помощью пакета статистических программ SPSSv.21 с модулем AMOS.

Нормальность статистики распределения показателей определялась с помощью одновыборочного теста Колмогорова-Смирнова при $p \geq 0.05$.

Оценка степени влияния показателей биографической рефлексии на смысложизненные ориентации осуществлялась с помощью линейной регрессии. Значимость регрессионной модели мы рассчитывали с помощью F-теста, а значимость предикторов в регрессионной модели – с помощью t-критерия. При значении $p \leq 0.05$ отмечалась значимость влияния. Выявление связей между показателями осуществлялась с использованием корреляционного анализа (коэффициент Спирмена). При значении статистики $p \leq 0.05$ отмечалась линейная связь между показателями [8].

Степень соответствия теоретической модели биографической рефлексии экспериментальным данным в конфирматорном факторном анализе мы оценивали по критериям согласия: уровень значимости CMIN при $p > 0.05$; $CMIN/DF \leq 2.0$, $RMSEA \leq 0.05$, $CFI \geq 0.95$. При сравнении нескольких моделей мы использовали критерий информации AIC, где низкие значения указывают на сравнительно более хорошее соответствие [17].

Результаты и их обсуждение

Распределение показателей биографической рефлексии и смысло-жизненных ориентаций не отличается от нормального по критерию Колмогорова-Смирнова ($p \geq 0.06$ и $p \geq 0.19$ соответственно).

В соответствии с ключом методики оценки биографической рефлексии для каждого испытуемого мы определили тип биографической рефлексии. На рисунке показана статистика распределения частоты встречаемости типов биографической рефлексии (рефлексии жизненного опыта и рефлексии жизненного пути) в трех возрастных группах.

Частота встречаемости типов биографической рефлексии в трех возрастных группах

Данные диаграмм, представленные на рисунке, демонстрируют тенденцию обращения к рефлексии жизненного пути в возрастном диапазоне от 17 до 45 лет и к рефлексии жизненного опыта – после 45 лет. Поскольку процентное соотношение типов биографической рефлексии в представленных группах является лишь иллюстративным, с целью проверки зависимости типа биографической рефлексии от возраста было проведено структурное моделирование.

Конфирматорный факторный анализ. В качестве актуальных переменных мы применяли шкалы методики оценки биографической рефлексии. Проверялась пригодность двух моделей биографической рефлексии [5] для показателей участников трех возрастных групп.

Как мы видим из данных, представленных в табл., модель рефлексии жизненного пути пригодна для интерпретации биографической рефлексии в группе участников от 17 до 45 лет. В группе взрослых старше 45 лет значения для модели рефлексии жизненного опыта являются сравнительно лучшими, что указывает на большее соответствие эмпирических данных структурной модели рефлексии жизненного опыта. То есть *возраст влияет на тип биографической рефлексии.*

Жизненный путь на этапе средней взрослости отличается индивидуальностью, включая помимо нормативной последовательности событий жизненного цикла уникальные события, актуализируя рефлексию жизненного опыта. Переживание уникальных событий осмысливается взрослыми как жизненное изменение, для адаптации к которым часто отсутствуют культурные ресурсы; рефлексия жизненного опыта выступает в роли ресурса развития. Если проживание событий жизни сопряжено с усвоенными культурными сценариями жизни, задающими такую последовательность событий жизни, субъект актуализирует рефлексию жизненного пути.

Таблица 1

Результаты проверки пригодностей структурных моделей

17-25 лет							
Модель	CMIN	DF	P	CMIN/DF	RMSEA	CFI	AIC
Модель рефлексии жизненного пути	1.45	1	0.23	1.45	0.05	0.99	27.5
Модель рефлексии жизненного опыта	29.7	2	0.00	14.87	0.45	0.27	53.7
26-45 лет							
Модель рефлексии жизненного пути	0.03	1	0.87	0.03	0.000	1.00	18.0
Модель рефлексии жизненного опыта	25.9	2	0.00	12.96	0.35	0.52	49.9
46-60 лет							
Модель рефлексии жизненного пути	6.41	2	0.04	3.21	0.24	0.89	30.4
Модель рефлексии жизненного опыта	3.98	2	0.06	1.99	0.06	0.90	28.2

Корреляционный анализ показателей биографической рефлексии и смысложизненных ориентаций выявил следующие особенности.

В старшей группе взрослых (45-60 лет) были обнаружены положительные связи между смысложизненными ориентациями и показателями биографической рефлексии (при $p \leq 0.04$), за исключением ее социально-перцептивной составляющей. В группе взрослых 25-45 лет значимые положительные связи со смысложизненными ориентациями обнаружили лишь общий показатель биографической рефлексии и ее личностная составляющая (при $p \leq 0.05$). В группе молодых показатели биографической рефлексии, за исключением ее конфигуративной составляющей, продемонстрировали

значимые положительные линейные связи со смысложизненными ориентациями (при $p \leq 0.05$).

Различия в структуре линейных связей между показателями указывают на то, что взаимосвязь биографической рефлексии с осмысленностью жизни субъекта опосредуется *возрастом*. Очевидно возрастание роли биографической рефлексии как механизма осмысленности жизни в старшей возрастной группе (после 45 лет) по сравнению с более ранними этапами взрослости. Взрослый погружается в рефлексию жизненного опыта, испытывая необходимость поиска смысла жизни. Примечательным представляется отсутствие линейных связей между смысложизненными ориентациями и социально-перцептивной составляющей в данной группе участников. Взрослость – период актуализации рефлексии жизненного опыта, когда личностная составляющая выступает доминантой в осмыслении экзистенциального опыта жизни, самодостаточного относительно независимого от социальных факторов. Направляя рефлексию на свой уникальный опыт жизни, взрослый человек в рефлексии формирует жизненные смыслы (цели), а через них – свой жизненный путь. Отсутствие прецедентов затрудняет трансляция знаний о жизни в системе социокультурных связей с другими людьми. В группе молодых взрослых биографическая рефлексия направлена на продуктивный самоанализ событий жизни, а также связана со способностью субъекта сравнивать свою жизнь с жизнью других людей, осознавать вариативность жизненного пути, открывать смысл жизни в со-бытии с Другим.

Регрессионный анализ. Обнаруженные корреляционные связи между биографической рефлексией и осмысленностью жизни обусловили необходимость проведения регрессионного анализа, который позволяет выявить каузальные связи между исследуемыми явлениями. В нашем исследовании задача стояла в выявлении тех показателей биографической рефлексии, которые являются предикторами осмысленности жизни взрослых людей. В качестве зависимой переменной вступал общий показатель осмысленности жизни.

Результаты анализа, представленные в табл. 2, демонстрируют, что вероятность обнаружения смысла жизни во взрослых возрастах определяется, преимущественно, личностной составляющей биографической рефлексии – осознанностью жизненных задач и событий жизни, обнаружением аутентичности своей жизни. Социально-перцептивная составляющая имеет значимое влияние лишь в молодости; сравнение своей жизни с жизнью другого человека повышает осмысленность жизни в ранней взрослости. Осознание подлинности своей жизни, углубленный самоанализ событий жизни значимо повышают осмысленность жизни взрослых (после 45 лет); в своей жизни взрослый обнаруживает образец, меру жизни. Из данных, представленных в табл. 2, видно, что *влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни является значимым, объясняя около 20*

% общей дисперсии в группах участников моложе 45 лет, а в группе взрослых старше 45 лет – около 41 % общей дисперсии.

Таблица 2

Регрессия общей осмысленности жизни к составляющим биографической рефлексии

Показатели биографической рефлексии	Возраст		
	17-25 лет (N=72)	26-45 лет (N=90)	> 45 лет (N=63)
Личностная составляющая	$\beta = 0.33$; $t=2.7$ ($p=0.008$)	$\beta = 0.37$; $t=3.01$ ($p=0.004$)	$\beta = 0.56$; $t=2.8$ ($p=0.008$)
Социально-перцептивная составляющая	$\beta = 0.41$; $t= 3.23$ ($p=0.002$)	$\beta = 0.09$; $t= 0.68$ ($p=0.49$)	$\beta = - 0.12$; $t= - 0.66$ ($p=0.51$)
Когнитивная составляющая	$\beta = 0.06$; $t= 0.49$ ($p=0.63$)	$\beta = 0.13$; $t= 1.04$ ($p=0.30$)	$\beta = 0.20$; $t=1.1$ ($p=0.24$)
Конфигуративная составляющая	$\beta = -0.22$; $t= - 1.63$ ($p=0.11$)	$\beta = 0.05$; $t= 0.41$ ($p=0.68$)	$\beta = 0.16$; $t= 0.97$ ($p=0.34$)
Сводка для модели	$adR^2=0.196$; $F=5.08$ ($p=0.001$)	$adR^2=0.214$; $F=5.6$ ($p=0.001$)	$adR^2=0.41$; $F=5.9$ ($p=0.002$)

Таким образом, *влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни взрослых опосредовано возрастом субъекта рефлексии*. С возрастом наблюдается повышение влияния рефлексивного ресурса на осмысленность жизни. Стимуляция биографической рефлексии, прежде всего продуктивный самоанализ событий жизни и жизненных задач, обнаружение подлинности жизненного опыта, способствует повышению осмысленности и удовлетворенности во взрослом возрасте. Открытие в своем жизненном опыте подлинности, уникальности переживания событий жизни актуализирует рефлексивные механизмы осмысления жизни, стимулирует взрослого к осознанию своей жизни как индивидуального жизненного пути. В условиях обнаружения прецедентов «модели жизни» взрослые актуализируют арефлексивные механизмы обнаружения смысла жизни.

Выводы

Биографическая рефлексия сравнительно больше влияет на осмысленность жизни взрослых после 45-летнего возраста. Различия в рефлексивных механизмах осмысленности жизни связаны с типом биографической рефлексии. С целью поиска смысла жизни молодые люди преимущественно обращаются к рефлексии жизненного пути, а взрослые старше 45 лет – к рефлексии жизненного опыта. Повышение осмысленности жизни взрослых людей возможно в рамках коррекционно-развивающей работы, направленной на стимуляцию биографической рефлексии, осознание

смыслов событий жизни и жизненных задач, признание собственного влияния на ход жизни, обнаружение аутентичности своей жизни.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2004.
2. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия в контексте психологического анализа. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. 156 с.
3. Клементьева М.В. Исследование взаимосвязи смысложизненных ориентаций и биографической рефлексии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 276-283.
4. Клементьева М.В. Исследование биографической рефлексии в ситуации жизненного кризиса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 341-350.
5. Клементьева М.В. Разработка методики оценки биографической рефлексии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С.176-184.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
7. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767с.
8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.
9. Слободчиков В. И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 2000. 416 с.
10. Фельдман И.Л. Копинг-стратегии и защитные механизмы в развитии личностного самопознания медицинских работников // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 200-206.
11. Формирование личности старшеклассника / под. ред. И.В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1989. 168 с.
12. Чадаева К.Д. Образ будущего в разных возрастах // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 294-305.
13. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.:Смысл, 2004. 416 с.
14. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist, 2000. 55. P.469-480.

15. Baltes P. B., Lindenberger U., Staudinger U.M. Life Span Theory in Developmental Psychology // Handbook of Child Psychology. Volume 1: Theoretical Models of Human Development. NJ.: John Wiley & Sons, 2006. P. 569–664.
16. Birren J.E., Cochran K. Telling the Stories of Life through Guided Autobiography Groups. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001. 208 p.
17. Brown T.A. Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. N.Y.: The Guilford Press, 2006. 493 p.
18. Habermas T., Paha C. The development of coherence in adolescents' life narratives // Narrative Inquiry. 2001. P. 11.
19. Lachman M.E. Development in Midlife // Annual Review of Psychology. 2004 Vol. 55. P. 305-331.
20. Newbern V. B., Krowchuk H. V. Failure to thrive in elderly people: A conceptual analysis // Journal of Advanced Nursing, 1994. 19(5). P. 840–849.
21. Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S. Rethinking Rumination // Perspectives on Psychological Science. 2008. 3 (5). P. 400-424.
22. Tornstam L. Gero-transcendence: A theoretical and empirical exploration. // In L. E. Thomas & S. A. Eisenhandler (Eds.), Aging and the religious dimension. London: Auburn House, 1994. P. 203-225.

Клементьева Марина Владимировна, канд. психол. наук, доц., доц. каф., do-madres@list.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

*IMPACT OF BIOGRAPHICAL REFLECTION
ON THE MEANINGFULNESS OF LIFE OF ADULTS*

M.V. Klementyeva

We examined the psychological circumstances of biographical reflection in adults. The correlations structure modeling indicated that the subscales of the "Biographical Reflection Test" were modeled with different solutions for young people and adults. The biographical reflection has an impact on the meaningfulness of life mainly via age – the more reflective adult people have higher level of meaning in life.

Key words: biographical reflection, meaningfulness of life, adult, life course, life experience

Klementyeva Marina Vladimirovna, PhD (Psychology), Associate Professor, do-madres@list.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ШИЗОФРЕНИЕЙ)

М.В.Клементьева, С.И.Кузнецова

Рассматриваются психологические особенности биографической рефлексии у больных шизофренией. Структурное моделирование корреляций показало, что субшкалы теста биографической рефлексии по-разному сформированы для больных шизофренией и психически здоровых людей, продемонстрировало влияние биографической рефлексии, опосредовано психическим здоровьем взрослых, на осмысленность их жизни.

Ключевые слова: биографическая рефлексия, осмысленность жизни, шизофрения.

В современных исследованиях функция рефлексии в психическом развитии и психическом здоровье человека мыслится неоднозначно.

С одной стороны, в рефлексии исследователи обнаруживают ресурсы прогрессивного развития, источники саморегуляции, смыслообразования, механизмы творчества [1; 2; 3; 4; 5; 8; 10; 11; 13; 16; 17]. Субъект рефлексии, таким образом, является инициатором собственного развития. Не удивительно, что авторы отмечают возрастающую роль рефлексии прожитого опыта жизни и самоанализа возможностей будущего в развитии взрослого человека, его адаптации к изменениям, связанным с физическими, социальными, личностными потерями [8; 10; 11].

С другой стороны, в исследованиях фиксируется связь рефлексии с патологическими симптомами и дезадаптивными тенденциями: депрессивностью, сниженной интеллектуальной продуктивностью, социофобией, эскапизмом, пьянством, самовредительством, алкоголизмом, булимией, пессимизмом и пр. [5; 7; 10; 16; 17]. Как замечают S. Nolen-Hoeksema и другие исследователи, рефлексия сопутствует дезадаптивным тенденциям, а в ряде случаев может предсказывать их приступы, но сама рефлексия *не является причиной* дезадаптивных тенденций и психопатологии [16].

Обнаружение «амбивалентного эффекта» рефлексии исследователи связывают с функционированием принципиально несводимых друг к другу форм, уровней или моделей рефлексий [11; 16; 17]. Авторы дифференцируют рефлексия как продуктивный самоанализ и рефлексия как «самокопание», навязчивое размышление о негативных событиях и переживаниях. «Самокопание», в отличие от рефлексии-самоанализа, обнаруживает отрицательную связь с внимательностью и памятью, но положительную с депрессивными и дезадаптивными тенденциями.

Изучая *биографическую рефлексия* как самоанализ и самоосмысление субъектом своей жизни, М.В.Клементьева выделяет два типа: рефлекс-

сию жизненного пути и рефлексию жизненного опыта. Рефлексия жизненного пути представляет собой продуктивный самоанализ, опосредующий саморазвитие, хорошую адаптацию, личностный рост и целеполагание. Рефлексия жизненного опыта сопряжена с навязчивыми размышлениями, тревожностью, внимательностью к своим переживаниям; субъекты рефлексии жизненного опыта отличаются меньшим психологическим благополучием, расплывчатыми жизненными целями и беспокойством, чем субъекты рефлексии жизненного пути. Вместе с тем субъекты рефлексии жизненного опыта отличаются готовностью к самоизменению, стремлением к поиску смысла жизни, открытию нового знания [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Данная функциональная направленность рефлексии жизненного опыта обусловлена структурой биографической рефлексии – детерминацией личностной составляющей биографической рефлексии относительно других составляющих и регрессией общего фактора биографической рефлексии (в отличие от рефлексии жизненного пути, структура которой характеризуется линейной взаимосвязью между составляющими и детерминации со стороны общего фактора биографической рефлексии). Личностная составляющая – наделение смыслами поступков и событий жизни, осознание собственных личностных свойств, проявляющихся в событиях жизни, ретроспективное переживание жизни и пр. является структурообразующей в рефлексии жизненного опыта, определяя «высваивание» знаний из жизненного опыта.

В исследованиях М.В. Клементьевой была обнаружена тенденция обращения взрослых к рефлексии жизненного опыта в ситуациях, связанных с нарушением нормативной последовательности событий жизненного цикла. Автор описывает психологические особенности биографической рефлексии у психически здоровых людей, переживающих жизненные кризисы в ситуациях развода, жизни за границей, продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию, социальной изоляции и пр. [5; 7; 8]. Не имея возможности использовать те культурные ресурсы, которые стимулировали развитие на ранних этапах онтогенеза, взрослый человек в ситуации жизненных изменений обнаруживает новые источники смысла жизни с помощью биографической рефлексии. Психически здоровый взрослый человек «высваивает» знания о жизни из своего уникального жизненного опыта, испытывая жизненные затруднения.

В настоящем исследовании у нас была возможность изучить влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни, опосредованное *психическим здоровьем (на примере сравнения с результатами лиц, страдающих шизофренией)*.

Под шизофренией понимают полиморфное психическое расстройство, связанное с фундаментальной деформацией мыслительных процессов и эмоциональных реакций. Наряду с центральным когнитивным дефицитом при шизофрении нарушаются социальные навыки и снижается способ-

ность испытывать удовольствие от жизни. Расстройство когнитивных процессов затрудняет актуализацию продуктивных рефлексивных механизмов, усиливая дезадаптивные тенденции. Авторы отмечают эффективность когнитивной терапии в психологической реабилитации больных шизофренией, позволяющей восстановить когнитивный дефицит [14; 18]. Программы компенсации когнитивных и социальных дефицитов построены на стратегиях, актуализирующих рефлексивность в психотерапевтических ситуациях. Так, в результате рефлексивного обсуждения бредовых убеждений и поиска их альтернативных объяснений, осознания своих дефицитов больные были способны разработать новые стратегии совладания с болезнью [14].

В представленном ниже эмпирическом исследовании нас интересовал вопрос о различиях влияния биографической рефлексии в норме и патологии (на примере сравнения с результатами больных шизофренией).

Гипотезой исследования было предположение о том, что снижение осмысленности жизни у больных шизофренией частично объясняется более низким уровнем биографической рефлексии по сравнению со здоровыми людьми.

Объект исследования – биографическая рефлексия, а *предмет* исследования – тип биографической рефлексии.

Методика

Исследование проводилось на двух выборках. Первую выборку составили 50 пациентов (25 женщин и 25 мужчин) в возрасте от 17 до 40 лет, ведущим диагнозом которых была шизофрения. Исследование проводилось на базе «Научного центра психического здоровья» РАМН. Группу сравнения составили психически здоровые молодые и взрослые люди (N=50). Группа сравнения сопоставима с группой больных шизофренией по полу, возрасту и образовательному уровню и не имеет статистических различий (показатель $p > 0.05$).

Исследование проводилось с использованием авторской методики оценки биографической рефлексии [3; 6] и теста смысложизненных ориентаций [9]. Бланки методик заполнялись письменно.

Статистическую обработку данных мы проводили с помощью пакета статистических программ SPSSv.21 с модулем AMOS.

Нормальность статистики распределения показателей определялась с помощью одновыборочного теста Колмогорова-Смирнова при $p \geq 0.05$.

Оценка степени влияния показателей биографической рефлексии на смысложизненные ориентации осуществлялась с помощью линейной регрессии. Значимость регрессионной модели мы рассчитывали с помощью F-теста, а значимость предикторов в регрессионной модели – с помощью t-критерия. При значении $p \leq 0.05$ отмечалась значимость влияния. Выявление связей между показателями осуществлялась с использованием корре-

ляционного анализа (коэффициент Спирмена). При значении статистики $p \leq 0.05$ отмечалась линейная связь между показателями [12].

Степень соответствия теоретической модели биографической рефлексии экспериментальным данным в конфирматорном факторном анализе мы оценивали по критериям согласия: уровень значимости CMIN при $p > 0.05$; $CMIN/DF \leq 2.0$, $RMSEA \leq 0.05$, $CFI \geq 0.95$. При сравнении нескольких моделей мы использовали критерий информации AIC, где низкие значения указывают на сравнительно более хорошее соответствие [15].

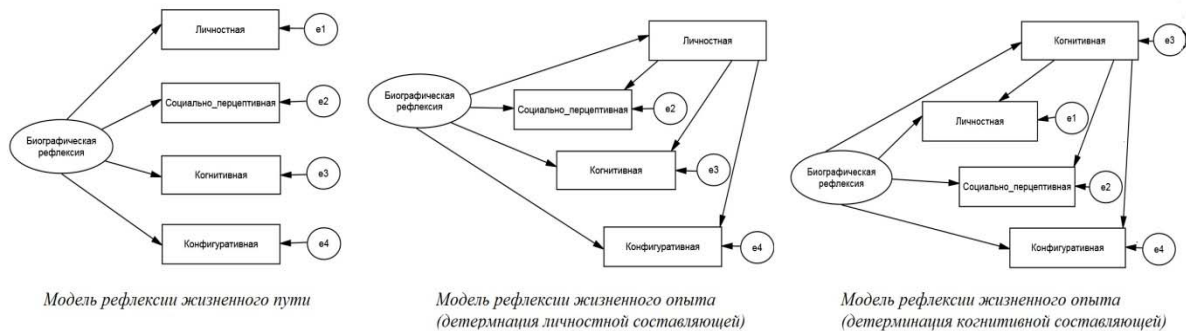

Рис. 1. Модели биографической рефлексии

На рисунке 1 показаны три модели биографической рефлексии, которые сравнивались с целью определения влияния переменной (психическое расстройство) на тип биографической рефлексии. Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация личностной составляющей) и модель рефлексии жизненного пути были апробированы в предыдущих исследованиях [3; 5; 7; 8]. Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация когнитивной составляющей) была разработана нами для данного исследования.

Результаты и их обсуждение

Распределение показателей биографической рефлексии и смысложизненных ориентаций в группе больных шизофренией не отличается от нормального по критерию Колмогорова-Смирнова ($p=0.23$ и $p=0.92$ соответственно). Распределение показателей биографической рефлексии и смысложизненных ориентаций в контрольной группе не отличается от нормального по критерию Колмогорова-Смирнова ($p=0.52$ и $p=0.98$ соответственно).

Были обнаружены значимые различия между группами. Так, больные шизофренией отличаются *меньшей осмысленностью жизни* (показатель $p \leq 0.01$) и более низким уровнем *анализа средств и действий рефлексии* (когнитивная составляющая биографической рефлексии; показатель $p < 0.001$), чем здоровые мужчины и женщины. У больных шизофренией

наблюдается тенденция к снижению общего показателя биографической рефлексии (показатель $p=0.051$).

В соответствии с ключом методики оценки биографической рефлексии для каждого испытуемого мы определили тип биографической рефлексии. На рис.2 показана статистика распределения частоты встречаемости типов биографической рефлексии (рефлексии жизненного опыта и рефлексии жизненного пути) в двух группах.

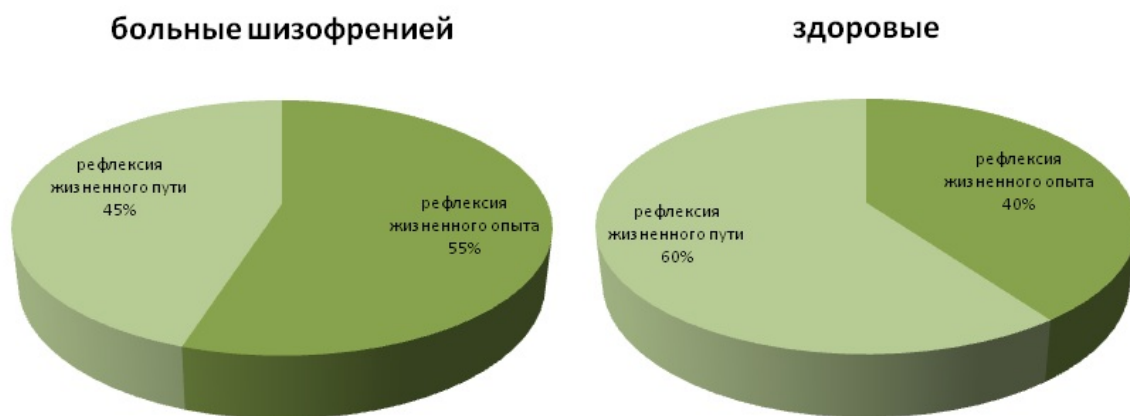

Рис. 2. Частота встречаемости типов биографической рефлексии в двух группах

Данные диаграмм, представленные на рисунке, демонстрируют тенденцию обращения к рефлексии жизненного опыта больных шизофренией и к рефлексии жизненного пути – здоровых людей. Поскольку процентное соотношение типов биографической рефлексии в представленных группах является лишь иллюстративным, с целью проверки зависимости типа биографической рефлексии от психического заболевания было проведено структурное моделирование.

Конфирматорный факторный анализ. В качестве актуальных переменных мы применяли шкалы методики оценки биографической рефлексии. Проверялась пригодность трех моделей биографической рефлексии для показателей участников двух групп.

Как мы видим из данных, представленных в табл. 1, модель рефлексии жизненного пути пригодна для интерпретации биографической рефлексии в контрольной группе здоровых участников. В группе больных шизофренией значения для модели рефлексии жизненного опыта (с регрессией к когнитивной составляющей) являются сравнительно лучшими, что указывает на большее соответствие эмпирических данных структурной модели. Сопоставляя с данными, полученными в других исследованиях биографической рефлексии [3; 4; 5; 6; 7; 8], мы можем отметить, что *психическое здоровье влияет на тип биографической рефлексии.*

Таблица 1

Результаты проверки пригодностей структурных моделей

Контрольная группа							
Модель	CMIN	DF	P	CMIN/D F	RMSEA	CFI	AIC
Модель рефлексии жизненного пути	2.9	1	0.06	2.9	0.07	0.95	21.9
Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация личностной составляющей)	22.6	2	0.00	11.3	0.33	0.65	46.6
Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация когнитивной составляющей)	16.03	2	0.00	8.02	0.28	0.76	32.0
Больные шизофренией							
Модель рефлексии жизненного пути	3.7	2	0.16	1.84	0.13	0.84	19.7
Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация личностной составляющей)	30.5	2	0.00	15.3	0.54	0.00	54.5
Модель рефлексии жизненного опыта (детерминация когнитивной составляющей)	1.05	2	0.59	0.53	0.000	1.0	17.1

Заболевание деформирует биографическую рефлексию, затрудняя осмысление и продуктивный самоанализ субъектом индивидуального опыта. Несмотря на то, что больные шизофренией рассказывают о событиях своей жизни, своих переживаниях, дисфункция мышления делает их неспособными к анализу и извлечению смыслов. У больных шизофренией биографическая рефлексия отличается детерминацией когнитивной составляющей относительно других составляющих в сочетании с отрицательной регрессии общего фактора биографической рефлексии. Поэтому низкий уровень когнитивной составляющей – анализа средств и действий рефлексии жизненного опыта – снижает биографическую рефлексию.

Корреляционный анализ показателей биографической рефлексии и смысложизненных ориентаций в группе больных шизофренией выявил следующие особенности. Были обнаружены положительные связи между общим показателем осмысленности жизни, шкалой Локус контроля-жизнь и биографической рефлексией и ее личностной составляющей (при $p \leq 0.03$).

В группе здоровых взрослых обнаружены значимые положительные связи между всеми шкалами теста СЖО и показателями биографической рефлексии, за исключением ее социально-перцептивной составляющей (при $p \leq 0.03$).

Различия в структуре линейных связей между показателями указывают на то, что взаимосвязь биографической рефлексии с осмысленностью жизни субъекта опосредуется *психическим здоровьем*. Очевидно снижение роли биографической рефлексии как механизма осмысленности жизни в группе больных шизофренией. Больные испытывают значительные трудности в рефлексии смысла жизни. Примечательным представляется отсутствие линейных связей между смысложизненными ориентациями и социально-перцептивной составляющей в контрольной группе участников. Статистическая независимость социально-перцептивной шкалы и шкал оценки смысложизненных ориентаций обусловлена измерением концептуально различных психических свойств – осознании значимости жизни другого и переживании значимости своей жизни здоровым взрослым человеком.

Регрессионный анализ. Обнаруженные различия в структуре линейных связей между показателями биографической рефлексии и осмысленности жизни обусловили необходимость проведения регрессионного анализа, который позволяет выявить каузальные связи между исследуемыми явлениями. В нашем исследовании задача стояла в выявлении тех показателей биографической рефлексии, которые являются предикторами осмысленности жизни больных шизофренией. В качестве зависимой переменной вступал общий показатель осмысленности жизни.

Результаты анализа, представленные в табл. 2, демонстрируют, что влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни больных шизофренией отсутствует. Однако личностная составляющая биографической рефлексии – осознанность жизненных задач и событий жизни – обнаруживает незначительное влияние на общую осмысленность жизни, объясняя около 7 % общей дисперсии.

Таблица 2

Регрессия общей осмысленности жизни к составляющим биографической рефлексии

Показатели биографической рефлексии	Данные регрессии
Личностная составляющая	$\beta = 0.32$; $t=2.1$ ($p=0.03$)
Социально-перцептивная составляющая	$\beta = - 0.11$; $t= - 0.74$ ($p=0.46$)
Когнитивная составляющая	$\beta = 0.15$; $t= 1.01$ ($p=0.31$)
Конфигуративная составляющая	$\beta = 0.07$; $t= 0.43$ ($p=0.64$)
Сводка для модели	$adR^2 = 0.04$; $F=1.57$ ($p=0.19$)

Таким образом, *влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни взрослых опосредовано психическим здоровьем субъекта рефлексии*. Значительное снижение роли биографической рефлексии в процессах поиска смысла жизни у больных шизофренией (при сравнении с результатами предыдущих исследований [5; 7; 8]) указывает на *деформацию рефлексивного механизма осмысления*. Эта деформация связана с регрессией биографической рефлексии к ее когнитивной составляющей, связанной с функцией анализа средств и действий рефлексии. Низкий уровень когнитивной составляющей не только снижает рефлексивность, но и не позволяет субъекту использовать рефлексивность в процессах осмысления жизненного опыта, что, в свою очередь, усиливает дезадаптивные тенденции.

Повышение влияния рефлексивного ресурса на осмысленность жизни в условиях психологической реабилитации больных шизофренией, на наш взгляд, может осуществляться средствами стимуляции когнитивной составляющей биографической рефлексии – анализа рефлексивных средств и действий. Только такой анализ жизненного опыта может повысить осмысленность жизни.

Выводы

Психическое заболевание, связанное с когнитивной дисфункцией психики, значительно снижает влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни. Больные шизофренией, испытывая когнитивный дефицит, не могут использовать рефлексивный механизм в процессах осмысления жизни. Психологическая реабилитация больных шизофренией может включать меры по стимуляции биографической рефлексии, анализу рефлексивных средств и действий.

Список литературы

1. Бородачева О.В. Исследование инструментального блока речевой компетентности в рассказах о себе // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 288-298.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2004.
3. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия в контексте психологического анализа. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. 156 с.
4. Клементьева М.В. Исследование взаимосвязи смысло-жизненных ориентаций и биографической рефлексии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 276-283.
5. Клементьева М.В. Исследование биографической рефлексии в ситуации жизненного кризиса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. С. 341-350.

6. Клементьева М.В. Разработка методики оценки биографической рефлексии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С.176-184.
7. Клементьева М.В. Событие развода в биографической рефлексии взрослых мужчин и женщин // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014.
8. Клементьева М.В. Исследование трудовой занятости в биографической рефлексии профессионала // Акмеология. 2014. № 2.
9. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
10. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 679 с.
11. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767с.
12. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.
13. Слободчиков В. И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 2000. 416 с.
14. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Программа тренинга когнитивных и социальных навыков (ТКСН) у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 4. Т. 17. С.67-77.
15. Brown T.A. Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. N.Y.: The Guilford Press, 2006. 493 p.
16. Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S. Rethinking Rumination // Perspectives on Psychological Science. 2008. 3 (5). P. 400-424.
17. Tornstam L. Gero-transcendence: A theoretical and empirical exploration. // In L. E. Thomas & S. A. Eisenhandler (Eds.), Aging and the religious dimension. London: Auburn House, 1994. P. 203-225.
18. Zimmermann G, Favrod J, Trieu VH, Pomini V The effect of cognitive behavioral treatment on the positive symptoms of schizophrenia spectrum disorders: a meta-analysis // Schizophrenia Research. 2005. 77 (1). P. 1–9. DOI:10.1016/j.schres.2005.02.018.

Клементьева Марина Владимировна, канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии, domadres@list.ru,

Кузнецова София Игоревна, психолог, domadres@list.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE BIOGRAPHICAL REFLECTION IN NORMAL AND PATHOLOGICAL CONDITIONS (BASED ON THE COMPARISON WITH THE RESULTS OF SCHIZOPHRENIA PATIENTS)

M.V. Klementyeva, S.I. Kuznezova

The authors examined the psychological circumstances of biographical reflection with schizophrenia patients. The correlations structure modeling indicated that the subscales of the "Biographical Reflection Test" were modeled with different solutions for mentally healthy and schizophrenia patients. The biographical reflection has an impact on the meaningfulness of life mainly via psychic health of people – the schizophrenics do not use the reflection in meaningfulness of life.

Key words: biographical reflection, meaningfulness of life, schizophrenia

*Klementyeva Marina Vladimirovna, PhD (Psychology), Associate Professor, [do-
madres@list.ru](mailto:domadres@list.ru), Russia, Tula, Tula State University.*

Kuznezova Sofia Igorevna, specialist, domadres@list.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 159.9

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОПОЗНАНИЯ
У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ**

И.Л.Фельдман

Рассматриваются некоторые аспекты личностного и профессионального самопознания, проводится анализ развития самопознания у студентов-медиков. Приводятся сравнительные результаты эмпирического исследования личностного и профессионального самопознания студентов- будущих врачей младших и старших курсов медицинского института ТулГУ.

Ключевые слова: личностное самопознание; профессиональное самопознание; эмпирическое исследование личностного самопознания, студенты- будущие врачи.

Одной из существенных проблем образования, на наш взгляд, является формирование необходимого уровня психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, где ведущее место должно занимать профессиональное самопознание. Как и для формирования любой другой структуры личности, для профессионального самопознания существуют свои сензитивные периоды. Одним из первых крупных периодов является время обучения в вузе. Именно в это время будущий специалист усваивает категориально-понятийный аппарат своей науки и приобретает необходимые знания и умения, позволяющие студенту осознавать свою некоторую принадлежность к профессиональному сообществу.

Мы полагаем, что на сегодняшний момент недостаточно изучена роль профессионального самопознания студентов в процессе формирования психологической готовности к профессиональной деятельности, их психолого-акмеологические резервы и потенциальные возможности. Недостаточно учитываются личностные качества, способность к выделению и учёту своего «Я» (как профессионала в том числе), наличие адекватного образа будущей профессиональной деятельности, способности к самоанализу, самоактуализации, саморазвитию, самопроектированию на этапе обучения в вузе. В этой связи представляет исследовательский интерес структура и содержание профессионального самопознания будущих специалистов как фактора формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Самопознание — это процесс познания себя, своих потенциальных и актуальных свойств, личностных и интеллектуальных особенностей, отношений с другими, поведенческих характеристик, осуществляемый как во внешнем, так и во внутреннем мире [10, с. 351].

В психологической литературе неоднократно подчеркивалась необходимость изучения наряду с общими принципами и закономерностями развития самопознания личности профессионального самопознания, т.е. осознания себя личностью в профессиональной деятельности (А.В.Захаров), в том числе в профессиональной деятельности специалиста (В.С.Агапов, Е.М. Боброва, С.В. Васьковская, В.Н. Козиев, Л.М. Митина, В.П. Саврасов) [1; 2; 3;4].

Специальные исследования регулятивной роли самопознания в сфере профессионального труда проводились такими отечественными психологами, как Ю.Н.Кулюткин (1983), Г.С.Сухобская (1984), В.Д.Шадриков (1996) и др., но сам термин «профессиональное самопознание» появился относительно недавно [6, с.23].

Профессиональное самопознание аккумулирует не только понимание и принятие условий и требований конкретной деятельности, определенного образца профессионального поведения и отношений, но и познание и осмысление своей роли, задач и возможностей в избранной сфере социальных взаимоотношений. Оно основано на процессе познания личностью себя как субъекта деятельности, результативную сторону которого составляют профессиональные аспекты «образа Я» [7; 8; 9; 10].

В отечественной психологии вопросы профессионального самопознания затрагивались также в исследованиях перцептивно-коммуникативных способностей личности. В работах этого направления конкретизируется идея о том, что знания о себе и других носят печать профессиональной сферы, в которой человек занят (А.А. Бодалев, О.Г. Кукосян, И.А. Вишняков, Л.Н. Суетова). Предполагается также, что уровень самопознания оказывает и обратное действие на профессиональную сферу, т.е. влияет на ре-

гуляцию и успешность профессиональных действий. Однако этот аспект проблемы исследован недостаточно [1; 6].

В своей работе мы используем определение, данное Н.Г. Рукавишниковой (1999): профессиональное самопознание - процесс постепенного осознания человеком особенностей собственной личности как субъекта профессиональной деятельности, результатом которого является формирование профессиональных аспектов «образа Я» [5, с.6].

Профессиональное самопознание - это сложный процесс, развернутый во времени, многоступенчатый и связанный с самыми разнообразными переживаниями. Его условно можно разделить на два уровня. На первом уровне самопознание осуществляется через различные формы соотнесения себя с другими людьми. На втором уровне субъект анализирует свои профессиональные успехи, соотнося их со своими собственными достижениями в прошлом. Оценивая себя и свои поступки с точки зрения других и самого себя, будущий специалист получает представление о своей сущности, своем «профессиональном Я». Через это социальное «зеркало» он усваивает свою профессию, совершенствует свое мастерство и познает себя как специалиста.

Экспериментальной базой исследования послужили студенты медицинского института ТулГУ. Выборку составили 60 учащихся обоего пола в возрасте 17 – 27 лет, из которых были сформированы две группы. Первая группа – это студенты, обучающиеся на младших курсах (I, II курсы), в количестве 30 человек. Вторую группу составили студенты старших курсов (IV – VI курсы) в количестве 30 человек.

Программа эмпирического исследования представлена следующими методиками:

1. Методика диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности (Карпов А.В.).
2. Методика диагностики профессионального самопознания врача (адаптированная нами).
3. Методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири).
4. «Шкала субъективного благополучия».
5. «Шкала базовых убеждений» (Р. Янов – Бульман).
6. Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич).
7. «Тест–опросник уровня субъективного контроля» (В. В. Баженов, Е.А. Голькина, А.М. Эткинд).
8. «Тест–опросник самоотношения» (В.В. Столин).

Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе тестирования по «Методике диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности» показал следующее.

Средний балл по методике диагностики рефлексивности в группе студентов, обучающихся на старших курсах (134,8) значительно превышает баллы, полученные студентами младших курсов (109,3).

Выделяют три вида рефлексии:

1) Ситуативная рефлексия - обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения человека в актуальной ситуации, способность субъекта соотносить свои действия с ситуацией и координировать их (полученные результаты практически одинаковы по всем курсам).

2) Ретроспективная рефлексия - склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий

3) Перспективная рефлексия - анализ предстоящей деятельности, поведения, планирование и прогнозирование своего поведения

У студентов старших курсов рефлексивность развита на среднем уровне. Это говорит о том, что учащимся хорошо удаётся воспринимать собственной психическое состояние и анализировать его, а также понимать состояние других людей, «вставать на место другого человека». Испытуемые этой группы способны контролировать свое поведение в актуальной ситуации, осмысливать, анализировать происходящее, соотносить свои действия с ситуацией и координировать их в соответствии с изменяющимися условиями и своим собственным состоянием. Также эти испытуемые склонны как к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и анализу свершившихся событий, так и к анализу предстоящей деятельности, поведения; планированию и прогнозированию вероятных исходов.

У студентов младших курсов рефлексивность развита на более низком уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что свойство рефлексивности возрастает к более старшим курсам и способствует процессу профессионального развития студента-медика. Это связано с тем, что студенты старших курсов благодаря полученным знаниям и накопленному за годы обучения практическому опыту в большей мере обнаруживают способность к содержательному анализу, рефлексии и планированию, более ответственно подходят к постановке диагноза и назначению лечения. Врач с высоким уровнем рефлексии умеет предвидеть, планировать на много ходов вперед, приводить к единому основанию самые противоречивые, внешне несходные, но внутренне родственные обстоятельства, соотносить построенную по предварительному замыслу программу действий с получаемыми результатами, анализировать свои личные, субъективные впечатления, находить в них общезначимое, объективное, давать адекватное клиническое истолкование своим представлениям. Совокупность этих умений делает из врача настоящего профессионала, мастера своего дела. Исходя из этого можно говорить о том, что в процессе профессионального обучения у студентов возрастает уровень выраженности такого свойства, как рефлексивность, которое, в свою очередь, способствует профессиональному развитию студента-медика.

Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе тестирования по адаптированной нами «Методике диагностики профессионального самопознания Н.Г. Рукавишниковой» показал следующее.

У студентов старших курсов результаты значительно выше, чем у студентов младших курсов по следующим шкалам:

«Осознание цели медицинской деятельности» (Процент положительных ответов 90,7 %- старшие, 78,1 % -младшие),

«Осознание мотивов выбора медицинской профессии» (ст.81,9 % - мл.71,1 %),

«Осознание мотивационного потенциала профессии» (ст.76 % - мл.65,4 %),

«Удовлетворенность успехами в овладении медицинской профессией» (ст.92,3 %- мл. 73,9 %).

Это означает, что студенты старших курсов значительно лучше, чем студенты младших курсов, понимают, каких результатов должен достигнуть врач в процессе лечения, а также они лучше осознают обязанности врача и те цели, к которым он должен двигаться. Можно сказать, что эти студенты четче осознают свои причины поступления в медицинский институт. Для студентов-старшекурсников имеет особое значение возможность помогать людям в решении проблем, а также удовлетворение таких высших человеческих потребностей, как потребность в росте, развитии и совершенствовании собственной личности. Важно подчеркнуть, что студенты-старшекурсники в большей мере удовлетворены своим профессиональным выбором и после окончания института планируют построить успешную карьеру по своей специальности, а также считают, что обладают качествами, необходимыми для успешной работы врача. У студентов младших курсов показатели по этой шкале значительно ниже. Это можно объяснить тем, что к более старшим курсам уровень профессиональной идентичности возрастает, студенты осознают себя в неразрывной связи со своей будущей профессией.

Также более высокий балл получен студентами старших курсов по шкале «Осознание динамики мотивов медицинской деятельности» (82,6 % - старшие курсы, 76,5 % - младшие курсы), однако разница не так значительна, как по вышеперечисленным шкалам. Это говорит о том, что отношение студентов-старшекурсников к себе как к будущему врачу улучшается, так как они понимают, что эта профессия им подходит, они убеждаются в правильности своего выбора, а так же в том, что профессия врача сможет удовлетворить практически все их потребности. У студентов младших курсов показатели по данной шкале ниже, что также может быть обусловлено тем, что они еще не успели постичь всей тонкости медицинской профессии и определить подходит ли она им в полной мере. Это свидетельствует о том, что студенты старших курсов в большей степени идентифицируют себя с будущей профессией, чем студенты младших курсов.

Студентами младших курсов были получены баллы, значительно превышающие баллы студентов старших курсов по шкалам:

-«Осознание социальной значимости медицинской профессии» (76,4 % - младшие, 59,8 % - старшие),

- «Осознание профессионального эталона» (77,6 % - младшие, 73,5 % - старшие).

Такие различия между группами можно объяснить тем, что взгляды студентов, обучающихся на младших курсах, отличаются некой романтизированнойностью. Для них большое значение имеет престиж профессии, её значимость для социума в целом. При этом негативные моменты либо отходят на второй план, либо не являются столь значимыми в свете того, сколько пользы приносит данная профессия. Студенты, находящиеся на данном этапе профессионального развития, характеризуются высокими уровневными показателями профессиональных и учебных мотивов, управляющими учебной деятельностью. Вместе с тем они идеализированы, так как обусловлены пониманием их общественного смысла, а не личностного. Студенты старших курсов, напротив, больше осознают специфику выбранной ими профессии, что связано в первую очередь с накопленными за годы обучения знаниями. Эти студенты обращают внимание в большей степени на саму суть профессии, в частности, на цели осуществляемой деятельности. Для них важную роль играет мотивационный потенциал профессии, который отражает меру наличных ресурсов человека в отношении к своей работе. Это также связано с тем, что на старших курсах студенты всё больше постигают техническую сторону выбранной профессии. Важно отметить, что студенты-старшекурсники больше идентифицируют себя с выбранной профессией и хотят построить успешную карьеру на данном поприще.

Студенты младших курсов считают свою будущую профессию одной из самых ответственных и важных в обществе, а личность самого врача значимой для пациента. Эти студенты считают настоящим такого врача, который может оказать грамотную, квалифицированную помощь, а также такого врача, который постоянно занимается самообразованием, совершенствованием своих знаний, опыта, собственной личности и деятельности. У студентов старших курсов показатели по этим шкалам значительно ниже. Это можно объяснить тем, что студенты, обучающиеся на младших курсах, еще не до конца осознают специфику профессии и в значительной мере идеализируют её, тогда как студенты-старшекурсники, уже успевшие столкнуться с суровой реальностью, оценивают свою будущую профессию несколько иначе.

Приблизительно одинаковые баллы получены студентами младших и старших курсов по шкале «Стремление к профессиональному самопознанию и саморазвитию» (71,92 % и 71,47 %). Эта шкала указывает на то, что студенты стремятся к познанию себя как врача, а также к развитию в себе

знаний, умений и качеств личности, которых им не хватает как будущим врачам. Отсутствие различий можно объяснить тем, что эта характеристика является, скорее индивидуальной и зависит, вероятно, от самого человека. Если для студента имеет значение собственное самопознания и личностный рост, то у него показатели по данной шкале будут находиться на высоком уровне, если же нет – показатели будут низкими.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на протяжении обучения в вузе взгляды студентов претерпевают существенные изменения, и что профессиональная идентификация возрастает к более старшим курсам и играет ведущую роль в профессионально-личностном развитии будущего специалиста.

По методике интерперсональной диагностики Т.Лири получены следующие результаты.

«Я- реальное»

Студенты младших курсов считают себя в большей степени, чем студенты старших курсов, дружелюбными и любезными со всеми, ориентированными на принятие и социальное одобрение, стремящимися удовлетворить требования всех, "быть хорошими" для всех без учета ситуации, ориентированными на цели микрогрупп, имеющими развитые механизмы вытеснения и подавления, эмоционально лабильными (истероидный тип характера), так же гиперответственными и способными принести в жертву свои интересы. У них преобладает стремление помочь и сострадать всем, порой даже навязчивость в своей помощи и большая активность по отношению к окружающим, принятие на себя ответственности за других. Студенты старших курсов в большей степени обладают такими качествами, как критичность, меньшая общительность, подозрительность и боязнь плохого отношения, замкнутость, скептичность, разочарованность в людях, скрытность.

«Я идеальное»

В идеальном образе «Я» студентов младших курсов более высокие баллы получены по шкалам «Дружелюбие» и «Альтруизм», а у студентов старших курсов по шкалам «Авторитарность», «Агрессивность» и «Подозрительность».

Студенты старших курсов в большей степени, чем студенты младших курсов, считают, что идеальный человек должен обладать такими качествами, как доминантность, энергичность, быть компетентным, авторитетным лидером, успешным в делах, любящим давать советы, требующим к себе уважения, при этом критичным, подозрительным и более скептичным и скрытным.

Идеальный образ врача

Студенты-медики младших курсов считают, что идеальный врач должен быть дружелюбным и любезным со всеми, ориентированным на принятие и социальное одобрение, стремящимся удовлетворить требования всех, "быть хорошим" для всех без учета ситуации, ориентированным на цели микрогрупп, имеющим развитые механизмы вытеснения и подавления, эмоционально лабильным, также гиперответственным и способным принести в жертву свои интересы, у него должны преобладать стремление помочь и сострадать всем, порой даже навязчивость в своей помощи и большая активность по отношению к окружающим, принятие на себя ответственности за других.

Студенты-медики старших курсов в большей степени, чем студенты младших курсов, считают, что идеальный врач должен обладать такими качествами, как критичность, авторитарность и агрессивность.

Наиболее существенные различия между шкалами «Я-реальное» и «Я-образ врача» у младшекурсников наблюдаются по октантам: эгоистичность, подчиняемость, дружелюбие и альтруизм. Студенты младших курсов считают, что такие свойства, как эгоизм и подчиняемость, у врача должны быть выражены меньше, чем у них, хороший врач должен быть ориентирован не только на себя, но и на пациентов, не должен быть расчетливым и себялюбивым, трудности он не должен перекладывать на окружающих, а так же быть хвастливым и заносчивым. Врач должен иметь собственное мнение, а не подчиняться воле других.

А дружелюбие и альтруизм, по мнению студентов младших курсов, должны быть выражены больше. Соответственно идеальный врач должен быть дружелюбным и любезным со всеми, ориентированным на принятие и социальное одобрение, стремящимся удовлетворить требования всех, "быть хорошим" для всех без учета ситуации, ориентированным на цели микрогрупп, имеющим развитые механизмы вытеснения и подавления, эмоционально лабильным (истероидный тип характера). К числу необходимых качеств относится гиперответственность, а также способность принести в жертву свои интересы, стремление помочь и сострадать всем, порой даже навязчивость в своей помощи и большая активность по отношению к окружающим, принятие на себя ответственности за других.

Существенных различий между шкалами «Я-реальное» и «Идеальный образ врача» у старшекурсников не обнаружено. Это говорит о том, что студенты старших курсов считают свой образ соответствующим образу врача, полностью идентифицируя себя с будущей профессией.

По методике «Шкала субъективного благополучия» мы получили, что студенты, обучающиеся на младших курсах, в целом удовлетворены жизнью, ощущают благополучие, вероятно, в их повседневной жизни положительные эмоциональные переживания преобладают над отрицательными. У студентов же старших курсов дело обстоит несколько иначе. Их

средний балл находится в диапазоне низких значений, соответственно можно сказать, что они, напротив, не удовлетворены сложившейся жизненной ситуацией и не ощущают благополучия, в повседневной жизни чаще преобладают отрицательные эмоции.

При оценке базовых убеждений мы видим, что студенты младших курсов, в отличие от студентов-старшекурсников, считают окружающих людей дружелюбными и отзывчивыми, готовыми прийти на помощь и выручить в трудной ситуации, а окружающий мир полным добра и гармонии. Мнение студентов, обучающихся на старших курсах, состоит в том, что мир не так уж хорош, и в нем больше зла, чем добра.

Студенты старших курсов более высокого мнения о себе, чем студенты младших курсов, они не имеют причин стыдиться своего характера. Студенты, обучающиеся на старших курсах, предпринимают более активные действия, дабы предотвратить какие-либо неприятные события и приблизить хорошие, чем студенты младших курсов. Они считают себя хорошими людьми, которые могут контролировать своё поведение.

Для студентов старших курсов наибольшее значение имеют следующие терминальные ценности: общественное признание, продуктивная жизнь, здоровье, развитие, хорошие и верные друзья, а также инструментальные ценности: независимость, ответственность, рационализм, эффективность в делах. А для студентов младших курсов преобладающие терминальные ценности - это активная деятельная жизнь, интересная работа, познание, уверенность в себе, хорошие и верные друзья, а инструментальные ценности - это жизнерадостность, образованность, широта взглядов, исполнительность, чуткость. Такие различия могут быть связаны с тем, что к старшим курсам система ценностей у студентов меняется, им необходимо проявлять всё больше и больше самостоятельности и ответственности, поэтому эти качества выходят на первый план.

Студенты старших курсов имеют значительно более высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, чем студенты младших курсов. Это связано с тем, что студенты вынуждены проявлять больше самостоятельности от курса к курсу.

Студентам-старшекурсникам значительно в большей мере, чем студентам младших курсов, присущи вера в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценка своих возможностей, умение контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимать самого себя.

У студентов младших курсов показатели по шкале самообвинения существенно превышают показатели студентов старших курсов. Это говорит о том, что студенты, обучающиеся на младших курсах в большей мере склонны винить себя в происходящих поступках, они знают все свои минусы и отрицательные черты собственной личности.

Взгляды студентов младших курсов и взгляды студентов старших курсов на собственную личность и на будущую профессию неодинаковы.

Это служит доказательством правомерности гипотезы о том, что в процессе обучения в вузе изменяется система ценностей и убеждений студентов-медиков - от ориентации на романтизм к ориентации на реализм и ответственность и что представления о будущей профессии также изменяются.

Список литературы

1. Агапов В.С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей: монография. М.: Изд-во ООО «ПКЦ Альтекс», 2012. 488 с.
2. Буянова С.М. Представление о себе в самоописаниях: введение в проблему // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. С.180-187.
3. Клементьева М.В. Теоретико-методологический смысл понятия «ресурс развития» взрослого человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. Вып. 2. С.326-336.
4. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 256 с.
5. Рукавишников Н.Г. Профессиональное самопознание студентов педагогического вуза: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 202 с.
6. Фельдман И.Л., Агапов В.С., Шайденкова Т.Н. Профессиональное самопознание педагога: монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2010. 152 с.
7. Фельдман И.Л. Функции самопознания персонала в структуре социального капитала // Вестник МГАДА. М.: МГАДА, 2012. № 3(15). С.54-58.
8. Фельдман И.Л. Критерии, показатели и уровни развития профессионального самопознания в структуре Я-концепции педагога // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. Вып. 1. С. 281-289.
9. Фельдман И.Л. Особенности профессионального становления студента-медика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. Вып. 1. С.404-412.
10. Фельдман И.Л. Особенности развития личностного и профессионального самопознания у студентов-психологов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. Вып. 4. С.351-363.

Фельдман Инесса Леонидовна, канд. психол. наук, доц., доцент кафедры психологии, inessa-feldman@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-KNOWLEDGE OF FUTURE MEDICAL WORKERS

I.L. Feldman

This article reveals some aspects of personal and professional self-knowledge and analyzes the evolution of self-knowledge among medical students. The author reports the comparative results of the empirical study of personal and professional self-knowledge among future medical workers, junior and senior undergraduate students of the Medical School of Tula State University.

Key words: personal self-knowledge, professional self-knowledge, empirical study of personal self-knowledge, students – future medical workers

Feldman Inessa Leonidovna, PhD (Psychology), Associate Professor, inessa-feldman@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОНФЕРЕНЦИЯ В ФОРМАТЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИИ

В.И. Иванова, И.В. Тивьяева

Обоснована востребованность участия российских исследователей в международной научной коммуникации. Изложены преимущества интернет-конференции как одной из форм обмена научной информацией.

Ключевые слова: научная коммуникация, научный дискурс, коммуникативная компетентность, результаты исследования, научно-исследовательская статья.

Объективной реальностью развития мирового сообщества в настоящее время является формирование глобальной научно-образовательной среды. Интеграционные процессы, протекающие во всех сферах общественной жизни, оказываются сегодня чрезвычайно существенными для развития отдельных регионов, стран и всего человечества. Они, как ответная реакция на реалии современного мира, проявляются в разных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях. Переход к информационной цивилизации поставил перед человечеством проблему духовного, научного, культурного и нравственного единения.

Многочисленные значимые научные результаты, а также высокое качество проводимых сегодня исследовательских работ являются вкладом нашей страны в формирование глобальной научно-образовательной среды. В отечественной системе высшего образования принцип неразрывности учебного и научного процессов, установка на фундаментальность образования, акцент на самостоятельную научно-исследовательскую работу студентов на уровне аспирантской подготовки являются теми преимуществами и достижениями, которые вызывают признание европейских структур.

Следует заметить, что в различных международных рейтингах, отражающих как образовательные, так и научные успехи государств, Россия не входит в число лидеров, значительно уступая по многим параметрам таким сильным соперникам, как США и Китай. Такое положение дел связано в первую очередь не со скромными успехами отечественных ученых, а с тем фактом, что российская наука практически не представлена на международной арене. Причин тому несколько.

Во-первых, рабочим языком научной коммуникации является английский язык. Владение им на высоком уровне может обеспечить возможность свободного участия в научных сообществах. К сожалению, базовая иноязычная подготовка (школа, курс иностранного языка в университете) не формирует в должной мере готовность студента, аспиранта к осуществлению международной научной коммуникации, как устной, так и письменной.

Во-вторых, даже для исследователей, владеющих английским языком, возникает следующий вопрос: «Каким образом представить мировому сообществу результаты своих исследований?». Не секрет, что в эпоху железного занавеса широкая популяризация и обсуждение отечественных научных разработок на международном уровне не ставились в число приоритетных задач. Соответственно у некоторых российских исследователей до сих пор не вошло в привычку перманентное участие в международной научной дискуссии в своей предметной области, в то время как для западных учёных подобный формат: открытость, обсуждение идей, дискутирование, поиски совместных решений и т.д. - является неотъемлемой частью их работы. Важность участия в подобных формах научной коммуникации для того, чтобы быть в курсе развития мировой науки, всё больше осознаётся и в нашей стране. Одна из приоритетных задач, стоящих перед российским научным сообществом сегодня, заключается в презентации своих разработок, доведении их до сведения зарубежных коллег.

Традиционное первенство среди способов трансляции научного знания принадлежит научно-исследовательской статье (research article). Причины доминирования статьи над другими жанрами научного дискурса К. Хайленд видит в первую очередь в значимости для научного сообщества практики независимого рецензирования, которому в обязательном порядке подвергаются статьи в авторитетных научных изданиях, а также связывает с общим престижем, ассоциирующимся с данной формой научного дискурса [1].

Эффективность статьи как формы репрезентации научных результатов проверена не одним поколением исследователей, однако время диктует новые требования, и в эпоху информационных технологий немалая роль отводится, во-первых, оперативности подачи информации и, во-вторых, ее доступности для потенциальной аудитории. К сожалению, приходится констатировать, что по этим двум параметрам традиционная ста-

тья в журнале не является оптимальной формой научной коммуникации. Процесс представления рукописи к публикации в авторитетном журнале может занять до полутора лет, и даже после выхода в свет соответствующего выпуска доступ к нему с высокой степенью вероятности будет платным или открытым только для подписчиков.

В настоящее время наиболее эффективным инструментом популяризации результатов научных исследований и признаком их открытости для международного сообщества является индексация соответствующих статей, тезисов выступлений, отчетов или монографий в международных базах данных, что на текущий момент для большинства российских исследователей сопряжено с определенными трудностями как общеметодологического, так и лингвистического характера.

Указанные факторы, на наш взгляд, являются серьезными препятствиями на пути интеграции современной российской науки в науку мировую и требуют пересмотра существующих практик ведения исследовательской деятельности и обнародования ее результатов. Возможное решение языковых проблем мы видим в необходимости развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности аспирантов и научных работников (подробнее об этом см. [2]). Что же касается проблемы доступности научной информации, оперативности ее распространения и актуализации, то поиски путей решения, а также потребность в профессиональном общении с коллегами из других стран способствуют развитию новых форм научной коммуникации, одной из которых является интернет-конференция.

Научная дискуссия в формате интернет-конференции проводится кафедрой лингвистики и перевода Тульского государственного университета ежегодно начиная с 2012 г. и за этот период продемонстрировала свою эффективность в качестве площадки для профессионального общения исследователей-лингвистов и методистов. Формат интернет-конференции пока еще мало знаком большинству отечественных ученых, однако его преимущества перед традиционными формами трансляции научного знания очевидны. Используя современные технологии коммуникации, исследователь получает возможность не только поделиться теоретико-методическими разработками, но и обсудить широкий круг вопросов в режиме онлайн. Опубликованная рукопись автоматически становится доступной для всех пользователей сети Интернет.

Научная коммуникация в таком формате осуществляется посредством обсуждения докладов участников в рамках форума, что, во-первых, функционально соотносится с традиционной процедурой рецензирования (peer-review), однако в отличие от последней проходит в открытой форме и с большей оперативностью; во-вторых, допускает возможность участия исследователей из любой точки мира без каких-либо материальных затрат, связанных с проездом к месту проведения мероприятия и оплатой прожи-

вания, и без отрыва от рабочего процесса; в-третьих, не накладывает ограничений на время или форму представления доклада; в-четвертых, позволяет максимально приблизить онлайн-дискуссию к конференциям, проводимым в очной форме.

Основным критерием научно-практической значимости докладов, представленных участниками интернет-конференции, так же, как и на других интернет-ресурсах, предназначенных для исследователей, является количество просмотров. Участниками III научно-практической интернет-конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков» в общей сложности было представлено 45 докладов, из них 10 докладов собрали более 100 просмотров в первые недели после открытия конференции.

Еще один параметр, позволяющий оценить степень интереса со стороны коллег к представленному докладу, связан с количеством и характером вопросов и комментариев, адресованных автору доклада. Возможность обсуждения сообщений участников конференции в рамках форума позволила максимально приблизить данное мероприятие к конференциям, проводимым в очной форме. Желающие могли принять участие в дискуссии, задать любые интересующие вопросы по обсуждаемой проблематике, высказать свою точку зрения, выступить с собственным кратким сообщением. О популярности интернет-конференции говорит всё возрастающее количество её участников и расширяющаяся география. Так, если в первой конференции (2012 г.) участвовали 25 человек, из них 2 зарубежных исследователя, то в 2014 г. количество участников выросло до 49, и участие в работе приняли зарубежные коллеги из Австралии, Беларуси, Ботсваны, Германии, Казахстана, Пакистана, Туниса, Украины и Франции.

Несомненным преимуществом подобной формы научной коммуникации является то, что представленные доклады размещаются на сайте конференции и остаются там продолжительное время. Желающие присоединиться к участию в конференции, проходящей ежегодно, как правило хотят ознакомиться с тематикой предыдущих докладов, чтобы иметь более широкое представление о тематической направленности научного форума. Сделать это в формате интернет-конференции с выложенными в открытый доступ публикациями и обсуждениями может бесплатно любой желающий в удобное для себя время. Доклады участников конференции доступны для исследователей и переводчиков-практиков из любой точки мира.

Противники подобной формы научной коммуникации сетуют на отсутствие межличностного взаимодействия, прямых человеческих контактов. Этот момент можно признать в определённой мере недочётом интернет-конференций. Но быстрота связи, отсутствие жёстких временных рамок, а также значительных материальных расходов, несомненно, являются здесь положительными моментами.

Таким образом, опыт проведения интернет-конференции кафедрой лингвистики и перевода ТулГУ позволяет сделать вывод о перспективности и востребованности научных дебатов в подобном формате, т.к. он позволяет осуществлять плодотворную научную коммуникацию между исследователями. Технологические изменения в способах и каналах трансляции информации дают основания утверждать, что в формат научно-исследовательской интернет-конференции не только позволяет обеспечить открытый доступ к полученным результатам исследований в максимально сжатые сроки, но и предоставляет учёным разных стран оперативные возможности для обсуждения научных разработок и сотрудничества.

Список литературы

1. Hyland K. Academic Discourse. English in a Global Context. Continuum International Publishing Group, 2009. 215 p.
2. Иванова В.И., Тивьяева И.В., Евсина М.В. Англоязычная научная коммуникация как инструмент презентации результатов исследований // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.4. 2013. С. 583-589.

Иванова Виктория Ивановна, д-р пед. наук, доц., зав. кафедрой, kafedralip@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

Тивьяева Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доц., tivyaeva@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

EVOLUTION OF ACADEMIC COMMUNICATION FORMS: ON THE EXPERIENCE OF CONDUCTING SCIENTIFIC CONFERENCE IN THE FORM OF INTERNET-BASED DISCUSSION

V.I. Ivanova, I.V. Tivyaeva

The article proves the need for Russian researchers to take part in international scientific communication. It states the advantages of a virtual conference as a form of exchange of scientific information.

Key words: academic communication, academic discourse, communicative competence, scientific research results, research paper.

Ivanova Victoria Ivanovna, Doctor of Education Sciences, Professor, Head of Department of Linguistics and Translation Studies, kafedralip@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

Tivyaeva Irina Vladimirovna, PhD (Philology), Associate Professor, tivyaeva@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University.

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ РКИ (ДОВУЗОВСКИЙ ЭТАП)

Л.В. Гириная, В.В.Мокашов, Н.М.Румянцева

Посвящена проблеме измерения знаний учащихся на основе балльно-рейтинговой системы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, оценка знаний учащихся, балльно-рейтинговая система, поэтапный и итоговый контроль.

Начиная с 90-х годов XX в., в нашей стране осуществляется широкая модернизация российской системы образования, направленная на ее демократизацию и развитие в качестве открытой государственно-общественной системы.

«Процесс интеграции российских университетов в международное образовательное пространство требует осуществления ряда реформ в Российском высшем образовании. Модернизация высшего образования будет успешна только в том случае, если будут учтены интересы многих факторов и условий, ориентированных на повышение качества подготовки специалиста, если произойдет переосмысление целей образования и способов отражения их в конечном результате» [2].

Реализацией проекта стало присоединение России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г., позволяющему интеграцию в общеевропейскую систему высшего профессионального образования на основе единых образовательных стандартов.

Болонским процессом принято называть процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Инициаторами Болонского процесса выступили в 1998 году министры образования Франции, Германии, Италии и Великобритании. Официальной датой начала процесса принято считать 19 июня 1999 года, когда в Болонье (Италия) министрами образования 29 европейских стран была подписана декларация "Зона европейского высшего образования", иначе Болонская декларация. Провозвестниками Болонской декларации обычно – и по праву – считают Великую хартию университетов (Болонья, 1988) и Сорбоннскую декларацию (Париж, 1998). В настоящее время Болонский процесс объединяет 47 стран. Болонский процесс открыт для присоединения других стран.

Основными целями Болонского процесса были провозглашены:

построение европейской зоны высшего образования как ключевого направления развития мобильности граждан с возможностью трудоустройства;

формирование и укрепление интеллектуального, культурного, социального и научно-технического потенциала Европы; повышение престижности в мире европейской высшей школы;

обеспечение конкурентоспособности европейских вузов с другими системами образования в борьбе за студентов, деньги, влияние; достижение большей совместимости и сопоставимости национальных систем высшего образования; повышение качества образования;

повышение централизующей роли университетов в развитии европейских культурных ценностей, в которой университеты рассматриваются как носители европейского сознания.

Единое образовательное пространство должно позволить национальным системам образования европейских стран взять всё лучшее, что есть у партнёров, за счёт повышения мобильности студентов, преподавателей, управленческого персонала, укрепления связей и сотрудничества между вузами Европы и т. д., в результате чего единая Европа приобретёт большую привлекательность на мировом образовательном рынке.

Для обеспечения гармонизации, в свою очередь, системы высшего образования должны стать прозрачными, максимально сопоставимыми, что может быть достигнуто за счёт широкого распространения однотипных образовательных циклов (бакалавриат - магистратура), введения единых или легко поддающихся пересчёту систем образовательных кредитов (зачётных единиц), одинаковых форм фиксирования получаемых квалификаций, взаимного признания академических квалификаций, развитых структур обеспечения качества подготовки специалистов и т. д.

Подобная стратегия обеспечивает мобильность студенческого и преподавательского состава, давая право выбора оптимального по запросам и качеству образовательного центра.

Российскую высшую школу отличает фундаментальный характер образовательных программ. Воспользоваться этим преимуществом можно только при активном участии в построении общеевропейской системы. В сентябре 2003 года на Берлинской конференции министров образования стран - участниц Болонского процесса, к тому времени уже 33, Российская Федерация в лице министра образования РФ В.М. Филиппова поставила свою подпись под Болонской декларацией, тем самым обязавшись *воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса в Российскую систему высшего образования.*

Перед высшими учебными заведениями России, готовыми реализовать принципы Болонской декларации, стоят задачи: проведения глубокого анализа собственных образовательных программ с точки зрения их гибкости, совместимости с европейским рынком труда, сопоставимости осваиваемых умений и навыков и присваиваемых квалификаций; создания максимальных возможностей для свободной мобильности студентов, преподавателей и выпускников средней ступени образования, что предполагает и

более углубленное изучение иностранных языков; разработок однородной структуры образовательных программ и дисциплин, а также введения накопительной системы трудоёмкости зачётных единиц, основанной на ECTS (European Credit Transfer System), и соглашения о принципах признания зачётных единиц, полученных учащимися в другом вузе.

Учреждение кредитной системы по ECTS является одной из важнейших задач, стоящих перед высшими учебными заведениями России. Кредитами в ECTS называются условные единицы, в которых определяется объем образования. За каждой такой единицей стоит определенное количество освоенных понятий, связей между понятиями, а также полученных навыков; иными словами, наработанные навыки, то есть общая трудоёмкость полученных знаний и умений, включая самостоятельную работу студентов и сдачу ими промежуточных и итоговых экзаменов, другие виды учебной работы.

Рекомендуется единая европейская шестибалльная система оценок:

A – "отлично", в диапазоне 95 - 100 баллов.

B – "очень хорошо", в диапазоне 86 - 94 балла.

C – "хорошо", в диапазоне 69 - 85 баллов.

D – "удовлетворительно", в диапазоне 61 - 68 баллов.

E – "посредственно", в диапазоне 51 - 60 баллов.

F (FX) - "неудовлетворительно", в диапазоне 0 - 50 баллов.

Кредиты отражают трудоёмкость процесса, требующегося для завершения каждого курса по отношению к общему объему работы, необходимого для усвоения программы одного учебного года в университете, включая лекции, семинары, практические занятия, самостоятельную работу, экзамены и тесты.

За последние годы в России значительно расширилось количество вузов, использующих модульно-рейтинговую систему организации учебного процесса на основе зачётных единиц трудоёмкости учебных дисциплин; разработана методика расчёта зачётных единиц с учётом особенностей российской системы образования. Следует отметить, что в первой тройке российских вузов, принявших общеевропейские образовательные стандарты, сформулированные в Болонской декларации, был Российский университет дружбы народов (РУДН) (наряду с Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ) и Московским государственным институтом международных отношений (МГИМО)). Вслед за бакалавриатом и магистратурой согласно положениям Болонской декларации в РУДН активно вводится и единая европейская система оценок ECTS.

В 2013 году в РУДН издано и утверждено Приказом ректора «Положение о балльно-рейтинговой системе оценки качества освоения основных образовательных программ», разработанное в соответствии с нормативными документами об образовании в Российской Федерации, Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «О реализации

положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации», «Методическими рекомендациями к разработке рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов», а также Уставом РУДН и «Положением о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации студентов РУДН».

Как указывают Е.Е. Атлас и Б.Е. Ильющенко, «разработка норм в области политики контроля и оценки образовательной деятельности в рамках глобальной реформы системы образования в России являются необходимой основой для создания единого педагогического пространства, обеспечивающего единый уровень общего образования, получаемого выпускниками в разных типах образовательных учреждений. Перед всеми участниками образовательного процесса стоит проблема повышения качества образования, его адаптации к новым стандартам» [1].

«Положение о балльно-рейтинговой системе оценки качества освоения основных образовательных программ» устанавливает шкалу оценок, основные принципы и правила её применения для оценки качества освоения/усвоения основных образовательных программ при проведении текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации студентов. Как указано в Положении, «Балльно-рейтинговая система РУДН является единой для всех учебных подразделений Университета, реализующих основные образовательные программы высшего профессионального образования всех уровней» [7].

«Система оценок» согласно Положению «основана на шкале 100 баллов и является накопительной. Баллы за освоение учебных дисциплин, практик и других элементов образовательной программы накапливаются обучающимися в процессе учебных занятий, текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации в течение учебного семестра. Максимальная оценка за дисциплину (её раздел), изучаемую в течение одного семестра, составляет 100 баллов, вне зависимости от её объёма» [7].

В Положении указывается, что «при подведении итогов семестровой промежуточной аттестации баллы, накопленные студентом (по итогам семестра и за аттестационные испытания), переводятся в традиционную оценку по четырёхбалльной шкале (неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо, отлично) и в оценку ECTS (A, B, C, D, E, FX, X). Оценки «неудовлетворительно», «FX» и «F» в зачетную книжку не проставляются» [7].

В соответствии с «Положением о балльно-рейтинговой системе оценки качества освоения основных образовательных программ РУДН» на кафедре русского языка № 3 факультета иностранных языков и общеобразовательных дисциплин РУДН разработаны «Учебно-календарные планы и балльно-рейтинговая система оценки знаний учащихся по фонетическому практикуму и грамматике русского языка для студентов гуманитарных специальностей. (Общее владение. Элементарный и Базовый уровни)».

Указанная балльно-рейтинговая система построена из расчёта 100 баллов, накапливаемых за период обучения в первом семестре и во время итогового контроля за первый семестр, который включает в себя *зачёт по фонетике, тестирование, контрольную работу по грамматике, изложение и устный экзамен*.

В период обучения баллы начисляются во время поэтапного контроля за выполненные студентами работы различного рода: *контрольную работу, изложение, рассказ по теме или пересказ текста*. Все виды контроля проводятся в соответствии с учебным материалом, предлагаемым для изучения в учебно-календарных планах и составленным в соответствии с Программой по русскому языку как иностранному (Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень.) [6] и Государственным образовательным стандартам по русскому языку как иностранному (Элементарный и Базовый уровни. Общее владение) [3, 4], что предполагает обучение иностранных учащихся в первом семестре довузовского этапа обучения (18 - 20 недель). Проверка знаний ведётся на базе разработанных на кафедре соответствующих материалов.

В оценке учебной деятельности указываются неделя реализации определённого вида контроля, материалы выносимых на контроль уроков и отведенное на контроль время. Полученные данные представлены через перевод традиционной системы оценок в форму балльно-рейтинговых показателей цифрового наполнения с последующим переходом на буквенную символику. Количество начисляемых баллов в большинстве случаев аналогично привычной для преподавателей системе оценок, т.е. за традиционную «пятерку» начисляется 5 баллов, за «четвёрку» - 4, за «тройку» - 3, однако за «двойку» - 0 баллов.

Контроль видов устной коммуникации, например, *рассказа по теме* или *пересказа текста*, оценивается меньшим количеством баллов, за исполнение которых в качестве максимальной оценки приняты только 3 балла, равные традиционному «отлично», оценка «хорошо» - это 2 балла, оценка «удовлетворительно» - 1 балл, а оценка «2» приравнивается к 0 баллов.

За более важные и сложные виды работ, напротив, начисляется большее количество баллов. Например, при выставлении баллов за *итоговое изложение* или *устный экзамен* при существующей традиционной оценке «5» выставляется 10 баллов, при оценке «4» - 8 баллов, при оценке «3» - 6 баллов, а при оценке «2» - 0 баллов.

Учебно-календарный план и практика работы предлагают проведение поэтапного контроля по русскому языку (общее владение) на 3-й, 6-й, 11-й, 16-й, 17-й, 18-й неделях.

Обычно предлагаются *контрольные работы*, материал которых соответствует пройденной программе по РКИ, Государственным образовательным стандартам по русскому языку как иностранному (Элементарный

и Базовый уровни. Общее владение) и учебно-календарным планам, а также такие виды заданий, как *пересказ текста, рассказ по теме и письменное изложение*.

В качестве иллюстрации предлагаем фрагмент поэтапного контроля (Элементарный уровень) - табл. 1:

Таблица 1

**Фрагмент поэтапного контроля
(Элементарный уровень)**

Время контроля и номер урока	Вид контролируемой работы	Оценка	Количество баллов
Третья неделя. Уроки 1-6	<u>Контрольная работа № 1.</u>	5	5
	Вводно-фонетический курс (письменная и устная формы)	4	4
	Вводный лексико-грамматический курс:	3	3
	- Мужской, женский, средний род имён существительных в именительном падеже. Единственное, множественное число имён существительных в именительном падеже. Согласование имён прилагательных с именами существительными в роде, числе в именительном падеже. Спряжение глаголов НСВ в настоящем времени.	2	0
Шестая неделя. Уроки 7-11	<u>Контрольная работа № 2.</u>	5	5
	- Именительный, родительный, винительный, предложный, падежи имён существительных, местоимений в единственном числе.	4	4
	- Настоящее, прошедшее, будущее время глаголов НСВ.	3	3
	- Глаголы движения идти, ехать, поехать, ходить, ездить, прийти, приехать.	2	0
Одиннадцатая неделя. Уроки 12 -16	<u>Контрольная работа № 3.</u>	5	5
	- Глаголы НСВ и СВ («процесс- результат», «многократность- однократность действия»).	4	4
	- Прошедшее, будущее время глаголов СВ.	3	3
	- Именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный падежи имён существительных, местоимений в единственном числе.	2	0

Окончание табл. 1.

Время контроля и номер урока	Вид контролируемой работы	Оценка	Количество баллов
Одиннадцатая неделя. Уроки 12 -16	- Глаголы движения идти, ехать, пойти, поехать, ходить, ездить, прийти, приехать.		
	Рассказ по теме: «Рассказ о себе (о семье, об учебе, об интересах)»	5	3
		4	2
		3	1
		2	0

Элементарный уровень: учебное пособие/ Н.И. Соболева [и др.]. Прогресс.

Содержание контроля за первый семестр, состоящего из **зачёта по фонетике, частичного тестирования по определенным субтестам, контрольной работы по грамматике и изложения**, проводится на 19-й неделе обучения в первом семестре, а **устный экзамен** на 20-й неделе. Виды предлагаемых работ и их оценка представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Итоговый контроль учебной деятельности
(девятнадцатая неделя)**

Вид контроля		Кол-во часов	Оценка	Кол-во баллов
Зачет по фонетике:	1.Письменная работа.	2	5	3
			4	2
			3	1
			2	0
	2.Устная часть.	3	5	3
			4	2
			3	1
			2	0
Тесты.	1	5	4	
		4	3	
		3	2	
		2	0	
Контрольная работа по грамматике.	4	5	5	
		4	4	
		3	3	
		2	0	
Изложение.	4	5	10	
		4	8	
		3	6	
		2	0	
Двадцатая неделя				
Вид контроля		Кол-во часов	Оценка	Кол-во баллов
Устный экзамен.	30 минут на студента.	5	10	
		4	8	
		3	6	
		2	0	

Учебно-организационный контроль отражает отношение учащихся к учебной деятельности на основе показателей: *посещение занятий* – максимум 10 баллов за семестр и *выполнение домашних заданий* – также максимум 10 баллов за семестр.

Внедрение балльно-рейтинговой системы в стратегию обучения иностранных учащихся на этапе довузовского обучения имеет большое практическое значение в плане психологической адаптации к учебно-организационной деятельности будущих студентов, постигающих не только сложный мир русского языка, но и не менее важный мир оценки приобретаемых знаний, позволяющий объективно подойти к пониманию своих возможностей, способностей и перспектив.

Список литературы

1. Атлас Е.Е., Ильющенко Б.Е. Применение методов системного анализа к оценке качества преподавания клинических дисциплин и выработке управленческого решения по их устранению. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. Вып. 3. Ч. 2. С. 3-8.

2. Атлас Е.Е., Ильющенко Б.Е. Современные тенденции повышения качества подготовки специалиста в вузе. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. Вып. 3. Ч. 2. С. 8-13.

3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. М.; СПб.: Изд-во «Златоуст», 2001.

4. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. М.; СПб.: Изд-во «Златоуст», 2001.

5. Методические рекомендации к разработке рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов, утвержденные приказом Министерства образования от 11. 07. 2002 г. № 2654.

6. Общеобразовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: Изд-во РУДН, 2001.

7. Положение о Балльно-рейтинговой системе оценки качества освоения основных образовательных программ. М.: РУДН, 2013.

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации» от 15. 02. 2005 г. № 40.

9. Сборник контрольных работ по грамматике для студентов гуманитарных специальностей ФИЯ и ОД (1-й и 2-й семестры). М.: РУДН, 2005.

10. Учебно-календарные планы и балльно-рейтинговая система оценки знаний учащихся. Фонетический практикум. Грамматика русского

языка. Гуманитарные специальности. Общее владение. Элементарный и базовый уровни. М.: РУДН, 2013.

Гиринская Людмила Владимировна, канд. филол. наук, доц., naedinesovsemi@mail.ru, Россия, Москва, Российский университет дружбы народов.

Мокашов Виталий Владимирович, канд. филол. наук, ст. преподаватель, vitasmart@mail.ru, Россия, Москва, Российский университет дружбы народов.

Румянцева Наталья Михайловна, д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой, kafedra@inbox.ru, Россия, Москва, Российский университет дружбы народов.

*ON THE PROBLEM OF INTRODUCTION OF SCALE SYSTEM
IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(PRE-UNIVERSITY STAGE)*

L.V. Girinskaya, V.V. Mokashov, N.M. Rummyantseva

The article is devoted to the problem of measuring knowledge of students on the basis of scale system.

Key words: Russian as a foreign language, assessment of students' knowledge, scale system, phased and final control.

Girinskaya Lyudmila Vladimirovna, PhD (Philology), Associate Professor, naedinesovsemi@mail.ru, Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia.

Mokashov Vitaly Vladimirovich, PhD (Philology), Senior Lecturer, vitasmart@mail.ru, Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia.

Rummyantseva Natalya Mikhaylovna, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Head of Department, kafedra@inbox.ru, Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia.

УДК 811.161.1

**ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ –
ЗНАЧИМЫЙ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Л.А. Константинова, Е.В. Пронина

Обосновано применение такого принципа обучения русскому языку, как гармонизация межнациональных отношений. Рассмотрена реализация данного актуального дидактического принципа в учебной и научно-методической работе кафедры русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания, принципы обучения, толерантность, межкультурная компетентность, гармонизация межнациональных отношений, учебное пособие.

«Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундамен-

тальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие, – заявил Президент России Владимир Путин в программной статье «Россия: национальный вопрос». – Огромная роль здесь принадлежит образованию. Гражданская задача образования, системы просвещения – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур» [1].

Таким образом, на современном этапе развития общества резко возрастает культуuroобразующая функция образования, которое из способа просвещения должно превратиться в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нём.

Как справедливо отмечает профессор А. Л. Бердичевский, «в связи с культуuroобразующей концепцией обучения иностранным и русскому языку, в частности, в настоящее время <необходимо говорить> о коммуникативной ориентации учебного процесса. Результатом обучения иностранному языку должна быть не только и не столько коммуникативная компетенция, сколько социальная компетенция, а сам процесс обучения иностранному языку должен превратиться в межкультурное обучение, в «обучение пониманию чужого» направленное на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов и воспитанию толерантности в отношении представителей других культур» [2].

Проблема «воспитание толерантности» означена как глобальная проблема и общемировая цель гармонизации международных отношений. В Декларации принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. В Декларации звучит современное понимание этого понятия, а именно: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности... Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижения мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [3].

Кафедра русского языка Центра довузовской подготовки иностранных граждан Института международного образования (ЦДПИГ ИМО) Тульского государственного университета на протяжении всей истории своего существования способствовала развитию гармонизации отношений людей разных национальностей, руководствуясь в своей деятельности принципами миролюбия, терпимости, готовности сторон понимать и воспринимать инаковость, готовности к преодолению подозрительности, к поискам компромиссов, к соучастию в иницилируемых программах и стра-

тегиях взаимовыгодной деятельности. За время существования кафедры русского языка на ней прошло обучение около 3 тысяч иностранных граждан из 35 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В настоящее время на кафедре обучается около 1000 студентов из стран Дальнего и Ближнего Зарубежья.

Воспитание в духе толерантности рассматривается руководством вуза как безотлагательный императив, а преподавателями кафедры русского языка ЦДПИГ ИМО на практике реализуются следующие приемы работы по гармонизации межнациональных отношений:

во-первых, воспитание осуществляется через культивирование солидарности, т.е. различных форм индивидуального и группового сотрудничества;

во-вторых, приоритетом становится воспитание не просто терпимого отношения к соседу, но доверительности;

в-третьих, на факультетских мероприятиях и на собраниях групп иностранных студентов о толерантности говорится в более конкретной форме.

На кафедре русского языка ЦДПИГ ИМО работают такие студенческие объединения, как «Клуб русского языка», редколлегия газеты «Меридианы дружбы», студенты принимают участие в различных олимпиадах, фестивалях областного и общероссийского значения. Так стажеры КНР в июне 2013 года принимали участие в фестивале национальных культур, посвященном Дню народного единства.

Одним из ведущих психологических принципов обучения русскому языку иностранцев признан принцип мотивации, который тесно связан с методическим (коммуникативно-деятельностным) и дидактическим (когнитивно-деятельностным) подходами к обучению, так как деятельность и познавательная деятельность – это процесс, побуждаемый мотивом и ведущий к цели.

Важным мотивом, побуждающим к овладению неродным языком, является желание познакомиться с культурой изучаемого языка. С другой стороны, более глубокое вхождение в иноязычную культуру стимулирует процесс изучения языка. В связи с этим определяется принцип культурно-ориентированной (страноведческой) направленности в обучении, в соответствии с которым формируется межкультурная компетенция.

Преподавателями кафедры разрабатываются программы дисциплин, методические рекомендации и учебные пособия, основной целью которых является знакомство иностранного студента с историей и культурой России, а также обучение умениям и навыкам общения на русском языке в учебной, социокультурной и общественно-политической сферах.

Использование страноведческого материала в процессе обучения русскому языку как иностранному служит реализации коммуникативной, образовательной и воспитательной целей, т.к. повышает эффективность

формирования коммуникативно-речевых умений, расширяет кругозор учащихся, формирует позитивное отношение к России, воспитывает толерантность как необходимый компонент гармоничного сосуществования разных этносоциумов и государств.

Целесообразно подробнее рассмотреть некоторые наиболее значимые в методическом творчестве кафедры учебные пособия по русскому языку для иностранных студентов, демонстрируя, в какой степени полноты реализуется в них дидактический принцип гармонизации межнациональных отношений.

1. Ефремова Л. В., Захарова Н. Н., Пронина Е. В. Читаем об истории России: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся /под общей редакцией Л. А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. 400 с.

Цель данного учебного пособия – знакомство иностранного студента с историей и культурой России, а также обучение умениям и навыкам общения на русском языке в социокультурной сфере. Авторами реализуется следующая задача – формирование целостной исторической картины мира в сознании инокультурной личности на основе:

- 1) изучения исторической терминологии;
- 2) комментирования неизвестных иностранному читателю историко-культурных понятий;
- 3) изучения страноведческой информации (исторические события и реалии исторической эпохи) посредством чтения адаптированного исторического текста;
- 4) включения наглядного иллюстративного материала, исторических карт и схем, фрагментов из художественных произведений, отражающих различные исторические события и быт России в тот или иной исторический период;
- 5) изучения языковых единиц, в семантике которых находит отражение русская национальная культура.

Презентация исторического материала носит текстоцентрический характер. Предтекстовые задания направлены не только на снятие фоновых и языковых трудностей при чтении текста, но и на расширение исторического фона, в котором происходит значительное событие. Послетекстовые задания контролируют правильность понимания и уровень усвоения страноведческой информации, нацеливают на выделение в изучаемом тексте различных коммуникативных блоков и ключевых слов, готовят учащихся к различным способам компрессии данного текста, обучают методике работы с текстом как источником социокультурной информации и подготавливают учащихся к составлению собственного монологического высказывания на историческую тему.

В пособии широко представлены высказывания выдающихся представителей отечественной культуры (историков, писателей, публицистов)

по рассматриваемой теме, фрагменты из произведений русской художественной литературы, пословицы и поговорки русского народа, в которых нашли отражения как российские исторические события, факты, быт русского народа, так и особенности национального мировидения.

Методический аппарат учебного пособия содержит ключевые слова и словосочетания в начале каждой темы, обширный иллюстративный материал.

2. На земле тульской...: учебное пособие по русскому языку для студентов-иностранцев на материале страноведческих текстов / Л. А. Константинова [и др.] / под ред. Л. А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 145 с.

Цель пособия – формирование речевой и лингвокультурологической компетенции иностранных студентов на региональном страноведческом материале.

Данная цель определяет содержание пособия: подобранные тексты рассказывают об истории тульского края и его достопримечательностях, о тульских мастерах и их изделиях – оружии, самоварах, пряниках, гармониях, о туляках, внесших большой вклад в литературу, науку и искусство. Выбор тем не случаен: авторы стремились раскрыть наиболее важные концепты языковой картины мира как российской, так и региональной.

Пособие состоит из двух частей. Первая часть «Тульский край – арсенал и щит России» включает темы: «История Тулы», «Тула – родина русской металлургии», «Тула – кузница оружия», «Тула – город-герой», «Тульский кремль», «Соборы тульского кремля», «Памятники на Менделеевской улице», «Главная улица Тулы», «Тульский самовар», «Тульский пряник», «Тульская гармонь», «Поле русской славы». Во второй части «Славные сыны земли тульской» содержатся тексты, рассказывающие о жизни и творчестве В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Г. И. Успенского, В. В. Вересаева, А. С. Даргомыжского, В. Д. Поленова, А. Т. Болотова, а также декабристов-туляков.

Ядром каждой темы является текст, содержащий регионально-страноведческую информацию социально-культурной направленности и служащий основой для построения самостоятельных высказываний учащихся. Тексты сопровождаются необходимым иллюстративным материалом.

Задания каждого раздела представлены в системе, которая определяется текстом. Подготовить студента к восприятию текста помогают предтекстовые задания, следующие в традиционной для методики преподавания русского языка как иностранного последовательности: сначала даются упражнения, формирующие языковую компетенцию на уровне слова, затем – на уровне грамматических связей слов и, наконец, – на уровне предложений. В тренировочных заданиях отрабатываются правила употребления языковых единиц, трансформации различных предложений.

Послетекстовые задания направлены на выявление степени понимания текста, воспроизведение его содержания, построение собственного высказывания с опорой на текст и выход в свободную неподготовленную речь. Задания, призванные выявить степень понимания текста, представляют собой и традиционные вопросы по содержанию текста, тесты и кроссворды. Послетекстовые задания предполагают не только проверку качества понимания текста, но и подготовку студента к продуцированию собственных высказываний по данной теме. Так, студентам предлагается подготовить рассказ, участвовать в диалоге, провести экскурсию и т.д.

Повышению мотивации изучения русского языка, созданию заинтересованности, развитию мышления, умению формулировать свою точку зрения на русском языке, а также формированию нравственно-ценностных ориентиров, присущих человеку духовному, способствуют задания и вопросы, носящие проблемный характер. Такие задания стимулируют продуцирование собственного высказывания, свободное общение на русском языке.

Стремлением развивать диалог культур, показать ценность общего и отличного в разных культурах обусловлены задания, обращающие внимание студента на историю, культуру, традиции своей родины. (Есть ли в вашей стране легенды о мастерстве простых людей? Любят ли пить чай у вас на родине? Какие существуют традиции чаепития?)

Художественные произведения играют особую роль в раскрытии национального характера, души народа, образа мыслей, отраженных в языке элементами национальной языковой картины мира. В пособие включены отрывки из художественных произведений В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. В. Вересаева. В некоторых случаях в учебных целях они подверглись незначительной адаптации. При отборе текстов учитывалась их художественная и страноведческая значимость.

Тексты пособия сопровождаются цветными иллюстрациями, обладающими страноведческой, методической и художественной ценностью. Такое сочетание вербального и наглядного материала обеспечивает наиболее полное наглядно-образное восприятие, облегчает преподавателю процесс семантизации, способствует закреплению фоновых знаний.

3. Константинова Л. А., Щенникова Е. П. Выдающиеся деятели российской науки: учебное пособие по чтению для иностранных учащихся (основной этап обучения). Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 119 с.

Пособие ставит своей целью развитие речевой деятельности учащихся, главным образом в области чтения. Основная задача пособия – систематизировать и углубить уже имеющиеся лексические и грамматические знания учащихся, активизировать их в речевой практике на материале текстов о жизни и научной деятельности российских ученых, развить

навыки изучающего, ознакомительного, поискового, просмотрового чтения и сформировать умения и навыки в устном и письменном репродуцировании и продуцировании в пределах тем, которые представлены в пособии.

В качестве текстового материала использованы статьи из Интернета, Энциклопедии «Кирилл и Мефодий», книг из серии «Жизнь замечательных людей», рассказывающие о жизни ученых и достижениях российской науки.

Пособие рассчитано как для работы под руководством преподавателя, так и для самостоятельной работы студентов (прежде всего для дополнительного чтения) и предназначено для обучения иностранных учащихся основного этапа обучения.

Каждая тема состоит из основного текста, к которому дается комментарий, уточняющий значение слов и реалий, и системы заданий, направленных на восприятие текста. Лексико-грамматические задания даются с целью повторения грамматики, ознакомления с новыми грамматическим материалом и закрепления грамматических конструкций, встречающихся в тексте.

Итоговые задания носят творческий характер, их выполнение поможет активизации изученного лексического и грамматического материала и совершенствованию навыков построения монологических и диалогических высказываний.

4. Константинова Л. А., Игнатъева О. П., Жукова А. Н. Путешествие по памятным местам и музеям Тульского края: учебное пособие по русскому языку как иностранному / под редакцией Л. А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 82 с.

Данное учебное пособие представляет собой сборник ознакомительных текстов о Тульском крае, городе Туле и его достопримечательностях, о тульских древностях и календарных праздниках, уходящих своими корнями в славянское прошлое; предназначено для иностранных студентов базового этапа обучения.

Цель пособия – знакомство студентов с лингвокультурологическим материалом регионального характера, предваряющим проведение экскурсий и тематических музейных занятий; становление социокультурной компетенции.

Пособие состоит из следующих разделов:

Достопримечательности Тульского края.

Знакомство с Тулой.

Знаете ли вы свой университет?..

Жизнь туляка и тульские древности.

О чём поведает тульская изба...

Немного о календарных праздниках.

В основу распределения материала положен коммуникативно-проблемный принцип, реализация которого происходит в контексте лингвокультурологической методологии обучения вербальной коммуникации на русском языке как иностранном с учетом регионального компонента. Система заданий направлена на стимулирование речемыслительной активности учащихся, призванной удовлетворить их реальные коммуникативные потребности и подкрепленной необходимыми сведениями о стране изучаемого языка, о городе, в котором они живут и учатся.

Настоящее пособие используется не только на занятиях по русскому языку как иностранному, но и на заседаниях Клуба русского языка, в самостоятельной работе иностранных студентов.

Таким образом, изданные кафедрой русского языка Тульского государственного университета проанализированные учебные пособия соответствуют основным критериям оценки учебных пособий: отличаются научным уровнем содержания, соответствуют содержанию ФГОС ВПО, рабочей программе дисциплины, имеют, как видно из обзора, компетентный методический аппарат, обширный иллюстративный материал, в пособиях представлены междисциплинарные связи. Данные и другие пособия (Смотрим фильм – учимся русскому языку: учебное пособие по русскому языку для студентов-иностранцев (на материале видеофильмов) / Константинова Л. А. [и др.]. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 148 с.; Константинова Л. А., Николаев А. М., Щенникова Е. П. Учебное пособие по чтению для иностранных студентов основного этапа обучения на материале текстов по русской литературе. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 167 с.) многократно участвовали в выставках новинок учебной литературы и, что весьма важно, пользуются популярностью у студентов.

Таким образом, все пособия, разрабатываемые для обучения русскому языку как иностранному, несомненно, должны способствовать развитию гармонизации межнациональных отношений. Данное требование является важным и обязательным условием гармоничного развития не только современной многонациональной России, но и мира в целом.

Список литературы

1. <http://www.ng.ru>
2. Бердичевский А.Л. Приветственное слово участникам конференции // Вестник Тульского государственного университета. Международная заочная научно-практическая конференция «Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка в свете Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) третьего поколения», Россия, Тула, 4 декабря 2012 г. // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общей ред. д-ра пед. наук, проф. Л.А. Константиновой, канд. филол. наук, доц. Е.В. Прониной. Тула: Изд-во

ТулГУ, 2013. С. 5-12.

3. http://www.un.org.ru/documents/decl_conv/declarations

4. Ефремова Л. В., Захарова Н. Н., Пронина Е. В. Читаем об истории России: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся /под общей редакцией Л. А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. 400 с.

5. На земле тульской...: учебное пособие по русскому языку для студентов-иностранцев на материале страноведческих текстов / Л. А. Константинова [и др.]; под ред. Л. А. Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 145 с.

6. Константинова Л.А., Щенникова Е.П. Выдающиеся деятели российской науки: учебное пособие по чтению для иностранных учащихся (основной этап обучения). Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 119 с.

7. Константинова Л. А., Игнатъева О. П., Жукова А. Н. Путешествие по памятным местам и музеям Тульского края: учебное пособие по русскому языку как иностранному / под ред. Л. А Константиновой. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 82 с.

Константинова Людмила Анатольевна, д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой, consta@tsu.tula.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

Пронина Елена Викторовна, канд. филол. наук, доц., alepro@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

HARMONIZATION OF INTERNATIONAL RELATIONS - AN IMPORTANT DIDACTIC FACTOR IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

L.A. Konstantinova, E.V. Pronina

The application of the principle of harmonization of international relations in teaching Russian as a foreign language is substantiated. The implementation of the said essential didactic principle in academic, scientific and methodological work of the Russian Language Department is described.

Key words: Russian as a foreign language, methods of teaching, principles of training, tolerance, cross-cultural competence, harmonization of international relations, teaching aid.

Konstantinova Ludmila Anatolyevna, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Russian Language Department, consta@tsu.tula.ru, Russia, Tula, Tula State University.

Pronina Elena Viktorovna, PhD (Philology), Associate Professor, alepro@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ УЛИЦ ГОРОДОВ ТУЛЫ И РЕЙМСА

А.В. Комарова

Предпринята попытка выявить закономерности номинации улиц городов Тулы и Реймса. В ходе исследования были выявлены структурные, словообразовательные, а также семантические особенности изучаемых топонимов, установлены сходства и различия в номинации улиц двух провинциальных городов России и Франции.

Ключевые слова: топоним, топоним, словообразовательная модель.

В ходе исследования тульских и реймских улиц было изучено 1000 наименований (по 500 из каждого города).

В процессе работы было установлено, что большинство топонимов Тулы являются однословными наименованиями: ~81 % (ул. Скуратовская, ул. Цветочная), тогда как названия реймских улиц представляют в основном многословные наименования, состоящие из нескольких самостоятельных слов в сочетании со слитными артиклями (rue du Vieux Colombier) или без них (rue Bertrand Russel, rue Albert Thomas): ~50 %; либо включающие существительное с предлогом de или слитными артиклями du, de la, des: rue de la Victoire, rue de Champigny, rue de la Briqueterie (~38 %).

Словообразовательные модели тульских топонимов довольно разнообразны. Тульские названия в основном образуются при помощи аффиксации, суффиксальным способом (село Богучарово > ул. Богучаровская, г.Воронеж > ул. Воронежская). Суффиксы -к-, -ск-, -овск-, -евск- являются наиболее продуктивными топонимическими формантами, с помощью них образуются прилагательные – топонимы от различных основ существительных. Урбанонимы, принадлежащие к данной модели, составляют 25 % от общего числа названий. Также продуктивными в Туле признаны названия улиц с суффиксами -н-, -ов/ев-: Гончарный проезд, ул. Штыковая, ул. Озерная. Таких наименований насчитывается ~23 %.

Помимо этого довольно широко распространена субстантивная мемориальная генитивная модель, когда существительное употребляется в форме родительного падежа (ул. Баженова, ул. Жуковского, ул. Куренкова, ул. Чмутова – ~49 %).

~ 2 % от всех наименований улиц образовано по субстантивной номинативной модели (ул. Прогресс, ул. Бывший Монастырь, ул. Большая кулига, Бытовой проезд), т.е. при образовании урбанонимов используются существительные в именительном падеже.

~ 1 % топонимов составляют названия, образованные путем сложения основ + суффикс или представляющие собой аббревиатуры в сочета-

нии с суффиксом или без него (ул. Горсовета, ул. Коминтерна, ул. МО-Пра).

В силу того, что французский язык относится к группе аналитических языков, названия реймских улиц в основном представляют собой аналитические конструкции, образованные с помощью предлога *de* или слитных артиклей *du, de la, des* (*rue du Gue, rue du Cloître, rue des Carmes* – 48 %) либо путем прибавления к номенклатурному термину имени собственного без предлога (*rue Antonio Vivaldi, rue Forain, rue Maxim Gorki* – 52 %).

В Туле, как и в Реймсе, большую часть названий улиц составляют антропонимы (т.е. улицы, названные в честь великих и выдающихся людей): ~ 49 % и ~50 % соответственно. В Туле большинство улиц данной группы носят имена русских научных и культурных деятелей (~23 %) – ул. Жуковского, ул. Лескова, героев войн (~14 %) – ул. Маршала Жукова, ул. Харитошкина, революционеров, членов советского правительства (~10%) – ул. Фрунзе, ул. Сойфера, лишь небольшой процент из них составляют иностранцы, революционеры Западной Европы (~2 %) - ул. Мориса Тореза, ул. Марата. Большой отпечаток на названия тульских улиц наложила история России: после 1917 года многие улицы были переименованы и стали носить названия, увековечивающие имена людей, чем-либо прославившихся с точки зрения советской идеологии (революционеры, партийные деятели), а после Войны 1941-1945 гг. к ним добавилось большое количество улиц, представляющих имена героев Великой Отечественной войны. Отсутствие в названиях тульских улиц имен иностранных всемирно известных личностей можно также объяснить коммунистическим строем, существовавшим в России, который пропагандировал патриотическое воспитание и прославление лидеров коммунистической партии, революционных деятелей и известных людей своей страны. И даже имена иностранных людей, вошедшие в названия улиц, тем или иным образом связаны с идеологией советской власти.

В Реймсе данная группа номинаций представлена в основном именами людей, как французов, так и иностранцев, внесших значительный вклад в развитие мировой культуры, науки и искусства (~28 % французов и ~9 % иностранцев) – *rue Guillaume Apollinaire, rue Andersen*, именами французских монархов, членов правительства и общественных деятелей (~9%) – *rue Colbert, rue Richelieu*, героев войн (~5 %) - *rue général Marzillier, rue colonel Moll*;

На втором месте находятся улицы, обладающие событийно или ситуативно связанными характеристиками. Подобных названий ~ 30 % в Туле и ~29 % в Реймсе. В эту группу входят улицы, названия которых связаны с какими-нибудь значимыми событиями и датами (~3 % в Туле и 2 % в Реймсе), а также улицы, указывающие на географические объекты и направления (в Туле и в Реймсе их ~ 27 %): ул. Восьмого Марта, ул. Ефремовская, *rue de Dijon, avenue du Dix Huit Juin 1940*.

Появление годонимов данной группы также можно объяснить экстралингвистическими факторами. В названиях тульских улиц в основном наблюдается связь с событиями Великой Октябрьской Социалистической Революции, периода советской власти и Великой Отечественной войны, а названия реймских улиц отражают события Великой Французской Революции (1789 года) и так же, как и тульские улицы, увековечивают память о Второй мировой войне. Стоит отметить, что реймские улицы отражают названия не только французских городов (как это можно наблюдать в Туле), префектур и т.д., а также наименования других столиц, городов мира (~19 %): *rue de Venise*, *rue de Sébastopol*. Это говорит о том, что во Франции международные отношения с другими странами мира были более развиты, чем в России, которая в период правления советской власти вообще была страной закрытой для иностранной культуры.

Третье место занимают годонимы, содержащие искусственные и идеологические названия: ~13 % в Туле (ул. Зеркальная, ул. Советская) и ~11 % в Реймсе (*rue de la Démocratie*, *rue des Lilas*).

На четвертом месте в Туле находятся улицы, связанных с профессиями жителей Тулы, с предметами и реалиями труда: ~7 % (ул. Ложевая, ул. Дульная). Наличие большого количества лексем данной группы в Туле объясняется спецификой промышленного города, который всегда считался «арсеналом и щитом России»; в основном улицы отражают особенности металлургической, машиностроительной и оружейной промышленности. В Реймсе же на четвертом месте стоят улицы, обозначающие религиозные объекты, имена святых и священнослужителей (~6 %): *rue Sainte-Therese*, *rue du Temple*. Из этого можно сделать вывод о том, что во Франции очень велико влияние католической церкви, которое она сумела сохранить на протяжении всей истории французского государства.

Самую малочисленную группу улиц в Туле составляют улицы, названные в честь храмов, монастырей (~1 %): ул. Бывший Монастырь, ул. Благовещенская. Это является следствием того, что советская власть начиная с 1917 года разрушала храмы и пыталась искоренить из речи туляков и их названия, переименовывая улицы. В Реймсе данная группа представлена годонимам, обозначающими профессии жителей города (~2 %): *rue des Tondeurs*, *rue des Poissonniers*. Улицы Реймса представляют основные исторически сложившиеся виды профессиональной деятельности жителей города, которые, главным образом, связаны с легкой промышленностью, торговлей, земледелием. Также ~2 % от всего количества наименований в Реймсе составляют улицы, названные в честь жителей того или иного города. Подобные наименования полностью отсутствуют в Туле (*rue des Auvergnats*, *rue des Alsaciens*).

Список литературы

1. Майорова Т.В., Майоров М.В. Улицы Тулы. Тула: Шар, 2005. 172с.

2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198с.
3. Рассаднев С.А Прогулки по улицам Тулы. Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2003. 150с.
4. Dictionnaire universel des noms propres Petit Robert 2. Paris: SNL-Le Robert, 1981. 1992с.
5. Jean-Yves Sureau. Dictionnaire de biographie rémoise/<http://lavieremoise.free.fr>.
6. Jean-Yves Sureau. Les Rues de Reims, mémoire de la ville. Reims, 2002. 394 с.
7. Reims. Champagne / Olivier Frimat [et al.]. Reims: Editions Déclics, 2002 . 80 с.

Комарова Антонина Валентиновна, канд. филол. наук, доц., antuanetta3@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

*STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF NOMINATION OF
STREETS IN TULA AND REIMS*

A.V. Komarova

In this article attempts to reveal the regularities of nomination of streets in the cities of Tula and Reims were undertaken. Structural, morphological and semantic peculiarities of the studied street names were revealed. Similarities and differences in the nomination of the streets of two provincial towns of Russia and France were defined.

Key words: street name, toponym, word-formation model.

Komarova Antonina Valentinovna, PhD (Philology), Associate Professor, antuanetta3@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

УДК 811.11

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕОРИИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ К РАЗНОСТРУКТУРНЫМ
ЯЗЫКАМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

А.В. Комарова, О.Н. Линкевич

Диахронно исследуются словообразовательные системы разноструктурных языков. В рамках теории словообразовательных рядов Н.А. Катагощиной рассмотрены структурные особенности эволюции различных лексических единиц: звукоподражаний и обращений в английском и французском языках.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, звукоподражание, обращение.

Интерес современной лингвистики к различным аспектам словообразования объясняется тем, что слово является центральной единицей языка.

Для начала словообразовательного процесса необходимо наличие некой основы, которая при присоединении к ней словообразовательных средств, служит для образования нового слова. Профессор Н.А. Катагощина определяет ее как “производящую основу” [Катагощина, 2006: 14].

Для исследования словообразовательных средств языка в диахронном аспекте возможно применение теории словообразовательных рядов Н.А. Катагощиной. Поскольку термин «словообразовательный ряд» впервые применяется при диахронном исследовании аффиксального словопроизводства французского и английского языков, считается необходимым, подробно остановиться на трактовке этого термина отечественными лингвистами.

Вопрос об определении словообразовательного ряда является дискуссионным и решается в современной лингвистике неодинаково. В основе разногласий лежит различие критериев, применяемых для понимания сущности данного понятия.

Словообразовательный ряд рассматривается в отечественной лингвистике как определенная последовательность образования производных слов, выступая при этом синонимом словообразовательной цепочки (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Земская), словообразовательной парадигмы (К.А. Левковская). Существует точка зрения, согласно которой словообразовательный ряд – это совокупность слов, характеризующаяся общностью форманта, части речи производящей основы и соотносительностью с исходными единицами (Е.Л. Гинзбург, Е.С. Кубрякова, М.В. Черепанов, Н.М. Шанский) или только общностью форманта (О.В. Раевская).

Настоящее исследование основывается на теории словообразовательных рядов Н.А. Катагощиной, в которой словообразовательный ряд рассматривается как совокупность звеньев, формально и семантически соотносящихся со своими производящими и образующих на этом основании определенную последовательность. Н.А. Катагощина выделяет словообразовательные ряды с общей производящей основой и с усложняющейся от производному к производному основой. Для первого типа рядов в работе используется термин «веерообразный словообразовательный ряд», для второго типа – «последовательный словообразовательный ряд». С точки зрения количества звеньев все словообразовательные ряды были разделены на двузвенные и многозвенные. Последние, в свою очередь включают в себя веерообразные, последовательные и смешанные словообразовательные ряды. Такая типология словообразовательных рядов отражает количественную характеристику ряда и последовательность построения звеньев.

Далее в настоящей статье, приводятся примеры применения теории словообразовательных рядов к французскому (на материале звукоподражаний) и английскому (на материале производных обращений) языкам. Эти примеры позволяют доказать, что теория, применимая к изучению ро-

манских языков, может быть использована для исследования словообразовательной продуктивности и словообразовательного потенциала обращений в английском языке.

Исследование показало, что в XI-XIII веках происходит становление французской словообразовательной системы, а именно лексических единиц со звукоподражательной производящей основой. В этот период складываются основные закономерности в развитии структуры производных звукоподражаний. Основным способом словопроизводства лексических единиц со звукоподражательной производящей основой в старофранцузский период является суффиксация, а именно, образование отглагольных имен существительных с помощью суффикса *-ment*: *abaïement* n.m. XIII s. (лай), *bayement* n.m. XIII s. (зевота). Эта тенденция нашла свое продолжение на всех этапах развития французского языка. Типичным для старофранцузского периода является развитие словообразовательных рядов со звукоподражательной производящей основой, когда следующим звеном является отглагольное имя существительное, образованное путем регрессивной деривации: *toucher* XII s. (прикасаться) → *touche* n.f. XII s. (прикосновение).

Изучение динамики развития словообразовательных рядов с исследуемой производящей основой приводит к выводу о том, что с XII века вплоть до современного этапа словообразовательные ряды со звукоподражательной производящей основой пополняются за счет появления в них в качестве одного из звеньев глаголов первой группы спряжения на *-er* (искл. *vtombir*).

На протяжении всей истории развития французского языка звукоподражательная производящая основа расширяет свои словообразовательные возможности и начинает сочетаться с различными суффиксами: *-eur* (начиная со среднефранцузского периода), *-eter* (начиная с ранненовофранцузского периода), *-erie* (с XVII века), *-age* (на современном этапе).

Образование производных лексических единиц с изучаемой производящей основой отражает социально-исторические условия развития французского языка. Так, в ранненовофранцузский период зафиксировано большое количество лексем со звукоподражательной производящей основой, образованных путем удвоения основы. Этот факт доказывает стремление грамматистов той эпохи показать все разнообразие процессов словообразования во французском языке. XIX-XX вв. представляют собой благоприятный период для образования лексических единиц с данной производящей основой посредством конверсии, а именно имеет место переход междометий в разряд имен существительных. Большое количество образований путем конверсии объясняется общей тенденцией современного французского языка к упрощению, а также снижением словообразовательной активности изучаемого пласта лексики.

Первые французские лексические единицы со звукоподражательной производящей основой зафиксированы в XII в. в двузвенных словообразовательных рядах. К началу среднефранцузского периода наблюдается расширение количественного состава словообразовательных рядов, которое приводит к двукратному преобладанию многозвенных словообразовательных рядов со звукоподражательной производящей основой. Данное соотношение сохраняется и в ранненовофранцузский период. Начиная с новофранцузского периода, разрыв между числом двузвенных и многозвенных словообразовательных рядов уменьшается. А в современном французском языке отмечается двукратное преобладание двузвенных словообразовательных рядов над многозвенными.

Результаты сравнения отыменных и отглагольных словообразовательных рядов со звукоподражательной производящей основой позволяют сделать вывод о низком словообразовательном потенциале глагольных производящих основ исследуемых лексических единиц на современном этапе развития французского языка по сравнению со всеми остальными периодами. Если на протяжении четырех периодов соотношение отглагольных и отыменных словообразовательных рядов с изучаемой производящей основой составляло пропорцию три к одному, то в XIX-XX веках можно констатировать четырехкратное преобладание отыменных словообразовательных рядов над отглагольными рядами, что является особенностью изучаемого пласта словообразовательной системы.

Исследование эволюции структуры многозвенных словообразовательных рядов со звукоподражательной производящей основой приводит к выводу об активном развитии словообразовательных рядов в конце XIII-XV веках в вертикальном направлении, о чем свидетельствует количество словообразовательных рядов веерообразного типа: 70 % от общего количества словообразовательных рядов с изучаемой производящей основой, появившихся в данный период. В XVI веке происходит расширение количественного состава словообразовательных рядов одновременно в вертикальном и горизонтальном направлениях, в результате чего 40 % многозвенных словообразовательных рядов относятся к смешанному типу. Особенностью многозвенных словообразовательных рядов со звукоподражательной производящей основой является постепенное уменьшение количества смешанных словообразовательных рядов. Начиная с XVII века, в структуре многозвенных рядов преобладают словообразовательные ряды веерообразного типа.

На протяжении развития французского языка выявляется зависимость типа словообразовательного ряда со звукоподражательной производящей основой от типа производящей основы.

Словообразовательный ряд с *именной* звукоподражательной производящей основой может пополниться следующими потенциальными звеньями: глаголом, оканчивающимся на -ег, и именем существительным с

суффиксом *-ment*. Именная производящая основа обуславливает реализацию последовательного типа словообразовательного ряда:

$N \rightarrow V\text{-er} \rightarrow N\text{-ment}$.

В словообразовательных рядах с *глагольной* звукоподражательной производящей основой могут присутствовать отглагольные имена существительные с суффиксами *-ment*, *-eur*, *-age*, *-erie*, *-oir*. Все производные образуют веерообразный словообразовательный ряд:

$V \rightarrow N\text{-ment}$

N-eur

N-age

N-erie

N-oir

В качестве примеров применения теории словообразовательных рядов к английскому языку приводятся обращения, образованные от глагольных основ с помощью суффикса *-er*. Типичными являются двузвенные словообразовательные ряды $V \rightarrow N+er$. Например:

jest (шутить) \rightarrow *jester* (шутник, шут);

keep (хранить) \rightarrow *keeper* (хранитель).

Однако появление многозвенных веерообразных рядов также возможно как результат расширения двузвенного словообразовательного ряда, как это происходит в случае с производным существительным ‘*waiter*’ (официант), которое на момент своего появления являлось элементом двузвенного словообразовательного ряда, но в XIX веке этот ряд расширился вследствие появления производного ‘*waitress*’ (официантка):

wait (before 1200) \rightarrow *waiter* (1382)

\rightarrow *waitress* (1834)

Производное существительное ‘*sucker*’ (сосунок, разиня) образовано от глагольной основы ‘*suck*’ (сосать), $V \rightarrow N+er$, и является элементом четырехзвенного словообразовательного ряда:

suck (сосать) *sucker* (сосунок, разиня) 1384

suckling (грудной ребенок) 1225

suckle (кормить грудью) 1425

Характерной чертой производных имен существительных, потенциально выступающих в качестве обращения, образованных от глагольных основ и суффикса *-er*, является время их появления. Производные данной группы появились в среднеанглийский период. Они выступают в качестве элементов двузвенных и многозвенных веерообразных словообразовательных рядов. Характерной чертой производных имен существительных, потенциально выступающих в качестве обращения, образованных от глагольных основ и суффикса *-er*, является время их появления. Производные данной группы появились в среднеанглийский период. Они выступают в качестве элементов двузвенных и многозвенных веерообразных словообразовательных рядов. Характерной чертой производных имен существи-

тельных, потенциально выступающих в качестве обращения, образованных от глагольных основ и суффикса -er, является время их появления. Производные данной группы появились в среднеанглийский период. Они выступают в качестве элементов двузвенных и многозвенных веерообразных словообразовательных рядов.

Анализ фактического материала показал, что при присоединении суффикса -er к многосложным именным основам производная лексическая единица является элементом многозвенного веерообразного ряда. Так, производное имя существительное 'officer' (офицер) образовано от именной основы 'office' (служба, должность), N → N+er, и является элементом пятизвенного веерообразного словообразовательного ряда:

office (служба, должность) → official (служебный) 1330;
 → officer (офицер) 1565;
 → officious (официозный) 1565;
 → officiate (исполнять обязанности) 1631.

Еще одно производное имя существительное 'creator' (создатель) также рассматривается как образование от глагольной основы 'create' (создавать), V → N+or, и как элемент пятизвенного веерообразного словообразовательного ряда:

create(создавать) → creator (создатель) 1386
 → creature (создание, существо) 1380
 → creation (создание, созидание) 1390
 → creative (творческий) 1678

В результате анализа исследовательского материала была выявлена группа производных лексических единиц, потенциально выступающих в качестве обращений, образованных от именных производящих основ посредством суффикса деятеля -er. Они насчитывают 18 % от общего числа проанализированных примеров.

Производное имя существительное 'capper' (шапочник) образовано от именной основы 'cap' (шапка), N → N+er, и является элементом двузвенного ряда.

cap n. 1000	→	capper n. 1350-1400
(мягкая плоская шляпа с козырьком)		(шапочник, производитель шапок).

Производное 'oiler' (маслодел) образовано от именной основы 'oil' (масло), N → N+er, и является элементом трехзвенного веерообразного словообразовательного ряда:

oil (масло) → oiler (маслодел) 1375
 → oily (маслянистый) 1528

Таким образом, односложные имена существительные, потенциально выступающие в качестве обращений, образуют производные лексические единицы как элементы двузвенных или трехзвенных веерообразных словообразовательных рядов.

Для словообразования средних веков было характерно разграничение существительных по гендерному признаку. Имена существительные для обозначения лиц женского пола появлялись как элементы веерообразных словообразовательных рядов, образованных от именных основ, которые по своей семантике обозначают лиц мужского пола.

Суффикс *-ess* реализует грамматическое значение женского рода и имеет расширенный вариант *-gess*, возникший вследствие появления усеченной формы суффикса *-er/-or* между основой и суффиксом.

В качестве примера можно рассмотреть производное существительное 'princess' (принцесса), образованное от именной основы '[prince](#)' (принц), $N \rightarrow N+ess$, и входящее в четырехзвенный словообразовательный ряд:

prince 1225 \rightarrow princeling (князек);
 \rightarrow princely (царственный);
 \rightarrow princess (принцесса) 1380.

Словообразовательный суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *-y*, имеющий вариант *-ie*, стал наиболее продуктивным после XVI века. Производные лексические единицы с его участием являются элементом как двузвенных, так и многозвенных словообразовательных рядов. Например, существительное 'dearie' (дорогуша) является производным от 'dear' (дорогой), $N \rightarrow N+ie/y$, и входит в состав четырехзвенного веерообразного словообразовательного ряда:

dear (дорогой) b. 1000 \rightarrow dearie (дорогуша) 1600;
 \rightarrow dearest (самый дорогой);
 \rightarrow dearly (нежно).

В целом, проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что многозвенные словообразовательные ряды со звеном-именем существительным, потенциально выступающим в качестве обращения, преобладают над двузвенными и составляют 75 % и 25 % соответственно. Двузвенные словообразовательные ряды образуются от односложных основ, а многозвенные ряды – как от односложных, так и от многосложных.

Многозвенные последовательные словообразовательные ряды со звеном-именем существительным, потенциально выступающие в качестве обращения, отсутствуют.

Итак, вышеприведенные примеры словообразовательных рядов на материале звукоподражаний и обращений, доказывают возможность применения теории Н.А. Катагощиной не только к французскому, но и английскому языку для проведения диахронного исследования особенностей словообразовательной системы языка.

Список литературы

1. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М.: Ком Книга, 2006. 112 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2000. 688с.
3. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 250-345.
4. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227-239.
5. Enkell P., Reseau P. Dictionnaire des onomatopées . Paris : PUF, 2003. 578 p.
6. Trésor de la langue française: Dictionnaire de la la langue française du XIX et du XX-e s.s. T.1-16. P. 1971-1994.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: Oxford university press: Oxford. 2000.

Комарова Антонина Валентиновна, канд. филол. наук, доц., antuanetta3@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Линкевич Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доц., olushkaniko@rambler.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

ON APPLICATION OF THEORY OF WORD-FORMATION SERIES TO LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURES (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES)

A. V. Komarova, O.N. Linkevich

The article is a diachronic research of word-formation systems of languages of different structures. In the framework of N.A. Katagoshchina's theory of word-formation series, the structural peculiarities of the evolution of different lexical units – onomatopoeia and address – were considered in English and French.

Key words: word-formation series, onomatopoeia, address, foreign languages.

Komarova Antonina Valentinovna, PhD (Philology), Associate Professor, antuanetta3@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

Linkevich Olga Nikolaevna, PhD (Philology), Associate Professor, olushkaniko@rambler.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АССОЦИАТИВНОГО СХОДСТВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА

М.Е. Новичихина

Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарных знаков и поиску путей оптимизации этой процедуры. Показывается, что традиционное исследование звукового и семантического сходства обозначений не является исчерпывающим в ходе экспертизы. Постулируется необходимость ассоциативного анализа сопоставляемых элементов. На конкретном примере описывается методика исследования ассоциативного сходства товарных знаков. Обсуждаются некоторые типичные ошибки, допускаемые в ходе реализации ассоциативной методики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, сходство до степени смешения, звуковое сходство, семантическое сходство, графическое сходство, ассоциативное сходство, коэффициент ассоциативного сходства.

В последние десятилетия все более востребованной на рынке становится так называемая лингвистическая экспертиза. Лингвистическая экспертиза рассматривается как направление прикладной лингвистики и как составная часть судебной лингвистики [1, 11]. Правомочно говорить как о динамическом аспекте лингвистической экспертизы, так и о статическом аспекте. В первом случае подразумевается некий процесс, некая процедура лингвистического анализа. Во втором случае речь идет об итогах этой процедуры, некоем тексте-отчете о результатах такого исследования.

На практике встречаются самые разнообразные виды лингвистической экспертизы: автороведческая экспертиза (или экспертиза по установлению авторства текста), экспертиза рекламного текста на предмет нарушения Закона о рекламе, экспертиза текста СМИ на предмет нарушения чести и достоинства, экспертизы аудиозаписей и т.п.

Одним из видов лингвистической экспертизы является экспертиза товарного знака. Заметим, что здесь и далее под экспертизой товарного знака мы будем понимать и собственно экспертизу (или официальную экспертизу, выполняемую по постановлению суда или органов дознания и имеющую статус доказательства), и так называемое заключение специалиста (или инициативную экспертизу, которая выполняется по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (в том числе, ответчиков и истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и т.д.)). Оба названных типа исследований имеет на выходе сходные по содержанию тексты-отчеты. Кроме того, и в первом, и во втором случае основным объектом исследования становится

товарный знак (или обозначение, поданное на регистрацию в качестве товарного знака).

Действующее законодательство определяет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [8], и не допускает к регистрации (в отношении однородных товаров) обозначения, сходные до степени смешения с другими товарными знаками, охраняемыми законом. Однако на практике вынести решение о факте сходства знаков до степени смешения в ряде случаев бывает проблематично, что становится вполне закономерным поводом для многочисленных судебных разбирательств и последующих лингвистических экспертиз.

Заметим, что сам феномен товарного знака неоднократно становился объектом научного изучения и практического анализа. Однако вопросы лингвистической экспертизы товарного знака рассматриваются чрезвычайно редко.

Актуальность обсуждения данной проблемы обусловлена, с одной стороны, постоянно расширяющейся практикой проведения экспертизы подобных обозначений, а с другой стороны, практической потребностью в оптимизации этой процедуры.

Лингвистическая экспертиза, в первую очередь, связана с одним из видов товарного знака, а именно словесным товарным знаком (или – в лингвистической терминологии – прагматонимом). Такая экспертиза традиционно проводится при регистрации товарного знака, при оспаривании в судебном порядке отказа в его регистрации, а также в случае нарушения прав на уже зарегистрированный товарный знак. Во всех этих случаях мы имеем дело с экспертизой по установлению сходства обозначений до степени смешения.

При определении сходства словесных обозначений традиционно исследуются звуковое (фонетическое, аудиальное), графическое (визуальное) и смысловое (семантическое) сходство обозначений. Заметим, что алгоритмы анализа звукового, семантического и графического сходства достаточно подробно описаны в «Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» [7], в частности, звуковое сходство предписывается определять на основании следующих признаков:

- наличия близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях; близости звуков, составляющих обозначения;
- расположения близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; наличия совпадающих слогов и их расположение;
- числа слогов в обозначениях;
- места совпадающих звукосочетаний в составе обозначений;
- близости состава гласных;
- близости состава согласных;

- характера совпадающих частей обозначений;
- вхождения одного обозначения в другое;
- ударения.

Графическое сходство, в соответствии с требованиями, определяется на основании:

- общего зрительного впечатления;
- вида шрифта;
- графического написания с учетом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные);
- расположения букв по отношению друг к другу;
- алфавита, буквами которого написано слово;
- цвета или цветового сочетания.

Наконец, смысловое сходство определяют на основании:

- подобия заложенных в обозначениях понятий, идей; в частности, совпадения значения обозначений в разных языках;
- совпадения одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение;
- противоположности заложенных в обозначениях понятий, идей.

Однако, несмотря на то, что процедура подобного исследования четко прописана, на практике лингвист-эксперт сталкивается с целым рядом проблем. В частности, результаты звукового, графического и семантического исследования могут противоречить друг другу и тем самым затруднять формулировку итогового заключения и делать его юридически неубедительным.

Выход из создавшегося положения видится в дополнительном исследовании так называемого ассоциативного сходства обозначений. Предложенный путь мотивируется тем, что реальное восприятие коммерческого обозначения носителем языка (потребителем товаров и услуг) зависит от тех ассоциативных связей, которые актуализируются данным наименованием в сознании потребителя.

Заметим, что в уже упоминаемых нами «Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» не оговаривается необходимость отдельного исследования ассоциативных связей обозначений, что, по нашему мнению, принципиально неверно. Тем более, что и в самом тексте этого документа говорится (и здесь усматривается определенное противоречие), что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно *ассоциируется* с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия». С нашей точки зрения (см., например, [5]), именно ассоциативные связи дают наиболее точную информацию о возможности / невозможности смешения тех или иных коммерческих обозначений. Многочисленные психолингвистические исследования свидетельствуют о

том, что нередко единицы, принципиально отличающиеся как в фонетическом, так и в семантическом плане, вызывают у носителя языка сходные ассоциации и, как следствие, смешиваются в индивидуальном сознании (см. труды ученых Тверской психолингвистической школы, например, А.А. Залевской [2] и др.). Именно поэтому исследование лишь звукового (фонетического) и смыслового (семантического) сходства видится нам необходимым, но недостаточным при вынесении суждения о сходстве обозначений до степени смешения.

Очевидно, что ассоциативное сходство, ставшее предметом рассмотрения в данной статье, определяется на основании сходства ассоциаций, вызываемых сопоставляемыми в процессе экспертизы обозначениями.

Продемонстрируем методику исследования ассоциативного сходства/несходства на примере обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» (при этом сошлемся на проведенную нами в 2013 г. экспертизу названных обозначений).

Итак, на первом этапе с целью выявления ассоциативных связей и ассоциативного сходства/несходства исследуемых коммерческих названий был проведен ассоциативный эксперимент, для чего было осуществлено обращение к испытуемым - носителям языка, потенциальным потребителям товаров и услуг. Испытуемыми явились люди в возрасте от 17 до 65 лет как женского, так и мужского пола, представители разных социальных, профессиональных и т.п. групп, что соответствует целевой аудитории, на которую рассчитаны анализируемые коммерческие обозначения. Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Общее количество опрошенных по каждому коммерческому обозначению – 70, что обеспечивает минимально необходимую достоверность результатов исследования.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалась следующая инструкция:

«Укажите, пожалуйста, по одной ассоциации, вызываемой каждым из этих слов (сочетаний)».

Цели эксперимента испытуемым не озвучивались, предлагаемые слова-стимулы не характеризовались.

Таким образом, в работе были соблюдены все требования, предъявляемые к проведению массового ассоциативного эксперимента и сформулированные, например, в работе Ю. Н. Караулова [3].

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались обозначения: «Взгляд», «Взгляд доктора Черниковой», а также (в целях завуалирования для испытуемых целей эксперимента и получения достоверных результатов) другие слова: «Дельта», «Прозрение», «Верта», «FRESH FIRST COMPANY», «Офтальмика» и т.д. Последние обозначения выполняли функцию так называемых дистракторов. В общем перечне

– как отдельные слова, так и словосочетания, как известные, так и неизвестные слова, как коммерческие названия, так и слова, таковыми не являющиеся, как коммерческие обозначения однородных, так и неоднородных объектов номинации. Общий перечень исследуемых единиц был разбит на две анкеты, интересующие исследователя названия «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» помещались в центральную часть каждого списка.

Обработка анкет дала следующие результаты (результаты приведены ниже в следующем виде: а) слово-стимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); при этом равночастотные реакции даны в алфавитном порядке; г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул).

Результаты реализации ассоциативной методики:

ВЗГЛЯД 70 – *глаза 10, глаз 3, зрение 3, клиника 3, телепередача 3, (в) будущее 2, взор 2, мнение 2, око 2, оптика 2, точка зрения 2, брови 1, взглядоведение 1, внимание 1, вперед 1, глазной центр 1, газета 1, глубокий 1, завораживающий 1, зрачок 1, красиво 1, лекарство 1, напряжение 1, однокурсница 1, окулист 1, ориентир 1, офтальмолог 1, очки 1, проникающий 1, ресницы 1, роковой 1, сериал 1, сверху 1, строгий 1, ТВ программа 1, человек 1, черника форте 1, четкость 1, чистота 1, чувства 1, цель 1; отказ – 6.*

ВЗГЛЯД ДОКТОРА ЧЕРНИКОВОЙ 70 – *сериал 7, клиника 4, строгий 4, черника форте 4, глаза 3, оптика 3, телепередача 3, врач 2, глазная клиника 2, диагноз 2, зрение 2, книга 2, лекарство 2, мнение 2, окулист 2, офтальмолог 2, белый халат 1, вдаль 1, вранье 1, детектив 1, дидея 1, его идеология 1, злость 1, крутой 1, лор 1, медицинский тренинг 1, медсестра 1, программа 1, темный 1, психолог 1, статья 1, таблетки 1, фильм 1, хороший взгляд 1; отказ – 6.*

Полученные результаты позволяют провести на следующем этапе качественный анализ ассоциативных связей исследуемых обозначений. Заметим, однако, что при таком подходе остается нерешенной проблема объективизации выводов эксперта. Сформулированное экспертом заключение выглядит субъективным, что может привести к его дальнейшему оспариванию заинтересованными лицами. Выход из этой ситуации видится в разработке четких критериев, позволяющих судить об ассоциативном сходстве/несходстве обозначений, поданных на регистрацию.

По нашему мнению, одним из таких критериев может стать рассчитанный коэффициент ассоциативного сходства исследуемых названий.

Коэффициент ассоциативного сходства (КАС) может быть определен как отношение количества респондентов, предложивших сходные

ассоциации в ассоциативном эксперименте, к общему числу опрошенных, выраженное в процентах [6, с. 21]:

$$КАС = N/n \cdot 100 \%,$$

где n – общее число опрошенных, а N – число респондентов, предложивших сходные ассоциации.

При этом (для обеспечения надежности результата) к сходным ассоциациям следует отнести только абсолютно совпадающие, но и близкие в смысловом отношении реакции (в нашем случае это, например, *передача на ТВ, телепередача и телепередача на ТВ; глазная клиника и глазной центр, офтальмолог и окулист, глаз и глаза, программа и ТВ программа* и т.п.).

Таким образом, выявленные экспериментально и представленные выше ассоциативные связи интересующих нас обозначений позволяют рассчитать коэффициент их ассоциативного сходства (КАС):

$$КАС \text{ взгляд, взгляд доктора Черниковой} = 65,7 \%$$

Выносить заключение об ассоциативном сходстве единиц до степени смешения можно лишь в тех случаях, когда коэффициент ассоциативного сходства превышает 50 %.

Таким образом, рассчитанный выше количественный показатель позволяет эксперту-лингвисту утверждать, что названия «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» ассоциативно сходны (с коэффициентом ассоциативного сходства 65,7 %).

Необходимо отметить, что описанный алгоритм определения ассоциативного сходства/несходства обозначений, на первый взгляд, представляет собой несложный фрагмент лингвистической экспертизы. Если не принимать во внимание тот факт, что данная часть исследования связана с проведением ассоциативного эксперимента, т.е. с опросом достаточного числа испытуемых и дальнейшей обработкой результатов проведенного эксперимента, что требует скрупулезности и методичности, то, действительно, все достаточно просто: если у сравниваемых обозначений есть общие ассоциации и рассчитанный коэффициент ассоциативного сходства превышает 50 %, можно говорить об ассоциативном сходстве обозначений, в противном случае выносится суждение об ассоциативном несходстве.

Представляется, между тем, целесообразным обсудить некоторые трудности описанной процедуры, а также связанные с ними типичные ошибки, допускаемые экспертами.

Так, первая ошибка, по нашему представлению, связана с тем, что при проведении ассоциативного эксперимента экспериментатор традиционно пытается охватить самые различные гендерные, возрастные, профессиональные и т.д. группы испытуемых. Заметим, что такой подход, правомочный в других видах исследований, в ситуации проведения лингвистической экспертизы товарного знака представляется не вполне корректным. По нашему мнению, основная часть респондентов (из практического опыта

– не менее 75 %) должна представлять так называемую целевую аудиторию анализируемого товарного знака (целевая аудитория в данном случае трактуется как группа лиц, которой адресован товарный знак и номинируемый им товар или услуга). Вывод об ассоциативном смешении/несмешении обозначения другими группами потребителей товаров и услуг не должен заметно влиять на вынесение окончательного заключения по причине неактуальности для них номинируемого таким способом товара.

Следующую трудность и разночтения вызывает вопрос: как трактовать результат, если сопоставляемые обозначения не вызывают ассоциаций у части испытуемых, если число так называемых отказов в эксперименте велико? По нашему мнению, отказы в эксперименте непременно должны трактоваться как общие ассоциации, в результате единицы, вызывающие малое число ассоциаций, будут трактоваться как сходные. Данный вывод подтверждается на практике: достаточно часто дети или недостаточно образованные носители языка смешивают в речи те единицы, которые им незнакомы, малознакомы и непонятны. Необходимо, однако, определить, при какой именно доле отказов в ассоциативном эксперименте правомочно формулировать вывод о нераспознаваемости исследуемой единицы? На первый взгляд, может показаться, что таким пороговым уровнем является уровень в 50 %. Этот показатель мотивируется следующим: если более половины носителей языка (потребителей товаров и услуг) не распознают исследуемое обозначение, они потенциально смешивают его с другим нераспознаваемым обозначением. Однако такой подход видится нам достаточно упрощенным и не вполне корректным, поскольку он верен лишь для той ситуации, когда речь идет об одной и той же группе испытуемых. На практике же конкретный носитель языка распознает одно обозначение и не распознает другое. Опыт проводимых нами лингвистических экспертиз подсказывает, что пороговый уровень должен быть повышен как минимум до 75 % - только в этом случае возможна ситуация, когда одна и та же группа респондентов (составляющая не менее 50 % опрошенных) не распознает оба исследуемых обозначения одновременно.

Думается, что методичная реализация ассоциативной методики в соответствии с предложенным алгоритмом, а также грамотное и мотивированное преодоление описанных трудностей не только повысит надежность полученных результатов, но и сведет к минимуму возможность их дальнейшего оспаривания.

В целом приведенные в работе соображения и продемонстрированный выше фрагмент лингвистической экспертизы свидетельствует о том, что:

- исследование звукового и семантического сходства обозначений не является исчерпывающим в процессе лингвистической экспертизы товарного знака;

- наиболее полную картину о сходстве/несходстве обозначений дает исследование их ассоциативного сходства;
- анализ ассоциативного сходства требует обращения к испытуемым – носителям языка, потребителям товаров и услуг;
- использование ассоциативной методики трансформирует лингвистическую экспертизу товарных знаков в психолингвистическую экспертизу;
- результаты исследования ассоциативных связей сравниваемых обозначений позволяют рассчитать особый количественный показатель – коэффициент ассоциативного сходства;
- расчет коэффициента ассоциативного сходства приносит в исследование объективность и надежные статистические критерии;
- анализ ассоциативного сходства – задача, реально решаемая в процессе лингвистической экспертизы товарного знака.

В целом же можно утверждать, что экспертиза товарного знака отличается от многих других видов лингвистической экспертизы возможностью и необходимостью использования экспериментальных методик.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007. 592 с.
2. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990. 205 с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993. С. 316 - 317.
4. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2003. 192 с.
5. Новичихина М.Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: теория и практика. Германия: Palmarium Academic Publishing, 2012. 120 с.
6. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака. Воронеж, 2013. 127 с.
7. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, зарег. в Минюсте России 25.03.2003 г., рег. № 4322). М., 2003.
8. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [//www.gk-rf.ru](http://www.gk-rf.ru).

*Новичихина Марина Евгеньевна, д-р филол. наук, проф.,
novichihiname@mail.ru, Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет.*

*ON RESEARCH OF ASSOCIATIVE SIMILARITY
IN THE PROCESS OF TRADEMARK'S LINGUISTIC EXPERTISE*

M.E. Novichikhina

The work is devoted to the problem of trademark's linguistic expert examination and search of ways to improve this process. The paper demonstrates that traditional research of sound and semantic similarity of denomination is not comprehensive in the process of examination. The article claims the necessity of associative analysis of compared elements. The research methodology of associative similarity of trademarks is described. The paper also reveals some typical mistakes made in the process of application of associative methodology.

Key words: linguistic expert examination, trademark, confusing similarity, similarity of sounds, graphic similarity, association similarity, index of association similarity.

*Novichikhina Marina Evgenievna, Doctor of Philology, Professor,
novichihiname@mail.ru, Russia, Voronezh, Voronezh State University.*

УДК 81.25

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ТАКСОНОМИИ ДИАЛОГОВ

Ю.С. Панова

Выявляются основные признаки, присущие различным видам диалоговой речи как формы общения. Автор описывает типы речевого поведения интерактантов, макростратегии, выделяя основные маркеры с точки зрения коммуникативных установок и характера взаимодействия собеседников, а также приводит примеры, иллюстрирующие рассматриваемые языковые явления.

Ключевые слова: стратегия, модальность, интенция.

Ввиду недостаточной разработанности типологии диалога в лингвистической литературе обычно предлагается самая общая классификация «надстилистического характера», состоящая из трех типов речи: 1) дискуссия официального характера; 2) бытовой разговор; 3) интервью [1].

В большинстве современных лингвистических работ авторы оперируют двумя классификациями диалогической речи, в основе которых лежат разные критерии: по типам коммуникативных установок и по характеру взаимодействия участников.

Диалоги обеих классификаций отличаются также разными видами модальности, преобладанием тех или иных коммуникативных реплик (утвердительные, вопросительные, восклицательные, побудительные), интенции и стратегий участников диалога (кооперативная, некооперативная).

Интересен взгляд на стратегию в качестве основного дифференциального признака диалогов. Диалог, будучи одной из форм существования языка, «является едва ли не важнейшей областью проявления языковых за-

кономерностей. Здесь проявляется сложная картина взаимодействия коммуникантов» [2].

В реальном общении интерактант взаимодействует с речевой тактикой говорящего, типами речевого поведения: говорящий может выступать в роли «агрессора», конструктивного собеседника или просто пассивно поддакивать.

Баранов А.Г. предлагает расширить зону действия Принципа Кооперации, интерпретируя его как Принцип Взаимодействия («стремление субъектов через текстовую деятельность к «согласованию» их частично «рассогласованных» когнитивных систем») и дополняя его принципами Функционализма (нормы в различных видах текстовой деятельности), Конструктивизма («конструкция» возможных миров автором и их «реконструкция» реципиентом) и Вежливости.

По мнению Гоффмана, каждым индивидуумом движут два мотива: защищать свою «территорию» от вторжения и устанавливать связь с ему подобным. Последнее ставит под угрозу целостность собственной «территории» [3].

Таким образом, две макростратегии лежат в основе взаимодействия между собеседниками: кооперативная стратегия («сотрудничества», или «миметическая» стратегия от греч. «mimesis» - сходство), и некооперативная стратегия («конфронтации», или «агональная» стратегия от греч. «agôn» - борьба) [4].

В этой связи в научной литературе выделяют агональные употребления речевых единиц, указывающие на конфронтацию:

- а) маркеры дистантности, обособленности говорящих;
- б) маркеры оппозиции, несогласия;
- в) маркеры полемики, вызова;
- г) маркеры речевой агрессии, конфронтации.

Маркеры дистантности позволяют говорящему подчеркнуть свою индивидуальность, отличие от собеседника, свой особый социальный статус и т.п. например:

- «*Moi, c' que j'aime, c'est la chaleur*».

Функция маркеров оппозиционной стратегии тесно связана с функцией маркеров контраргументации или отрицания иллокутивной, информативной, аргументативной релевантности высказывания, а также сочетается с функцией маркера имплицитного содержания и является средством реализации различных тропов (ирония, гипербола и т.д.) например:

- «*Henri, Enfin, Louis*».

Маркеры полемики отличаются более экспрессивным характером, содержащим элементы вызова, когда на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, направленный в конечном свете на личность партнера. Такие маркеры сочетаются часто с имплицитными стратегиями (тропами), такими, как ирония, инсинуация, насмешка и т.д. [5]. Они

связаны с речевыми актами удивления, упрека, запрета, угрозы, досады и т.д. например:

- «*Voyons, dis-donc, eh bien*».

Маркерами агрессии могут быть различные средства, например ругательные слова и т.д.

Для выражения стратегии сотрудничества используются разные элементы речи. Они предназначены маркировать интеграцию, единение говорящих между собой, как правило, в пределах какой-либо группы, отделив, таким образом, себя от «чужаков» (мы/они). Д. Андре-Ларошбови предлагает три степени такой интеграции:

- а) признание партнера и его точки зрения;
- б) указание на схожесть точек зрения собеседников;
- в) полное согласие с точкой зрения собеседника.

Следующим дифференциальным признаком разных типов диалога является модальность. Модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности [6, 7,]. В этом случае понятие «модальность» включает и эмоционально-экспрессивную оценку говорящего. По мнению В.Д. Девкина, модальность - это вероятность с разной степенью ее осуществления; необходимости; достоверности.

Г.В. Колшанский понимает языковую модальность как прямую аналогию модальности суждения, которая, будучи семантической категорией, «реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения» [8].

Модальность характеризует интенции говорящего. Прагматическая интенция – цель адресанта, которая связана с его мотивацией, а мотивация, в свою очередь, ситуативно обусловлена, то есть возникает в конкретной ситуации общения, в широком социальном контексте как результат предварительной оценки данного контекста адресантом [9].

К интенциональным состояниям Дж. Серль относит веру, страх, надежду, любовь, ненависть, желание, симпатию, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, раскаяние, восторг, уныние, тревогу, гордость и т.д. [10].

М.Ж. Аренова предлагает классификацию интенций говорящего с учетом ведущего мотива, целеполагания: интенция выражения, эмотивной оценки; интенция выражения эмоционального состояния [11]. Вопрос об интенциях автора (т.е. продуцирующего текст) относится к дискуссионным. Спор ведется в основном по двум положениям: надо ли выявлять в тексте то, что хотел сказать автор, или же текст сам говорит, независимо от интенций его автора. Отношение автора к фрагменту действительности, отображенному в произведении, выражается в произведении через текстовую модальность, которая есть результат реализации авторских интенций, или форма их существования.

В научной литературе одни авторы выделяют утвердительную модальность («Он придет сегодня»), вопросительную («Он придет сегодня?»), побудительную («Приходи сегодня»), восклицательную («Он придет сегодня!»). Другие авторы описывают такие виды модальности, как заинтересованность, возражение, убеждение, агрессия, эмоциональность, воздействие.

Лингвисты различают также алетическую модальность, констатирующую реальность высказывания («Он пришел»), деонтическую, показывающую неуверенность («Он должен прийти»), эпистемическую, выражающую большую уверенность («Без сомнения, он придет») [12]. В основе коммуникативных и речевых стратегий лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов [13].

Модальность в художественных текстах рассматривается как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте» [14].

В настоящей работе мы считаем целесообразным исходить из традиционного понимания языковой модальности, которая раскрывает отношение содержания высказывания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего.

Разделяя точку зрения Г.Г. Почепцова, мы считаем реальной конечной интенцией ту, «которая имеет двустороннюю силу и распространяется как на говорящего, так и на адресата» [15].

В качестве примера информативного диалога-разговора рассмотрим диалог из новеллы Андре Моруа «Bonsoir, chérie»:

-Alors, c'est prodigieux, mon petit Antoine... Incroyable, mais prodigieux... Il faut que je m'incline... D'ailleurs j'ai toujours eu, moi aussi, une sorte de faiblesse pour Françoise... Et je n'ai jamais compris pourquoi les gens ne l'aiment pas. (1)

- Est-ce que les gens ne l'aiment pas? (2)

- Ils la détestent... Vous ne le saviez pas? ... J'ai été frappée de retrouver, à Nice, les mêmes jugements sur elle qu'à Pont-de-l'Eure. (3)

- Que lui reproche-t-on? (4)

- Oh! Toujours les mêmes choses... D'être égoïste, coquette avec les hommes, un peu perfide avec les femmes... Très dissimulée ... Et puis de manquer de tact... (5)

Роль лидера, участника, направляющего ход диалога, здесь играет спрашивающий с короткими репликами-переспросами и вопросами (реплики 2,4). Реплики отвечающего протяженные, почти монологизированные (1,3,5).

Диалог происходит при кооперативной стратегии, так он не содер-

жит императивных реплик и специфичной для некооперативной стратегии лексики. Согласно правилам мены коммуникативных ролей, говорящий сам передает свою коммуникативную роль [16]. В этом случае он производит тематическую установку последующего речевого хода. В реплике-реакции (1) такой имплицитной установкой являются слова «Et je n'ai jamais compris pourquoi les gens ne l'aiment pas», в реплике (3) – слова «J'ai été frappée de retrouver, à Nice, les mêmes jugements sur elle qu'à Pont-de-l'Èure». Говорящий намерен услышать от собеседника реакцию на данные суждения. Спрашивающий с помощью эксплицитных средств передаёт ход собеседнику – вопросом.

Мена коммуникативных ролей реализует принцип коммуникативного сотрудничества, предложенный П. Грайсом, принцип вежливости Р. Лакоффа [17] и принцип такта Дж. Лича [18].

Таким образом, все данные принципы образуют систему речевого взаимодействия, основанную на «механизмах равновесия» («mécanismes de régulation») [19]. Такими механизмами выступают: обозначение партнера по коммуникации «mon petit Antoine», используемые в качестве смягчения немного неприятного разговора для спрашивающего; в той же роли выступают слова «D'ailleurs j'ai toujours eu, moi aussi, une sorte de faiblesse pour Françoise». Несмотря на выраженные маркеры кооперативной стратегии, однако, в разговоре присутствуют имплицитные маркеры, указывающие на конфронтацию.

Как уже отмечалось выше, маркеры полемики отличаются более экспрессивным характером, содержащим элементы вызова, когда на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, направленный в конечном свете на личность партнера. Они связаны с речевыми актами удивления, упрека, которые содержатся в репликах (2, 4). Речевые акты, выражающие интенцию неприязни [10], содержатся в репликах (1, 3, 5) «les gens ne l'aiment pas», «Ils la détestent», «D'être égoïste».

Модальность заинтересованности отвечающего выражается в предоставлении информации, а спрашивающего - в ее получении и характеризует интенции говорящих.

Целенаправленность содержит указание на заинтересованность говорящих в сообщении и получении нужной информации.

Целеустановки у персонажей этого диалога разные: у отвечающего – выдать всю информацию, а у спрашивающего – внести сомнение и узнать.

Итак, две макростратегии: кооперативная и некооперативная представляют основные дифференциальные признаки типов диалогового взаимодействия, а модальность, интенция и характер реплик – сопутствующие.

Список литературы

1. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.
2. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1992. 95 с.
3. Goffman E. Façon de parler. P.: Minuit, 1987. 278 p.
4. Larochebouvuy André D. La conversation quotidienne. P.: Didier-Crédif, 1984. 196 p.
5. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. T1. P.: A. Collin, 1990. 318 p.
6. Ярцев В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Современная энциклопедия, 1990.
7. Соскина С.Н., Е.С. Хорольская. К вопросу о модальности //Сб. науч. ст. Калининград: Институт им. Канта, 2009.
8. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 80-106.
9. Голоднов А.В. Функциональная типологизация дискурсов (на примере персуазивного дискурса// Жанры и типы текста в научном и Медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 45. 342 с.
10. Searle, J.R. L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux. P.: Minuit, 1985. 314p.
11. Аренова М.Ж. Текст и дискурс как сфера реализации оценочной эмотивности // Межвузов. сб. науч. тр. Вып. 4. Жанры и типы текста в научном и Медийном дискурсе/ отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. С. 92.
12. Gerand Violaine, Daniel Bergez, Jean- Jacques Robrieux. Vocabulaire de l'analyse littéraire. P., Nathan, 2001.
13. Масалимова Д.Е. Текст и диалогический дискурс как сфера реализации речевого взаимодействия коммуникантов// Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 77-88. 342 с.
14. Донскова О.А. средства выражения категории модальности в драматургическом тексте. М., 1982.
15. Почепцов Г.Г. Фатическая коммуникация //Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин: КГУ, 1986. С. 52-59.
16. Grice H., Cole P., Morgan J. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. New-York: Academic Press. Vol. 3: Speech Acts, 1975. P.41-58.
17. Lakoff R. language and Woman's Place // Language in Society, 1973. Nr. 2. P. 45 -70.
18. Leech G. Principles of Pragmatics. London-New-York: Longman,

1983. 250 p.

19. Gaulmyn M.-M. Reformulation et planification métadiscursives.// Cosnier J., Kerbrat Orecchioni C. (Direction) Décrire la conversation. Lyon: PUL, 1987. P. 167-198.

Панова Юлия Сергеевна, канд. филол. наук, доц., aida.961@rambler.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

GENERAL FEATURES OF DIALOGUES TAXONOMY

Yu.S. Panova

The purpose of the article is to outline the general features typical of different kinds of dialogues as a form of communication. The author describes the interlocutors' types of speech and macrostrategies by distinguishing the main markers of communication purpose and nature of communicators' interaction, and gives the examples illustrating the language phenomena under consideration.

Key words: strategy, modality, intention

Panova Yulia Sergeevna, PhD (Philology), Associate Professor, aida.961@rambler.ru, Tula, Tula State University.

УДК 808.1

СИМВОЛИКО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЗЕ В.Е. МАКСИМОВА КОНЦА XX ВЕКА

И.М. Попова

Исследуются принципы художественного историзма прозы В.Е. Максимова, доказывается, что символично-метафорический принцип изображения исторических событий преобладал в художественной системе писателя, так как позволял более глубоко выразить концепцию православного видения русского исторического процесса в его романистике.

Ключевые слова: художественный историзм, аналоговый историзм, символично-метафорический принцип изображения, православная аксиология.

Историзм творчества Владимира Емельяновича Максимова вполне закономерен и полностью вписывается в литературно-философский контекст третьей волны русского зарубежья, поскольку писатель не мог не сознавать острую необходимость переосмысления российской истории XX века в аспекте утраты в исторической памяти народа православной аксиологии, бывшей основой народного мировоззрения на протяжении его тысячелетнего существования.

«Образ мира, который складывается у людей <...> в процессе постижения ими его многообразия» [8], интерес к историческому прошлому возникает, как правило, в катастрофические, переломные моменты эпохи, которые требуют глубокого осмысления с целью предвидения будущего. «Русская мысль сплошь исторична, она обращена к вопросам о смысле истории, о законах исторического развития», - писал В.В.Зеньковский [1]. Ему вторила Л.А.Трубина: «Склоняясь к исторической рефлексии, внимание к прошлому в сочетании с критикой настоящего и устремленность в будущее с напряженными исканиями нравственной правоты исторического бытия представляют собой нерв русской литературы, ее важнейшую национальную черту» [2]. Закономерно пытаясь найти решение «загадки судьбы России, в историческую прозу 1970-х годов пришли со своими произведениями писатели, прежде не обращавшиеся к историческому повествованию: В. Шукшин, Ю. Трифонов, Б. Окуджава и др., а в 1980-е их ряды пополнили А. Ананьев, В. Ганичев, В. Чевилихин, а также представители литературы третьей волны русского зарубежья: А. Солженицын, Ф. Горенштейн, М. Алданов, В. Некрасов, В. Максимов и др. Характерным для всех перечисленных романистов было то, что в их творениях поднималась проблема взаимоотношения власти и личности, устанавливалось соотношение идеологического и нравственного в политике, определялась необходимость извлечения опыта из уроков истории.

Историческая проза В. Максимова, как и А. Солженицына, характеризовалась тем, что в ней давался «православный взгляд на события, изображавшиеся в традициях русского духовного реализма». Писатели были уверены, что важнейшим завоеванием христианства является историзм [4]. В исторических романах обоих писателей учитываются вновь открытые для истории документы, уточняющие многие спорные моменты революционных событий, гражданской войны, периода сталинских репрессий, Великой Отечественной войны и хрущевско-брежневских эпох. Говоря об особенностях исторической прозы, необходимо подчеркнуть то, что отметил В.Е.Васильев в своих статьях. Существовали две основные традиции, идущие от И.С. Шмелева и В.В. Набокова, которые были продолжены в прозе многих писателей русского зарубежья третьей волны, сообщив новый толчок ее развитию и влив новую кровь в остывающие традиции. В. Максимов продолжал традицию духовного реализма, опираясь на открытия В.В. Набокова и И.С. Шмелева.

Несомненно Максимовым был также учтен художественный опыт И.А. Бунина («Окаянные дни»), З. Гиппиус («Петербургские дневники»), А. Ремизова («Слово о гибели Земли Русской»), И. Бабея («Конармия») и других писателей, произведения которых глубоко затрагивали события разных исторических этапов из жизни России.

В максимовском повествовании центральное место всегда занимает историческая концепция личности, складывающаяся из мировоззрения чело-

века определенной исторической эпохи и его представлений о сущности прогресса. При этом термин «концепция личности» в историческом произведении включает в себя аксиологические, политические, социальные и психологические компоненты.

Несмотря на наличие значительного количества исследований по проблемам творчества В.Максимова [3], целостному и специальному изучению этот важнейший аспект, а именно, историзм творчества писателя не подвергался, а особенности художественного историзма Максимова в литературоведческой науке не изучены специально.

В литературе русского зарубежья, по словам Е.Ю.Зубаревой, «история отражается в литературе, литература же становится фактом истории, в связи с этим понятие «третья волна» стало более политическим нежели эстетическим» [4].

Е.Ю.Зубарева подчеркивала отличие историзма Максимова: «Если, например, в текстах Аксенова, Алешковского или Войновича приоритетными являются социальные проблемы и для их осмысления используются преимущественно сатирические гротескные приемы изображения, то в прозе Ф. Горенштейна или В. Максимова на первый план выходит философская (и прежде всего религиозно-философская) проблематика [4, 476].

Общеизвестно, что историческое сознание – это особое качество художественного сознания [5]. История, осмысленная и воплощенная в художественных произведениях, определила не только проблемно-тематическую доминанту художественного творчества Максимова, но и важнейшие принципы художественного отражения мира, описания личности, а также предпочтения в выборе жанра и стиля, поскольку «видение прошлого как человеческого зодчества жизни придает истории качество структурированного единства» [6].

Историзм творчества В.Е. Максимова можно отнести к преобладающему в русской советской литературе типу «аналогового» историзма, суть которого заключается в осмыслении современности путем ретроспекции и выявления генезиса развития исторического события в предыдущие эпохи. Спецификой художественного историзма творчества В.Е. Максимова является осмысление сути события через духовную эволюцию центральных персонажей, предельное усиление метаисторического смысла происходящего. Обращение к историческим фактам для писателя является способом самопознания, национальной идентификации, смысл которой в обретении «почвы под ногами», в убежденности, что даже трагические исторические события очистительно воздействуют на личность и народ.

Для романистики В.Е. Максимова характерно наблюдение за связью духовно-нравственного состояния общества и его социально-экономического уровня развития, приводящие писателя к выводу, что социальные беды определяются «отступлением от чистого истока правосла-

вия», а возврат к традиционным ценностям ведет к возрождению России и укреплению ее позиции в мире.

Специфика художественного историзма творчества В.Е. Максимова заключается в том, что в своем творчестве писатель подразделяет историю России XX столетия на два периода: первый этап (1917 – 1937 годы) – порабощение народа идеями коммунизма о всеобщем равенстве и земном счастье, определившем прохождение сквозь мытарства социальных бед (братоубийство, разорение, голод, войны, гибель в концлагерях). Вторым этапом (1940 – 1945 годы) – время возрождения нации через покаяние и духовное очищение в горниле Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, начавшейся борьбы за освобождение личности от гнета тоталитаризма и деспотии, возрождение православной ментальности.

В связи с этим художественное воплощение исторических событий в творчестве В.Е. Максимова обнаруживает определенную динамику. Если события первого периода воссоздаются посредством символических мотивов бездны, вихря бездомья, тупикового пути, блудного сыновства, перекасти-поля и др., то второй этап русской истории изображается с помощью фольклорных и евангельских мотивов карантина, праведного пути, голубых парусов, звезды, горящей свечи и др.

Документально точное изображение событий Октябрьской революции и гражданской войны осуществляется В.Е. Максимовым во всех его крупных эпических произведениях посредством символической метафоризации, выводящей произошедшее из реально-исторического во вневременной план метаисторизма. Автор использует целую систему знаковых понятий: звезда, путь, дом – бездомье, бездна, карусель, вихрь и др.

Изображая Октябрьскую революцию как общероссийскую социально-нравственную катастрофу в романе «Семь дней творения» [7], например, писатель вводит мотив «подмены», то есть лжи, замены истинного идеала земной жизни, состоящего в духовном самосовершенствовании, на ложный, заключающийся в погоне за земным материализованным комфортом, за «сытостью», то есть мнимым равенством по потребности, независимом от труда и способностей человека.

Автор воплощает в романе символический образ подмены: муляж окорока, выставленный в витрине магазина. Окорок кажется «бойцам революции» настоящим, и они под пулями, отдавая свои жизни, пытаются добыть его, но, убедившись, что окорок картонный, испытывают душевную опустошенность.

Достижения «лучшего и равного для всех обустройства земной жизни» на основе исключительно материального изобилия не происходит: а зато полусытая жизнь теряет всякий высший смысл.

Авторское представление о ходе истории в период революционного переворота раскрывается также через символику уходящего поезда, уплывающего дома, похожего на гроб двора.

Динамику истории передает резкая смена временных пластов, в которых пейзажные образы становятся историческими метафорами, а затем, повторяясь и варьируясь, создают лейтмотивы и сквозные мотивы.

Путем символической метафоризации Владимир Максимов доказывает, что Россия сама по себе представляет целую цивилизацию с многовековой и трагической историей и даже роковые ошибки ее пути являются неотъемлемой составляющей мирового исторического процесса и что духовное развитие русского народа нужно анализировать только с учетом его исконной исторической роли в мире.

В своей совокупности содержание романа «Семь дней творения» является историческим: центральное авторское утверждение - смысл жизни заключен не в коммунистическом идеале, а в «сотворении себя в духе» путем возрождения христианской аксиологии.

Исторически верно в романе «Семь дней творения» показано, что когда первые пролетарии (Иван Любушкин, Никишкин, Александр Горев) потеснили «белую кость» (дантиста Меклера, музыкантов Храмовых и полковника Козлова), то сначала возникла кажущаяся гармония: соседи наслаждаются общими мечтами о будущем, о справедливости распределения благ и о земном благополучии.

Дети пролетариев, как были убеждены сами пролетарии, должны жить в хороших домах и учиться "на дантистов". Но не бывает счастья, построенного на несчастье и притеснении другого. Василий Лашков видит сначала трагедию семьи музыканта Храмова, а затем и остальных. Уже в первую ночь после вселения-выселения ему снится пророческий сон, в котором все лица людей в России оказываются как две капли воды похожими на лица этой «дурочки» и «блаженного».

Можно понять эту символическую художественную деталь как авторское предварение трагических судеб всего послереволюционного поколения россиян. Усиливает это предчувствие и «шелестящая мелодия постепенной гибели», которую слышит в своем сердце участковый Калинин: "Она разрастается в нем, оплетая пору за порой, нерв за нервом, и ему иногда казалось, что он слышит даже самое ее движение... И поэтому все остальное в мире по сравнению с ней - с этой мелодией - вызывало в нем только скуку, вязкую, будто смола для асфальта" [7, т. 2, с. 180]. Шелест – это метафоризация отчаяния и беспросветной тоски от чувства богооставленности.

Многие из стана "победителей-революционеров" тоже ощущают свою предреши́нность, свой «гибельный конец». Василий Лашков только перед смертью ощутит этот «шелест». Душа Василия оказывается с червоточиной, так как он ограничен "житейской скудостью духа". Он не замечает своего постепенного падения, потому что равнодушен к чужой боли. Когда "дочь великого маэстро" неистовствовала, закрытая матерью на ключ при выносе проданного рояля, то Василий не испытал ничего, кроме

злости на «простую барскую дурь» [7, т 2, с. 181], но вскоре почувствовал похожее неистовство в себе. Представители тех социальных классов, ради которых совершилась Октябрьская революция, претерпевают необратимые изменения в сторону деградации, примитивизации, озверения, бездуховности из-за «подмены цели».

В романах «Карантин» и «Ковчег для незваных» автор вводит специальные исторические экскурсы, посвященные доказательству пагубности для России отхода от православия, произошедшего в XV – XVI вв., пролонгированным результатом которого в конце концов и стала жесточайшая революционная смута и установление тоталитарного режима.

В «Карантине» подробно показан путь, который прошла православная Русь за свою тысячелетнюю историю. В начале изображено крещение Руси и основание рода Храмовых, которое положил «идолопоклонник-язычник», деревянных дел мастер Илья Храмов, ставший православным монахом «благодатью божией».

Затем воссоздано земное бытие правнука Ильи Кирилла Храмова, жившего в петровскую эпоху. Петр I вводит «Правительствующий Синод», который является, по словам думного дьяка Кирилла Храмова, «сборищем приказных и военных». Нововведение заставляло «духовного пастыря земли русской» идти к ним на поклон: «Умаление святого сана патриарха было покорением антихристу» [7, т. 3, с. 102]. Это, по убеждению Максимова, роковое начало отступления Руси от истины, обусловившее дальнейшее революционное брожение в русском народе: Кирилл – блюститель православной веры – был возмущен «богопротивной блажью» молодого государя Петра. Игумен Стефан, противостоящий беззакониям и бесчинствам, все-таки прельстился земной властью и славой, выдал тайну исповеди власть предержащим. Причина падения обозначена так: «Слетелось на Русь лютеранское воронье праздновать тризну по ее гибели теперь не выпустят из когтей, пока по зернышку не склюют» [7, т. 3, с. 102].

Революционная эпоха показана в «Ковчеге для незваных» как начало «губительной кутерьмы смутного существования»: «Пятый год, Сталинские Посулы, Первая Мировая, Лихая Гражданская и Три Великих Голодухи с Последней Войной в придачу лютой прополкой прошли по Сычевке... Народ бежал земли, как мора, стихийной беды, божьего наказания. Земля сделалась обузой для человека, его несчастьем и проклятьем. Земля только обязывала, не давая взамен ничего, кроме забот, налогов и каждодневного страха» [7, т. 6, с. 7]. В результате русская деревня после революции потеряла «вместе с тягой к земле и память о самой себе» [7, т. 6, с. 9]. Рассказчик, описывая исторические эпохи как «российское безвременье», подчеркивает, что основа основ России – русская деревня «поплыла без руля и без ветрил по мутным водам времени вне берегов и надежды, не зная куда и зачем» [7, т. 6, с. 10].

Таким образом, документальность при воссоздании исторических событий Октябрьской революции и гражданской войны 1917 – 1924 годов в романистике В.Е. Максимова соединяется с символической метафоризацией повествования, переводящей реальные события в план метаисторизма, вселенской истории человечества, что осуществляется посредством символов звезды, бездны, вихря, руин, карусели, бесплодной смоковницы и др.

При характеристике исторической личности В.Е. Максимов всегда исходит из приоритета духовного, не зависящего от классовой социальной принадлежности, а определяющимся только качествами души человека; из признания «главенствования» вневременного над телесным, земным бытием. Художественный историзм Максимова при воссоздании исторических событий определяется рамками духовного реализма.

Посредством создания реминисцентного фона фольклора и русской классики, эпоха сталинизма изображена Максимовым как апогей падения духовности, глобального обесценивания личности, как итог кризисного этапа исторического развития, вызванного разрывом с православными ценностями, составляющими сердцевину русской ментальности.

Список литературы

1. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.1. Л., 1991. С. 16.
2. Трубина Л.Л. Историческое сознание в русской литературе первой трети 20 века: Типология. Поэтика: автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 199. С.3.
3. Баклыков А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 189с.; Дзиов А.Р. Проза Владимира Максимова: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1994. 160 с.; Глазкова М.М. Роман Владимира Максимова «Семь дней творения»: проблематика, система образов, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 178 с.; Жукова Т.Е. Поэтико-философский аспект повестей Владимира Максимова «Карантин»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 189 с.; Шахова Л.А. Функции интертекста в романистике Владимира Максимова (на примере романа «Ковчег для незваных»): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1999. 162 с.
4. Зубарева Е.Ю. Литература эмиграции третьей волны. Основные черты литературного процесса // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)/ под ред. А.П. Абраменко. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011. С.464.
5. Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб, 1992. 155 с.
6. Васильев В.Е. Литература русского зарубежья в современном литературном процессе России // Современная русская литература

конца 20 – начала 21 века/ под ред. С.И. Тиминой. М.: Академия, 2011. с. 169.

7. Максимов В.Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1-8. М.: Терра, 1991-1993.

8. Константинова Л.А. Актуальность разработки подходов к описанию отдельно взятого российского региона с позиций лингвокультурологии// Известия ТулГУ. Язык и литература в мировом сообществе. Вып. 11. Актуальные вопросы теории и методики преподавания русского языка и литературы. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. С.124.

Попова Ирина Михайловна, д-р филол. наук, проф, зав. кафедрой, llv82@mail.ru, Россия, Тамбов, Тамбовский государственный технический университет.

SYMBOLIC AND METAPHORICAL PRINCIPLE OF DEPICTING HISTORICAL EVENTS IN THE PROSE OF V.E. MAXIMOV AT THE END OF THE 20TH CENTURY

I.M. Popova

The article dwells on the principles of artistic historicism in the prose of V.E. Maximov and proves that symbolic-metaphorical method of showing historical events dominates in the writer's artistic system allowing him to express his concept of Orthodox vision of the Russian historic process in his Romance studies in a more profound way.

Key words: artistic historicism, analog historicism, symbolic and metaphorical principle of depiction, Orthodox axiology

Popova Irina Mikhailovna, Ph.D, Professor, Head of Department, llv82@mail.ru, Russia, Tambov, Tambov State Technical University.

УДК 811

ИНТЕРСТИЛЕВОЕ ТОНИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Д.А. Разоренов, А.С. Бизикина

Рассматривается прием интерстилевого тонирования англоязычных политических текстов на примере прощального послания к Конгрессу как один из способов осуществления манипуляции общественным сознанием. Определяются цели и закономерности использования лексики из разных стилей, а также особенности ее влияния на адресатов.

Ключевые слова: интерстилево тонирование, интертекстуальность, политический текст, политическая коммуникация, ритуальный жанр.

Предметом исследования в рамках данной статьи стал прием интерстилевого тонирования политического текста на примере прощального послания к Конгрессу сенатора Рона Пола.

В соответствии с классификацией Е.И. Шейгал, послание к Конгрессу США можно отнести к ритуальному жанру политической коммуникации [4, с. 317]. В послании допускается определенная свобода, но все же оно отличается предсказуемостью, клишированностью и особой тональностью. В данном сообщении сенатор имеет возможность проанализировать ситуацию в стране и мире, высказать свое мнение по любому общественно-политическому вопросу, осудить или выразить одобрение и получает шанс поблагодарить коллег за сотрудничество.

В прощальном послании к Конгрессу сенатор Рон Пол обращается как к сенаторам, так и к гражданам Америки. Рон Пол был сенатором с 1976 года и за столь внушительный срок показал себя убежденным консерватором и поборником «изоляции» Америки. Послание выделяется объемом — обычно сенатору отводится около 30 минут, но Рон Пол выступал на протяжении часа. Главной темой стал тезис: «Некоторые действия государства могут быть опасны для свободы». В речи он затрагивает проблемы мира и свободы, рассуждает о существовании большого количества трудностей в жизни страны, а также о мерах, которые необходимо принять для их устранения. Рон Пол поднимает вопросы, ответы на которые принимаются сейчас в виде аксиом, он критикует интервенционистскую внешнюю политику (поддерживаемую двумя крупнейшими партиями США), практику централизации власти в Вашингтоне, отход от принципов Конституции и случаи нарушения естественных прав и свобод граждан. Сенатор отмечает, что он удивлен тем, что не встречает на политической арене политиков, которые одновременно защищали бы экономические и гражданские свободы. Он призывает граждан самим заботиться о себе и отстаивать ценности прав и свобод личности без насилия и жестокости. Один из авторов, рассматривая систему ценностей и антиценностей в американском политическом сознании, выделяет две сферы политического сознания: внешней и внутренней политики [1]. К сфере внешней политики можно отнести языковую картину политического мира, образы зарубежных государств, включая типовые представления о различных государствах, а также этнические стереотипы. К сфере внутренней политики относятся концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания, образующие политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации [1, с. 504]. Таким образом, обращение сенатора к основным человеческим ценностям, таким, как гражданские права и свободы, нацелено на манипулирование общественным сознанием.

Анализируя выступление сенатора, необходимо отметить, что при выборе языковых средств Рон Пол не ограничивал себя лишь нейтральной лексикой и лексикой публицистического стиля. Текст отличается сложным переплетением признаков разговорной, официально-деловой и научной речи. В лингвистике данное явление получило название интерстилевого тони-

рование текста. Ученые (А.Н.Баранов, Ю.Н. Караулов, С.И. Сметанина, А.П. Чудинов) утверждают, что интерстилевое тонирование позволяет сделать выступление более живым, эмоциональным и яснее выразить позицию автора по отношению к рассматриваемым вопросам.

А.П. Чудинов в книге «Современная политическая коммуникация» определяет интерстилевое тонирование как «намеренное использование в тексте языковых средств с максимально разнообразной стилистической окраской, в том числе таких, которые воспринимаются как стилистически инородные, несоответствующие традиционным представлениям о качествах политического текста» [3, с. 94]. В дальнейшем автор, рассматривая данный прием, указывает на то, что авторы политических текстов теперь свободно вводят в текст элементы других стилей, которые совершенно несовместимы, например просторечную лексику в сочетании с научной. Таким образом, создается текст, который является смесью разных стилей. Он обладает большим убеждающим воздействием на аудиторию, позволяет проводить скрытые сравнения, успешно добиваться намеченных целей.

Сегодня в мире ценятся такие качества политика, как открытость, искренность, непосредственность в общении, близость к людям.

Просторечные языковые единицы могут быть употреблены в политической коммуникации с разными целями:

1) в качестве заменителей нейтральной лексики используется стилистически сниженная или ненормативная просторечная лексика для *усиления экспрессии и аффектации высказывания*;

2) используются экспрессивные, стилистически сниженные и даже грубовато-фамильярные синонимы к нейтральной лексике *для усиления прагматического и выразительного эффекта высказывания* [2, с. 5].

Порой политические деятели прибегают к употреблению просторечной и разговорной лексики для бескомпромиссного выражения своей точки зрения, часто с явно выраженной агрессивностью поведения и, таким образом, применение сниженной и просторечной лексики является единственно возможным способом выражения позиции автора.

Рассматривая содержание статьи, важно отметить, что проблемы, которые поднимаются в тексте выступления, касаются каждого жителя США. Обращаясь к Конгрессу, автор активно использует разговорную лексику, стремясь к тому, чтобы высказывание было эмоциональным и отражало всю глубину переживаний сенатора за Родину:

- The country and the Congress will remain divisive since there's no **“loot (informal: money) left to divvy up”** (informal: to divide sth especially money into two or more parts);

- It should be an easy **sell** (informal: sth that is not as good enough as it seemed to be);

- The theory of a society being based on individual freedom **has been around** for a long time. (informal: to have had experience of many different situations so that you can deal with new situations confidently).

Особенно ярко разговорная лексика контрастирует с книжными словами и выражениями, когда находится в их непосредственной близости:

- Permitting such *authority* and expecting saintly behavior from the *bureaucrats* and the *politicians* is a **pipe dream** (informal: a hope, wish, or dream that is impossible to achieve or not practical);
- A **grand** (dialect/informal: very good, excellent), but never mentioned, *bipartisan* (written: involving two political parties) agreement;
- This neglect *ushered in* (formal: to be the beginning of sth new or to make sth new begin) an age of redistribution of wealth by government **kowtowing** (informal, disapproving: to show sb in authority too much respect and be too willing to obey them) to any and all special interests, except for those who just wanted to left alone;
- A dollar crisis will **bring** the *current out-of-control* (informal: uncontrolled) *system* to its **knees** (idiomatic: to defeat sb);
- ...debt can be **papered over** (informal: to try to hide a problem that is temporary and not likely to be successful) by an **out-of-control** (informal: uncontrolled) *fiat monetary system*;
- Why is there so little concern for the Executive Order that gives the *President authority* to establish a “**kill list**” (informal, disapproving), including American citizens, of those targeted for *assassination*?

Подобное смешение слов из разных стилей несет яркий экспрессивный заряд и дает резко отрицательную характеристику описываемым явлениям.

Рон Пол использует интерстилевое тонирование для создания необходимого эффекта, акцентируя внимание на имеющихся проблемах и предложенных путях их решения.

Заметно выделяется научная лексика из области медицины, которая в данном тексте употребляется метафорически, описывая политическую жизнь страны: Рон Пол намекает на то, что при решении некоторых вопросов требуется «срочное хирургическое вмешательство», а порой, что «случай безнадежен»:

8. ...the grant of power inevitably **metastasizes into** an omnipotent political **cancer**;
9. ...claiming there is a choice of a “little” tyranny is like describing **pregnancy** as a “**touch of pregnancy**”;
10. As our liberties have been eroded our **wealth has been consumed**;
11. Sadly, many religious groups, secular organizations, and **psychopathic** authoritarians endorse government initiated force to change the world.

Использование терминов и заимствованных слов при создании политического текста имеет ряд особенностей. Слово несет на себе отпечаток происхождения, историю употребления, вхождения в политическую коммуникацию. Часто оно становится знаком определенной системы ценностей, приобретает атрибутивный характер. В политическом тексте термины зачастую переосмысливаются и используются для создания ярких и запоминающихся образов, приобретающих значительный потенциал воздействия.

Латинские заимствования, полностью сохранившие свой облик, используются в английском языке весьма ограниченно: обычно в стилях научной прозы, в деловых документах или в высоких официальных речах, и, таким образом, придают выступлению возвышенный ораторский стиль. К тому же заимствования, использованные Роном Полом, представляют собой морально-ценностные ориентиры всей нации и «формируют стереотипные особенности массового политического сознания» [1, с. 504].

- The Constitution or more **laws per se**, have no value if the people's attitudes aren't changed;

- Today the principle of **habeas corpus**, established when King John signed the Magna Carta in 1215, is under attack.

Рон Пол также обращается к философским идеям, применяя их к политической действительности, осуждая действующий режим:

- **Keynesianism** continues to thrive, although today it is facing healthy and enthusiastic rebuttals. Believers in military **Keynesianism** and domestic **Keynesianism** continue to desperately promote their failed policies as the economy languishes in a deep slumber.

Keynesianism - кейнсианство (философские, идеологические и аналитические взгляды большинства американских экономистов, а также разделяемые ими теории занятости и практических путей стабилизации экономики).

- Neither endorse **voluntarism**.

Voluntarism - волюнтаризм (направление в философии, рассматривающее волю в качестве высшего принципа бытия).

- It is good that material abundance is a result of liberty, but if **materialism** is all that we care about, problems are guaranteed.

Materialism – материализм (приверженность материальным ценностям, отрицание духовности).

В прощальном послании к Конгрессу сенатор Рон Пол активно использовал прием интерстилевого тонирования для создания политического текста, который оказывает сильное эмоциональное воздействие на аудиторию, позволяет автору успешно реализовывать функцию убеждения, а также ярко демонстрировать свою позицию по отношению к обсуждаемым проблемам.

Использование разговорной лексики в данном тексте способствует усилению экспрессии и аффектации, акцентирует внимание адресатов на актуальных проблемах в стране и мире, приближает сенатора к народу. А включение в речь специальных терминов из различных научных областей демонстрирует эрудированность автора.

Использование интерстилевого тонирования способствует построению речи таким образом, чтобы оратор достиг желаемых целей и создал текст, который бы обладал большей силой убеждения.

Список литературы

1. Разоренов Д.А. Система ценностей и антиценностей в американском политическом сознании // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Ч. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 503-509.
2. Назаренко Л. Прагматический эффект просторечия в языке русской политики // Новая русистика. Брнен, 2010. С. 3-11.
3. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. Екатеринбург, 2009. 292 с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
5. Paul R. Ron Paul's Farewell Speech to Congress. 2012. URL: <http://www.campaignforliberty.org/national-blog/transcript-of-farewell-address> (дата обращения: 26.05.2014).

Разоренов Дмитрий Александрович, канд. филол. наук, доц., декан, razoryonov@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Бизикина Анастасия Станиславовна, студентка 5 курса, Anastasia_bizikina@yahoo.com, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

INTERSTYLE TONING IN ENGLISH POLITICAL TEXTS

D.A. Razorenov, A.S. Bizikina

The article describes the use of the interstyle toning in English political texts as the means of changing the common perception as exemplified by the Farewell Speech to Congress. The purpose of use and realization patterns of the interstyle toning are defined in the course of the article. It also covers the various psychological effects on the addressees.

Key words: interstyle toning, intertextuality, political text, political communication, ritual genre.

Razorenov Dmitrii Alexandrovich, candidate of philological science, docent, dean of the faculty, razoryonov@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

Bizikina Anastasiia Stanislavovna, 5th year student, Anastasia_bizikina@yahoo.com, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЧЕСТВЕННОЙ И ПОПУЛЯРНОЙ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д.А. Разоренов, Ю.В. Акимцева

Посвящена лингвистическим и стилистическим особенностям качественной и популярной прессы Великобритании. Здесь продемонстрированы основные отличительные и сходные черты двух видов прессы с точки зрения лингвистического и экстралингвистического факторов.

Ключевые слова: пресса, функциональный стиль, язык газет

Пресса является мощным информационным оружием, обладает значительной социальной значимостью. Ее преимущество заключается в возможности передавать информацию с помощью текстовых символов в независимости от возрастных категорий. Пресса представляет собой один из самых доступных источников донесения, потребления и восприятия информации.

Изучение языка прессы непрерывно связано со знанием функциональной стилистики. Многие отечественные (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин), а также зарубежные (С. Наэр, А. Ризель) ученые обратили пристальное внимание на изучение функциональных стилей, одним из разновидностей которых является язык газеты.

Понятие «функциональный стиль» было введено в научный обиход В.В. Виноградовым [Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981]. Очевидно, что ключевые слова в данном понятии - «функция» и «стиль». Таким образом, в каждом стиле преобладает та или иная функция, являющаяся основой для его выделения. Однако проблема выделения функциональных стилей до сих пор является спорным вопросом из-за разных точек зрения к подходу их определения.

Рассмотрим два наиболее известных подхода к различению функциональных стилей в функциональной стилистике. Согласно И.В. Арнольд в функциональной стилистике различается: научный, деловой, ораторский, поэтический, разговорный, публицистический стили. Следует заметить, что в данном случае функциональные стили представляют собой подсистемы языка с их отличительными особенностями в использовании слов, синтаксических конструкций [1].

В трудах И.Р. Гальперина мы встречаем следующую классификацию функциональных стилей: язык официальных документов, язык художественной литературы, язык газет, язык научной прозы, язык публицистической литературы. При этом автор среди них выделяет подстили [3]. Стоит отметить, что границы функциональных стилей зачастую нечетко определены, а в некоторых случаях они едва различимы, что можно ска-

зять применительно и к газетному стилю. В данной работе мы придерживаемся точки зрения И.Р. Гальперина, в вопросе о функциональных стилях, так как в его классификации точно определены границы газетного стиля.

В своем исследовании И.Р.Гальперин заявляет, что газетный стиль сформировался еще в XIX веке. К этому стилю относятся лишь те тексты, которые способствуют информированию и дают оценку той или иной информации [4].

В кратком словаре когнитивных терминов дана следующая дефиниция: «информация» - любые данные, которые приходят к человеку по различным сенсорно-моторным и чувственно-перцептивным каналам, а уже обработанные данные центральной нервной системой впоследствии представлены в виде ментальных репрезентаций [7].

Несмотря на существование различных классификаций функций у газетного стиля, можно выделить три универсальные функции, которые встречаются в прессе:

- документально-фактологическую;
- воздействующую;
- агитационно-пропагандистскую.

М.Н. Кожина, русский лингвист в качестве основной функции газетного стиля выделяет документально-фактологическую. Ее главная цель заключается в точности информации, а также способности сообщаемого обобщать и анализировать [8].

Молодой ученый Голубев В.Ю. отводит немаловажную роль воздействующей функции. Он считает, что она представляет собой умение скооперировать и подать информацию в нужном ключе для читателя. Полагается, что информационная функция не существует в чистом виде, поскольку любые данные могут влиять на восприятие и мировоззрение человека [5].

Лингвист М.П. Брандес выделяет еще одну функцию: агитационно-пропагандистскую. Она полагает, что данная функция является основополагающей. В ее сферу входит полнота информации, актуальность, достоверность, оперативность.

М.П. Брандес различает три вида газетного текста:

- информационный, присущий хроникам, заметкам, отчетам;
- аналитический, который используется в комментариях, рецензиях, передовых статьях;
- художественно-публицистический, к которому относятся репортажи, очерки, памфлеты [2].

Тем не менее кроме выше перечисленных трех основных функций еще различают образовательную, развлекательную, рекламирующую и идеологическую [6].

Обратимся непосредственно к лингвистическим особенностям газетного стиля. Основная функция печатного издания состоит в донесении

информации в доступном виде для аудитории. Для достижения эффекта доступности автор одновременно учитывает и экстралингвистические факторы, чтобы наиболее точно донести информацию до широкого круга читателей.

Тем не менее, лингвистические закономерности являются главным фактором в организации текста. В связи с этим составитель опирается на лингвистическую составляющую в написании текста, принимая во внимание экстралингвистический фактор.

Следует отметить, что, с точки зрения Д.Э. Розенталя, понятия «газетный язык» и «язык газеты» отличаются. Лингвист пишет, что «язык газеты» включает в себе все стили литературного языка. Он базируется в основном на информационной и воздействующей функциях. А «газетный язык» характеризуется деловитостью, стандартизованностью, экономностью, клише [10].

Несмотря на некоторые противоречия, многие лингвисты, среди которых И.Р. Гальперин, Д.Э. Розенталь, О.С. Ахматова, Л.Н. Натан, М. Риффатер, В.В. Виноградов, Р.А. Будачев, выделяют общие черты языка газеты, к которым они относят:

- использование собственных имен (топонимы);
- употребление числительных;
- применение дат;
- подверженность к абстрактным словам;
- большой процент неличных форм, сложных атрибутивных образований;
- сложноподчиненные предложения;
- специфичность в порядке слов;
- клише;
- термины;
- использование аббревиатур;
- наличие времен Present Continuous, Present Perfect;
- тенденцию к социально-политической ориентации [3].

Тем не менее, вышеперечисленные черты не всегда характерны только для газетного стиля, поскольку стилевая фиксированность встречается редко.

Бурное развитие газетного стиля в Великобритании формируется еще в середине XIX века. Данный стиль создает особый подход в использовании английского языка, обусловленный определенными функциями, а также целью. В то же время исследователи отмечают, что деление на газеты и журналы было исконным. В газетах содержались новостные обзоры событий недели, в то время как в журналах отражались мнения о тех или иных событиях, ранее упомянутых в газете[www.uk.ru/culture/papers.html].

В настоящее время можно выделить два вида прессы Великобритании:

- качественную (Quality Press, Broadsheets, Heavies);
- популярную (Popular Press, Tabloids, Gutter Press).

К качественной прессе Великобритании причисляются следующие печатные издания: Financial Times, The Times, The Guardian, The Daily telegraph, The Independent.

К популярной прессе относятся: The Sun, Daily Express, Daily Mail, The Star, Daily Mirror.

В качестве синонимов для качественной прессы используется «пресса новостей», а для популярной – «пресса мнений».

Языковые различия вышеназванных видов газетных изданий присутствуют на всех уровнях, однако наиболее четко прослеживаются на морфологическом и синтаксическом уровнях. Типичными представителями качественной прессы являются The Guardian и The Times, в то время как The Sun и Daily Express представляют собой классические образцы популярной прессы.

Для выявления вышеперечисленных лингвистических особенностей двух видов прессы осуществим произвольную выборку и возьмем одну статью от 1 апреля 2014 года из качественной газеты The Guardian под названием «Heathrow airport boss Colin Matthews resigns after six years»[12], а другую статью возьмем от 30 марта 2014 года из популярной газеты Daily Express «Cavalli's L'Ormino at the Sam Wanamaker Playhouse - review»[13]

В статье качественной прессы речь идет об уходе исполнительного директора компании ВАА, *управляющей лондонским аэропортом Хитроу. Несмотря на отставку Мэтью Коллинза, аэропорт будет продолжать свою деятельность, не прерывая работу, а также займется поиском подходящей кандидатуры на пост директора.*

В данной статье были обнаружены следующие лингвостилистические черты: употребление имен собственных (Colin Matthews, Nigel Rudd), что способствует точности информации и обладает культурной значимостью; присутствие видовременной формы Present Continuous (is looking for) для усиления демонстрации процесса, Present Perfect (has opened, have decided) для обозначения результата действия; использование идиоматического словосочетания (to pass on the baton), которое выражает значимость действия, фокусируя внимания читателя на этом; наличие неличных форм глагола инфинитива (to shortlist, to raise, to stand down), которые относятся к социально-политическому слою лексики, создавая эффект законодательства; применение терминологическое клише (chief executive) для уточнения и введения в сферу деятельности; наличие числительных (57, 2008) и дат для точности информации; употребление пассивной конструкции (is safely opened) для создания коммуникативной связности; огромный процент абстрактных слов (privilege, leadership, team, company, standard,

service, efficiency, costs), сфера которых ограничена понятием «общество», что в значительной степени сужает смысловую нагрузку; употребление аббревиатуры (CEO) для краткости информации; присутствие эпитетов (fantastic, shambolic), которые придают новый смысловой оттенок существительному.

Таким образом, были выявлены общие черты языка газеты, о которых говорилось ранее. Среди них: имена собственные, абстрактные существительные, числительные и даты, термины, аббревиатура, лексический пласт социально-политической сферы, неличные формы глагола, видовременные формы глагола (Present Continuous, Present Perfect). Грамматическая организация газетной лексики предстает как грамматический концепт, реализующийся в когнитивном пространстве объективного времени «последние события», и не всегда соотносится с представлением о временной организации русскоговорящих людей. Так «информационное содержание грамматического концепта «ВРЕМЯ/TENSE», терминологически соотносимое с «настоящим/present», «прошедшим/past» и «будущим/future», на векторной оси объективного времени ничего общего не имеет с реальным временем как таковым. Грамматическая информация имеет дело с такими психическими процессами, как память, восприятие и мышление, которые способны организовывать когнитивное пространство, как, например, в теории У. Е. Булла, согласно осям ориентации (axes of orientation) как present point - мыслительный образ существования и локализации человека в пространстве; retrospection point - ретроспективную информацию ожидания события [9].

Обратимся теперь к статье популярной прессы, посвященной открытию театра Сэма Уонамейкера при театре «Глобус» Шекспира, на сцене которого идет опера «Орминдо». В статье автор рассказывает о сюжете оперы, о ее путях создания и подготовки к постановке.

В данной статье были выявлены следующие лингвостилистические характеристики: использование языковых средств выразительности (like entering a jewel box - сравнение, seater glows with myriad candle flames - метафора, cherub-painted, mythological - эпитеты), создающие новые смысловые оттенки, которые выстроены на разных ассоциативных цепочках в связи с различным мировоззрением читателя, что позволяет находить новые концепты, визуализировать образы; применение пассивных конструкций (is allowed) для создания коммуникативной связности предложения; употребление неличных форм глагола (причастие II, еще известное как страдательное причастие designed, placed in, инфинитив - to help) для обозначения законченности действия с функциональной окраской места действия; наличие формального подлежащего (There is a trap door), что присуще разговорному стилю; использование неличной формы глагола (инфинитива - to remind), где автор пытается показать свое непосредственное общение с читателем (us, we); употребление Present Perfect (haven't

time travelled) для создания эффекта завершенности действия; огромный процент имен собственных и топонимов (Anja Vang Kragh, Kasper Holten, Ormino, Amidas, North Africa, Ariadenus), которые обладают культурной значимостью, а также подразумевают уже сформированные знания читателя о данных персонажах. Тем самым автор применяет принцип интертекстуальности; употребление лексики с ярко окрашенным эмоциональным фоном (suitor, tired of, prefers), лексики поэтического стиля (elopes with, fiancée), лексики разговорного стиля с негативной коннотацией (mock, abet), заранее помогая читателю определиться со своим мнением, опираясь на авторскую точку зрения. Автор также заимствует слово с французского языка (tutu), создавая эффект тягучести и плавности.

Анализ выявленных ранее общих черт языка газеты показал, что популярная пресса обладает схожим спектром характеристик, что и качественная, но отличается чрезвычайно насыщенным пластом на морфологическом уровне, где часто встречаются языковые средства выразительности, а также эмоциональная и оценочная лексика с выраженной позицией автора. Результаты проделанной нами работы представлены в таблице.

Сходства и различия качественной и популярной прессы

Основные параметры сходства и различия двух прессы	Качественная пресса	Популярная пресса
Содержание	Новостная информация	Развлекательный материал, сенсации
Цель	Констатация и анализ событий	Прибыль, формирование запросов и потребностей
Стиль	Аналитичность, сдержанность, экспрессивность, интеллектуальная оценочность, обособленные конструкции, отсутствие личного мнения	Разговорный стиль, просторечья, сленг, эмоционально-экспрессивная лексика, языковые средства выразительности, элементы юмора, иронии, сарказма, яркие заголовки, присутствие личного мнения
Ориентированность	Средний и высокий класс Великобритании	Уровень образованности невысокий, присутствуют политические пристрастия

Таким образом, можно сделать вывод, что сходство двух видов печатных изданий Великобритании заключается в схожести выполняемой ими информативной функции, потому что оба вида передают информацию для читателя, а также в них встречается экспрессивная лексика, но в случае с качественной прессой крайне редко. Однако следует отметить их отличительные черты с лингвистической точки зрения состоящие в стилистической опоре. Если язык популярной прессы изобилует языковыми

средствами выразительности, влекущими за собой яркие концептуальные образы, то язык качественной газеты концентрирует свое внимание на лексике социально-политического слоя, где преобладают неличные формы глагола и абстрактные существительные. Обращает на себя внимание тот факт, что «человеческое осмысление действительности, творчески отраженное в языке, является контекстуально обусловленным и эмоционально переживаемым, что в полной мере подтверждается анализом содержательной стороны грамматического концепта «ВРЕМЯ/TENSE» в английском языке. В индивидуальном языковом сознании данный концепт фиксируется тремя уровнями его психического отражения – уровнем чувственного восприятия, соотносимым в ядерной зоне с перцептуальным временем человека, уровня формирования представлений, определяемым индивидуальным временем базового слоя и ближней периферией концепта, а также уровнем речемыслительных процессов, определяемым дальней периферией, преломляющейся сквозь призму «объективного, реального времени» [9].

В заключении следует сказать, что, несмотря на выявленные различия в лингвистических особенностях двух видов прессы точные стилистические границы все еще размыты. Их стилистические особенности порой переплетаются, нарушая выведенные четкие грани.

Список литературы

1. Арнольд И.В. «Стилистика английского языка» М., 1990.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 2008. 271 с.]
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1981.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Высшая школа, 1981.
5. Голубев В.Ю. Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля речи. СПб: АКД, 1996.
6. Добросклонская Т.Г. К вопросу об изучении текстов массовой информации // Лингвистика и межкультурная коммуникация / под ред. С.Г.Тер-Минасовой и др. 1998. С.32-38.
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Паукрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филолог.фак-т МГУ, 1996. 246 с.
8. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.
9. Разоренов Д.А. Содержание и структура грамматического концепта «Время» в английском языке.// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. 624 с.

10. Розенталь Д.Э. Наблюдения над синтаксисом языка газеты // Язык средств массовой информации и пропаганды / под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С.51-65.

11. Культура и искусство. URL: www.uk.ru/culture/papers.html (дата обращения: 20.12.2013).

12. <http://www.theguardian.com/world/2014/apr/01/heathrow-airport-colin-matthews-resigns-terminal-5>

13. <http://www.express.co.uk/entertainment/theatre/467712/Cavalli-s-L-Ormindo-at-the-Sam-Wanamaker-Playhouse-review>

Разоренов Дмитрий Александрович канд. филол. наук, доц., декан, razoryonov@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет.

Акимцева Юлия Владимировна аспирант, mirada91@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет.

LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF BRITISH BROADSHEETS AND TABLOIDS

D.A. Razorenov, Y.V. Akimtseva

The article is devoted to linguistic and stylistic peculiarities of broadsheets and tabloids in Great Britain. The basic distinctive and similar features are demonstrated here from the linguistic and extra linguistic points of view.

Key words: press, functional style, the language of newspapers

Razorenov Dmitrii Aleksandrovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, dean of faculty, razoryonov@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State Pedagogical University.

Akimtseva Yulia Vladimirovna, post-graduate student, mirada91@gmail.com, Russia, Tula, Tula State Pedagogical University.

УДК 811.111'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

М.Ю. Родионова

Рассматривается семантика слов английского языка, означающих эмоциональное состояние человека, и выявляются различия между структурированием эмоционального мира в психологии и в языке.

Ключевые слова: лексическое значение, базовые эмоции, эмоциональное состояние.

Лингвистика последних десятилетий активно разрабатывает вопросы актуализации эмоционального фактора в языке и речи. Язык, являясь

мощным инструментом познания, позволяет нам сказать, что мы чего-то боимся или сердимся на что-то, радуемся, печалимся или огорчаемся. Исследователей в области лингвистики интересует проблема отражения эмоций в языке, что подтверждает значительное число работ, посвященных изучению языковых средств репрезентации конкретных эмоций. Отражение и структурирование языком эмоционального мира человека составляет часть общей языковой картины мира. С одной стороны, оно основано на объективно существующих явлениях (в данном случае – психических процессах и состояниях), а с другой – на особом, исторически сложившемся у данного народа способе восприятия, концептуализации и категоризации этих явлений. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к изучению языковой репрезентации эмоций (т. е. к фиксации в языке восприятия эмоционального мира обыденным сознанием говорящих), представляется целесообразным обратиться к исследованиям психологов, чтобы прояснить понимание ключевых понятий, используемых при научном описании и структурировании эмоциональной сферы.

Психологи разделяют все эмоции на положительные и отрицательные. В большинстве случаев этот знак присущ эмоции постоянно и определяется характером воздействия переживаемого состояния на организм человека. Однако существуют еще и так называемые ситуативно-обусловленные эмоции, которые могут «носить две разных полярности, положительную и отрицательную» [3. С. 136]. Знак таких эмоций определяется характером взаимодействия человека с окружающей средой, психологическими, психическими и другими факторами. Примером таких эмоций служит эмоция удивление, которая может быть вызвана как чем-то приятным (и тогда это положительная эмоция), так и чем-то неприятным (и тогда это эмоция отрицательная).

Классифицируя эмоции, многие исследователи выделяют так называемые базовые (основные) эмоции, соответствующие некоторым фундаментальным физиологическим и психологическим процессам. Выделение этих эмоций производится на основе целого ряда критериев, в отношении которых, впрочем, среди психологов нет единства, что, в свою очередь, приводит к появлению разных (как в количественном, так и в качественном отношении) классификаций самих эмоций. Одним из наиболее распространенных является критерий мимики. Считается, что базовая эмоция проявляет себя при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (мимики) [2. С. 29]. Мимика, конечно, не является единственным критерием «базовости» эмоции. Так, К. Изард, основатель дифференциальной теории эмоций, наряду с мимикой называет еще четыре критерия, согласно которым можно определить является ли эмоция основной: наличие отчетливых и специфических нервных субстратов; возникновение отчетливого и специфического переживания, которое осознается человеком; возникновение данной эмоции в результате эволю-

ционно-биологических процессов; организующее и мотивирующее влияние на человека, способствующее его адаптации [2. С. 44].

Этим критериям, по мнению К. Изарда, отвечают такие эмоции, как *interest* (интерес), *enjoyment* (радость), *surprise* (удивление), *sadness* (печаль), *anger* (гнев), *disgust* (отвращение), *contempt* (презрение), *fear* (страх), *shame* (стыд), *shyness* (смущение). К базовым эмоциям многие (в том числе и К. Изард – хотя и с некоторыми оговорками) склонны относить еще эмоцию *вины* (*guilt*), хотя она и не имеет отчетливого мимического или пантомимического выражения.

Таким образом, структурируя эмоциональный мир человека, К. Изард выделяет 11 базовых эмоций, которые ведут к различным внутренним переживаниям и различным внешним проявлениям. Две эмоции – *интерес* и *радость* – исследователь относит к положительным, одну – *удивление* – к ситуативно обусловленным, остальные восемь – к отрицательным. Эти эмоции могут взаимодействовать друг с другом, не только ослабляя или усиливая одна другую, но и качественно влияя друг на друга. В результате такого взаимодействия и появляется вся гамма человеческих эмоций.

Вполне естественно, что как сами базовые эмоции, так и эмоциональные состояния, возникающие в результате их взаимодействия, получают отражение в словарной системе языка.

Базовым эмоциям в языке соответствуют слова, являющиеся их прямыми номинациями. Именно они в первую очередь составляют терминологическую основу любой классификации эмоций. Ю.Н. Звонарева в этой связи пишет: «...учитывая наличие в эмоциональном опыте человечества группы ведущих универсальных эмоций, можно предположить существование универсальных эмотивных смыслов и в лексической семантике, что обусловлено семантикой отражения, так как опыт человечества в познании эмоций, как и какого-либо другого фрагмента мира, закрепляется в языковых единицах» [1. С. 346].

Наряду с лексическими единицами, называющими какую-то одну базовую эмоцию, существуют слова, разные лексико-семантические варианты которых представляют собой названия разных эмоций. Примером может служить глагол «concern», в семантической структуре которого присутствуют значения «3.worry», которое репрезентирует эмоцию *страха*, и значение «4.take an interest», в котором представлена базовая эмоция *интереса* (здесь и далее, анализируя значение лексических единиц, мы будем опираться на дефиниции и толкования, взятые из словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary [5]). Интересно, что в данном случае в разных лексико-семантических вариантах слова «concern» представлены не просто разные базовые эмоции, а эмоции, имеющие разные знаки.

Находят в языке отражение и различные эмоциональные состояния человека, возникающие в результате взаимодействия базовых эмоций. Ре-

зультат такого взаимодействия можно проследить в репрезентирующих эмоциональную сферу лексических единицах, в структуре отдельного значения которых присутствуют компоненты, указывающие на разные базовые эмоции. Так, в лексеме «bitter», значение которой толкуется как «feeling angry and unhappy because you feel that you have been treated unfairly», базовая эмоция *гнева* соединяется с базовой эмоцией *печали*. Взаимодействие этих же базовых эмоций можно увидеть в лексеме «displeasure», значение которой определяется как «the feeling of being upset and annoyed». Сочетание эмоции *гнева* и эмоции *печали* наблюдается в достаточно большой группе лексических единиц (о другом типе их совмещения в значениях таких слов, как «resentment», «vexation», «dudgeon», см. ниже), что подтверждает высказывание К. Изарда, по мнению которого «из всех возможных интеракций, в которые вступают друг с другом эмоции, самой распространенной является интеракция печаль-гнев»[2. С. 161].

В семантике слов разных частей речи, называющих само эмоциональное состояние или характеризующих человека как находящегося в этом состоянии и проявляющего его признаки, сочетаются и другие эмоции. Так, например, прилагательное «timid» определяется как «shy and nervous», т. е. соотносится с базовой эмоцией *смущения* и эмоцией *страха* («nervous: anxious about sth or afraid of sth»). Указание на сочетание эмоции *смущения* с эмоцией *стыда* присутствует в определении прилагательного «bashful», которое определяется как «shy and easily embarrassed», где второй компонент, в свою очередь, определяется как «shy, awkward or ashamed».

Эмоция *стыда*, которая, по определению психологов, является базовой, в языковой действительности определяется многокомпонентной структурой: «shame» – «the feelings of sadness, embarrassment and guilt that you have when you know that something you have done is wrong or stupid», где два компонента значения соответствуют базовым эмоциям *печали* и *вины*, а третий соотносится сразу с двумя базовыми эмоциями, поскольку в определении лексемы «embarrassment» – «shy, awkward or guilty feelings» – представлены базовая эмоция *смущения* и базовая эмоция *вины*. В словарных дефинициях приведенных слов номинации эмоций соединяются союзом «and», т. е. представлены как отдельные компоненты комплексного состояния. Существуют слова, в которых эмоции (например, эмоция *страха* и эмоция *печали*), дополняя друг друга, представляют собой нерасчленимый эмоциональный комплекс, репрезентирующий сразу две базовые эмоции. Это можно увидеть, анализируя значения слов «consternation» – «a worried, sad feeling after you have received an unpleasant surprise» – и его синонима «dismay», получающего в словаре то же определение – «a worried, sad feeling after you have received an unpleasant surprise».

Слова приведенного типа представляют собой языковое отражение принятого в психологии способа структурирования эмоционального мира

человека. Наряду с этим обращает на себя внимание наличие слов, значения которых свидетельствуют о том, что некоторые эмоциональные состояния, вызываемые разными базовыми эмоциями, представлены в сознании носителей языка как тождественные. Речь идет о словах, у которых один лексико-семантический вариант соотносится с альтернативными эмоциями. Обычно это разные по качеству, но одинаковые по знаку базовые эмоции. Так, в слове «resentment» представлены как альтернативные эмоция *гнева* и эмоция *печали*, поскольку «resentment» определяется как «a feeling of anger or unhappiness about sth that you think is unfair». Совмещение эмоций *гнева* и *печали* как альтернативных можно увидеть и в определении значения таких слов, как «vexation» («the state of feeling upset or annoyed») и «dudgeon», которое формулируется следующим образом: «If you say that someone is in high dudgeon, you are emphasizing that they are very angry or unhappy about something».

Эмоции *страха* и *печали* в языковой действительности также часто соединяются в одной лексической единице как альтернативные, что можно увидеть на примере слова «distress» – «a feeling of great worry or unhappiness», где первый компонент «worry» соотносится с базовой эмоцией *страха*, а второй компонент – «unhappiness» – представляет эмоцию *печали*. Союз «or», объединяющий эти компоненты, предполагает репрезентацию одной из указанных эмоций в зависимости от контекста. При этом само по себе состояние, названное словом «distress», остается неизменным – независимо от того, вызвано ли оно эмоцией *страха* или эмоцией *печали*. Аналогичная картина наблюдается и в значении прилагательного «uneasy», определяемого как «feeling worried or unhappy about a particular situation, especially because you think that sth bad or unpleasant may happen or because you are not sure that what you are doing is right».

Такое сочетание отрицательных эмоций в одном лексико-семантическом варианте может быть достаточно разнообразным. Так, могут сочетаться эмоции *смущения* и *вины*, как в слове «embarrassment» – «shy, awkward or guilty feelings»; или эмоции *отвращения* и *страха*, как в слове «revulsion» – «a strong feeling of disgust or horror».

Существуют лексемы, в которых в качестве альтернативных представлены сразу три компонента, соотносящиеся с разными базовыми эмоциями, каждая из которых может вызывать называемое словом эмоциональное состояние. Так, из определения значения слова «horror» следует, что это состояние может вызываться эмоциями *удивления*, *страха* и *отвращения*: «horror» определяется как «a feeling of great shock, fear or disgust».

Следует, однако, заметить, что разные словари, в целом совпадая в качественном отношении определения слов, называющих эмоциональные состояния человека, иногда расходятся в плане отношений (и/или) перечисляемых эмоций, вызывающих то или иное состояние. Это свидетель-

ствует о том, что в сознании носителей языка некоторые эмоции настолько тесно связаны и, по-видимому, настолько часто одновременно присутствуют в комплексном эмоциональном состоянии, что само это состояние может быть вызвано как каждой из этих эмоций по отдельности, так и одновременным их переживанием.

Особый интерес представляет сочетание эмоции *удивления* с другими базовыми эмоциями. Эмоция *удивления*, как уже было сказано, сама по себе не имеет отрицательного или положительного знака, то есть является ситуативно-обусловленной. Но в определениях значения лексемы «surprise» обязательно присутствует элемент неожиданности:

– the feeling you have when something unexpected or unusual happens [4. С. 1459];

– an unexpected event, or the feeling caused by something unexpected happening [6. С. 1138];

– the state of being surprised; feeling aroused by something unusual or unexpected; wonder or astonishment [5. С. 1558].

При этом, однако, не указывается, является ли эта эмоция положительной или отрицательной, поскольку фактически это слово может вмещать в себе оба значения. В сочетании с другой базовой эмоцией в одном лексико-семантическом варианте ситуативно-обусловленный компонент эмоции *удивления* приобретает знак этой эмоции, внося при этом в значение слова компонент «неожиданность», что можно увидеть на примере лексемы «*aghast*», которая определяется как «with horror and surprise when you see or hear something» и соединяет в себе эмоции *страха* и *удивления*. При этом взаимодействие с эмоцией *страха* придает *удивлению* отрицательный характер.

Эмоция *удивления* может сочетаться и с эмоцией *гнева*, также становясь отрицательной по знаку, что можно увидеть на примере лексемы «*indignation*» – «a feeling of anger and surprise caused by something that you think is unfair or unreasonable».

Эмоция *удивления* может быть представлена лексическими единицами, в значении которых содержится указание на характер вызывающей ее причины, причем именно эта причина обуславливает положительный или отрицательный характер эмоции. Так, называющая эмоцию *удивления* лексическая единица «*shock*», определяемая как «a strong feeling of surprise as a result of something happening, especially something unpleasant», в большинстве случаев соотносится с негативным эмоциональным состоянием: как следует из словарной дефиниции, называемая этим словом разновидность удивления вызывается чем-то неприятным.

Обозначающий эмоциональное состояние человека лексико-семантический вариант глагола «*to startle*», значение которого определяется как «to surprise somebody suddenly in a way that slightly shocks or frightens them», также представляет удивление как отрицательную эмоцию. Об этом

свидетельствует наличие в словарной дефиниции глагола «to shock» и соотносящегося с базовой эмоцией *страха* глагола «to frighten».

Лексическая единица «amazing» может называть эмоцию *удивления* в ситуации, когда эта эмоция становится положительной: в дефиниции этого прилагательного – «very surprising, especially in a way that makes you feel pleasure and admiration» – присутствует прямое указание на положительное эмоциональное состояние.

Наряду с названием качества эмоции слово может одновременно характеризовать степень интенсивности ее протекания. Так, например, существительное «annoyance», определяемое как «the feeling of being slightly angry», указывает на незначительную степень интенсивности эмоции *гнева*, тогда как слово «wrath» репрезентирует эмоцию *гнева* в высшей степени ее проявления, что отражено в словарной дефиниции, где «wrath» определяется как «extreme anger». В целом, среди слов, содержащих в своем значении указание на степень интенсивности эмоции, преобладают единицы, характеризующие эту степень как высокую. В словарных дефинициях таких существительных часто присутствуют слова «strong», «extreme», «great»: «abhorrence: a feeling of strong hatred, especially for moral reasons»; «dread: a feeling of great fear about sth that might or will happen in the future»; «terror: a feeling of extreme fear»; «trepidation: great worry or fear about sth unpleasant that may happen»; «amazement: a feeling of great surprise»; «astonishment: a feeling of very great surprise». В определениях глаголов, означающих переживание человеком такого состояния или приведение его в это состояние, содержатся интенсификаторы-усилители «very», «very much», «so much»: «dread: to be very afraid of sth; to fear that sth bad is going to happen»; «stagger: to shock or surprise sb very much»; «astound: to surprise or shock sb very much». Усилитель «so much» обычно сопровождается описанием внутреннего состояния человека. Так, наивысшая степень интенсивности проявления эмоций может быть обозначена путем указания на временную неспособность к речепорождению, как в лексической единице «dumbfound», которая определяется как «to surprise or shock sb so much that they are unable to speak», или к мыслительной деятельности, как в лексической единице «stun», имеющей значение «to surprise or shock sb so much that they cannot think clearly or speak».

Кроме указания на степень проявления эмоции, в словарной дефиниции может содержаться и описание внешних поведенческих проявлений, что можно увидеть в лексеме «fury», определяемой как «extreme anger that often includes violent behavior».

Существуют также слова, в значении которых наряду с названием эмоционального состояния как такового содержится оценочный компонент или компонент, выражающий объективную модальность: «phobia – a strong unreasonable fear of sth».

Подводя итог, можно сказать следующее. Анализ семантической структуры и структуры отдельных лексико-семантических вариантов слов, обозначающих эмоциональные состояния человека в английском языке, показывает, что, наряду с выделяемыми в психологии базовыми эмоциями и комплексными состояниями, возникающими в результате их взаимодействия, в языке получают название состояния, которые воспринимаются носителями языка как вполне качественно определенные, но при этом не связанными однозначно с той или иной эмоцией. Эти состояния могут вызываться переживанием одной из двух или более альтернативных эмоций, но при этом имеют, с точки зрения носителей языка, так много общего, что получают одно общее для них название.

Таким образом, структурирование эмоционального мира человека его языковым сознанием не является зеркальным отражением структурирования этого мира, принятого в психологии. Закрепленные в языке названия состояний, которые могут вызываться качественно разными эмоциями, свидетельствует о том, что носители языка, с одной стороны, осознают различия между базовыми эмоциями, их качественные особенности, а с другой – воспринимают некоторые эмоциональные состояния, вызываемые разными эмоциями, как тождественные.

Список литературы

1. Звонарева Ю.Н. Эмоционально окрашенные фразеологические единицы // Известия ТулГУ. Гуманитарные Науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 346-350.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999. 464 с.
3. Соболев Е.Ю. Языковые средства репрезентации эмоции удивления в английском художественном тексте // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». 2011. № 3. С. 135-142.
4. Collins Advanced Learner's English Dictionary, fourth edition, 2003. 1695 p.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford University Press, 8th edition, 2010. 1796 p.
6. Webster's New World College Dictionary, 2004. 1728 p.

Родионова Мария Юрьевна, аспирант, Maria.Y.Rodionova@gmail.com, Россия, Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет.

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ENGLISH WORDS DENOTING A PERSON'S EMOTIONAL STATE

M.Yu. Rodionova

The article discusses the semantic peculiarities of English words denoting a person's emotional state. The differences between the ways of structuring a person's emotional sphere in psychology and in the language are revealed.

Key words: lexical meaning, basic emotions, emotional state.

УДК 811.161.1

АГНОНИМЫ В ЯЗЫКЕ И В ТЕКСТЕ

Е.О. Савина

Рассматривается лингвистическое явление агнонимии в языке и в тексте, определяются условия возникновения агнонимической ситуации. Предлагается анализ контекстов с агнонимами из романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

Ключевые слова: агнонимы, агнонимическая ситуация, валентность, речевая деятельность, коммуникативное намерение.

Проблема понимания значения слова уже многие годы представляет большой интерес для ученых, о чем свидетельствует значительное количество работ, посвященных этому вопросу в традиционной лингвистике и психолингвистике. В конце XX столетия в науке появился термин, напрямую связанный с проблемой понимания слов отдельной языковой личностью. Агнонимами называют слова, которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю. В.В. Морковкин и А.В. Морковкина [3] в книге «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» предлагают считать агнонимом лексическую единицу (слово или его значение), относительно которой носитель языка может сказать следующее:

- 1) совершенно не знаю, что значит слово;
- 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к весьма широкой сфере;
- 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определённом классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса;
- 4) знаю, что слово обозначает определённый предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования;
- 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет;
- 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта, но предполагаю, что многие люди его не знают или знают недостаточно [3, с. 119].

В системном аспекте понятие *агнонимы* имеет тесную связь с пассивным словарным составом, который, в свою очередь, соотносится с периферийными пластами лексики. Впервые в науку понятие активного и пассивного запаса языка ввел академик Л.В. Щерба. К пассивному лекси-

ческому запасу Л.В. Щерба относил слова, которые стали менее употребительными и круг использования которых сузился [8]. Мы считаем справедливой в этом смысле точку зрения В.Д. Черняк: «При общности тех процессов, которые характеризуют современную русскую речь, объем и характер лексикона являются индивидуально обусловленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность)» [7, с. 296]. Следует отметить, что агнонимы не являются абсолютной константной характеристикой лексикона личности: чтение книг, обращение к словарям и справочникам, углубление в сферу профессиональной деятельности или сферу личных интересов обогащает словарный запас и, следовательно, уменьшает количество агнонимической лексики в языковом сознании личности. В предыдущей работе [4] нами рассматривались такие слова, которые попадают в число агнонимов ввиду их принадлежности к профессиональному диалекту.

Согласно известному положению Л.В. Щербы, «Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком, и что они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [9]. Таким образом, языковые единицы используются человеком в двух режимах: в режиме продукции речи и в режиме ее рецепции. Для активной речевой деятельности (продукции речи) необходимо не просто понимание слова, а активное знание, что предполагает семантически правильное включение слов в свою речь. Для нашего исследования особый интерес представляет рецептивный вид речевой деятельности, где данностью является некий представленный для понимания и восприятия текст. Следует принимать внимание замечания Морковкиных о том, что «лексические единицы в тексте всегда находятся в окружении других слов, то есть функционируют в условиях мощной текстовой поддержки, поэтому от участвующего в общении человека требуется владение существенно меньшим количеством сведений о слове. Можно сказать, что группы сведений (речь идет о собственно семантических свойствах слова), которыми человек должен владеть для того, чтобы участвовать в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности, соотносятся между собой как целое и часть. Сведения, упомянутые выше, относятся, прежде всего, к тем элементам лексического значения, которые, как показали исследователи агнонимов, выступают в качестве сем» [3].

Из всего вышесказанного следует, что владение словом в рецептивном или продуктивном режиме предполагает знание его лексического значения, что, в свою очередь, предполагает знание семного состава.

Использование слова в речи всегда определяется особенностями его лексического значения, а наше понимание того или иного слова, в свою очередь, возникает, изменяется и обогащается благодаря контексту, в котором это слово функционирует. Часто авторы целенаправленно сопро-

вождают лексему такими компонентами, которые призваны пояснять, уточнять, объяснять ее новое контекстуальное значение [5].

Известно, что при употреблении слов в речи большое значение имеют правила сочетаемости этих слов с другими словами. Сочетаемость слова относится к одним из основных свойств языковых единиц и рассматривается, как правило, в связи с синтагматическим аспектом языка. В современной лингвистической литературе используется термин «валентность», который обозначает «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [1, с. 79].

Знание человеком определенного слова Морковкины предлагают определять через установленные в науке закономерности соотношения значения слова и его сочетаемости. Некоторые из закономерностей такого рода представлены в их монографии в обобщенном виде:

1) каждая сема служит семантическим основанием лексической сочетаемости данного слова, то есть порождает эту сочетаемость;

2) семы связаны между собой иерархическими отношениями, то есть образуют иерархически организованную структуру, в рамках которой они обладают разным статусом;

3) семантическая связь слова с партнером по словосочетанию проявляется в том, что партнер актуализирует в его лексическом значении одну или несколько сем;

4) поскольку семы образуют иерархическую структуру, актуализация нижестоящих сем всегда и неизменно ведет к актуализации вышестоящих сем, хотя обратное неверно;

5) словосочетания, в которых в лексическом значении слова актуализируются наиболее конкретные семы (то есть семы с высокой функциональной значимостью), образуют собственную сочетаемость слова; словосочетания, в которых в лексическом значении слова актуализируются наиболее абстрактные семы (то есть семы с высокой системной значимостью), образуют несобственную сочетаемость слова [3].

Трудности в осмыслении содержания художественного текста во многом объясняются наличием в нем лексических единиц, обозначающих специфические для прошедших эпох реалии окружающей действительности и взаимоотношения человека с миром. Явление агнонии можно рассматривать в качестве причины неудачного коммуникативного намерения автора. Интересен тот факт, что даже при наличии в тексте слов-агнонимов коммуникативное намерение автора может быть осуществлено. Рассмотрим в качестве примера слово *клавикорды*. *Клавикорды* – старинный клавишный музыкальный инструмент с продолговатым четырехугольным корпусом, близкий к клавесину; в XIX веке вытеснен фортепьяно [2, с. 984]. Рассмотрим данное слово в различных контекстах романа «Война и мир». *Общество после чаю перешло в диванную, и княжну попросили поиграть на клавикордах* [6, т. 4, с. 307]. *Между двенадцатью и двумя часами,*

сообразно с заведённым порядком дня, князь отдыхал, а княжна играла на клавикордах [6, т. 4, с. 132]. Третий играл на клавикордах венский вальс, четвёртый лежал на этих клавикордах и подпевал ему [6, т. 4, с. 336]. Несмотря на то, что слово *клавикорды* может являться агнонимом для некоторых читателей, в контексте данных предложений каждому становится понятно, что речь идет о некоем музыкальном инструменте. Это достигается благодаря сочетанию данного слова с глаголом «играть» и предлогом «на», которое актуализирует в лексическом значении слова «*клавикорды*» сему 'музыкальный инструмент'. Однако по-прежнему может оставаться неясность относительно его внешнего вида, звучания и т.д.

Иначе обстоит дело, когда это же слово появляется в предложении: *Молодежь дома Ростовых, воротившись из театра, поужинав, сидела у клавикорд* [6, т. 5, с. 67]. Коммуникативное намерение автора здесь не осуществляется, если слово является агнонимом для отдельно взятой языковой личности.

Таким образом, хотя во всех примерах было использовано слово-агноним *клавикорды*, только в последнем контексте можно говорить об агнонимической ситуации, т. е. о ситуации, при которой коммуникативное намерение не осуществлено, следовательно агнонимическая ситуация может сниматься контекстом частично или полностью.

Подводя итог, сделаем следующие выводы. Во-первых, при исследовании понимания языковых знаков необходимо учитывать особенности восприятия агнонимов в тексте. Во-вторых, даже при наличии слов-агнонимов агнонимическая ситуация может как возникать, так и не возникать. На возникновение агнонимической ситуации может влиять и степень агнонимичности одного и того же слова для конкретной языковой личности, а эта степень, в свою очередь, зависит от условий (синтагматических), в которых это слово находится.

Список литературы

1. Гак В.Г. Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 79.
2. Большой академический словарь русского языка. [БАС]. Изд. 3-е. М.; СПб.: Наука, 2004 – 2007. Т. 5.
3. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М.: Астра семь; Русские словари, 1997. 414с.
4. Савина Е.О. Тайный язык охотников в романе «Война и мир» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 327.
5. Сафонова Т.В. Вычленение лексемы из состава устойчивой фразы как способ деривации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 475.

6. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 4-5.

7. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач: сб. статей // Русский язык сегодня. Вып. 2.

8. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 271.

9. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25.

Савина Елена Олеговна, аспирант, savina.elena.2012@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

AGNONYMY IN THE LANGUAGE AND IN THE TEXT

E.O. Savina

The article looks into the linguistic phenomenon of agnomy in the language and in the text and determines the conditions of agnomy situation occurrence. The author analyzes the contexts with agnoms from the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy.

Key words: agnomy, agnomy situation, valance, speech activity, communicative intention.

Savina Elena Olegovna, post-graduate student, savina.elena.2012@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

УДК 882-04

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО СВЕРХТЕКСТА

О.С. Шурупова

Рассматриваются особенности методологии исследования городских сверхтекстов и предлагается алгоритм их анализа. Важным этапом исследования городского сверхтекста является анализ его концептосферы, в процессе которого происходит как построение номинативного поля ключевых концептов с использованием метода аппликации концептограмм, так и исследование отношений между концептами. Выделяется несколько устойчивых оппозиций концептов, характерных для большинства городских сверхтекстов. Делается вывод о возможности классификации сверхтекстов с учетом принципа строения их концептосферы.

Ключевые слова: городской сверхтекст, концепт, концептосфера, концептограмма, оппозиция, принцип бинарности, принцип тернарности, принцип единства.

Важными составляющими каждой культуры являются системные единства текстов, прежде всего художественных, в основе которых лежит

устойчивый мифологический код, существующий в художественном сознании авторов, в многочисленных вариациях проявляющийся в их произведениях и способный быть реконструированным в процессе их научного исследования. Так, значимыми для русской культуры являются городские сверткесты, связанные с образами городов, сыгравших немаловажную роль в истории страны (Петербурга, Москвы и т.д.). Исследуя тот или иной сверткест, возможно выделить тексты как составляющие его ядро, так и находящиеся на границе культурно-системного единства, выявить ключевые образы и мотивы, играющие немаловажную роль в различных произведениях, относящихся к сверткесту, и, разумеется, проанализировать их языковую ткань. Многие вопросы, касающиеся изучения подобных текстовых единств, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с характеристикой и классификацией сверткестов. Тем не менее, большинство исследователей признает важность изучения сверткестов, которые, являясь немаловажной частью национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения.

Как подчеркивает А.Г. Лошаков, предварительным условием моделирования сверткеста является «профилированное чтение ряда текстов, что некоторым образом очерчивает контуры потенциального сверткеста, открывает горизонт его целостности» [7, с. 15], причем началом исследования может послужить обращение к любому из текстов, которые являются составляющими данного сверткеста, без учета хронологических параметров. Естественным будет отбор для профилированного чтения текстов, отвечающих ряду параметров, среди которых можно назвать их тематическую общность. Так, для определения основных составляющих того или иного городского сверткеста важным будет появление в тексте ряда упоминаний о значимом для сверткеста топониме. Как правило, действие во всех составляющих городского сверткеста должно происходить в данном городе (в число единиц сверткеста могут быть с полным правом включены и лирические произведения, в которых создается образ этого города). Тем не менее, тематической привязки круга текстов к тому или иному внетекстовому субстрату еще не означает их обязательную принадлежность к сверткесту. Так, в Петербургский текст никак не могут быть включены несколько посвященных северной столице стихотворения и XVIII в., в которых создается образ города, противоречащий образу, который появляется в большинстве «петербургских» произведений.

Единство сверткеста зиждется не только на тематической, но и на модальной общности входящих в него единиц. Конечно, трудно утверждать, что тексты, созданные в разное время, обнаруживают стопроцентную модальную общность, однако все единицы сверткеста должны быть до некоторой степени объединены своей целевой установкой – такой,

например, как создание образа города, характеризующегося определенными особенностями (разумеется, это может быть далеко не единственной и даже не главной целью, которую преследует автор текста), а также общей идеей. Все составляющие сверхтекста, связанные с тем или иным внетекстовым субстратом, должны обнаруживать общность его восприятия. Разумеется, Москва в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» далеко не во всем схожа с Москвой, изображенной в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», однако в обоих текстах проявляется и единое восприятие древней столицы как средоточия русской жизни со всеми ее достоинствами и недостатками, а значит, эти тексты, различные по жанру и времени создания, могут быть признаны частями единого сверхтекста в ходе профилированного чтения.

Говоря о методах коммуникативного исследования, О.А. Леонтович описывает методику анализа культурных значений и смыслов [5, с. 139]. По нашему мнению, она может быть полезна и для исследования сверхтекста, в особенности локального. В ходе комплексного анализа функционирования культурных смыслов в пределах конкретного текста возможно рассмотреть такие этапы этого крайне сложного процесса, как формирование микросмыслов на основе культурно-специфичных значений, их комбинирование, в результате которого образуются культурные смыслы, а также формирование макросмысла всего текста.

Однако, по нашему мнению, исследователь сверхтекста может применить данную методику не только для выявления культурных смыслов, сформировавшихся в пределах его составляющих, но и для доказательства того, что данные тексты можно признать единицами единого сверхтекста.

Так, на начальном этапе подобного анализа текстов необходимо будет доказать, что в каждом из них получают реализацию сходные культурные значения, маркерами которых будут, по мнению О.А. Леонтович, «топонимы, антропонимы, названия политических реалий, общественных организаций, государственных структур, известных книг, фильмов, картин и других произведений, торговых марок, наименований фирм, магазинов, цитат, входящих в фонд прецедентных текстов, названий видов жилищ, транспорта, одежды, обуви, пищи и прочих реалий, составляющих неотъемлемую часть быта» [5, с. 146]. В пределах того или иного локального сверхтекста будут формироваться сходные культурные значения и смыслы, идентифицировать которые помогут упоминания о реалиях городского пространства. Например, в ряде текстов, входящих в Петербургский текст, встречаются многочисленные упоминания Медного всадника, Невского проспекта, Васильевского острова, Летнего сада, Исаакиевского собора, Невы, Сенной площади, каменных домов, мостов и т.д. Чтобы признать тот или иной текст единицей локального сверхтекста, необходимо, чтобы в нем создавалось узнаваемое пространство конкретного города. Разумеется, не следует превышать значение культурных маркеров, обширный список

которых еще не может служить убедительным доказательством принадлежности данного текста к целостному сверхтексту. Тем не менее, выявление ряда культурных маркеров может стать одним из этапов исследования сверхтекста в целом и признания того или иного текста его единицей, за которым будет следовать этап идентификации культурных значений, каждое из которых «требуется дополнительной информации, закрепленной в сознании носителей лингвокультуры» [5, с. 147].

После анализа информации, связанной с данными культурными значениями, необходимо выявление макросмысла текста или сверхтекста. По замечанию О.И. Фалиной, любой художественный текст представляет собой модель семиосферы, которая, в свою очередь, представляет собой семиотическую модель мира, закрепленную в определенной культуре» [9, с. 413]. Культурные смыслы, воссоздаваемые из значений, закрепленных за рядом названий, встречающихся в тексте, и построенные вокруг топонимов *Петербург, Москва, Лондон* и т.д. тексты, перекликаются и дополняют друг друга, благодаря чему в пределах сверхтекста складывается целостный образ города. Таким образом, определяя принадлежит ли тот или иной текст к данному локальному сверхтексту, необходимо выявить, какие реалии городской жизни упомянуты в нем, какие культурные значения за ними закреплены и какой объем информации они реализуют в конкретном случае, после чего следует выявить макросмысл данного текста и сделать вывод, совпадает ли он с макросмыслом сверхтекста в целом. Подвергая анализу очерки А.И. Куприна «Листригоны», Т.В. Викторина отмечает, что «синонимический повтор и повтор однокоренных слов... вначале формируют и затем активизируют восприятие читателями этого уголка природы» [1, с. 375]. Думается, что повторы различных типов должны привлекать внимание исследователя локального сверхтекста. Анализ культурных значений и смыслов, выявление культурно маркированной информации необходимы в процессе исследования любого сверхтекста, в особенности в ходе определения, является ли тот или иной конкретный текст составляющей сверхтекста.

Однако подобный анализ может выступать лишь в качестве одного из этапов исследования сверхтекстов. Не только выявить основные особенности мифотектоники данного сверхтекста, но и определить его условные контуры (разумеется, не следует забывать, что сверхтекст способен продолжать свое развитие и не может быть признан темпорально или локально ограниченным), можно лишь на основе анализа того, что А.Г. Лошаков называет «внутренней жизнью сверхтекста», то есть «процессов семантического взаимодействия его разнородных контактных или дистантных текстуальных компонентов, процессов смыслового обмена, транспонирования, коннотативно-смысловой иррадиации, интроекции объективных смыслов и смысловых элементов из актуализированных и преактуализированных сфер концептов» [7, с. 21]. Думается, то, что исследователь именуется «внут-

ренной жизнью» сверхтекста, ярче всего проявляется в сверхтекстовой картине мира, выявление особенностей которой необходимо для относительно полного постижения культурных смыслов, получающих в сверхтексте выражение. Для этого, с нашей точки зрения, необходимо выявление ключевых художественных концептов сверхтекста, которые получают репрезентацию и реализуют сходные признаки во всех его составляющих, обобщение их в концептограмме сверхтекста и моделирование его концептосферы, состоящей из некоего ядра, представленного одним концептом или оппозицией концептов, околядерной зоны, а также зон ближней и дальней периферии. Как отмечает О.И. Фалина, в пространстве текста «следует рассматривать сложные знаки, содержащие в себе ключевые идеи произведения» [9, с. 418].

По мнению В.В. Красных, «концепт... лежит в основе любого текста. Являясь своеобразной “точкой взрыва”, вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой – конечной целью при его восприятии» [4, с. 55]. Думается, что важнейшим шагом в процессе исследования локального, или городского, сверхтекста должно стать определение его ядерного концепта, который будет получать языковую репрезентацию с помощью того или иного топонима (Петербург, Москва, Лондон, Прага и т.д.), и построение его номинативного поля, то есть описание совокупности языковых средств, объективирующих концепт. В основе текстов, созданных различными писателями и в разные эпохи, лежат одни и те же ментальные образования, которые, однако, приобретают в каждом из текстов особые оттенки смысла и, как кусочки мозаики, складываются в единые картины, требующие подробного анализа.

Вслед за курскими учеными С.П. Праведниковым [8, с. 118-119] и Н.О. Косицыной [3, с. 132], мы предлагаем использовать в процессе исследования ключевых концептов методику аппликации концептограмм, позволяющую изучить лексическую сочетаемость репрезентантов ядерного, околядерного или периферийного концепта. Описывая особенности интерпретации того или иного концепта, исследователи предлагают выявить особенности его вербализации, подсчитать количество вхождения репрезентантов концепта в тексте, исследовать их атрибутивные, субъектные предикативные, объектные предикативные и вокативные связи, а также участие репрезентантов концепта в составе средств художественной выразительности. По нашему мнению, эта методика дает возможность не только обобщить данные, касающиеся репрезентации ядерного, околядерных и периферийных концептов в языковой ткани конкретного сверхтекста, но и произвести сопоставительный анализ концептосфер двух или нескольких локальных сверхтекстов, поскольку если ядерный концепт каждого сверхтекста уникален, то околядерные концепты различных городских сверхтекстов могут совпадать (*природа, культура* и т.д.).

Необходимым этапом исследования сверхтекста следует признать выявление и анализ связей между его концептами. Локальный сверхтекст – культурно-языковое явление, представляющее собой сложную семиотическую систему, и, несомненно, концептосфера любого сверхтекста будет отличаться сложностью, многослойностью. Неизбежным в процессе ее исследования будет обращение к анализу не только ядерного и околоядерных концептов, но и ряда концептов периферийной зоны. С одной стороны, среди концептов этой группы можно выделить те, которые получают репрезентацию и интерпретацию практически в любом городском сверхтексте, будучи связаны с восприятием и изображением пространства того или иного города: *дом, улица, площадь, церковь* и т.д. С другой – можно выявить периферийные концепты, характерные для одного сверхтекста, но практически не получающие репрезентации в другом. Так, немаловажную роль в Московском тексте играет периферийный концепт *метро*, тогда как в пределах Петербургского текста данный концепт практически не встречается.

Перечисляя основные признаки городского сверхтекста, составляющие которого объединены вокруг мифологемы, связанной с тем или иным крупным городом, сыгравшим немаловажную роль в жизни народа, Н.В. Гришанин отмечает, что «модель городского пространства должна обладать... бинарностью» [2, с. 19], то есть в ее структуре должны присутствовать элементы, находящиеся друг с другом в отношениях оппозиции. Так, смыслообразующей для большинства городских сверхтекстов становится оппозиция *природа-культура*, получающая языковое воплощение в ряде значимых для понимания сверхтекстового единства концептов. Кроме того, исследование нами Петербургского и Московского текстов русской литературы показывает, что в околоядерной зоне их концептосфер могут находиться такие концепты, как *свет-тьма, сон-явь, жизнь-смерть, радость-тоска, мужчина-женщина*, как правило, вступающие друг с другом в отношения бинарной оппозиции.

Нельзя, однако, признать, что бинарностью характеризуется смысловое пространство всех сверхтекстов. Так, концептосфера Венецианского текста русской литературы, по нашим наблюдениям, во многом строится согласно принципу тернарности, в основу которого, по мнению Ю.М. Лотмана, положена «двойственность..., которая снимается высшим единством, образуя в целом образ тройственности как высшей полноты» [6, с. 60]. Многие околоядерные концепты Венецианского текста вступают друг с другом в отношения, при которых два концепта противостоят друг другу, а третий представляет собой своего рода промежуточное звено между ними: *свет-луна-тьма, сон-явь-карнавал* и т.д. Ю.М. Лотман пишет, что принцип тернарности «в структурном отношении универсален и прослеживается на всех уровнях и этапах культуры» [6, с. 60], значит, в той или иной мере он характерен для всех городских сверхтекстов, каждый

из которых является немаловажной частью культуры. Однако если организация некоторых сверткестов подчиняется ему в большей степени, для других определяющим остается принцип бинарности.

В структуру городского сверткеста может быть положен и принцип единства. По словам Ю.М. Лотмана, «антитезой двойственности может являться также и абсолютизация единства» [6, с. 60]. Так, в околоядерную зону концептосферы Московского текста входят концепты, как правило, не состоящие между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняющие друг друга. Лишь некоторые его концепты склонны к подобным отношениям (например, *радость-тоска*). Тем не менее, можно утверждать, что концептосферы большинства сверткестов строятся либо на основе принципа бинарной оппозиции, либо с учетом данного принципа. На основе сопоставительного анализа ряда городских сверткестов можно дополнить типологию сверткестов, предложенную А.Г. Лошаковым. Сверткесты можно подразделить на три группы: те, что строятся на основе принципа бинарности (Петербургский текст русской литературы), тернарности (Венецианский текст русской литературы), единства (Московский текст русской литературы).

Таким образом, анализ городского сверткеста как открытой системы текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверткестовая картина мира, может осуществляться в соответствии с данной последовательностью действий, и его итогом будет установление особенностей сверткестовых картин мира.

Список литературы

1. Викторина Т.В. Языковые средства создания образа Балаклавы в очерках А.И. Куприна «Листригоны» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 374-377.
2. Гришанин Н.В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та культуры и искусств, 2007. С. 19.
3. Косицына Н.О. Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 234 с.
4. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Сер. 9 (филология). 1998. №1. С. 53-70.
5. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 222 с.
6. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры / Подготовка текста Т.Д. Кузовкиной при участии О.И. Утгоф. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.

7. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. Киров, 2008. 48 с.

8. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. 231 с.

9. Фалина О.И. Пространство текста и знаковая иерархия (на примере романа Т.Н. Толстой «Кысь») // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ 2013. С 412-420.

Шурупова Ольга Сергеевна, канд. филол. наук, ст. преп., shurupova2011@mail.ru, Россия, Липецк, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал).

THE PECULIARITIES OF METHODOLOGY OF RESEARCH ON URBAN SUPER-TEXTS

O.S. Shurupova

This article is devoted to the analysis of the peculiarities of methodology of research on urban super-text. The author introduces the algorithm of such research. The analysis of the super-text concept sphere, including the creation of the nomination areas of the key concepts with the usage of the method of conceptgram application and specification of the relationship between concepts, is one of the main stages of the research. Several concept oppositions typical of the majority of urban super-texts are shown. The author states that super-texts can be classified according to the principle of their concept spheres' structure.

Key words: urban super-text, concept, concept sphere, conceptgram, opposition, binary principle, ternary principle, unity principle.

Shurupova Olga Sergeevna, PhD (Philology), Senior Lecturer, shurupova2011@mail.ru, Russia, Lipetsk, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch).

УДК 811.111

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ДЕФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Ю. Исаева

Выбор темы исследования обусловлен высокой социально-культурной значимостью заголовка в наше время. Язык и речь чутко реагируют на перемены, происходящие в обществе. Прежде всего это относится к средствам массовой информации. Язык СМИ постоянно меняется, отвергая старые нормы и создавая новые. Это справедливо как для английского языка, так и для русского. Изменение норм построения заголовков в обоих языках приводит к изменению способов их передачи и различным преобразованиям.

Ключевые слова: перевод, заголовок, переводческие трансформации, переводческие деформации.

Данная статья посвящена переводческим трансформациям и деформациям в процессе перевода газетного заголовка с английского языка на

русский. Довольно длительное время газетный заголовок как лингвистическое явление привлекает внимание исследователей.

Перевод заглавия, обладающего рядом специфических особенностей, можно считать отдельной переводческой проблемой. Многообразие мнений можно увидеть на этапе существующих определений данного понятия (А.А. Шахматов, Л.А. Манькова, В.А. Кухаренко, Д.А. Качаев, А.М. Пешковский, З.М. Тураева, В.Н. Крупнов).

В своей работе Л.А. Манькова рассматривает заголовок в качестве компонента текста, который тесно связан с другими компонентами этой системы, занимает стилистически сильную позицию, называет текст и дает первоначальную информацию о нем [7, с. 192].

Д.А. Качаев обозначает заголовок как выделенный графически потенциально свернутый знак текста, который выражен вербальными и невербальными средствами языка, обладает относительной автосемантической и является абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, именующим и/или характеризующим текст, прогнозирующим содержание, интерпретирующим текст, тем самым сообщая ему дополнительные смыслы [3, 4].

На наш взгляд, в анализируемых определениях Л.А. Маньковой [7] и Д.А. Качаеву [3] удалось раскрыть все функции и особенности газетного заголовка. Исследователи единодушны в том, что газетный заголовок представляет собой знак текста, обладающий номинативной, информативной и оценочной функциями.

Для нашего исследования было проанализировано 100 переведенных английских информационных заголовков из интернет-проектов inosmi.ru и inopressa.ru с сентября 2012 года по июль 2013 года. Данные примеры были отобраны нами посредством метода сплошной выборки. Выявляя в переводе каждого конкретного заголовка те или иные трансформации и деформации, мы выясняли, какие деформации, а также какие переводческие трансформации из классификации В.Н. Комиссарова употребляются для перевода именно газетных заголовков и насколько широко. Разработанность и гибкость классификации В.Н. Комиссарова определили ее выбор в ходе нашего исследования [4].

Проанализировав понятие «перевод» в работах различных лингвистов (А.В. Федоров, Н.К. Гарбовский, А.Д. Швейцер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров), мы пришли к выводу, что наиболее полное и развернутое из рассмотренных определений перевода было предложено Н.К. Гарбовским [2]. Ученый уделяет особое внимание самому процессу перевода, индивидуальным способностям и психофизическим особенностям интерпретатора, взаимоотношению коммуникантов и максимально полному, эквивалентному результату переводческой деятельности [2, с. 214].

В ходе нашего исследования мы установили отличительные особенности переводческих трансформаций и деформаций, так как оба термина

представляют собой межъязыковые преобразования в процессе перевода. Из рассмотренных определений известных лингвистов (Я.И. Рецкер, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов) мы сделали вывод, что деформация представляет собой искажение какого-либо параметра текста оригинала, что ведет к переводческой потере. Мы выяснили, что самыми распространенными видами деформаций являются опущение и добавление.

Переводческие трансформации, в отличие от деформаций, являются положительными изменениями, преобразующими структуру предложения и помогающими достичь переводческой эквивалентности, т.е. адекватности перевода [2, 360]. Исходя из данного положения, мы пришли к выводу, что перевод газетного заголовка должен быть адекватным, так как одной из главных целей перевода является достижение адекватности. Задача переводчика заключается в умении произвести необходимые переводческие преобразования, при этом соблюдая нормы языка перевода, чтобы как можно более полно передать основную информацию текста оригинала [4].

В ходе работы мы изучили три классификации переводческих трансформаций, предложенных отечественными лингвистами Я.И. Рецкером [10], Л.С. Бархударовым [1] и В.Н. Комиссаровым [4]. Мы выяснили, что в вопросе классификации переводческих трансформаций среди ученых нет общего мнения. Классификации достаточно сильно отличаются друг от друга, однако в них можно найти общие виды трансформаций. Результаты нашего исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Сопоставление классификаций переводческих трансформаций
Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова и В.Н. Комиссарова**

Трансформации	Я.И. Рецкер	Л.С. Бархударов	В.Н. Комиссаров
Дифференциация	+		
Конкретизация	+лексич.	+ лексич. замены	+ лексич.
Генерализация	+ лексич.	+ лексич. замены	+ лексич.
Смысловое развитие	+		
Антонимический перевод	+ лексич.	+	+ лексико-грамматич.
Целостное преобразование	+		
Компенсация потерь в процессе перевода	+ лексич.	+	+ лексико-грамматич.
Перестановки		+	
Замены форм слова		+ грамматич.	+ грамматич.

Окончные табл. 1

Замены частей речи	+ грамматич.	+ грамматич.	+ грамматич.
Замены членов предложения	+ грамматич.	+ грамматич.	+ грамматич.
Синтаксические замены в сложном предложении		+	
Замена следствия причиной		+	
Добавления		+	
Опущения		+	
Транскрибирование и транслитерация			+
Калькирование			+
Модуляция			+
Синтаксическое уподобление (дословный перевод)			+
Членение предложения			+
Объединение предложений			+
Замены типа предложения			+
Экспликация			+

В.Н. Комиссаров выделяет 3 группы переводческих трансформаций: лексические, грамматические и лексико-грамматические. В каждую группу входит несколько видов преобразований. В ходе нашего исследования были рассмотрены особенности употребления всех трансформаций из классификации ученого в английских информационных заголовках [4].

Для наибольшей наглядности представим классификацию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова в табл. 2.

Таблица 2**Классификация переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова**

Лексические трансформации	Грамматические трансформации	Лексико-грамматические трансформации
Транскрибирование и транслитерация	Синтаксическое уподобление (дословный перевод)	Антонимический перевод

Окончание табл. 2

Лексические трансформации	Грамматические трансформации	Лексико-грамматические трансформации
Калькирование	Членение предложения	Экспликация (описательный перевод)
Лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция)	Объединение предложений	Компенсация
—	Грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения, типа предложения)	—

В ходе анализа удалось выявить, что некоторые из рассмотренных трансформаций для перевода информационных газетных заголовков не характерны (компенсация). Было также обнаружено, что некоторые трансформации употребляются не так широко, как другие (экспликация, антонимический перевод).

Результаты проведенного нами исследования можно изобразить в виде диаграммы (рис. 1).

Согласно рис. 1, наиболее распространенным видом трансформаций из классификации В.Н. Комиссарова является грамматическая трансформация (60 %). Это в основном можно объяснить различиями строя английского и русского языка. Так как группа грамматических трансформаций обладает значительным перевесом, мы решили выяснить, какой прием данной группы наиболее распространен при переводе газетных заголовков.

Процентное соотношение всех грамматических трансформаций приведено на диаграмме (рис. 2).

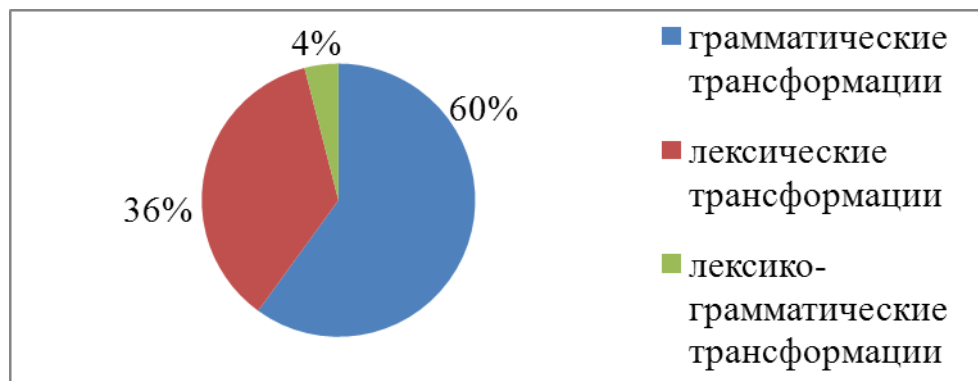

Рис. 1. Переводческие трансформации

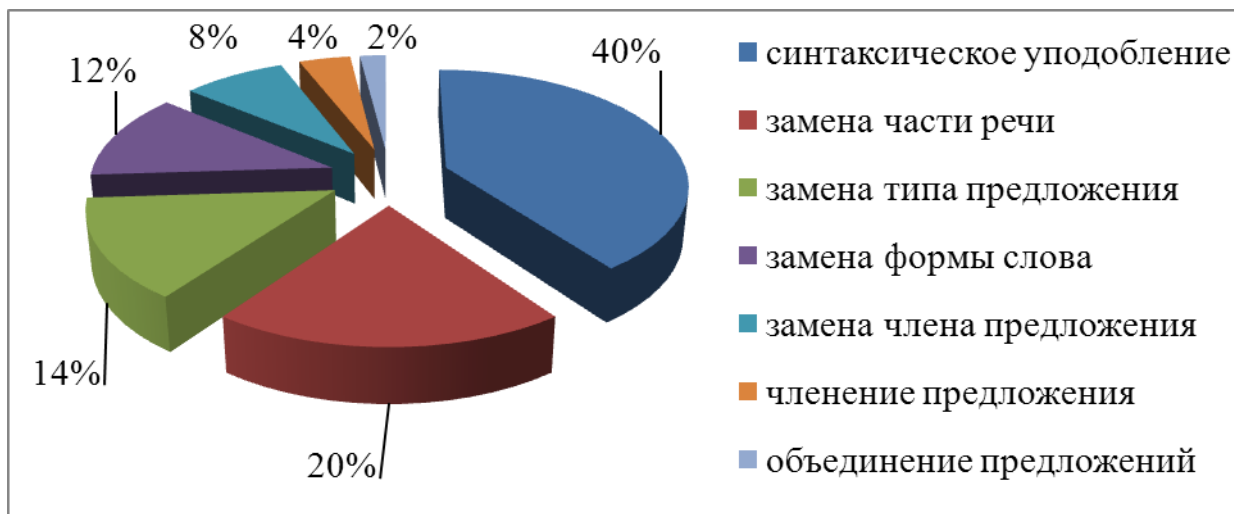

Рис. 2. Грамматические трансформации

Таким образом, наиболее распространенной грамматической трансформацией, встречающейся при переводе английских газетных заголовков на русский язык, является синтаксическое уподобление (40 %). Переводчики стремятся максимально приблизить заголовок на исходном языке к заголовку на языке перевода. Несмотря на то, что в процессе перевода опускаются артикли, глаголы-связки, а также происходят изменения морфологических форм, в переведенном заголовке все равно сохраняется структура, набор членов предложения и их последовательность.

- *A new way for the west to contain Russia* [The Financial Times, 7 February 2013] – *Новый способ для Запада сдерживать Россию* [inosmi.ru].
- *Laser system could vaporize dangerous asteroids* [The Los Angeles Times, 16 February 2013] – *Лазерная система сможет испарять опасные астероиды* [inosmi.ru].

В своей работе мы также хотим привести процентное соотношение приемов двух других групп из классификации В.Н. Комиссарова [4], чтобы определить, каким преобразованиям переводчики отдавали наибольшее предпочтение. Диаграмма показателей преобразований второй по распространенности группы лексических трансформаций (36 %) представлена на рис. 3.

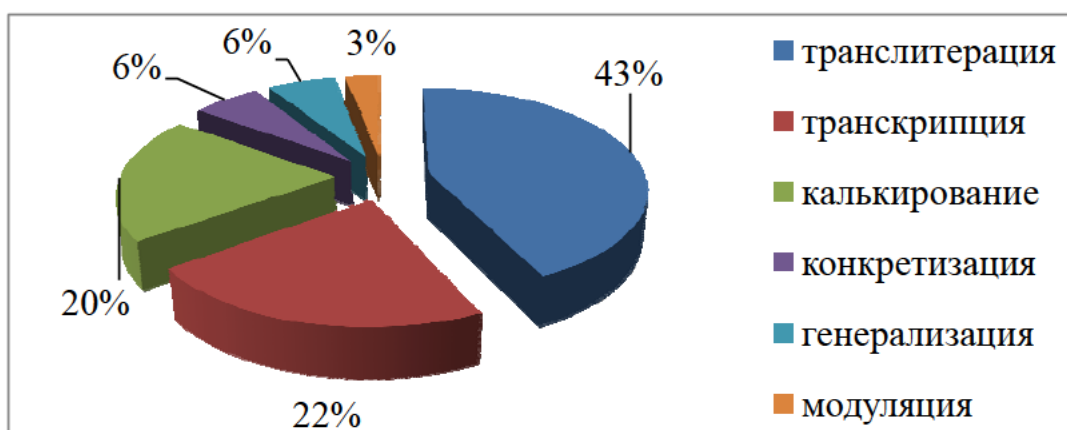

Рис. 3. Лексические трансформации

Из приведенной на рис. 3 группы лексических трансформаций переводчики в большинстве заголовков использовали прием транслитерации (43 %) при передаче имен собственных. Стоит отметить, что в некоторых случаях переводчику приходилось прибегать к приему транскрипции с элементами транслитерации. Однако из рис. 3 очевидно преимущество последнего преобразования.

Putin Urges Gas Exporting Countries to Unite on Pricing [The Wall Street Journal, 1 July 2013] – **Путин призывает страны, экспортирующие газ, прийти к единому ценообразованию** [inopressa.ru].

Группой с наименьшими показателями в нашем исследовании оказалась группа лексико-грамматических трансформаций (4 %). В классификации В.Н. Комиссарова данная категория включает три приема: антонимический перевод, экспликация и компенсация [4]. Необходимо отметить, что в отобранных заголовках мы не выявили ни одного примера заголовка с компенсацией. К данному приему прибегают при переводе народной речи, пословиц, поговорок, идиоматических оборотов и других выражений, обладающих специфической окраской. Однако большинство заглавий в нашем исследовании посвящено серьезным политическим проблемам и подобные средства выражения для них не характерны. Поэтому на диаграмме мы представим соотношение только двух приемов из группы лексико-грамматических трансформаций, (рис.4).

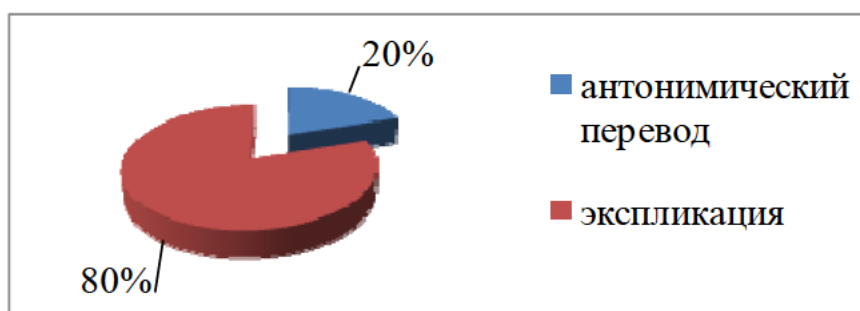

Рис. 4. Лексико-грамматические трансформации

Рис. 4 показывает, что в группе лексико-грамматических трансформаций наибольшее предпочтение переводчики отдавали приему экспликации (80 %). Однако в ходе анализа мы выяснили, что трансформации рассматриваемой группы употребляются не так широко, как приемы других групп. Данный факт объясняется громоздкостью и многословностью приема экспликации (описательного перевода), в то время как заголовок должен быть максимально кратким и броским. Мы также выявили, что в заголовках, где возможно употребление антонимического перевода, переводчики отказывались от него, предпочитая следовать оригиналу (синтаксическое уподобление). Объяснением подобного явления, на наш взгляд, является то, что заголовок не всегда можно перевести выгодно, используя антонимический перевод.

- *Involving Russia in Syria* [The Washington Post, 4 February 2013] – *Вовлекая Россию в урегулирование сирийского кризиса* [inosmi.ru].

- *White House defends U.S. drone strikes* [The USA Today, 5 February 2013] – *Белый дом защищает использование дронов для ударов по террористам* [inosmi.ru].

Вслед за Л.С. Бархударовым в своем исследовании мы обратили внимание на тот факт, что на практике переводческие трансформации «в чистом виде» встречаются редко [1, с. 183]. Чтобы выяснить, насколько справедливо данное предположение для заголовков газет, мы провели собственный анализ и вычислили процентное соотношение заголовков с одной трансформацией и заголовков, содержащих несколько преобразований. Результаты нашего анализа можно отразить в виде гистограммы (рис. 5).

Как показывает рис. 5, разрыв между заголовками с несколькими трансформациями (55 %) и заголовками с одной трансформацией (35 %) является значительным. Следовательно, мы можем утверждать, что явление сочетания нескольких трансформаций в одном заголовке встречается достаточно часто. Переводчики стремятся добавить яркости и новизны, поэтому прибегают к использованию нескольких трансформаций при переводе газетных заголовков.

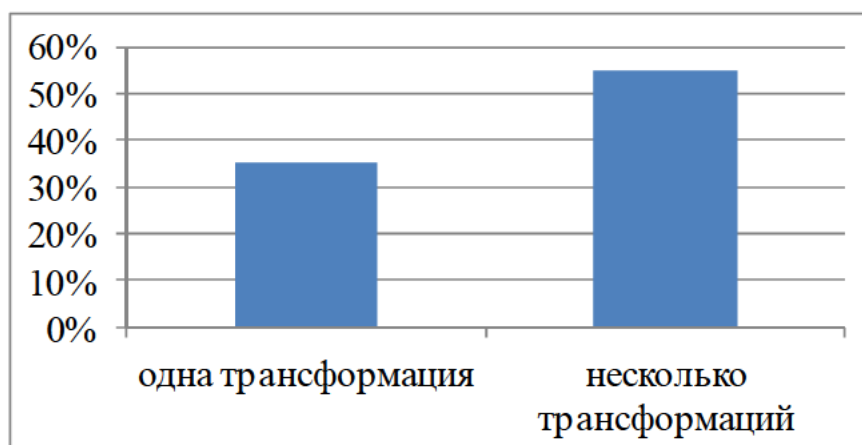

Рис 5. Соотношение трансформаций в заголовке

- *The world is watching how Canada responds to Delisle case* [The Ottawa Citizen, 1 February 2013] – *Мы следим за решением Канады по делу российского шпиона* [inosmi.ru] (прием генерализации + замена типа предложения).

- *Young adults are earning college degrees at a record rate. Why?* [The Christian Science Monitor, 26 November 2012] – *Почему все больше американцев получают высшее образование?* [inosmi.ru] (объединение предложений + прием конкретизации).

Помимо переводческих трансформаций в анализ нашего исследования входило выявление деформаций в процессе перевода.

Нам хотелось бы продемонстрировать несколько заголовков, перевод которых привел к искажению оригинала.

- *More babies were named Apple, Mac and Siri in 2012* [The Los Angeles Times, 30 November 2012] – *Apple подбирается к младенцам* [inosmi.ru].

Представленный перевод первого заголовка вызывает, на наш взгляд, у читателей чувство недоумения. Переводчик нецелесообразно опустил практически все компоненты оригинала, потерялся смысл сообщения, следовательно, не произошло адекватного восприятия информации рецептором на языке перевода. Подобный перевод нельзя назвать эквивалентным, так как произошла смысловая деформация.

- *Gun Appreciation Day: Five injured at three gun shows* [The Los Angeles Times, 19 January 2013] – *Погуляли, постреляли - пятеро раненых* [inosmi.ru].

В процессе перевода второго заголовка переводчик опустил большую часть информации, содержащейся в оригинале, но самое главное он изменил стиль повествования. При прочтении данного заголовка, у читателя может сложиться неправильное восприятие ситуации. Сообщение о серьезном происшествии в результате перевода стало звучать иронично. Мы можем сделать вывод, что произошла стилистическая деформация, которая привела к искажению заголовка и новостного сообщения в целом. Следовательно, переводчик не смог достичь адекватности при переводе.

Отообразим соотношение между трансформациями и деформациями в проанализированных газетных заголовках на гистограмме (рис. 6).

Таким образом, получается, что количество деформаций составляет 10 %, в то время как переводческих трансформаций – 90 %. Следовательно, перевод заголовков газет с английского языка на русский можно считать адекватным. Переводчики редко использовали нецелесообразные опущения или добавления, что не приводило к искажению заголовка оригинала. Соответственно цель перевода была достигнута.

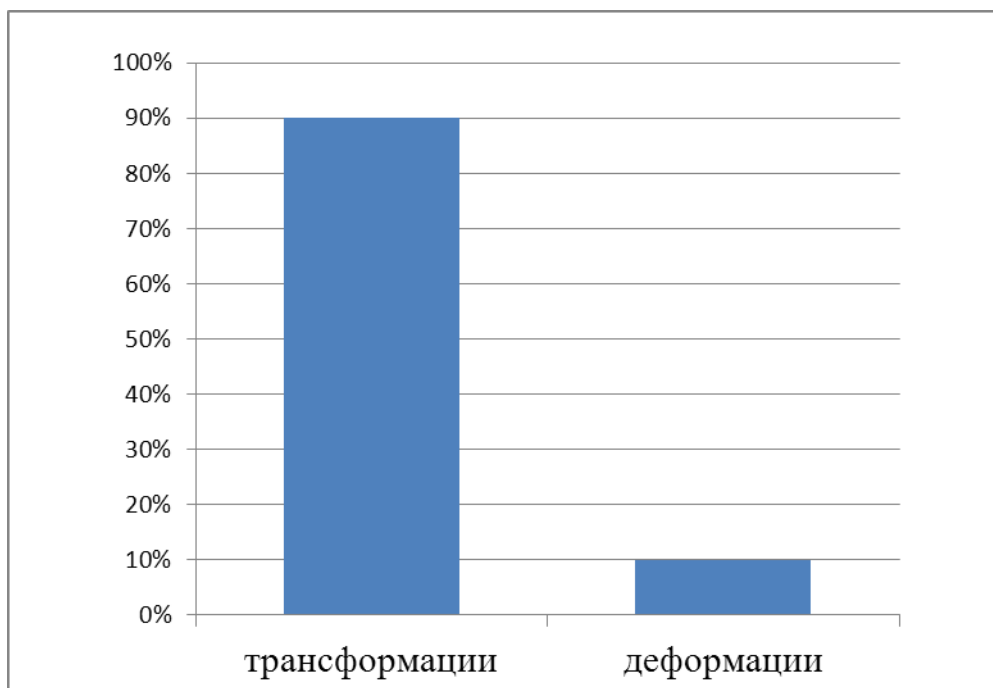

Рис. 6. Соотношение трансформаций и деформаций

В заключение хотелось бы отметить, что многообразие выбора переводческих трансформаций призвано помогать доносить информацию до иноязычного рецептора как можно более полно, эстетично и содержательно. Следовательно, мы можем утверждать, что деформацию нельзя рассматривать в качестве способа перевода. Несмотря на трудности, переводчику необходимо делать все возможное, чтобы осуществить адекватный перевод.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 178 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. унта, 2004. 544 с.
3. Качаев Д.А. Социо-культурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000-2006 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 159 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1987. 192 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979. 328 с.
7. Манькова Л.А. Специфика заголовков в различных газетных текстах // Ученые записки ТНУ. 2005. №4. С. 1- 4.

8. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Горького. 1970. №55. С. 1-8.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 173 с.
10. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.
11. Тураева З.М. Лингвистика текста: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы: учеб. пособие. 4-е изд., переработ. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: ЛКИ, 2007. 624 с.
14. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 342 с.
15. inosmi.ru [сайт]. URL: <http://www.inosmi.ru/> (дата обращения: 01.09.2012 – 31.07.2013).
16. inopressa.ru [сайт]. URL: <http://www.inopressa.ru/> (дата обращения: 01.09.2012 – 31.07.2013).

Исаева Анастасия Юрьевна, аспирант, методист центра информатизации и организационного сопровождения образования, isaeva_anastasia91@mail.ru, Россия, Тула, Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Тульской области «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области»

*TRANSLATION TRANSFORMATIONS AND DEFORMATIONS OF
NEWSPAPER HEADLINES (BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN
LANGUAGES)*

A.Y. Isaeva

The research topic was chosen due to the high socio-cultural significance of a headline in our time. Language and speech are sensitive to changes occurring in society. First of all, it refers to the media. Language of the media is constantly changing, rejecting the old rules and creating new ones. This is true both for English and for Russian. Changing the rules for headline construction in both languages leads to changes in the way of their transfer and to various transformations.

Key words: translation, headline, translation transformation, translation deformation.

Isaeva Anastasia Yurievna, post-graduate student, specialist of the center of informatization and organizational education support, isaeva_anastasia91@mail.ru, Russia, Tula, In-Service Teacher Training Institute

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Абрамова А.В. Проблема языка морали в связи с учением об эмоциях.....	3
Андрюшина Л.В. Сравнительная перспектива в философско-культурных исследованиях К. Лоренца.....	12
Гельфонд М.Л. Антропология Л.Н. Толстого.....	21
Данилкина Т.В. Философия культуры А.А. Богданова.....	32
Журавлев М.С. Философия информационной безопасности.....	40
Кузнецов Р.И. Проблемы соотношения мифологии и религии в религиозной культуре.....	50
Репин Д.А. Субстанциальное начало личного самосознания в контексте проблемы внутреннего опыта П.Е. Астафьева.....	59
Романов А.В. Развитие русской философии в XVIII – XIX вв.....	68
Слобожанин А.В. Классификация гностических учений: проблема методологии.....	76
Чеснова Е.Н., Вялов А.И. Реконструкция учения К.Д. Кавелина о соотношений этики	86
Юрков С.Е. «Антиповедение»: опыт синергетической интерпретации.....	92

ПОЛИТОЛОГИЯ

Болховитина Т.С., Карпенко Е.В.

Деятельность центров тестирования государственных служащих
(на опыте республики Казахстан).....101

Муращенко С.В., Киняшева Ю.Б.

Информационный лоббизм в системе представительства
интересов гражданского общества в органах
государственной власти современной России.....108

Рудова А.А.

Современное российское государство в общественном мнении граждан.....115

Терновая Л.О.

Время политическое в истории и историческое время в политике.....120

Самарцева Е.И.

Героические и трагические страницы российской истории
в документах архивов спецслужб (Рецензия на книгу В.С. Христофорова
«История страны в документах архивов ФСБ России»).....128

СОЦИОЛОГИЯ

Вейс Т.П., Пилюкова С.Н.

Технология формирования управленческой культуры менеджера
в процессе профессиональной подготовки.....133

Володин А.А., Бондаренко Н.Г.

Анализ содержания понятия
«организационно-педагогические условия».....143

Шашков К.А.

Интегративная программа физической
и технической подготовки команды в мини-футбол.....153

Патрикова Т.С.

К вопросу об эффективном управлении
развитием профессиональной компетентности
педагогических работников.....160

ПСИХОЛОГИЯ

Анжелика Барчик-Нессель

Роль воспитательной среды в формировании представлений подростков о собственном браке и родительстве.....166

Безгина Н.В.

«Гражданская идентичность» как компонент в социальном становлении человека.....177

Клементьева М.В.

Влияние биографической рефлексии на осмысленность жизни взрослых людей.....186

Клементьева М.В., Кузнецова С.И.

Психологические особенности биографической рефлексии в норме и патологии (на примере сравнения с результатами лиц, страдающих шизофренией).....196

Фельдман И.Л.

Особенности развития личностного и профессионального самопознания у студентов-будущих врачей.....205

ФИЛОЛОГИЯ

Иванова В.И., Тивьяева И.В.

Эволюция форм международной научной коммуникации: конференция в формате интернет-дискуссии.....216

Гиринская Л.В., Мокашов В.В., Румянцева Н.М.

К проблеме внедрения балльно-рейтинговой системы в процесс обучения РКИ (довузовский этап).....221

Константинова Л.А., Пронина Е.В.

Гармонизация межнациональных отношений – значимый дидактический фактор в обучении русскому языку как иностранному.....229

Комарова А.В.

Структурно-семантические особенности номинации улиц городов Тулы и Реймса.....238

Комарова А.В., Линкевич О.Н. К вопросу о применении теории словообразовательных рядов к разноструктурным языкам (на материале французского и английского языков).....	241
Новичихина М.Е. Об исследовании ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарного знака.....	249
Панова Ю.С. Общие признаки таксономии диалогов.....	257
Попова И.М. Символично-метафорический принцип изображения истории в прозе В.Е. Максимова конца XX века.....	263
Разоренов Д.А., Бизикина А.С. Интерстилевое тонирование англоязычных политических текстов.....	270
Разоренов Д.А., Акимцева Ю.В. Лингвостилистические особенности качественной и популярной прессы Великобритании.....	276
Родионова М.Ю. Семантические характеристики английских слов, называющих эмоциональное состояние человека.....	283
Савина Е.О. Агнони́мы в языке и в тексте.....	291
Шурупова О.С. Особенности методологии исследования городского сверткста.....	295
Исаева А.Ю. Переводческие трансформации и деформации в процессе перевода газетного заголовка (на материале английского и русского языков).....	302

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2

Редактор И.А. Есян

Изд. лиц. ЛР №020300 от 12.02.97. Подписано в печать 26.08.14.

Формат бумаги 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,3. Уч-изд. л. 15,7.

Тираж 500 экз. Заказ 155

Тульский государственный университет
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92.

Отпечатано в Издательстве ТулГУ
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95